

А.И.Немировский

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

по ИСТОРИИ древнего мира

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 6 КЛАССА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

**2-е издание,
переработанное и дополненное**

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1991

ББК 63.3(0)3я72
Н50 .

Рецензент

учитель-методист, кандидат педагогических наук Г. И. ГОДЕР

Немировский А. И.

Н50 Книга для чтения по истории древнего мира: Пособие для учащихся 6 кл. сред. шк.— 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1990.—239 с.: ил.— ISBN 5-09-002830-3.

В книгу вошли рассказы по истории древнего мира: Древнему Востоку, Древней Греции и Древнему Риму. Она адресована шестиклассникам. Ее цель — дополнить и углубить знания учащихся, полученные на уроках истории.

Н $\frac{4306020000-751}{103(03)-91}$

инф. письмо— 90, доп. № 2

ББК 63.3(0)3я72

ISBN 5-09-002830-3

© Издательство «Просвещение», 1986

© Немировский А. И., 1990, с изменениями

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Изучение истории в чем-то сродни романтической профессии космонавта. Углубляясь в отдаленное прошлое, историк открывает в нем такие жизненные подробности, которые, пожалуй, можно рассмотреть только издалека. В этом ему помогает не только историческая перспектива, но и верный спутник каждого ученого — воображение. Оседлав волшебного коня греческих мифов Пегаса, мы отправимся с вами в породивший его мир и как бы станем свидетелями наиболее интересных и поучительных событий, посетим давно исчезнувшие города, познакомимся с удивительными обычаями древних народов.

Итак, в путь, друзья! Вместе с фиванским школьником Падиусетом вам дано совершить путешествие в страну, которую древние египтяне называли Пунтом. Вы услышите скрип мачты, сделанной из ливанского кедра, хлопанье льняных парусов. Вы ощутите удары мощных океанских валов о борт утлого суденышка. Перед вами откроется панорама восточного побережья Африки времен царствования египетской царицы Хатшепсут, и, прежде чем достигнуть цели, вы поймете, с какими невероятными трудностями было тогда связано плавание в страну, находящуюся в трех — пяти днях плавания от современного Египта.

А потом вы перенесетесь в Вавилон и вместе с вавилонским школьником ощутите несправедливость царских законов, вместе с юным героем рассказа «Курташи» пойдете по царской дороге на Восток, чтобы в сожженной солнцем долине возводить сказочный город Персеполь. Вы окажетесь вместе с индийским мальчиком Свами в доме великого врача Чараки и услышите удивительную историю об операции, вернувшей его отцу отрубленную губу. С отважной героиней рассказа «Гидна» под бушующими волнами вы будете срезать якоря вражеских кораблей, брошенных против Эллады царем Персии Ксерксом. Вместе с дакийцем Децебалом вы прочтете процарапанное на стене карцера имя «Спартак», и оно станет для вас тем же, чем было для него, узника гладиаторской казармы.

Не покидая своего дома, вы побываете на площадях и улицах древних городов, в театрах и храмах, во дворцах царей и хижинах бедняков. Вы услышите, о чем говорили между собой люди две тысячи и более лет назад, прочтете их мысли, которые они не решались высказать вслух. Перед вами предстанет древний мир таким, каким он открылся мне после того, как я много лет входил в него, изучая произведения древних авторов, вчитываясь в найден-

ные во время раскопок надписи, пристально рассматривая древние статуи, фрески на стенах гробниц, монетные штемпели, сравнивая и сопоставляя все эти источники.

Я предлагаю вам истории, которые происходили или могли происходить с простыми людьми, жившими по несправедливым законам древнейшего классового общества и мечтавшими о лучшей доле, а иногда боровшимися за нее с оружием в руках. Эти люди, право, заслуживают нашего сочувствия, уважения, а порой и восхищения. Мы также не можем не восхищаться творениями ума и таланта древних мыслителей, поэтов и художников — без них современный мир был бы беднее и неинтереснее.

Может быть, описанные мною события и воссозданные характеры живо напомнят вам кое-что из того, что вам

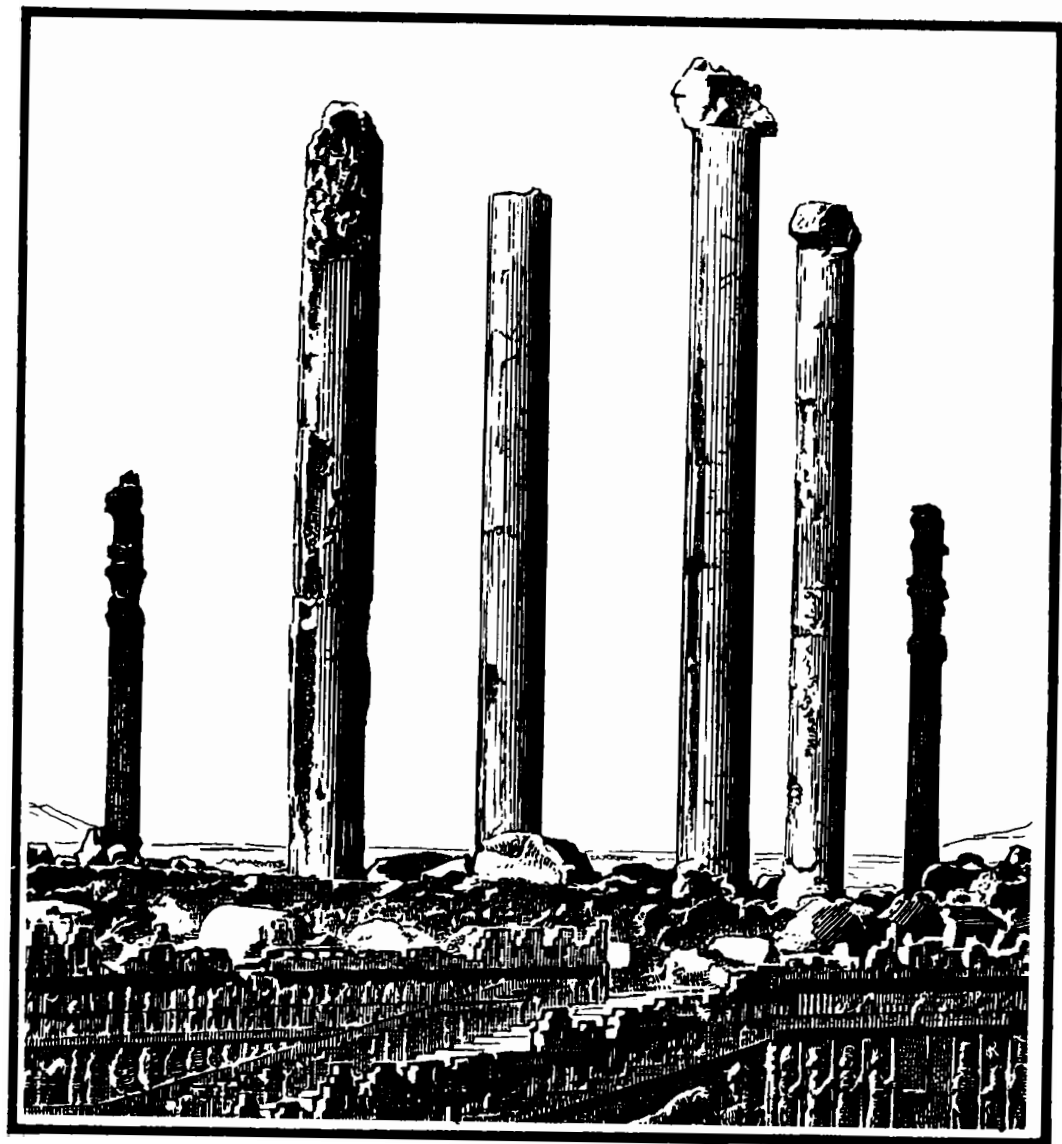
пришлось пережить самим или воспринять из устных рассказов и книг людей нашего времени. Пусть это вас не смущает! Люди всегда остаются людьми.

Читая рассказы, попутно постарайтесь понять, какие знакомые вам по учебнику и рассказам учителя особенности устройства древнего общества нашли отражение в запомнившихся вам образах моих героев, почему в тех или иных случаях эти люди поступали иначе, чем на их месте могли бы поступить мы с вами. И конечно же, постарайтесь себе представить, как были одеты они в разные периоды древней истории, как выглядели их города и жилища, их утварь и оружие. В этом вам помогут сделанные по древним памятникам рисунки и объяснения к ним.

Итак, за работу, мои юные друзья и ученики. Желаю вам успеха и радости познания истории.

Ваш автор.

Древний ВОСТОК

СИНУХЕТ, СЫН СТРАХА

Повесть о Синухете — излюбленное произведение древних египтян. В ней рассказывается о жизни знатного человека, бежавшего из своей страны и долгие годы прожившего среди бедуинов¹ Ретену (Северная Сирия).

Тем, кто не появился на свет в этом желтом песчаном море, кто не знает его законов, ничто не сулило беды. Небо было чистым, в воздухе — ни ветерка.

Человек лет сорока — по внешности и одежде египетский вельможа — раздвинул полотняные завесы, чтобы дать доступ утренней прохладе. Рослые мулы, на спинах которых были укреплены носилки, весело помахивали хвостами. Они тоже отдыхали от изнуряющего зноя. Мерное покачивание усыпляло. Человек в носилках смежил глаза.

— Господин! — услышал он взволнованный шепот.

Египтянин вздрогнул и покрасневшими глазами уставился на неведомо откуда появившегося бедуина. Это был Туим, уже не раз водивший египетские караваны и поэтому пользовавшийся неограниченным доверием посольских чинов. Место проводника впереди. Почему он покинул его?

— Посмотри туда! — сказал бедуин так тихо, что египтянин скорее понял смысл слов по движению губ, чем услышал их.

— Где? Ничего не вижу! — раздраженно произнес египтянин. — Впрочем, какое-то облачко.

— Желтая смерть!

Произнеся это, бедуин упал на колени и несколько раз коснулся лбом земли.

— Что же делать? — в голосе египтянина звучала тревога.

— Надо уходить к холмам. Они закроют нас своими спинами.

— Там враги! — молвил посол вполголоса.

— Нет врага страшнее Желтой смерти. Она занесет тебя песком. Грамоту, которую ты несешь царю Вавилона, получит Нергал².

— Не дойдем, — возразил египтянин, — холмы взгляду кажутся близкими, но они от нас далеко.

— Я знаю короткий путь, — отозвался бедуин. — Только надо идти налегке. Караван придется оставить.

Посол задумался. Нет, его не трогала судьба стражей, носильщиков, погонщиков мулов. Он не представлял себе, как покажется в Вавилоне без подарков, которые послал его величество «царю Вавилона, своему брату». Этот «вавилонский брат» жаден, как шакал. В письмах его величеству, которые доставляли в Египет вавилонские послы, говорилось: «Шли мне золота,

Главным перевозчиком грузов у древних египтян был осел. Из таких ослов состоял караван Синухета.

больше золота, ибо его у тебя, как песку».

— Решай, Пахор.

Бедуин назвал посла по имени. Но египтянина эта фамильярность словно бы и не покорила. Он промолчал и с живостью, удивительной для столь важной персоны, вылез из носилок. С Желтой смертью не шутят! Лучше вернуться к его величеству с повинной, чем быть погребенным в песках.

И вот они шагают по бескрайней пустыне. Бедуин — впереди, египтянин за ним, едва поспевая. Никто их не окликнул, никто не последовал за ними. Караван был предоставлен своей судьбе.

К полудню набежал ветер. Небо затянулось пеленой, через которую едва пробивалось солнце. То там, то здесь возникали песчаные воронки. Колющие камешки били по ногам. Ветер все крепчал. Беглецам пришлось взяться за руки, чтобы их не отнесло друг от друга. Мгла сгущалась, и вскоре стало совсем темно.

Но когда Пахору уже казалось, что он теряет сознание, ветер ослабел. Во всяком случае, он перестал бить в лицо, свирепствуя где-то позади. Плечо оперлось обо что-то твердое. Бедуин под-

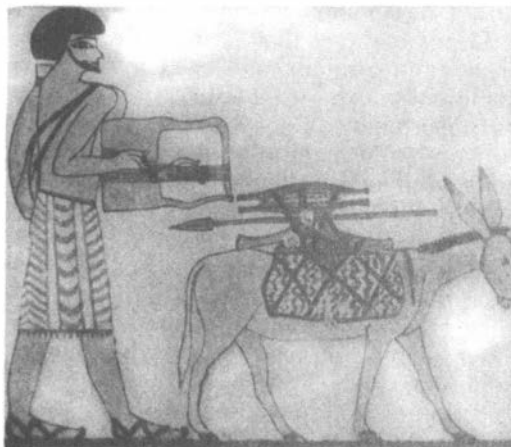
толкнул египтянина, и он оказался, как выяснилось утром, в пещере.

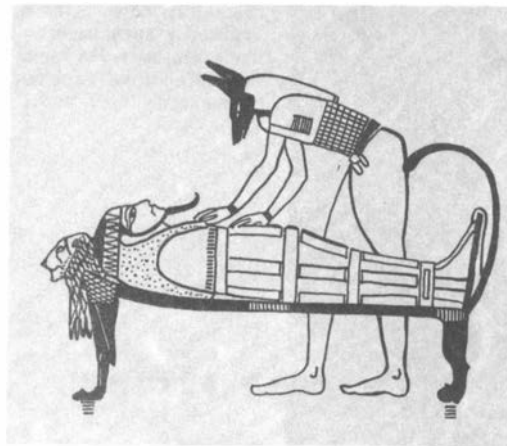
Слушая свист и завывание бури, Пахор вспомнил поговорку: «В пустыне все боги злы». Как можно жить в этой стране, где нет Нила, где земля пылает, как раскаленная сковорода?

Так прошла ночь, а может быть, и больше времени, потому что Пахор

Египетский рисунок. Кочевник из пустыни к востоку от Египта, облегчающий себе трудный путь игрой на

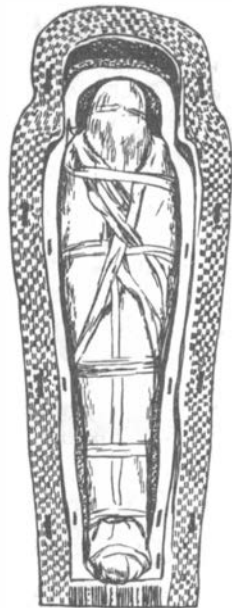
музыкальном инструменте. За спиной — сосуд с питьевой водой, осел нагружен оружием.

Сцена мумификации. Шакалоголовый бог Анубис склонился над покойником, чтобы из-

влечь внутренности, которые тоже будут сохранены в особом сосуде.

Мумия, завернутая в погребальные пелены. Превратиться именно в такую мумию и мечтал

Синухет, веря, что она обеспечит его душе возможность вернуться в тело.

долго спал, утомленный схваткой со Смертью.

Проснувшись, он услышал песню бедуина, которая доносилась откуда-то издалека, словно из другого мира:

Знойные вихри желтой земли
Целые горы вокруг намели,
Но небосвод, как и прежде, высок...

Пахор, разгребая ладонями песок, полз к свету. Наконец он оказался рядом с бедуином.

Отряхнувшись и очистив рот от песка, египтянин огляделся. Перед ним лежала равнина с зелеными и голубыми пятнами оазисов и озер. Окаймлявшие ее справа и слева острые скалы напоминали клыки какого-то хищника. Не потому ли их называют «Пасть льва»? Или правы те, кто рассказывает о ловушке, в которую попало здесь египетское войско триста или двести лет назад? Пасть захлопнулась, не вышел ни один. С тех пор египтяне обходили эту долину.

Видимо, понимая опасения своего спутника, Туим сказал:

— Это страна вольного народа Ретену. Им правит вождь Амуnenши. Здесь пастбища вождя.

На спуске с холма беглецам преградило дорогу стадо овец. Что возьмешь с бессловесных животных. Разве им постичь разницу между послем его величества и простым смертным. Но вот пастуху надо бы ее знать! Невежа не пал на живот. Он стоял вылупив глаза и, когда Пахор поравнялся с ним, лишь приподнял широкую шляпу. Вот бы схватить его да палками, палками! Но это чужая страна.

К вечеру путники приблизились к оазису. Здесь была резиденция Амуnenши. Вождь приветствовал египтянина без подобострастия.

— Сто лет жизни тебе и твоему владыке. Пусть в твоей стране никогда не иссякнет вода. Чем я обязан столь великой чести?

— Желтая смерть засыпала мой караван. Без твоей помощи мне не обойтись. Мой повелитель, владыка северной и южной земли, наградит тебя, если я возвращусь в столицу.

— Я не нуждаюсь в награде. Что же касается помощи, поговори с моим зятем Синухетом.

— Синухет? Но ведь это египетское имя?

— Египетское! — отвечал вождь. — Тридцать лет назад я нашел этого человека обессиленным от жажды и страха. Я вернул его к жизни. Он остался у нас, научился пасти овец и защищать их от львов. Но семя страха неискоренимо.

— Чего же он страшится теперь?

— Пусть об этом он расскажет тебе сам.

...Через несколько минут Пахор увидел совершенно седого старика. Шея его была тонкой, лицо изрезано морщинами. Вот что услышал Пахор из его уст.

— Меня зовут Синухет. Я сопровождал Сенусерта, старшего сына фараона Аменемхета и его наследника. В те дни войска фараона, которыми командовал Сенусерт, стояли на границе с кочевниками. Как-то ночью Сенусерт, божественный сокол, исчез вместе со своей свитой, и никто в войске не знал, где он. Злой дух, имя которому Любопытство, нашептал мне подойти к одному из шатров, откуда доносилась чья-то речь. И я услышал, что божественный лик фараона скрылся за горизонтом, что владыка Верхнего и Нижнего Египта вознесся на небеса и соединился с Солнцем. Того, чье имя я не хочу назвать, уговаривали торопиться во дворец, пока его не занял Сенусерт.

Когда я услышал, что они говорят, опустил руки мои и дрожь охватила меня с головы до ног. Понял я, что в столице начнется смута, несущая гибель.

Прыжками удалился я от шатра и спрятался в кустах. Несколько раз мимо меня пробегали воины. Мне казалось, что они ищут меня, узнавшего великую тайну, и я не выходил. Как только наступила ночь, я тронулся в путь. Достигнув Нила, я переправился на лодке без рулевого, западный ветер помог мне. Вскоре я оказался у стены, построенной для защиты от бедуинов. Я прополз мимо нее в кустах, чтобы не заметила стража. У Великого Черного озера с горькой водой меня охватила жажда. Пересохла гортань. На зубах скрипел песок. Я подумал: «Это вкус смерти!»

Но слышался шум стада, и я ободрил свое сердце. Бедуины дали мне воды. Вскипятили молоко. Переходя из

Бог Пта обнимает фараона Сенусерта I. Этот фараон принадлежал к династии, при которой Египет достиг

расцвета. С именем Сенусерта связан и шедевр древнеегипетской литературы — «Повесть о Синухете».

страны в страну, достиг я владений вож-
дя Амунениши. Он сказал: «Оставайся
у меня, хорошо тебе будет со мной». И
я ему поверил. Он женил меня на сво-
ей старшей дочери и дал мне выбрать
землю. Там росли фиги и виноград...
У меня трое сыновей. Они стали мужа-
ми, и каждый правит своим племенем.
Но уходят силы. Слабость вошла в мои
члены. Отяжелели руки и ноги. Померк-
ли глаза мои. Страшно умереть на чуж-
бине. Когда ты сюда шел, не видел ли
ты кости тех, которых по обычаю этой
страны отдали на съедение птицам и
шакалам?

— Жалка твоя участь Синухет, — от-
ветил посол. — Ты как бык, забравший-
ся в чужое стадо. Сердце мое болит за
тебя. Здесь ты останешься без гробни-
цы. Ты разделишь судьбу бедуинов.

Синухет упал. Тело его сотрясилось
от рыданий.

— Будь благосклонен ко мне, — го-
ворил он, припадая к ногам посла. —
Передай Благому Богу³, что я по своему
неразумию узнал тайну дворца, но унес
ее с собой к бедуинам, и никому не
было беды.

— Благой Бог милостив! — произнес
посол, поднимая старца. — Он забудет
твою вину, если ты поможешь мне вер-
нуться в Египет, а твой тесть Амунениши
поклонится больше не принимать у себя
беглецов из нашей страны.

— Да! Да! — радостно закричал Си-
нухет. — Я сделаю все, о чем ты про-
сишь!

Прошел еще один год. В страну Ре-
тену прибыл торговый караван. За Си-
нухетом прислали носилки. Покачи-
ваясь на плечах у рослых эфиопов, ста-
рец, похожий на мумию, вчитывался в
строки папируса, и слезы текли по его
щекам.

— Обошел ты дальние земли. Сердце
заставляло тебя бежать из одной стра-
ны в другую, потому что им овладел
страх. Многие годы ты прожил в стране
бедуинов и стал сам как бедуин, но мы

тебя помним таким, каким ты был. По-
сему возвращайся в столицу, где ты вы-
рос, чтобы поцеловать землю у вели-
ких врат. Грязь с твоего тела возвратят
пустыне, отдадут твою одежду обита-
телям песков. Тебя умастят благовон-
ным маслом и облекут в прохладный
лен. Не встретишь ты кончину в чуже-
земной стране, не завернут тебя азиаты
в баранью шкуру. Для твоей мумии
изготовят ящик из ливанского кедра, и
быки потянут тебя, и певцы будут ша-
гать перед тобой. Будут плясать карли-
ки у входа в гробницу твою! Возвра-
щайся, Синухет!

¹ Б е д у и н — араб-кочевник.

² Н е р г а л — у народов Двуречья бог смерти.

³ Б л а г и м Б о г о м древние египтяне называли
правлявшего царя. В то время это был Сенусерт,
пришедший к власти в ходе смут.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ БЛАГОВОНИЙ

Путешествие в страну Благовоний (или, как
ее называли египтяне, страну Пунт) известно
нам по надписям и рельефам храма Амона, близ
Фив. Очевидно, эта страна находилась на терри-
тории современного Сомали. Мореплаватели на
утлых суденышках проделали путь в две тысячи
километров. В 1976 году французские исследо-
ватели Рене де Ториака и Жиль Артаньяна на
корабле древнеегипетского типа под названием
«Пунт» повторили знаменитое плавание времен
царицы Хатшенсут.

«Обрати свое сердце к книгам!» Я,
писец Падисет, заносил под диктовку
учителя на папирус эти слова столько
раз, что, казалось, они были выжжены
в моей памяти. Шесть лет — день за
днем — меня приучали к мысли, что в
книгах, и только в книгах, заключена
высшая мудрость. Я, подобно другим

ученикам школы в Фивах, думал, что человек, не читавший книг и не овладевший искусством письма,— жалкий червь. Ветер странствий сдул с меня спесь школьной учености. Я стал уважать людей моря, узнал мир. Послушайте мою историю, как я ее запомнил благодаря владычице памяти богине Маат.

Все началось с того, что в школьную комнату ворвался эфиоп Рету, раб нашего учителя. Вращая белками глаз, он делал ему знаки, из которых можно было понять: кто-то срочно хочет видеть учителя.

Надо ли говорить, что мы всегда радовались возможности отдохнуть от его монотонного голоса и пальмового прута, который он жалел куда меньше, чем наши спины. Мы благословляли Тию, тощую и крикливую жену учителя, за ее обыкновение отрывать супруга от занятий. Наверное, и сейчас что-то стряслось в их доме, полном детьми, как сеть рыбами.

Но на этот раз все было иначе. Показался учитель. Лицо его было не столько строгим, сколько торжественным. Глядя поверх наших голов, он почти что пропел:

— Падисусет!

Я вскочил, но ноги не держали меня. В коленях ощущалась отвратительная дрожь. «За что будут бить? — думал я.— Стукнул Яхмеса? За это уже били. Наверное, ябеда нажаловался отцу, носителю царских сандалий, и теперь всыпят по-настоящему?»

— Падисусет! Пойдем со мной! — голос учителя звучал, как в тумане.

И, как его отголосок, за спиной раздавалось отвратительное хихиканье Яхмеса. Мало ему одного синяка!

Не помню, как я оказался в прихожей, а затем и в комнатке учителя, справа от входной двери.

Там сидел человек лет сорока, широкоплечий, с коротко остриженными седующими волосами. На лбу у него был

шрам, а на правой руке не хватало мизинца. «Нет, это не отец Яхмеса», — заключил я и, приветствуя незнакомца, почтительно сложил руки на груди.

Разглядывая меня в упор, незнакомец ответил кивком.

— Ваша милость! — обратился учитель.— Это тот мальчик, которого вы хотели видеть, Падисусет. Лучший ученик в моем классе.

Я искоса взглянул на учителя. Что это ему вздумалось меня расхваливать. И ведь только сегодня он назвал лучшим учеником Яхмеса.

Лицо незнакомца осветилось улыбкой.

— В моем деле, — сказал он, — лучший может оказаться худшим. Умеет ли он у тебя драться?

— Этому я не учу! — обиженно отозвался учитель.— Но, насколько мне известно, Падисусет сможет постоять за себя.

— Вот и хорошо, — сказал незнакомец миролюбиво.— Прошу тебя сообщить родителям этого юноши, что им оказана честь. Я, Хебсен, посол ее величества Хатшепсут, да будет она жива, здорова и невредима, принимаю Падисусета в экспедицию и назначаю писцом.

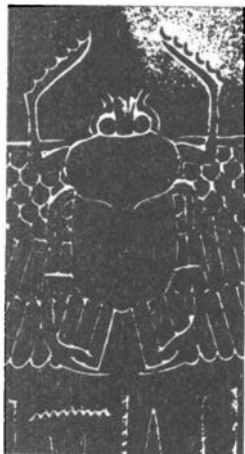
— У Падисусета нет родителей, у него дядя, — молвил учитель.

Наш учитель любил точность во всем. Мы к этому успели привыкнуть, а царский посол, как мне показалось, не любил излишних подробностей.

— Пусть дядя, — оборвал он раздраженно, — скажи ему, что его племянник отправляется в страну Пунт, где не бывал ни один египтянин.

— Позвольте, ваша милость, — торпливо проговорил учитель.— В древних книгах говорится, что при фараоне Сахура в нашу страну было доставлено 80 тысяч мер мирры¹ и 2600 кустов черного дерева. Кормчий Хви посетил страну Пунт одиннадцать раз...

— А когда жил этот Хви? — перебил царский посол.

Священный жук скарабей — амулет, без которого египтянин не представлял далекого путешествия, особенно в страну Солнца, какой представлялась земля Пунт. В образе скарабея почитался Бог Солнца, поскольку оно передвигалось по небу наподобие шарика в лапках жука. Каменные скабей на оборотной стороне украшались орнаментами или надписями, и использовались как печати.

— Полторы тысячи лет назад! — выпалил учитель, как хорошо заученный урок.

— О! Так давно! — небрежно отозвался посол. — Кто запомнил дорогу в страну Пунт? Скажи ты, знающий свитки, как туда плыть? Сколько времени отнимет плавание? Будет ли ветер дуть в нос или на корму?!

Рельеф храмового обелиска с изображением сидящего на троне Амона, считавшегося во времена Хатшепсут

верховным богом Египта. Он простирает над сидящей у его ног царицей руки в знак поддержки ее начинаний.

Учитель молчал.

— Вот видишь. Твой Хви об этом не написал, а он, — посол торжественно ткнул рукой в мою грудь, — напишет. Через много лет люди будут знать, где находится страна Пунт, какой народ ее населяет, какими он владеет богатствами. Идем, Падисусет.

Я простился с учителем, поблагодарив его за то, что он обучил меня грамоте.

Мне показалось, учитель доволен тем, что Хебсен одобрил его выбор. Мог ли он предложить Яхмеса или другого какого-нибудь ученика, у которого знатные и богатые родители? С ними было бы много хлопот. А я не знаю отца. Моя мать не назвала его имени.

Уже на улице я услышал голос учителя:

— Падисусет, привези мне маленькую обезьянку! Не забудь!

* * *

Мы двигались по красным, раскаленным от солнца пескам, изнемогая от жары и жажды. Труднее всего было рабам-носильщикам. Сколько их осталось в пустыне! Не счесть.

На шестой день пути вдаль показалась голубая полоска. И только тогда Хебсен нарушил угрюмое, сосредоточенное молчание, в которое был погружен все эти дни.

— Выше голову, мальчик! Вот и наши корабли!

Глаза Хебсена сверкнули яростным блеском, словно в них проснулась усыпленная зноем пустыни жажда странствий.

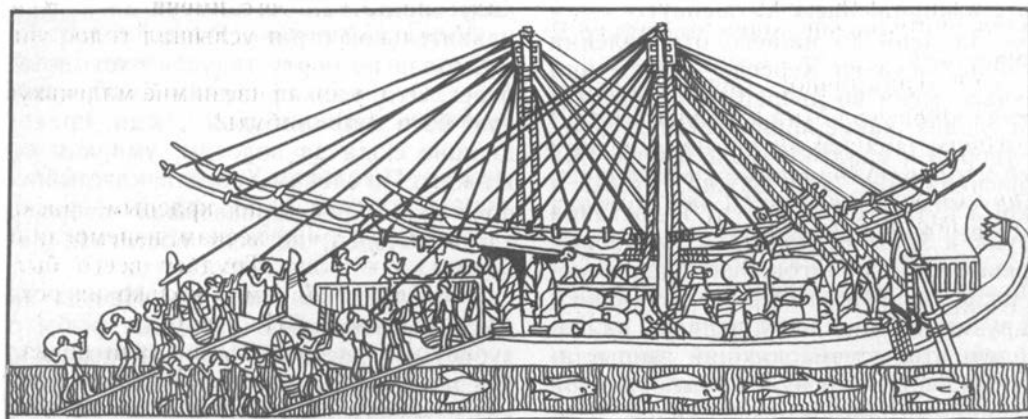
Я прибавил шаг. Полоска становилась все шире и шире. Уже можно было увидеть покачивающиеся у берега корабли. У них были загнутые носы, невысокие мачты с широким парусом и два весла на корме. Корабли были раза в два больше тех, что плавают по Нилу.

Я обрадовался, решив, что мне при-

Египетские рабы несут сосуды с вином или водой. Рисунок времени царицы Хатшепсут. Именно так несли поклажу через пустыню для погрузки на корабли, отправлявшиеся в страну Пунт.

Рельеф корабля из храма Амона. Рабы несут деревья для храма Амона и мешки с провизией и подарками египетской царице. К мачтам привязаны обезьяны, ценившиеся египтянами как большая редкость.

дется описывать море, берег, корабли, и вспоминать, какие для этого требуются иероглифы. Но работа оказалась совсем неинтересной. Сидя на корточках, я под диктовку Хебсена записывал, что грузилось в трюм каждого из пяти кораблей нашей экспедиции.

— Двадцать мешков ячменя. Шесть бурдюков черного пива. Тридцать бурдюков воды.

Я удивленно повернул голову. К моему стыду, я тогда еще не знал, что в море вода соленая.

— Из моря не напьешься! — пояснил Хебсен. — Воды надо запастись хотя бы на месяц.

— Луков шесть, — продолжал он после паузы. — Колчанов со стрелами двенадцать.

Один из рабов споткнулся и выронил свою ношу. Из мешка высыпались десятки металлических зеркал, и в каждом из них сияло солнце.

— Никогда не видел столько зеркал сразу, — признался я простодушно.

— Любят они эти побрякушки, — сказал Хебсен, воспользовавшись перерывом в погрузке. — Однажды меня послали на один из островов, — он показал в открытое море. — Там за каждое зеркальце платили драгоценным жемчугом.

Поняв, что слово «жемчуг» мне ни о чем не говорит, он добавил:

— Это такие блестящие камешки в раковинах. Чтобы их добыть, нужно спуститься на морское дно. Поэтому они ценятся на вес золота.

Его слова были прерваны появлением шести рабов, согнувшихся под тяжестью какого-то предмета. Да ведь это статуя нашей владычицы Хатшепсут, да будет она жива, здорова и невредима! Я почтительно склонился. Мне, конечно, никогда не приходилось бывать во дворце и лицезреть Лучезарную на троне, но в новом храме Амона, куда меня водил дядя, на каменных стенах было множество рисунков с изображением Хатшепсут.

— За день до нашего отправления из Фив,— сказал Хебсен,— владычица вызвала меня во дворец. В возвышенных словах, какие приличествуют дочери творца и владыки мира Амона, она объяснила мне, как важно, чтобы я открыл путь в страну Пунт и доставил оттуда в храм её родителя² мировые деревья. В знак благоволения дочь Амона разрешила мне взять это изваяние и водрузить его на носу первого из кораблей, чтобы немеркнувший взор владычицы первым коснулся возлюбленной её сердцу страны Благовоний.

Быстро стемнело. Погрузка продолжалась при свете факелов. Полуобнаженные рабы все таскали и таскали мешки и ящики. Моя рука делала почти механические движения. Слипались глаза. Потом я узнал, что смежил их во время записи погрузки на третий корабль. Хебсен приказал отнести меня на палубу первого судна. Я не видел, как были подтянуты тяжелые каменные якоря³ и как флотилия отправилась в плавание.

* * *

Великая Синь развertyвалась передо мною, как свиток папируса, и корабли оставляли на ней иероглифы из

белой пены. Корабли писали по морю своими киями, но еще не родился пи-сец, который мог бы прочитать эти письмена.

За время плавания я изучил не только каждый уголок корабля, но и познакомился с людьми моря. Сердца их, поистине неустрашимее, чем у льва, а взор острее, чем у сокола. И возвещали они бурю до наступления ее и грозу до прихода ее. Один был отважнее другого, и не было среди них недостойного.

Большинство мореходов было родом из Библа, славившегося людьми, искусными пальцами. В Библи были и построены корабли, отправившиеся по приказу владычицы Хатшепсут на поиски удивительной страны Пунт.

Справа по борту тянулся пустынный берег. Это жалкая страна Куш⁴, которую боги лишили воды. Люди, приходившие сюда за золотом, умирали от жажды. По словам Хебсена, каждый из прежних царей приказывал прорыть здесь колодец, но всех постигала неудача.

Я смотрел по сторонам. Иногда из воды высывались огромные рыбы с зубастыми пастьми, как у крокодилов. Впервые увидев их, я закрыл лицо руками. Хебсен сказал:

— Не закрывай от страха лица своего, Падисет. Это морские гиены. Не опасны они тем, кто на корабле. Хочешь, я брошу за борт крюк и выловлю одну из этих тварей?

— Не надо, Хебсен,— взмолился я.— Пусть морские гиены плывут своим путем, а мы своим.

После двух месяцев пути вид берега изменился. Повсюду можно было видеть ярко-зеленые деревья, покрывающие холмы. Еще через неделю берег повернул вправо, и корабли, следуя его изгибам, вступили в обширный залив.

— Страна Благовоний! — торжественно проговорил Хебсен.

Он пал на колени, прославляя Амо-

на. Я и все, кто был на палубе, последовали его примеру. И только гребцы мерно поднимали и опускали весла, направляя корабль к берегу.

Нашему взору открылось необычайное зрелище. Мы увидели деревню: тростниковые хижины стояли на столбах, как на ходулях. Люди были чернее смолы. Они удивленно вздымали вверх руки. Видимо, им еще не приходилось видеть корабли.

А еще через некоторое время произошла удивительная встреча, которая запомнилась мне навсегда. Мы стояли на берегу. Навстречу нам двигалась процессия: вождь этой страны, его жена, женщина невероятной толщины, восседавшая на осле, несколько менее толстые дочери и придворные. Еще издали я заметил в руках у царя какую-то кривую палку.

— Почему у вождя кривой жезл? — удивился я.

Хебсен не смог сдержать улыбки.

— Какой это жезл? Кривых жезлов не бывает. Это «вернись дубинка».

— Ты хочешь сказать, что эту палку можно бросить и она возвратится?

— Вот именно. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как это делается. Так заносят руку...

Хебсен внезапно замолк, очевидно поняв, что сейчас не время для объяснений.

Вождь обернулся и что-то произнес на своем гортанном наречии. От его свиты отделился человек и, обращаясь к Хебсену, как к старшему, произнес на нашем ломаном языке:

— Пусть хранят тебя боги!

— И тебя также! — ответил Хебсен.

— Мой повелитель хочет знать, — продолжал он, — как вы прибыли в его страну — морем или спустились с неба?

— Мы прибыли на кораблях, — невозмутимо ответил Хебсен.

— Кто вы такие? — последовал вопрос.

— Я посол царицы Хатшепсут, владычицы Египта, повелительницы страны Куш. По ее приказу я привез вам дары.

Хебсен сделал мне знак. Я развернул свиток и стал его читать, перечисляя захваченные нами товары. Толмач едва успевал переводить. Вождь одобрительно покачивал головой. Его жена и дочери шелкали языками, предвкушая радость обладания невиданными сокровищами. А потом Хебсен назвал то, что хотели бы иметь мы.

Стемнело. Небо покрылось звездами. Мне показалось, что они крупнее, чем у нас в Египте. Воздух был напоен одуряющим ароматом. И даже завывания, уханье и хлопанье каких-то зверей или птиц не могли отвратить меня от сна. Я уснул тут же на берегу.

Едва протерев глаза, я помчался к кораблям. Там уже кипела работа. Гребцы сносили на берег наши богатства и, вынимая из мешков, раскладывали на земле. Моряки наполняли бурдюки водой. Одновременно пунтийцы расставляли свои приношения. Чего тут только не было! Шкуры леопардов, слоновые бивни, черное дерево, ароматная смола. На поводках провели павианов и борзых собак. Шествие замыкали черные человечки ростом с восьмилетнего мальчика и рослые чернокожие мужчины в деревянных рогатках. Но что это? С места двинулся лес? Я не ошибся. Носильщики несли кадки с цветущими мировыми деревьями.

На следующий день мы подняли паруса и распустились с прекрасной страной Пунт. Не буду утомлять вас рассказом о трудностях, которые встретили нас на обратном пути. Вам может показаться невероятным, но он отнял у нас более двух лет. Не буду рассказывать о буре, посланной враждебными богами, о волнах высотой в десять локтей. Похвалюсь лишь тем, что мне было доверено наблюдать за помещенными на палубе человечками и ни один из них не свалился в море.

Слава Амону, мы вернулись благополучно. Ликовали оба берега Нила. Великие и малые Верхнего и Нижнего Египта вышли нас встречать. Сама Лучезарная ожидала нас во вновь сооруженном храме своего родителя во главе придворных и жрецов. Увидев кадки с мировыми деревьями, она вознесла хвалу своему небесному отцу и воскликнула:

— Теперь ты можешь гулять в своем саду, как в Пунте!

При виде человечков она обратилась к ним со словами:

— Пляшите, угождая владыке своему Амону!

Мне было приказано занести эти слова ее величества вместе с отчетом о нашем плавании на стены святилища.

Резец мой стал плугом, а каменные плиты пашней. Я проводил борозды и сеял слова, чтобы посещавшие храм могли узнать о стране Благовоний и о том, что мы оттуда привезли. Но так как не все разумеют божественные знаки, я тем же резцом изобразил высокий берег, заросший невиданными деревьями, хижины на столбах, вождя с «вернись дубинкой», его необъятную супругу и осла, на котором она восседала. Приглядитесь, и вы увидите меня на палубе рядом с Хебсеном, чье сердце неустрашимее, чем у льва. А вот обезьянка, которую я подарил учителю за то, что он избрал меня, а не Яхмеса, чей отец был носителем царских сандалий.

Знайте, что все это исполнил я. Владычица похвалила меня и назначила Главным писцом дворца, куда я получил доступ вместе с великими Обоих земель⁵. Мне было милостиво дозволено построить себе гробницу из твердого камня, как человеку, имеющему знатных предков.

¹ Смола дерева, растущего в тропиках. Она обладала стойким ароматом, благодаря чему в древности ценилась на вес золота.

² Храм в Дейр-эль-Бахри, к западу от Фив, был сооружен в скалах по приказу Хатшепсут. На стенах его до сих пор сохранилась надпись о плавании в страну Пунт и пояснительные рисунки.

³ Массивные каменные якоря были обнаружены в недавно раскопанном древнегреческом порту на берегу Красного моря, откуда посылались корабли в страну Пунт.

⁴ Находящаяся к югу от Египта Нубия, с давних пор завоеванная фараонами. В египетских текстах она постоянно называется жалкой, поскольку была лишена воды.

⁵ Имеется в виду Верхний и Нижний Египет.

БИТВА ПРИ КАДЕШЕ

Рассказ написан на основании египетских документов времени царствования фараона Рамсеса II (1301—1235 годы до н. э.). Битва у Кадеша (1296 год до н. э.), которая находится в центре повествования, велась за обладание Сирией. Она не принесла победы ни Египту, ни его противникам хеттам.

Слушайте меня! Я Уна, сын Небамона, копейщик воинства Сета, поведаю, что случилось у Кадеша, где я впервые предстал перед лицом его величества, царя Верхнего и Нижнего Египта Рамсеса, да будет он жив, здрав и невредим. А если кто усомнится в правдивости слов моих, пусть обратится к тем, кто остался в живых, пусть рассмотрит изображения, начертанные на стенах храмов, пусть прочтет свитки, написанные царскими писцами.

Девятого числа месяца Жатвы мы вышли четырьмя воинствами из крепости Пути Хора, что на границе с пустыней. Первым шло воинство Амона. За ним воинство Ра. Потом воинство Пта. Последним двигалось воинство Сета¹. Колесницы катились левее нас по берегу моря, а за колесницами шагали шарданы, белолицые чужеземцы на царской службе, и несли за спиной обитые медью щиты. И всех вел крепкой рукой Рамсес, царь Верхнего и Нижнего Египта, да будет он жив, здрав и невредим.

Синайской пустыней мы шли шесть

дней и шесть ночей. Песок жег ступни наши, со лба пот лил ручьями. От жажды пересыхала гортань.

На седьмой день пути потемнело небо и сыпучий песок под нашими ногами сменился твердой землей. Началась страна Ретену, богатая зерном и виноградом, тканями и лесом, скотом и людьми. И в день, когда мы вступили в эту страну, на нас, охлаждая наши головы, полилась вода. Я и каждый, кто был здесь впервые, не мог понять, почему она льется. Но дядя Сенмут, ходивший в страну Ретену шесть раз, объяснил, что это вода небесного Нила, которую пролил на нас царь богов Амон. И мы возблагодарили Амона, не забывавшего о нас и на чужбине, и тронулись в путь.

Мы шли по теснинам страны Ретену, как у себя дома, и при виде нас все сходили с дороги и падали ниц. Ничего не стоило взять столько рабов, сколько хотелось, но сотнenaчальник Ренси приказал не останавливаться, добавив, что, после того как мы разгромим презренного царя хеттов, у нас будет вдоволь серебра и рабов. А дядя Сенмут нам, не слышавшим об этом народе, объяснил, что хетты живут за рекой Евфрат, и что в их стране много коней и серебра. Царь же хеттов, добавил он, враг Рамсеса, возлюбленного Амоном, и хочет отнять у него страну Ретену.

Дороги сменились узкими тропами, где двоим не разойтись. Конь ступал за конем, воин шел за воином. Слева была гора, справа — ущелье глубиной в две тысячи локтей², на дне которого щебень и валуны. И страх объят наши сердца, и мы схватились за уши³.

К полудню двадцать четвертого дня с того часа, как была покинута крепость Пути Хора, мы вступили в Долину Кедрa, и я, Уна, сын Небамона, впервые увидел деревья, вершины которых достигают небес: самый рослый воин был перед ними как человек, которого доставляют из страны Пунт. Когда мы

вступили под сень кедров, стало темно как ночью. Мы шли, не слыша своих шагов. И дядя Сенмут, чтобы отогнать страх, вспоминал, как его, когда он был в моем возрасте, послали вместе с другими новобранцами за кедрами для храма его величества Сети. Будто бы князь этой местности приказал своим людям не трогать кедрa, который был выше всех других. Тогда сотнenaчальник дал воинам топоры, и как только огромное дерево свалилось, князь упал бездыханным, ибо в этой стране сердца людей пребывают в деревьях, и кто их срубит, тому достаются богатства и рабы.

Тогда я спросил дядю Сенмута:

— Где твои богатства? Где твои рабы?

И все засмеялись, потому что знали: ничего не досталось Сенмуту от походов в страну Ретену, если не считать шрамов и следов от палок, которыми его били.

На утро двадцать девятого дня с того часа, как была покинута крепость Пути Хора, нам было приказано остановиться на привал. Писцы сотнenaчальника разнесли нам, воинам, по две горсти зерна и горсти фиников. Насытившись, мы легли прямо на землю, положив с собою рядом копья и щиты. Многие заснули, я же не мог уснуть, ибо ноздри мои шекотал запах гуся, которого жарили на углях для сотнenaчальника и его писцов. Не спал и дядя Сенмут. Поворочавшись немного, он стал вспоминать, как вместе с другими захватил город Иупу в стране Ретену. Он рассказывал мне эту историю, когда я еще был мальчиком и он был отпущен в родную деревню залечивать рану. С тех пор рассказ о взятии Иупы оброс подробностями, подобно тому как пошедшая на дно лодка обрастает илом. На этот раз чудо-герои не пробили своими телами медные ворота Иупы. Их внесли через ворота в корзинах, и по крику морской птицы, который умело воспроизводил сотнenaчальник, воины выско-

Египетская пехота на марше. Деревянные раскрашенные статуэтки. Воины вооружены лишь копьями и защищены большими щитами одинаковой формы. Попробуйте отыскать среди них Уну, сына Небамона, и его дядю Сенмута, ходившего в страну Ретену 6 раз.

Хеттская колесница с возницей и стрелком из лука. Удар хеттских боевых колесниц по египетскому войску был сокрушительным. «Отряды и воины на боевых повозках его величества бежали от них на север» — говорится в отчете о битве при Кадеше, написанном во славу фараона.

Битва при Кадеше. Рельеф храма фараона Рамзеса II. Показаны сумятица боя, столкно-

вения боевых колесниц, падение на землю воинов и их гибель под копытами и колесами.

чили из корзин, напали на жителей, — малых и старых, и надели на них колodки.

— Послушай, дядя Сенмут! — сказал я, садясь.

И в это мгновение я увидел в кустах за дорогой человеческую голову.

— Что же ты замолк, Уна? — молвил Сенмут. — Я тебя слушаю.

— Я замолк потому, — ответил я шепотом, — что там в кустах кто-то прячется.

— Это лев, — сказал старый воин уверенно. — Однажды, когда мы проходили...

— Это человек, — перебил я, протягивая руку к копыю.

— Оставь! — сказал Сенмут строго. — Если это человек, то надо его взять живьем. Я пойду налево, к колодцу, будто за водой. А ты ползи вправо ложиной.

И я двинулся вперед, прижимаясь к

земле, как змея. Оказавшись у дороги, я перемахнул через нее и бросился на того, кто прятался в кустах. Это был человек выше и сильнее меня, но подоспевший Сенмут помог мне, и мы, заломив пойманному руки за спину, повели его к шатру сотнenaчальника.

Пока мы вели пленника, я его разглядывал. И были на ногах у него сапоги с загнутыми носами, на теле плащ, каких не носят ни у нас, ни в стране Ретену. И был он лицом бел, и бороду имел не черную, а рыжую.

Воины при виде нас вставали и шли за нами толпой. И кто-то из идущих сзади сказал:

— Мне бы такого крепкого раба!

На шум голосов из шатра своего вышел Ренси. Вытерев жирные от гуся ладони о края одежды, он упер их в бока и сказал:

— Это лазутчик! Ведите его за мной.

Он важно зашагал по направлению к шатру носителя знамени⁴ Ипуки. Увидев нас с пойманным, Ипуки сказал Ренси:

— Возвращайся к своим воинам.

Обращаясь к нам, держащим пойманного, он добавил:

— Ведите его!

И мы повели пойманного к шатру царского сына, стоящего над воинством Сета. А Ипуки, носитель знамени, шел впереди нас.

Пока мы шли, послышалась труба подъема, и воины, поднявшись и взяв оружие, выходили на дорогу, чтобы строиться. На месте шатра царского сына лежали колья и покрывавшие их ковры. Сам же царский сын, как нам сказал старший писец, удалился к своему отцу Рамсесу, да будет он жив, здоров и невредим.

И пришлось нам идти к царскому шатру. И когда мы дошли до него, успела повернуться тень⁵.

Шатер, покрытый желтыми кожами, а сверх них коврами из голубой шерсти, возвышался перед нами как гора. Вход

охраняло четверо шарданов с обнаженными мечами.

Ипуки, носитель знамени, не осмелился приблизиться к шатру, а в двадцати локтях от него пал животом на землю, ожидая когда выйдет царский сын. Мы же стояли, крепко держа пойманного.

И вот распахнулась багровая завеса, и из шатра вышел,— нет, не царский сын,— а сам Рамсес, царь Верхнего и Нижнего Египта, да будет он жив, здоров и невредим. Был он ростом выше любого на две головы, телом могуч и лицом прекрасен. Мы с Сенмутом закрыли

Статуя Рамзеса II из синего базальта. Плотные сдвинутые ступни и колени. Жезл, знак царской власти, на плече, молодое лицо спокойно и уверенно, показывает, каким должен

быть владыка Египта, сын бога и сам бог, а не таким, каким был на самом деле этот беспокойнейший из людей одного из самых беспокойных периодов египетской истории.

глаза, чтобы вид Благого Бога нас не ослепил.

Прошло немного времени, и по исходящему от Благого Бога благоуханию мы поняли, что он к нам приблизился, а затем услышали его божественный голос и слова, обращенные к пойманному.

— Кто ты такой?

Презренный не пошевелился.

— Я тебя спрашиваю, кто ты такой? — повторил Благой Бог.

Презренный молчал.

И в это время послышался знакомый нам голос Ипуки:

— Дозволь мне, праху твоих ног, поговорить с ним по-своему!

Кажется, Благой Бог кивнул головой или дал какой-нибудь другой знак, ибо Ипуки крикнул нам:

— Валите его на землю! Палок!

Открыв глаза, я крепче схватил пойманного, чтобы опрокинуть его на землю. И в это мгновение он заговорил:

— Не надо. Теперь вы в силах как зайцы, и мне нечего скрывать. Я послан его величеством царем хеттов Муваттали, чтобы следить за вашими воинствами. Мой повелитель стоит за Кадешем, а вместе с ним находятся войска Арцавы, Масы, Кизаутни⁶, Угарита⁷, Кадеша, нет ни одного царства, которое не послало бы к Кадешу своих войск.

Оглянувшись его величество, и все, кто были с ним рядом, телохранители и слуги, хранитель знамени Ипуки и я с дядей Сенмутом, взглянули в ту сторону, куда было обращено лицо Благого Бога, и все увидели, что из-за белокаменных стен Кадеша выкатились колесницы, по два человека в каждой, и не было им числа. За колесницами шагали копейщики и стрелки из лука во множестве, подобном песку.

И ударили вражеские колесницы по воинству Ра. Пришло оно в смятение и обратило тыл, воины стали бежать как овцы. Воинство же Амона было за рекою и не могло помочь бегущим. Во-

инство Пта было еще дальше к югу, воинство Сета шло по дороге, не догадываясь о происходящем.

И поняли все мы, что владыка Верхнего и Нижнего Египта, возлюбленный Амоном Рамсес, да живет он вечно, окружен вместе со своими телохранителями и слугами. И в том же окружении оказались мы с дядей Сенмутом и пойманный нами презренный лазутчик.

Тогда взмолился его величество к отцу своему Амону, и мы, маленькие люди, уподобились услышать, как бог-сын разговаривает с богом-отцом:

— Что же случилось, отец мой Амон? Совершал ли я что без ведома твоего? Разве не воздвиг я тебе храмы на миллионы лет и не принес тебе в дар все страны, чтобы наполнить твои алтари приношениями? Почему же против меня ополчились чужеземцы и я остался без колесничих и без войска?

Пока он это все говорил, развернулась часть хеттских колесниц и направилась прямо на нас. И прервал бог-сын беседу с богом-отцом и востребовал своего щитоносца Менну.

А Менна бежал, объятый страхом, бежали и другие — хранитель царского опахала, шарданы и носитель знамени Ипуки. Ибо нет ничего ужаснее, когда несутся разъяренные кони и колеса вот-вот разрежут тебя пополам.

Тогда обратил на меня его величество свой перст и сказал:

— Быстрее приведи мне моего коня, привязанного у шатра.

Я бросился исполнять приказание его величества. И только конь был подведен, как его величество вскочил на коня и погнал его вскачь.

Оглянувшись, я увидел, что колесницы совсем рядом, и побежал, как бежали все до меня. Только Сенмут стоял, держа пойманного, потому что никто ему не приказал его отпускать.

Пробежав, наверное, с пол итру⁸, я оглянулся и увидел, что за мною никто не гонится. Хеттских колесничих не за-

ботили такие черви, как я. Несколько колесничих направились в погоню за его величеством. Другие же, сойдя с коней, бросились в царский шатер. Его богатства, которые они грабили, спасли жизнь мне и другим беглецам.

Перейдя через мелкую в этом месте реку, — имя ее Оронт, — я сел, прислонившись спиной к дереву, и в этом положении заснул.

Утром меня разбудил сотнenaчальник Ренси, который вел нашу сотню, чтобы занять место на берегу реки.

— Что ты здесь делаешь? — проговорил он в гневе.

Я рассказал ему все как было, объяснив, что не сам бросил пойманного, а его величество приказал мне отойти и подвести коня.

— Тебе! — вскричал Ренси, завидуя моему счастью. — Ты хочешь сказать, что ты держал золотую узду Победы над Фивами⁹?

— Его величество сказал просто коня, — ответил я скромно.

— Становись в строй, — распорядился Ренси.

Я поспешил выполнить приказание, радуясь тому, что избежал наказания палками.

Еще несколько дней мы стояли на берегу Оронта. Хеттский царь, узнав, что его величество спасся, не стал больше на нас нападать. И его величество Рамсес, да будет он жив, здоров и невредим, также не возобновлял наступления, я думаю потому, что не хотел рисковать оставшимся войском.

На тридцать второй день после того, как мы покинули крепость Пути Хора, нам было приказано строиться по своим воинствам и сотням. Возвращаясь в царства свои, впереди шел его величество. За ним шли шарданы, кроме тех, что пали или перебежали к хеттам. Потом двигалась половина воинства Амона. За нею воинство Пта. Последним было воинство Сета. От воинства Ра никого не осталось.

Мы возвращались той же дорогой, которой шли к Кадешу. Но она была пустой. И никто не встречался нам по пути. В сердце моем не было радости, потому что рядом не было Сенмута. Я вспоминал его рассказы, его шутки, и слезы заполняли мои глаза, как вода Нила, хлынувшая на высохшее поле.

¹ Фараон Рамсес II повел в Сирию войско, состоящее из четырех корпусов, по пять тысяч человек в каждом. Корпуса носили имена египетских богов.

² Локоть — египетская мера длины, равнявшаяся 52 см.

³ Схватиться за уши — жест отчаяния.

⁴ Носитель знамени — начальник, командовавший двумя сотнями воинов.

⁵ Т. е. после полудня.

⁶ Арцава, Маса, Кизаутни — государства Малой Азии, союзники хеттов.

⁷ Угарит — финикийское государство в северной части Сирии. В ходе раскопок Угарита был обнаружен дворцовый клинописный архив.

⁸ Итру — мера длины, равная 10,5 км.

⁹ Победа над Фивами — имя главного коня Рамсеса II.

ГИЛЬГАМЕШ И ЭНКИДУ

«Поэма о Гильгамеше» — величайшее из произведений древней литературы народов Передней Азии. Поэма состоит из ряда эпизодов, связанных с именем и подвигами легендарного царя государства Урук.

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремится, высится город Урук¹. Основали его семь мудрецов, стены сложили из кирпичей, пригнав один к одному, ряд к ряду прижав. И ветру не проветять меж них.

На стены эти взойди, по этим стенам пройдишь, вспомни о выдавшем все до края мира, о познавшем моря, перешедшем горы.

* * *

Был Гильгамеш царем Урука. Не было ему равного среди людей. На две трети — бог, на одну — человек. Оттого

он был одинок и не знал, куда приложить богатырскую силу. Он хотел перекопать горы, повернуть течение рек, соорудить башню до грозовых туч и многое другое, что непосильно человеку. Народ же страдал от его затей, от его беспокойного сердца.

И взмолился народ Богине-Матери:

— О, Аруру! Уйми своего сына! Сотвори ему равного, чтобы он состязался с ним в отваге и дал людям отдых.

И вняла Богиня-Мать этой мольбе. Омыв руки, она отщипнула ком глины величиною с холм, бросила его на плоскую землю и по небесному образу Ану² вылепила Энкиду. Все его тело покрыто шерстью. Пряди волос как хлеба густые. Был он ростом ниже Гильгамеша, но костью крепче. И сказала она ему: «Энкиду! Иди и живи со зверями степными. Вместе с газелями ешь травы. Со зверями теснись у водопоя. Водой весели свое сердце».

Как-то юный охотник пришел за добычей и видит, что ловушки его сломаны, а ямы засыпаны. На глине след босой ноги, такой же, какой может оставить человек, только раза в три больше. Идя по следу, охотник пришел к водопою и замер в удивлении. Над водой склонился великан. Пряди волос его длинны, как у женщины, и густы, как колосья, не тронутые серпом. Ноги его как стволы, что привозят на кораблях из стран далеких.

Не помня себя от страха, охотник бежал. Дома он рассказал отцу о том, что увидел. Старый охотник понял, что слышали боги мольбы народа: у Гильгамеша появился соперник.

— Иди в Урук! — сказал старец сыну. — Пусть узнает гордый, что не один он в мире.

Представ пред лицом Гильгамеша, юный охотник молвил:

— О царь! В степи появился богатырь. Рука его сильна, словно она из небесного металла. Бродит он вместе

со зверями, ломает мои ловушки, засыпает ямы, из рук моих уводит тварь степную. Колчан мой полон стрел, а дома нет дичи.

Взыграла печень³ героя, и он воскликнул:

— Веди меня в степь, охотник. Хочу с богатырем сразиться.

Отправились они в путь и на третий день достигли водопоя. Гильгамеш и охотник засели в засаду. День и другой приходят звери, радуют сердце водою. Но нет среди них Энкиду.

— Где же твой богатырь? — спросил Гильгамеш сурово. — Может быть, он тебе приснился?

Не успел Гильгамеш это промолвить, как словно из-под земли возник Энкиду. Он тоже сидел в засаде, наблюдая за Гильгамешем.

И вот герои схватились, пытаясь свалить друг друга. Ноги в землю вошли по колено. Земля застонала от боли.

Поклонение богу Луны в Двуречье. Рельеф III тыс. На троне — бог Луны в облике царя с жезлом в руке. Правитель города приветствует его стоя. Между ними — посвященное луне растение.

Внизу — те же двое и слуга, участник шествия с рабочими инструментами — напоминание о строительных работах, предпринятых царем в честь лунного владыки.

Настенная роспись XVIII в. до н. э. в Двуречье. Бог Луны с лунным серпом на голове сидит на троне. Перед ним стоят правитель города, совершающий жертвенное возлияние на алтаре, и жрица с молитвенно поднятыми руками.

Изображение Гильгамеша с быком и птицей на жертвенном соуде из камня.

Верхняя часть столба с законами Хаммурапи. Царь стоит перед Шамашем, богом Солнца и правосудия.

Гильгамеш с серпом в правой руке и львом в левой. Фигура льва показывает, что Гильгамеш мыслился великаном, превосходящим обычного человека ростом в несколько раз.

От напряжения вздулись жилы, из уст вырывалось тяжелое дыхание, но ни на шаг они не сдвинулись с места, ибо были равны они силой.

— Что мы уперлись, словно бараны? — выдохнул первым Энкиду.

Засмеялся Гильгамеш и ослабил мышцы, отпустил руки героя. И вот они стоят, с удивлением глядя друг на друга.

— Ты вразумил меня своею силой,—

сказал Гильгамеш.— Я думал, что одолею любого; если равны мы, зачем нам ссора. Станем друзьями. И они обнялись, как братья, и в Урук зашагали.

Народ высыпал на стены, чтобы встретить героев. К воротам вынесли хлеб и сикеры⁴ двенадцать кувшинов.

— Что это? — спросил Энкиду, показывая на хлеб.

— Ешь! — сказал Гильгамеш, разламывая хлеб пополам.— Это людская пища. Вкусивший хлеба, уподобится людям.

— А это? — Энкиду указал на кувшин.

— Пей! — молвил царь. — Это питье, веселящее душу. Пьющий сикеру, богам подобен.

Досыта ел хлеба Энкиду. Сикеры испил он семь кувшинов. Веселилась его душа. Лицо сияло. Волосы, покрывавшие его тело, сами сплелись в одежду. И стал он похож на мужа.

Шли дни. Гильгамеш водил друга по Уруку. Показывал дома и храмы. Энкиду ничему не удивлялся. На лице его была скука. И вдруг слезы хлынули из глаз потоком.

— Что с тобою, друг мой? — спросил Гильгамеш.

— Слезы душат мне горло, — отвечал Энкиду. — Без дела сижу. Иссиякает сила.

Задумался Гильгамеш.

— Есть дело. Мне одному оно не сподручно. Вдвоем мы его осилим.

— Что за дело? — спросил Энкиду. Слезы его высохли мгновенно, как влага на травах от взора Шамаша⁵.

— Я слышал, где-то у моря есть горы, покрытые кедровым лесом. Там живет свирепый Хумбаба. Убить его многие пытались, да никто не нашел туда дороги.

— Пойдем к водопою, — промолвил Энкиду. — Спрошу у зверей, они знают дорогу. У птиц спрошу, они укажут. Найдем тот лес, отыщем Хумбабу. Задумаем его руками.

— Я верю тебе, друг мой, — ответил Гильгамеш, — но врага не взять голыми руками. В кедре сила Хумбабы. Срубить его надо и выкорчевать с корнем.

И призвал царь мастеров, которыми славился Урук, огражденный стенами. И сказал Гильгамеш нетерпеливый:

— Разожгите горнила, о мастера! Пусть пылают жарким огнем. Бросьте в них зеленые камни, что привозят с острова в Западном море. И когда выльется медь из печи, отлейте секиры, что нам по руке, кинжалы отлейте, что нам по силе.

Поклонились царю мастера. И взмет-

нулся над степью огонь, и издали казался Урук огненной печью.

Узнав, что замыслил царь, высыпал на площадь народ. Впереди шагали старцы степенно. И шум от людских голосов был подобен говору волн при разливе Евфрата.

И вышел царь из дворца. Рядом с ним Энкиду. Поднял Гильгамеш руку, и стих народ, речи его внимая.

— Слушай, народ Урука! Слушайте и вы, старцы. Мир да меня услышит. Я хочу увидеть Хумбабу, чье имя опалает страны. В кедровом лесу Хумбабу хочу победить я. Подниму на него я руку и стану в веках прославлен. Все, что есть злого, изгоню из мира.

Отвечали старцы все вместе:

— Гильгамеш! Ты молод и следуешь зову сердца. Но кто знает к лесу дорогу? Окружен этот лес рвом глубоким. Голос Хумбабы — вихрь, уста его — пламя, дыхание — смерть. Бой с ним неравен.

И возразил Гильгамеш:

— Мне ль теперь бояться Хумбабы, о старцы! По круче один не пройдет — двое взберутся. Скрученный вдвое канат порвется не скоро. Два львенка льва одолеют. Сильного друга обрел я. С ним вместе я пойду на врага любого.

Старцы царя благословили:

— Да сохранится твоя жизнь. Вернись невредимым в пристань Урука.

Не прошло и семи дней, как мастера возвратились. Топоры весили три таланта⁶ каждый, кинжалы по два таланта, луки и колчаны по таланту. Герои примерили оружие. Не показалось оно им тяжелым.

С ворот Урука сняли семь запоров. Взяли герои оружие и за руки взялись. Вышли они за ворота. На небе орел показался. Летел он над их головами, указуя дорогу.

— Знал я его орленком, — молвил Энкиду. — Остался один он. Стрелой убил охотник орлицу степную. Из рук

птенца я кормил. И обо мне не забыл он.

У храма своего Эгальмаха повстречала героев Мать-Богиня, увенчанная тиарой, опоясанная лентой.

— Знаю, куда вы идете, — обратилась она к названным братьям. — Удерживать вас я не стану. Вот хлеб, испеченный богами. В дороге он вам пригодится.

Хлеб она протянула огромный, как жернов, и на прощанье, склонившись к Энкиду, шепнула ему потаенное слово.

Шагали они, палимые солнцем. Вечером, останавливаясь на привал, они отламывали ломоть хлеба и, разломив пополам, съедали. К ним возвращались силы.

После шести недель пути они достигли горы, откуда открывался вид на обе реки — Тигр и Евфрат.

Поднявшись на гору, они ломоть отломали.

— Посмотри, как он мягок, — сказал Гильгамеш Энкиду. — Словно сейчас из печи. Давай его сохраним на путь обратный.

Молвив это, он сел, и сон его одолел — удел человека. Среди ночи он пробудился и видит, что Энкиду не спит, его охраняя.

— Друг мой, ты меня звал? — спросил Гильгамеш. — Отчего я проснулся? Я видел во сне: мы стоим под обрывом. Гора упала, нас придавило. Объясни мне, что это значит. Кто в степи рожден, тому ведома мудрость.

Энкиду в лице изменился, но молвил, не дрогнув:

— Друг мой, твой сон прекрасен. Сон твой для нас драгоценен. Гора, что ты видел, нам не страшна нисколько. Мы схватим Хумбабу и свалим его с обрыва.

И снова двинулись в путь герои.

За день пройдя дорогу, на какую людям обычным шести недель не хватит, видят они в отдаленье храм шестисотколонный. Даже в самом Уруке не было храма прекрасней.

— Энкиду! Какой это храм или город стоит в отдаленье? — спросил Гильгамеш удивленный.

— Это не храм и не город, — другу ответил Энкиду. — Это лес кедровый. Видишь, орел кружится, нам указуя дорогу.

И вот они входят под полог, под сень кедрового храма, что высится зиккуратом. Не люди тот храм воздвигли, кирпичи уложив рядами, а кедр к нему взметнулись, поднявши корнями землю, и создали горы Ливана.

— Где же Хумбаба? — спросил Гильгамеш.

— От мха лесного шагов не слышно, — ответил Энкиду.

— Смотри! Смотри! Орел кружится над этим кедром, — воскликнул Гильгамеш.

Он достал секиру и, размахнувшись, что было силы, ударил по стволу. Кедровый лес задрожал от удара.

Энкиду, закрыв лицо руками, упал на землю.

— Что ты делаешь, друг мой! Зачем губишь живое тело? Я чувствую запах крови. Сходна она с людскою, только иного цвета.

— Смола эта ляжет в щели, — разъяснил Гильгамеш терпеливо. — Днище будет подобно чаше из глины, что воду не пропускает. Кедр этот станет килем, а тот, что потоньше, мачтой. И судно по глади моря отправится в дальние страны и возвратится в Урук наш, полное всякой снедью.

— Зачем эта снедь Уруку? — молвил Энкиду другу. — В Уруке довольно хлеба, хватит на всех сикеры.

— Если тебя послушать, — сказал Гильгамеш раздраженно, — жили бы люди как звери, глиняных хижин не знали.

— Под каждой звериной шкурой, — возразил Энкиду, — бьется живое сердце. Звери не терпят обмана. Звери равны человеку.

— Но боги, создав человека, зверей

ему подчинили. И в сердце его вложили они беспокойную душу. Он должен открыть все тайны и мир подчинить своей воле.

— Зачем тебе власть над миром, который создан богами? Своей беспокойной душой ты миру приносишь горе. Уж лучше остаться зверем, уж лучше остаться кедром, тесниться у водооя или качаться от ветра, пока он тебя не сломит.

— Не прав ты, мой друг Энкиду, — сказал Гильгамеш, хватаясь за рукоятку секиры. — Смотри, как сильны мои руки.

Он замахнулся секирой, удар нанести готовясь. И не заметил, что сзади хищник лесной крадется. Тело его полосато, словно он брат пантеры, с которой когда-то Энкиду пил воду у водооя. Только глаза, как угли, пылают жестокой злобой. Огромная пасть открыта, и острые зубы готовы вонзиться в грудь или горло.

Со свистом упала секира, ребра ломая кедру. Дерево покачнулось и медленно стало падать. Энкиду, спасая друга, кинжал свой в Хумбабу бросил. Подобно стреле, что из лука бросает искусный лучник, кинжал полетел и в горло зверю лесному вонзился.

Гильгамеш оглянулся и увидел Хумбабу, истекающего кровью. Огромные лапы еще шевелились, тело содрогалось от ярости и боли. Но был он уже не страшен.

И только тогда Гильгамеш бросил взгляд на Энкиду. Тот лежал навзничь, запрокинув голову. Рука отброшена назад, и пальцы сжаты, словно еще ощущают рукоятку кинжала. Гильгамеш бросился к другу. Ощупал рукою тело. Нигде ни раны, ни царапины.

— Энкиду! — шептал Гильгамеш. — Ты меня слышишь?

Энкиду спал, и сердце его не стучало.

— Вставай! — кричал Гильгамеш, не понимая, что случилось. — Нам пора в дорогу. Давай поедим!

Он схватил хлеб. Хлеб был, как камень. Рукой его не разломать, секирой не рассечь. Хлеб был мертв, как кедр, как Хумбаба и как Энкиду.

«Как это случилось? — думал герой. — Я срубил кедр, в котором душа Хумбабы. Хумбаба мертв. Но мертв и Энкиду. Может быть, и его душа была в кедре? Недаром он его защищал. А может быть, он нарушил то потаенное слово, что ему шепнула Аруру?» — молнией блеснула догадка.

И с неба послышался голос:

Ты будешь дышать, как люди,
И травы топтать степные,
Покуда рука из глины
Не будет омыта кровью.

И понял Гильгамеш: убивая Хумбабу, знал Энкиду, что и себя убивает.

Бросившись на холодное тело, Гильгамеш зарыдал безутешно:

Младший брат, меня спасая,
ушел ты!

Сестры его антилопы, братья его онагры,

плачьте!

Плачьте росой травы! Плачьте смолою, кедры!

Нет друга!

Энкиду, друг мой, лежит недвижимый.
Как мне не плакать?!

Нет! Не может мятежное сердце героя примириться с этой потерей! Признать не хочет того, что боги, создавая человека, смерть определили человеку — жизнь для себя удержали.

— Я верну твою душу, Энкиду! — крикнул он, накрывая ветвями кедра тело друга. — Обойду я горы, спущусь и на дно морское. Законы жизни и смерти узнаю.

И взмолился Гильгамеш:

Скажите мне, звери степные,
Небесные птицы, ответьте,
Где место, в котором души
Скрываются после смерти?

Молчали звери лесные, молчали небесные птицы. В горы и чащи густые бежали они от убийцы. И только орел благородный, вскормленный другом умершим, кружился над головою, путь указуя герою, путь к преисподней.

* * *

Достигнув холмов песчаных, упал Гильгамеш на землю. Но сон не вернул Энкиду. Проснувшись от львиного рыка, он видит, что львы резвятся, играют, словно щенята.

— Почему вам не ведомо горе? — Гильгамеш ко львам обратился. — Где друг ваш, с которым вместе теснились у водопада? Энкиду, который всех вас спасал, разрушая ловушки?

От львов не дождавшись ответа, схватил Гильгамеш секиру, упал как стрела между львами, беспамятных сокрушая.

И снова он шел пустыней, покуда не показались горы — граница мира. Прорубив в скале пещера и заперта медной дверью. Ту дверь охраняли стражи, ужасней которых людям едва ли представить можно. На тонких ногах паучьих скорпиона мохнатое тело, а голова — человечья.

Сделалось страшно герою. Но, мужеством страх пересилив, он так говорит скорпиону:

— Открой мне двери, коль можешь. Нет на земле мне жизни. Друга хочу я увидеть, друга, что сделался прахом.

— Сюда нет смертным дороги и мертвым дороги тоже. Отсюда Шамаш выходит и, обойдя всю землю, с другой стороны заходит. И как ты пойдешь, подумай, путем самого Шамаша?

— Пойду, — Гильгамеш ответил, — как в печень печаль проходит. Пойду со вздохом и плачем с мыслью одной об Энкиду...

Отворились бесшумно двери, уступив непреклонной воле. Вступил Гильгамеш в пещеру, и мрак охватил его душу. И шел он, шаги считая, чтобы измерить дорогу, какой проходило Солнце во

мраке с заката к восходу. И то, что для Солнца было одною короткой ночью, для Гильгамеша стало дюжиной лет без света.

И все же рассвет забрезжил, и все же дыханье ветра щек Гильгамеша коснулось. Так, ветру идя навстречу, он вышел из мрачной пещеры. Взору явились горы, поросшие лесом черным, камни и мох, а ниже — волны свинцового цвета. Пройдя кремнистым ущельем, он дом невысокий заметил. К нему подошел он и видит, что двери дома закрыты. Но не укрылось от слуха чье-то дыханье за дверью.

— Кто здесь? — спросил он громко.

— Иди-ка отсюда, пришелец! — слышался женский голос. — Сюда нет пути бродягам. Здесь богов принимают. Здесь их угощают брагой.

— Я не бродяга безвестный, хотя я все в мире видел. Зовут меня Гильгамешем. Стеною Урук оградил я. С другом своим Энкиду убил я злого Хумбабу, что лес охранял кедровый. И львов я могучих рассеял, что памяти не имеют. На две трети бог, на одну — человек я.

И тотчас дверь отворилась. Из дому вышла хозяйка и, оглядев Гильгамеша, слово ему вещает:

— Ты, убивший Хумбабу и Урук оградивший стенами, почему лицо твоё мрачно? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла?

— Как голове не поникнуть и лицу не увянуть? — Гильгамеш ответил хозяйке, — если мой друг Энкиду, с которым труды мы делили, стал землею, если младший брат мой, великий ловчий пустыни, гонитель онагров горных и пантер пятнистых, сделался прахом. Вот почему как разбойник я брожу по пустыне. Мысль о друге умершем не дает мне покоя.

— Не знаю, чего ты ищешь?! — хозяйка герою вещает. — Не знаю, к чему стремишься! Боги, создав человека, его сотворили смертным. Бессмертье себе

удержали. Оставь пустые заботы! Развей печальные думы! Свой насыщай желудок. С друзьями сиди за чашей! Дай-ка налью тебе браги.

— Не надо твоей мне браги! Советов твоих не ишу я. Скажи мне лучше, хозяйка, как перейти это море.

Хозяйка герою вещает:

— От века здесь нет переправы. Свинцовые воды смерти Шамаш облетает как птица и проплывает на лодке лодочник Уршанаби, что перевозит мертвых. Знает он путь к Утнапишти, который один из смертных жизнь сохранил навеки.

Простился герой с хозяйкой, стопы свои к лесу направив. Из лесу вышел к реке он, и там он челнок увидел и в челноке — Уршанаби.

— Что бродишь, отставший от мертвых,— сказал Уршанаби герою.— Садись, я тебя доставлю туда, где царство умерших.

— Я не отстал от мертвых,— ответил герой Уршанаби.— Да, мои щеки увяли и голова поникла. Но бьется живое сердце в груди у меня. Послушай!

— Вот чудо! — сказал Уршанаби.— Действительно бьется сердце. Зачем же сюда пришел ты?

— Пришел я, печалью гонимый,— Гильгамеш Уршанаби ответил.— Хочу отыскать я друга и сделать его бессмертным. Теперь посади меня в лодку и отвези к Утнапишти, к тому, кто ушел от смерти.

— Садись! — сказал Уршанаби.— Доставлю тебя к Утнапишти. Вот шест. Помогай, но воды не касайся, коль к месту хочешь добраться.

Расстегнул Гильгамеш пояс и, раздевшись, свою одежду привязал он к шесту как к мачте. И погнало челн Уршанаби так, что гибельной влаги смерти Гильгамеш и шестом не коснулся.

Утнапишти по острову ходит, окруженному водами смерти. Сотни лет путем неизменным он обходит свои вла-

денья. Неподвижно свинцовое море. Не летят над островом птицы. Из волны не выпрыгнут рыбы. И к нему не приходят вести из страны, где он жил человеком. Только челн Уршанаби проходит, и в челне том души умерших. Этот челн провожая взглядом, узнает Утнапишти, что в мире все неизменно.

— Эй, жена! — крикнул вдруг Утнапишти.— Что с глазами моими случилось? Посмотри, это челн Уршанаби. Но над ним поднимается парус. Испокон веков не бывало, чтобы парус здесь поднимали.

— Не волнуйся, глаза твои зорки,— Утнапишти жена вещает.— Также зорки они, как в те годы, когда ты гору увидел среди безбрежного моря. И мои глаза видят парус. И мертвец этот парус держит. Посмотри, как бледны его щеки! Утонул мореход, наверно, что без паруса жить не может. И везет его Уршанаби в ту страну, где души умерших.

— Говоришь, что сама не знаешь! — отвечает жене Утнапишти.— Много сотен лет наблюдаю, как провозят души умерших. Кто тут не был! И царь, и пахарь, и флейтист, и кузнец, и плотник. А провозят их без короны, без мотыги, без флейты. Посуди, кто у мертвого спросит, что он любит, чего не любит.

Гильгамеш на берег выходит, оставляя ладью Уршанаби. Он идет, и видно сразу, что с живой он душой, а не мертвый.

— Что ты ищешь? — спросил Утнапишти.— Почему ты сюда явился, как живой, на челне для мертвых? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла? Как дошел ты ко мне, ответствуй!

— Гильгамешем меня называют. Я из дальнего града Урука. На две трети бог, на одну — человек я. Вместе с другом моим Энкиду мы убили злого Хумбабу, что кедровый лес охраняет. Но, меня спасая от смерти, друг Энкиду

стал ее жертвой. И ищу я его по миру, обойдя все моря и страны. Где б я не был, мне говорили, что бессмертны одни лишь боги, ибо смерть не щадит человека. Но ведь ты, как ходит преданье, сохранен богами от смерти. Расскажи мне, как это было. Открой потаенное слово!

— Что ж,— сказал Утнапишти герою.— Я свою тебе тайну открою. Жил когда-то и я на Евфрате. Я земляк твой и дальний предок. Я из города Шур-руппака, что тебе хорошо известен. Небожители как-то решили всех людей на земле уничтожить. Их сердца склонились к потопу. Дали клятву они друг другу, чтобы тайну людям не выдать. Не нарушил той клятвы Эа, был я сердцу его любезен. И не мне он сказал, а дому, где я жил, ну а я услышал: «Слушай, дом! Стены, слушайте! Ваш хозяин эти стены должен покинуть. Пусть он строит корабль просторный, очертаньем похожий на ящик. И покроет его пусть кровлей. Ибо, дом и стены, над вами вскоре ливень великий прольется и вас навсегда разрушит».

Я понял, что надо мне делать. Я начал корабль строить, очертаньем похожий на ящик. Сделал в том корабле я семь палуб, в каждой палубе девять отсеков. Нагрузил я корабль вещами, серебром нагрузил и золотом. Взял семью и род, всех животных, не только домашних, но диких, что сами ко мне сбегались, почуяв дыхание смерти. И птиц я взял, что садились и забивались в отсеки. А потом я заделал щели, внутри корабля закрылся.

Встало утро. Выплыла туча. Так черна, что и сами боги черноты ее испугались. Цепененье объяло землю. А потом обрушился ливень, колотя по кровле нещадно. Вскоре треск я услышал, как будто земля раскололась как чаша. Мой корабль подняло волнами и погнало ветром свистящим.

Шесть дней, семь ночей носило и гнало корабль по морю. А потом успокоил-

ся ветер и затихло бурливое море. Я окошко открыл. Осветило лицо мне светило дневное. Расстиралось повсюду море. Я упал на колени. Я понял: человечество в глину вернулось. Вынес голубя и отпустил я. Но голубь назад вернулся, не найдя земли. Вынес ласточку и отпустил я, но и она возвратилась. Только ворон назад не вернулся и при виде земли закаркал.

А потом я гору увидел и на эту гору я вышел. Семью семь поставил курильниц и зажег богам воскуренье. И почуяли боги запах, что не чаяли больше ведать. И слетелись они как мухи и курильницы окружили. Один был Эн-лиль недоволен, что остались живые души. А мой покровитель Эа с укором к нему обратился:

— Ты напрасно потоп устроил. Мог и так покарать виновных. Если много людей на свете, мог наслать на них мор или голод. Вот скажи теперь Утнапишти и жене его, где их место...

Вдруг заснул Гильгамеш, и конца он рассказа не слышал. Сон дохнул в него мглой пустыни. И сказала жена Утнапишти:

— Разбуди его! Пусть вернется на землю!

Покачал головой Утнапишти:

— Пусть он спит, а ты зарубки на стене помечай дневные.

Миновало семь дней. И легло семь зарубок над головою Гильгамеша. Он проснулся и сказал Утнапишти:

— Овладела смерть моей плотью, ибо сон был смерти подобен.

— От усталости сон этот долгий, Гильгамеш. Семь дней проспал ты. Жизнь вернется к тебе. Умойся у ручья. Шкуры рваные выбрось в море. Наготу прикрой белым льном и садись в челнок Уршанаби.

А когда Гильгамеш удалился, говорит жена Утнапишти:

— Он ходил, уставал, трудился. Ты ж не дал ему ничего на дорогу. Раз-реши, испеку ему хлеба.

— У кого беспокойная печень, хлебом ввек того не насытишь. Человек тот живет не хлебом, а дерзаньем своим безумным. Вместо хлеба я дам Гильгамешу одно потаенное слово.

Ключевою водой умылся Гильгамеш и сменил одежды. Стало тело его прекрасно. Но печать печали с лица его не сходила.

В челнок Гильгамеш опустился, но отплыть не успел, как услышал он голос зычный:

— Есть цветок на дне океана с огненными лепестками на высоком колючем стебле. Если ты, Гильгамеш беспокойный, тот цветок знаменитый добудешь, не грозит тебе злая старость, тебя смерть обойдет стороною. Вот оно, потаенное слово, что дарю я тебе на прощанье.

Гильгамеш, это слово услышав, как стрела метнулся к колодцу, привязал к ногам своим камни и нырнул на дно океана.

Он увидел цветок прекрасный на высоком колючем стебле. И к цветку тому потянулся. Укололи шипы его руку, и окрасилось море кровью. Но он, боли не ощущая, вырвал с силой цветок и поднял над своей головою.

А потом он отрезал камни, и метнуло вверх его тело. И подняв лицо над волнами, он вдохнул сколько было силы, и ликующий крик героя огласил подземное царство с его мертвым вечным молчаньем.

И на этот крик Уршанаби вывел челн свой на близкий берег. И туда же приплыл победитель. Перевозчику так он вешает:

— Видишь, вот он цветок знаменитый, что бессмертье дарует людям. Им я к жизни верну Энкиду. Вместе мы в Урук возвратимся. И вернем мы Уруку юность. Будет наш Урук огражденный самым юным городом в мире.

Покачал головой Уршанаби. Ничего он герою не молвил, ибо видел он, что сомкнулись очи ясные Гильгамеша и

герой опять погрузился в сон, что смерти самой подобен.

А когда Гильгамеш пробудился, хвост змеи увидел он черный. Змея с цветом уползала, по дороге шкуру меняя.

— Вот смотри,— сказал Уршанаби.— Унесла змея твою юность. Ни к чему твои были дерзанья. Поменяла змея свою шкуру, старых змей она стала моложе. Человечья старая кожа никогда моложе не станет. Не сотрутся с лица морщины ни у женщины, ни у мужчины. Человек свою старость находит. А за старостью смерть приходит. Все как прах развеивает ветер...

— Нет, не все! — Гильгамеш ответил.— Остается дружба людская. Остается людская память. Дружба с памятью смерть побеждают, торжествуя над вечной ночью. Будет помнить мир об Энкиду и о нашей победе общей и не только над злым Хумбабой, над презренным его отголоском — над твоею мудростью плоской.

* * *

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремится, высится древний холм. Город под ним погребен. Стала пылью стена. Дерево стало трухой. Ржавчина съела металл.

Путник, взойди на холм, в синюю даль взглядишь. Видишь, стадо бредет к месту, где был водопой. Песню поет пастух. Нет, не о грозном царе и не о славе его. Поет он о дружбе людской.

¹ Важнейший город шумеров на юге Двуречья.

² Ану — бог неба, покровитель города Урука.

³ Печень в представлении древних народов —местилище души.

⁴ Сикера — опьяняющий напиток из ячменя.

⁵ Шамаш — бог Солнца и правосудия.

⁶ Талант — самая крупная весовая единица, выполнявшая роль денег, около 30 кг.

⁷ Зиккурат — обычное для двуречья храмовое сооружение в виде ступенчатой, сужающейся кверху башни.

ЗАКОН

Раскапывая развалины древнего города, археологи нашли высокий каменный столб, испещренный клинописными знаками. Оказалось, что это законы вавилонского царя Хаммурапи, жившего в XVIII веке до н. э. Законы защищали жизнь и имущество рабовладельцев и строго карали тех свободных людей, которые помогали рабам.

Дом наш стоял за городской стеной, у ворот. Отец выбрал это место не случайно. Рабы тамкаров (купцов) несли ему колеса, воины — панцири и мечи, земледельцы из окрестных селений — лопаты и мотыги.

Мой отец был кузнецом, и звали его Энхегалом. Я любил смотреть, как он бьет большим молотом по раскаленному металлу и огненные брызги, подобно рою пчел, разлетаются во все стороны. Но больше всего мне нравилось беседовать с людьми, посещавшими наш дом. Их одежды пахли далекими странами и удивительными товарами, которые они привозили на продажу.

Видя мое удивление и любопытство, они рассказывали о своих городах, лежавших где-то за морями, и уверяли, что там не знают имени Мардука — главного бога вавилонян — и поклоняются совсем иным богам.

Однажды путник с бородою цвета огня объяснил мне, что в его стране нет финиковых пальм, а вместо них растут огромные деревья, источающие клейкий сок. Полгода там с неба падает холодный пух и, как ковер, застилает всю землю. Тогда останавливаются реки и по ним можно ездить и ходить.

Когда чужестранец ушел, отец рассмеялся:

— Ты слышала что-нибудь подобное, Шамхат? Там не знают финиковых пальм! И с неба падает пух! И останавливаются реки! Чужеземцы принимают нас за глупцов и рассказывают всяческие небылицы.

— Но он с тобою расплатился, — заметила мать. — Пусть говорят, что хотят, лишь бы давали серебро!

Я знал, на что намекает мать. Отец часто делал работу бесплатно. Да и как откажешь человеку, у которого семеро ртов.

— Бедняку может помочь только бедняк, — говорил отец.

Мать сердилась:

— Ты думаешь только о других. Твой сын не ходит в Дом табличек! Чем ты заплатишь учителю?

— Не ворчи! — отвечал на эти слова отец. — Учителю я уже заплатил. Разве ты забыла про медный круг, который я ему сделал? За это он обещал обучить Хуваша всему, чему он учит сыновей тамкаров.

— А чему учит учитель? — поинтересовался я.

— Не знаю, — отвечал отец. — Только те, что обучены, не пашут, не ткут, не месят глину, не куют. Они во дворцах и в храмах. Одежды у них белы, как день, на ногах — сандалии.

— У них в доме не выводится зерно и масло, — добавила мать. — Они живут в настоящих домах, а не в лачугах, как наша.

Так было решено отправить меня в Дом табличек. С вечера мать выстирала мою одежду, заштопала дыры и помолилась богу Эа, чтобы он наставил меня на путь знаний.

Ранним утром, еще только начало светать, отец повел меня в город. Улицы были пусты. Нам встречались лишь городские рабы с тростниковыми метлами да нищие, которые шли к храму владычицы Иштар.

— Богатство — далеко, бедность — близко, — сказал отец.

Мы вошли в большой дом. Рядами стояли низкие глиняные столы. Напротив двери висела деревянная доска.

— Вот мой круг, — с гордостью сказал отец, показывая пальцем в угол.

Там действительно висел медный

круг, похожий на колесо без спиц. Вся его поверхность была исчерчена ровными линиями.

На шум наших голосов из боковой двери, прикрытой циновкой, вышел молодой сгорбленный человек. Во всем его облике сквозило нескрываемое раздражение.

— Даже ночью нет от вас покоя, — сказал человек, подавляя зевоту. — Ну зачем ты пришел, Энхегал?

— Краса Вавилон! Ученейший из учителей! — сказал отец с несвойственной ему высокопарностью. — Я привел к тебе своего отрока, ибо сыновья тянутся к знанию, как растения к свету. Моему сыну Хувашу тринадцать лет, а он еще не видел ничего, кроме кузницы и городской стены, он не слышал еще мудрого слова, ибо какие слова могут быть у тех, кто пашет землю или пасет ослов?

Видимо, эта длинная речь понравилась учителю. На его губах появилась довольная улыбка. Он как-то выпрямился, и спина его не казалась больше сутулой.

— Хорошо, Энхегал, — кивнул учитель. — Я возьму твоего сына. Я сделаю его писцом, и он возблагодарит меня за учение.

— Да будут тебе в помощь боги! — молвил отец, низко кланяясь. — А ты, сын, слушайся учителя и повинуйся ему. Он не научит тебя дурному.

Оставив меня одного, отец и учитель вышли на улицу. Не знаю, о чем они говорили. Может быть, о моем учении или о плате за него?

От нечего делать я стал ходить между столами и прыгать через них. На столе у правой стены были нарисованы человечки. «Видимо, в школе учат рисовать», — решил я и вытащил из тряпицы, в которую мать завернула лепешку, медный гвоздь. Я взял его на случай нападения разбойников, ибо слышал, что в Вавилоне появились люди, которые крадут детей.

Острием гвоздя я нацарапал большую ослиную морду с открытой пастью. Оставалось дорисовать уши.

Но в это время в комнату ворвалась ватага мальчишек. Все они были моложе меня. На их одежде не было заплат, как на моей.

Мальчишки остановились.

— Новичок! — воскликнул мальчик, курчавый, как баран.

— Что он сделал с моим столом! — жалобно запищал другой, маленький и толстый.

— Он нарисовал тебя! — завизжал худой длиннорукий мальчишка и хлопнул пискуна по затылку.

— Я пожалуюсь школьному отцу! — завопил пискун.

Вздрогнула циновка боковой двери, и мальчишки ринулись к столам.

— Здравствуйте, школьный отец! — загудел нестройный хор голосов.

— Что здесь происходит? — проговорил учитель, входя в комнату.

Его взгляд остановился на столе, украшенном моим рисунком.

— Это он, — сказал пискун, показывая на меня. — Он испортил мой стол.

— Н-да! — выдавил учитель, подходя к столу пискуна. — Новая порода животного! Такой не видывал и Утнапишти, когда собирал зверей и птиц в свой ковчег.

Школьный отец поманил меня пальцем. И только тут я заметил, что у него в руке гибкий хлыст. Не успел я опомниться, как хлыст обрушился на мою спину.

— Вот тебе за осла! — учитель снова замахнулся. — За безухого!

Можно подумать, что мое преступление состояло в том, что я не успел дорисовать ослу уши.

— Вот тебе за самовольство! За непослушание!

Было очень больно, но я молчал. Отец говорил, что мужчина не должен плакать.

— Вот тебе первый урок, — выдох-

нул учитель и бросил хлыст на земляной пол.— А теперь ступай на место,— сказал он, вытирая ладонью вспотевший лоб.— Ты будешь сидеть с ним Подвинься, Бализану.

Он показал на курчавого. Я обрадовался, что не попал за стол к пискуну.

Наступила тишина, нарушаемая лишь монотонным голосом школьного отца.

— Сегодня мы будем учиться грамоте, ибо грамота — мать мудрости, она — отец учителей. Тот, кто умеет писать, не думает о хлебе для своего пропитания, в доме невежды всегда голод. Начнем со слова «абу»¹, ибо абу в семье, что царь в стране и Мардук на небе. Для написания абу надо шесть клиньев, еще три и один вниз.

— Абу,— повторил учитель и подошел к столу пискуна.

Взяв из его руки палочку, он что-то поправил.

— Клинья должны быть острыми, как копыта баирума — воина, служащего царю. Пусть они не расходятся в стороны, когда им приказано идти в ряд. Вот так!..

— Руку держи под углом,— сказал он моему соседу.— Надо не царапать, а выдавливать. А ты, Хуваш, не забудь завтра принести тростниковую палочку. Глина у нас во дворе, мальчики покажут, как делать таблички.

— Я ему покажу! Я,— слышались голоса.

— Тише! — молвил учитель.— Не отвлекайтесь. Сейчас я научу вас писать «шуму»².

Он подошел к деревянной доске, висевшей на двух гвоздях, и взял в руку уголь.

На доске появилось три косых клина.

— Как твое шуму? — спросил учитель пискуна.

— Мое шуму Римуш, школьный отец,— ответил пискун.

— А твое? — обратился он к длиннорукому.

— Набушар.

— А какое шуму у нашего царя, повелителя четырех стран света?

— Самсудитана,— выкрикнул курчавый.

— Правильно, Самсудитана сын Амисудаги. Шуму имеют все — простые смертные, цари и небесные боги. Если человек будет прославлять богов и благословлять царя, его шуму будут произносить с уважением.

В полдень, когда я вернулся домой, отец спросил:

— Чему ты научился в Доме табличек?

— Писать слово «абу».

Я взял из ящика несколько медных гвоздей и разложил их на столе в том порядке, в каком были расположены штрихи на глиняной табличке.

— Подумать только,— сказал отец, недоверчиво покачивая головой.— Всю жизнь я кую гвозди и столько их выковал, что на небе звезд. А ведь не знал, что из гвоздей можно складывать слова.

— А чему еще научил тебя учитель? — спросила мать.

— Школьный отец сказал, что у каждого есть свое шуму.

Я взял три гвоздя и положил их косо.

— И если прославлять богов и благословлять царя, то твое шуму будут произносить с уважением.

— Это так, сын мой,— сказал отец,— только учитель забыл добавить, что уважения достоин каждый, кому по нраву труд.

На следующий день я учился писать вместе со всеми. Учитель вбивал в нашу память слова, как гвозди. Рыба, звезда, плуг, гора. Но куча кирпичей еще не дом. Надо научиться складывать слова, связывать их в речь. Мы записывали поговорки: «Твой союзник только бог», «Народ без царя — овцы без пастуха», «Войско без начальника — поле без земледельца», «Царь — это зеркало бога».

Я удивлялся, почему ни разу не слышал эти поговорки из уст отца или тех, кто посещал наш дом. И кажется, учителю не были известны те поговорки, которые произносились в нашем доме. Смысл их был порой противоположен смыслу поговорок учителя: «На бога надейся, а сам не спи», «В городе, где нет собак, шакал — надзиратель!», «Вол врага ест траву, свой вол ляжет голодным».

Вскоре наши таблички стали напоминать небо, усеянное звездами. Слова соединялись в фразы, и речь учителя едва умещалась на табличке.

А он был все недоволен.

— Вы черепахи, а не писцы. Сколько успеваете написать за полдня? Две таблички! А нужно — десять. Тот, чья рука отстаёт от уст, не писец!

Как-то я принес домой глиняную табличку, которую должен был выучить наизусть. Я положил ее на колени и стал читать по складам:

«Шамаш, когда ты восходишь над великой горой,

Когда ты восходишь над фундаментом неба...»

Я не заметил, как мать подошла сзади и положила руку мне на плечо.

— Скажи, сынок, откуда ты взял эти слова?

— Отсюда, — сказал я, протягивая ей табличку.

Она осторожно перевернула табличку, словно бы ожидая увидеть за нею то, что я прочитал.

— Эти слова в глине, — сказал я, проведя пальцем по клинышкам.

— И Шамаш тоже? — спросила мать.

— Да, — ответил я и повторил на память: «Шамаш! Когда ты восходишь над великой горой...»

Мать посмотрела на меня с умилением.

— Ты уже знаешь священные слова, как жрец. Если бы у меня была эта глина, я бы ее положила на видное

место. Пусть будет Шамаш и в нашей хижине.

— Хорошо, мать, я перепишу табличку для тебя.

Мать поклонилась мне до земли. Я почувствовал себя неловко и, взяв табличку, принялся читать вслух:

Люди, сколько их есть на земле, ожидают тебя, Шамаш!

Всякий скот на земле с четырьмя ногами

Навстречу твоим лучам открывает глаза.

Однажды школьный учитель рассказал нам, как устроены небо и земля. Вот это было интересно! Оказывается, солнце не бесцельно бродит по небу, а, как путник, входящий в город, ищет ворота. Эти ворота из чистого золота, и охраняют их не стражи, а чудовища с головами скорпионов. Учитель объяснил, почему идет дождь. На тверди имеются небесные окна, боги открывают их, когда хотят пролить на землю влагу.

— А как они пускают холодный пух? — спросил я.

— Пух? — удивился школьный отец. — Какой пух?

— Тот, что идет в стране больших деревьев, где не знают о финиковых пальмах, где можно ходить по рекам, как по земле, — выпалил я.

— Что ты мелешь! — рассердился учитель. — В священных книгах говорится только о дожде, который выпускает в небесные окна Мардук.

— Но в той стране, где идет пух, не знают о Мардуке. Там живут люди с огненными бородами. Они поклоняются другим богам.

— Сосунок! — рассвирепел учитель. — Ты смеешь спорить со мною. Пойди домой и приведи отца.

Этот день запомнился мне на всю жизнь. Я шагал и думал, как объяснить отцу гнев учителя. Ведь я ничего не выдумал, а рассказал то, что слышал от огненнородого!

И вдруг я увидел отца. Он шел мне

навстречу, бледный, со спутанными волосами. Руки у него были связаны за спиной. Справа и слева шли стражники.

— Отец! Что случилось! — крикнул я и бросился к нему.

Стражник толкнул меня, и я упал.

Отец сказал с горечью:

— Закон!

Я лежал на камнях и смотрел вслед отцу. Что он хотел сказать этим словом — «закон»? Кто мне может помочь? Учитель! Правда, он зол на меня. «Но когда у человека горе, зла не таи!» — так говорил отец.

— Я уже все знаю! — сказал учитель, когда я предстал перед ним. — Энхегал снял оковы с раба. Он нарушил закон.

— Какой закон? — спросил я.

— Тот, что на площади, у дворца.

Тогда я пошел на площадь. Она была полна людей. До моего слуха доносились слова: «Продам!.. Куплю!..» Разносчики вареного гороха расхваливали свой товар. «Свежая вода! Свежая вода!» — кричали водоносы.

— Где тут закон? — спросил я у человека с черепом синим и голым, как гусиное яйцо, который держал за руку мальчика лет десяти. У мальчика было одно ухо. Он вырывался и плакал:

— Вон там! — отмахнулся от меня лысый.

Так я оказался перед Законом. Я был маленьким, а он большим и страшным: Закон был из черного камня и весь испан такими же клиньями, каким меня учили в школе. Только на самом верху, там, где у человека голова, у Закона был рисунок. Человек, сидящий в кресле, протягивал другому судейский жезл. Да ведь это сам бог Шамаш, верховный судья. А кто стоит перед ним? Я обратил взор на подпись и прочел:

— Я, Хаммурапи, могучий царь, возвеличивший имя Вавилона, знающий мудрость, направленный богами, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье...

Теперь мне стало ясно: человек, изображенный перед Шамашем, — мудрый и справедливый царь Хаммурапи, давший Вавилону законы и начертавший их на каменном столбе. Вчитываясь в них, я обратил внимание, что чаще всего встречается слово «шумма»³. Этим словом начинается каждый закон, а один из них касается моего отца. Как же его отыскать?

Читая законы, я наткнулся на слова: «Если раб скажет своему господину «ты не господин мой», то он должен уличить его в том, что он его раб, а затем его господин может отрезать ему ухо».

«Так вот почему у мальчика одно ухо, — догадался я. — Это раб! И он не признал власти господина. Лысый отрезал ему ухо, а когда тот все равно не стал называть его господином, привел к столбу, чтобы уличить, и теперь он ему отрежет второе ухо».

А тот раб, которого освободил отец? Может быть, у него уже не было обоих ушей, и господин решил отрезать ему нос, и тогда он решил бежать.

Наконец я нашел то, что искал:

— Если человек укрыл в своем доме беглых раба или рабыню и не вывел их на зов глашатая, предать его смерти.

Да, это была «смерть», слово, которое я умел писать. Вспомнилась поговорка, которую диктовал учитель: «Прекрасна смерть за царя». Но при чем тут мой отец? Он не воин, а кузнец. «Отец» и «смерть» — кто поставил эти слова рядом? Закон? Хаммурапи? Он еще называет себя справедливым! Разве для этого Шамаш вручил ему судейский жезл? Смерть за раба. Но ведь и раб — человек. У него имя и два уха.

Я шел домой как в бреду. Клинья, из которых составлялись слова, плясали перед моими глазами.

А город жил своей обычной жизнью. Ослики бодро тянули повозки, груженные кожаными мешками. Слышался

свист бичей, дребезжание колес. Казалось, никто не замечал моего горя. Никому не было до меня дела!

У нашего дома я увидел толпу. Люди стояли молча. Но при моем появлении женщины заголосили:

Сирота! Бедняжка!

Кто-то взял меня за руку. Кто-то гладил по голове и шептал слова утешения. Я ничего не понимал.

Где мать? — спросил я. — Покажите мне мать.

Нет у тебя матери! — сказала Баишум, наша соседка. — Сердце твоей матери не выдержало, — продолжала она со слезами. — Твоя мать была настоящей женой своему мужу...

Прошло две недели, как я лишился отца и похоронил мать. Молот для меня еще тяжел, но все же я пытался ковать гвозди. За этой работой и застал меня человек с огненной бородой. Я узнал его сразу.

Мальчик, где кузнец? — спросил огненнородый.

Я потупился. Слезы готовы были хлынуть из моих глаз.

О, я вижу, что произошло несчастье. Кузнец умер?

— Отца убили, убили! — закричал я и, захлебываясь, рассказал обо всем.

Чужеземец слушал, покачивая головой.

Я не думаю, что это справедливо, — молвил он, когда я закончил свой рассказ. — У кузнеца было доброе сердце, он снял оковы с человека. Кто же его убил?

Закон, — отвечал я, — закон на каменном столбе.

Нехорошо, — сказал огненнородый, — нехорошо, когда закон на камне, надо, чтобы закон был здесь, — он ударил себя в грудь.

И тут боги посетили меня. Я бросился в ноги чужеземцу.

Возьми меня с собой — я буду твоим рабом, нагрузи, как осла, бей — только забери отсюда.

— Мне не надо раба, — сказал чужеземец. — Мне надо... — Он занулся, сясь подобрать подходящее слово. На его лбу выступил пот. — Мне надо друга! — воскликнул он. — Маленького друга, то есть большого друга.

Он радостно засмеялся, видимо, оттого, что нашел такие слова, которые не противоречили друг другу.

¹ Абу — на языке вавилонян «отец».

² Шуму — на языке вавилонян «нимя».

³ Шумма — на языке вавилонян «если», «когда».

Царская краска

Изобретателями пурпурной краски считались финикийцы. Рассказ представляет собой обработку финикийской легенды.

Три дня бушевала буря. На песчаный берег с грохотом накатывались гигантские валы. И даже когда буря стала стихать, люди не смели высунуть носа из своих хижин. И только один человек, — в деревне его звали просто мельником, — отважился выйти на берег и подставить грудь ветру.

Внимание его привлек огромный человек в львиной шкуре, прогуливавшийся у самых волн. Следом за ним брела собака ростом с быка. Мельнику стало страшно, и он спрятался в кустах.

Вдруг он увидел, что навстречу великану идет женщина в белом хитоне, прекрасная, как богиня. Приблизившись, она поклонилась великану в пояс и отчетливо произнесла:

— Здравствуй, Мелькарт!¹

И понял мельник, что видит самого бога Мелькарта с псом, которого он уволок из подземного мира.

— Привет тебе, Тиро! — ответил Мелькарт и положил на плечо нимфы² огромную ладонь.

Но нимфа, казалось, не ощущала тяжести. Она повернула к богу светлое

лицо. В ее голубых глазах сияла радость встречи.

Занятые друг другом, бог и нимфа ничего не видели вокруг. И мельник понял, что он может надеяться на спасение. Его пугала только собака: ведь у этих тварей такой тонкий нюх! Но ветер дул с моря, и, наверно, поэтому пес присподней не улавливал человеческого духа.

Пес брел по следам своего господина, вынюхивая берег. Внезапно он опустил морду и что-то схватил. Раздался хруст, тотчас же сменившийся завыванием. Мелькарт и Тиро обернулись. Пес катался по земле. Видимо, в горло ему попала кость. Желая помочь животному, Мелькарт раскрыл ему пасть, и мельник увидел, что она кроваво-красная.

— Какой прекрасный цвет! — воскликнула нимфа. — Так окрашивается море, когда ты опускаешься в его воды.

Мелькарт ничего не ответил. Он ударял пса по шее, пока тот, проглотив застрявший в горле предмет, не успокоился.

— Мелькарт! — продолжала нимфа капризным тоном. — Ты слышишь, я хочу иметь хитон такого же цвета.

Мелькарт проворчал, — его ворчание было громче львиного рева, — и, наклонившись, стал что-то собирать на берегу.

Прошло немало времени, пока он сказал нимфе:

— Сними свой хитон!

Мельник закрыл глаза. Он знал, что смертный, увидев нимфу обнаженной, превращается в камень. «Наверно, таких любопытных глупцов было немало!» — подумал он, вспомнив, сколько он видел в горах скал и камней, напоминающих своими очертаниями человеческие фигуры.

Когда мельник осмелился открыть глаза, Мелькарт, и нимфа, и пес были уже далеко. На нимфе сверкал хитон цвета заката.

На песке не было никаких следов: боги их не оставляют. Но в некоторых местах валялись раздавленные раковины.

— Так вот что разгрыз пес! — догадался мельник. — Это же и собирал Мелькарт.

Мельник кинулся к берегу и стал собирать раковины, выброшенные волнами. Когда накопилось несколько больших куч, он пошел домой за мешками от муки. Люди, вышедшие на берег, — к тому времени буря успокоилась, — со смехом показывали на него пальцами:

— Смотрите! Наш мельник спятил. Он подбирает несъедобные раковины.

Мельник отнес мешки с раковинами к себе домой. Потом он стал собирать одежду. И все это он отнес на мельницу.

Мельничиха залилась слезами.

— Зачем ты пошел на берег, пока не кончилась буря, — причитала она. — Тебя околдовали злые духи.

— Отец, отдай нашу одежду! — волновались дочери. — В чем мы будем ходить?

— Идите прочь! — крикнул он жене и дочерям, закрывая за собой дверь. Это были первые слова, которые он произнес за день.

Но женщины не уходили. Они увидели в щель, как он запряг мулов и сам впрягся в лямку. Жернова заскрипели, но не так, как когда мелят зерно. Словно бы между ними были не зерна, а орехи.

— Да ведь он мелет раковины! — догадалась старшая дочь.

— Зачем он это делает? — спросила средняя дочь.

— Он хочет добыть из них муку, — предположила младшая.

Мельничиха ничего не сказала, а только заплакала.

Не прошло и часа, как остановились жернова. Потом стало слышно, как распрягают мулов. Затем открылась дверь и вышел мельник. Руки его до локтей были кроваво-красными.

Дочери в страхе разбежались. Жена же закричала:

— Зачем ты убил мулов, несчастный! Кто будет теперь крутить жернова?

— Я и не думал их убивать! — весело ответил мельник. — Я добыл краску и окрасил ею ваши одежды. Пойдем! Я нуждаюсь в твоей помощи.

Через час на веревках для белья висели хитоны невиданных раскрасок. От них нельзя было отвести глаз. Некоторые были цвета вечернего, опускающегося в море солнца, другие, куда краски попало меньше, цвета фиалок. Вся деревня сбегалась посмотреть на работу мельника. Люди поняли, что он вовсе не безумец, а хитрец, научившийся делать краску из раковин.

— Продай мне это, — сказала младшая жена деревенского старейшины, показывая на хитон фиолетового цвета.

— У тебя не хватит денег, — отозвался мельник. — Каждый из этих хитонов стоит столько сиклей золота, сколько весит.

— Продай, глупец, — воскликнула мельничиха. — Кто тебе даст такие деньги?

— Цари, — ответил мельник улыбаясь. — Цари Египта, Вавилона, цари хеттов и народа, называющего себя эллинами. Краска, секрет которой открыл мне сам Мелькарт, достойна одних царей.

¹ Мелькарт — дословно «царь города», верховный бог города Тира, а затем и других городов — Карфагена, Дамаска и др. Считался покровителем мореплавания и колонизации. Греки отождествляли его с Гераклом.

² Нимфа — олицетворение природы, особенно водных источников, здесь — покровительница г. Тира.

КАРАВАН

Действие рассказа относится к 612 г. до н. э., когда под ударом Вавилона и Мидии пала Ниневия и распалась ассирийская империя.

Ассирийская боевая колесница, ударная сила ассирийской армии.

На ней трое — воин, лучник и щитоносец.

С тех пор как я вернулся в Вавилон, мне не дают прохода. Совсем незнакомые люди останавливают меня и спрашивают: «Правда ли, Даян, ты это видел сам?» «Не только видел, — обычно отвечаю я. — Если бы мне не удалось бежать и добраться до Экбатан¹, не соединились бы наши и мидийские войска и, может быть, Ниневия, которую называют «логовищем львов», до сих пор стояла невредимой на поругание и гибель всем черноголовым».

Тогда на меня смотрят с удивлением, недоверием или насмешкой, как на хвастуна. В глазах вопрошавших можно прочесть: «Не слишком ли много ты на себя берешь, Даян, не знающий имени своего отца? Скажи, кем ты был, воином, царским лазутчиком или погонщиком мулов?» Как будто, мысленно отвечаю я, Мардук не может возвысить простого человека, мальчишку без рода и племени и повергнуть в грязь самого знатного вельможу! Ведь по его воле сметена с лица земли Ниневия, слава которой обошла весь мир!

И чтобы не объяснять это каждому, я отправился на дворцовую площадь к писцу, пишущему жалобы, и он занес

Боевые колесницы преследуют врага. Луки натянуты. Коня скачут во весь опор. «Копыта их коней, — восклицает современник, — словно из камня, а колеса, как буйный вихрь. Никто не в силах укрыться от них». «Горячие кони моей упряжки погружались в кровь, как в реку», — приказал написать один из ассирийских царей.

Ассирийские пехотинцы на марше. «Вот подходят они быстро и неудержимо, — писал библейский автор, — и нет среди них ни одного усталого или ослабевшего, никто из них не задремлет и не заснет, ни у кого не отстегнется пояс на боку и не оборвется ремень на обуви».

мои слова на глиняную табличку, и в конце ее я приложил большой палец левой руки в знак того, что все написанное мною истина.

Та наша поездка началась, как все другие, в которых мне пришлось участвовать на службе у торгового дома Эгиби². Караван заполнил почти весь просторный двор у Северных ворот Вавилона. Я, как и другие погонщики мулов, стоял у навьюченных животных, ожидая, когда появится наследник дома, младший Эгиби. Это был быстрый и веселый человек, хорошо знавший дело и умевший находить со всеми нами общий язык. Обычно, появляясь на крыльце, он здоровался и, сбегая вниз, проходил вдоль всего каравана, ощупывая подпруги, проверяя, хорошо ли за-

вязаны тюки, и не забывая обмениваться с нами шутками. В то утро на крыльце вышел важный как индюк старикан с красным лицом и выделяющимися на нем седыми щетками усов. Главный погонщик дядюшка Мукар при виде старца упал навзничь. Я и другие по-

Осада ассирийцами пражеской крепости. Воины поднимаются по штурмовым лестницам. Тараны на колесах подкатываются к башне и вгрызаются в ее стены. Лучники пати-гивают луки.

Ассирийский царь Ашшурбанипал совершает возлияние богам. В правой руке его чаша, в левой — лук. Его сопровождают два жреца с изогнутыми священными жезлами в руках и лучник.

за эту поездку. Так распорядился сам Эгиби.

Гул удивленных голосов наполнил двор, и к нему примешался крик мула, к которому подошел новый погонщик. Мой мул не любил чужих. Но за два сикля можно вынести и этот крик и другие неудобства, связанные с появлением незнакомого человека. И почему так расшедрился старый Эгиби, славившийся не только богатством, но и необыкновенной скупостью?

Новый погонщик не назвал своего имени. Шагая за ним, я наблюдал его повадки и вскоре понял, что он никогда не имел дело с мулами. Желая остановить моего мула, он крикнул «Тпру», словно это была лошадь. Больше всего его беспокоило, что мулы идут медленно. То и дело он бежал к Мукару и показывал ему знаками, что надо идти быстрее. «Кто дал ему такую власть, — думал я. — И если этот торопыга (так я стал его называть) не простой погонщик, почему его сделали моим помощником?»

К полудню мы достигли лоцины, где стоял ассирийский дозор³. Ассирийцы всегда беспрепятственно пропускали наши караваны. За это Эгиби уплачивал им большие деньги. Но на этот раз курчавобородый ассириец в блестящем

гогонщики последовали его примеру, догадавшись, что перед нами сам Эгиби, владелец дома, второй по богатству человек во всем Вавилоне. Не поздоровавшись с нами, он поманил пальцем Мукара и исчез вместе с ним в глубине дома.

Поднявшись и отряхнув с одежды пыль, мы переглянулись, недоумевая, куда делся младший Эгиби и почему изменился привычный порядок отправления каравана. Прошло немало времени, пока появился Мукар. Вместе с ним был человек лет сорока в одежде, которую выдаст дом Эгиби погонщикам мула на три года.

Даян, — обратился Мукар ко мне. — Этот человек поведет твоего первого мула.

Пусть поведет, — отозвался я. — Но сохранят ли за мною мое прежнее жалованье?

Не только сохранят, но тебе и всем другим погонщикам добавят два сикля

о́строко́нечном шлеме и медных доспехах приказал нам остановиться. После этого вместе с другими воинами он обошел караван, ощупывая каждый тюк. Зачем они это делали? Ведь Эгиби всегда торговали сушеными финиками, зерном и другой провизией и никогда не нарушали введенного ассирийцами запрета на торговлю оружием. Дядюшка Мукар никогда бы не допустил, чтобы в тюках оказались мечи или наконечники копий. Ведь ассирийцы посадили на кол за провоз оружия его племянника Мурашу, служившего дому.

Несмотря на непредвиденную задержку, к водопою, где мы всегда останавливались, мы добрались до наступления темноты. Сняв тюки, мы отвели животных к колодцам, напоили их и задали им корм. Устраиваясь на ночлег, я услышал разговор дядюшки Мукара с новым погонщиком.

— Так не пойдет,— говорил торопыга.— Мы тащимся, как черепахи.

— Но нас задержали ассирийские шакалы, и все равно мы пришли к сроку, как всегда.

— Да пойми ты,— не унимался торопыга.— Надо идти быстрее.

— Мулы не лошади,— возразил Мукар.— И нагружены они как следует.

— Прикажи оставить половину груза!

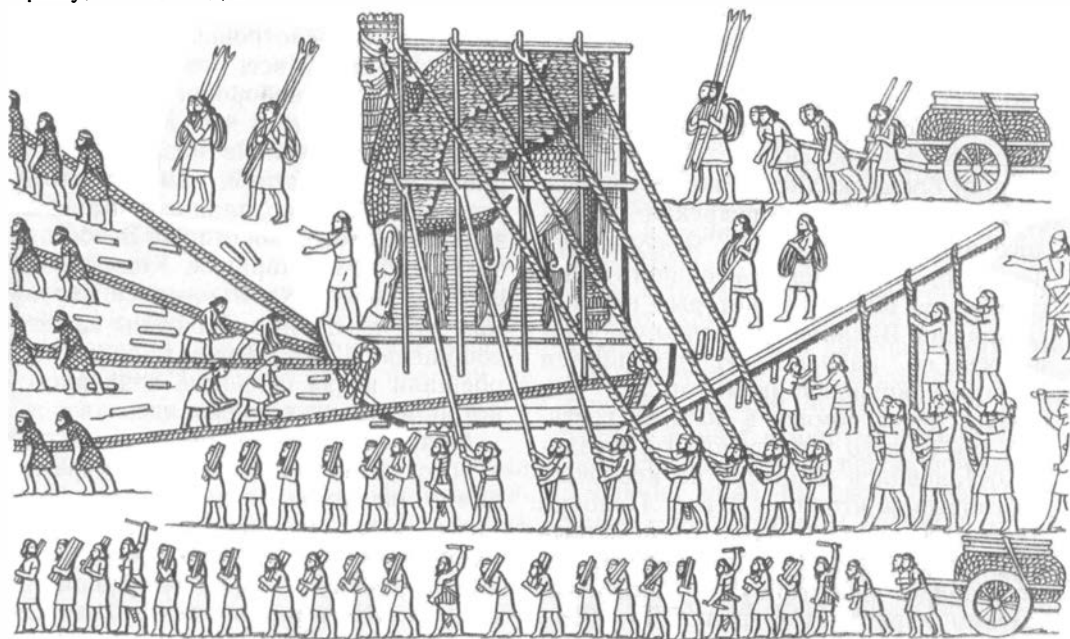
— Оставить!— воскликнул Мукар. Да мне за это снимут голову!

— Не снимут!— проговорил торопыга.— Но если мы опоздаем в Экбатаны хотя бы на один день, то окажемся в лапах ассирийцев.

Продолжения спора я не услышал, так как заснул. А может быть, его и не было, так как последний довод убедил Мукара. Во всяком случае, утром нам приказали высыпать половину содержимого мешков на землю. Образовалась горка зерна и горка сушеных

Передвижение ассирийцами колоссального каменного быка с человеческим лицом, хранителя царского дома. Бык укреплен на деревянной платформе, которую приподнимают сзади бревнами, а спереди тащат канатами, все время подкладывая катки.

винной платформы, которую приподнимают сзади бревнами, а спереди тащат канатами, все время подкладывая катки.

фиников. Вот попотешились мыши и птицы!

«Почему нам надо поспеть в Экбатаны к определенному сроку? Почему мы стали опасаться ассирийцев?» — эти вопросы одолевали меня все утро следующего дня. «Не ожидает ли нас одно из тех злоключений, о которых я слышал от седобородого иудея Саула?»

Да, вы еще ничего не знаете о Сауле! На нашей улочке, упирающейся в царские конюшни, рядом с лачугой моего дяди, давшего мне приют после смерти матери, живет иудейская семья. Саул и его внук Мовсес, мой ровесник, оказались в Вавилоне не по своей воле. Их, как и многих других иудеев, пригнали к нам по приказу ассирийского царя, да будет у него сто болячек в печени. Этого ему желает Саул каждое утро, после того, как воздаст молитву Яхве. Яхве — это бог иудеев, и они молятся ему одному, а не многим богам, как мы, вавилоняне. В свободное время я помогаю Мовсесу месить глину и раскладывать вылепленные горшки для просушки. Мовсес, как и я, сирота. Его родителей и старших братьев убили ассирийские воины, осаждавшие Иерусалим. Сестру увели в плен. Своей страны Мовсес не помнит. Зато Саул все помнит и любит рассказывать о своих злоключениях. Иногда же, вращая босой жилистой ногой гончарный круг, он поет, предвещая гибель логовищу львов Ниневии. Я любил эту песню, пробуждавшую ненависть к ассирийским шакалам, которые поработили и наш Вавилон. Особенно мне нравилось ее начало: «И поднимется на тебя сокрушающий молот...»

Как сейчас помню, в полдень третьего дня нашего пути торопыга внезапно остановился и присел на корточки, разглядывая что-то в песке. Подойдя ближе, я увидел глубоко врезанный след от обитого железом колеса, пересекавший натопанную ногами и копытами караванную тропу. Да, здесь

проехала боевая колесница, одна из тех, какие мне приходилось видеть много раз. Но, видимо, след рассказал торопыге о том, о чем я не догадывался. Лицо его побледнело. С криком: «Мы опоздали!» — он бросился к дядюшке Мукару. После этого мы погнали мулов еще быстрее. Пустыню огласил свист бичей и ругань. Но все было напрасно. На закате нас догнали ассирийские всадники. Среди них был курчавобородый воин, тот, что осматривал наш караван близ Вавилона. Эти вонючие псы связали нас и бросили на песок. «Что вы делаете! — причитал дядюшка Мукар. — Мы мирные торговцы. Наш господин Эгиби — первый друг наместника Набупаласара, слуги ассирийского царя».

— Слуга? — завопил курчавобородый, занося плеть. — Он предатель, как вы все!

С этими словами он хлестнул старика по лицу. Мукар не издал ни звука. Но торопыга, замычав, стал в бессильной ярости кататься по земле.

Ассириец, расхохотавшись, дал знак разводить костер. Так как кизяков было мало, воины распотрошили наши тюки и бросили в огонь все, что могло гореть.

Слова курчавобородого объяснили мне все. Я понял, что Набупаласар, которого в Вавилоне называли ассирийским прихвостнем, изменил своему господину. Видимо, план измены возник задолго до того, как старый Эгиби приказал собирать караван. Кому-то пришлось в голову воспользоваться караваном для передачи в Экбатаны важного сообщения. Два лишних сикля нам обещали не за скорость, а за риск, о котором мы не догадывались.

Меня завязали слабее, чем других. Ночью, когда костер погас, я перегрыз ремни на ногах и высвободил руки. После этого я незаметно подполз к моему загадочному соседу. Я хотел ему помочь освободиться от пут. Но он прошептал: «Не теряй времени, Даян. До-

берись до Экбатаны и передай: колесницы должны соединиться у Змеиного лога. Запомни, у Змеиного лога». Вот каким было поручение, данное этому человеку.

Его пришлось выполнить мне. Не буду говорить о том, как мне удалось уйти незамеченным, как я, блуждая по пустыне, добрался до Экбатаны. Скажу лишь, что первым, кого я встретил у ворот, был младший Эгиби. После всего того, что мне пришлось пережить, эта встреча не могла меня удивить. Это было недостающее звено кем-то сплетенной цепи событий.

Эгиби бросился ко мне.

— Даян! Почему ты один?

— Караван захватили ассирийские собаки, — ответил я. — Нас связали. Но мне удалось бежать. Тот, настоящего имени которого я не знаю, велел передать: «Колесницы должны встретиться у Змеиного лога».

Эгиби расцеловал меня и бросился в город. Прошло совсем немного времени, и из Экбатаны вышли колесницы. Их было сорок. Возницы гнали горячих коней. Стоявшие рядом с ними стрелки потрясали длинными луками. Мидийцы, стоя по обе стороны улицы, провожали воинов приветственными кликами. И хотя я не знал мидийского языка, нетрудно было понять, что народ желал победы над ненавистными ассирийцами.

Остальное вы все знаете. Наши вавилонские и мидийские колесницы соединились и совершили победоносный поход к Ниневии. Под ее стенами было искромсано пешее ассирийское войско. А ассирийские колесницы подойти не успели: они находились в то время в Финикии.

Когда я с младшим Эгиби прибыл к Ниневии, тараны еще дробили ее стены. Мне и раньше приходилось видеть эти удивительные машины. Но впервые я наблюдал их в действии. Подобно гигантским медным быкам, они били

лбами по стенам, поднимая столбы пыли. Ниневийцы пытались помешать работе таранов и лили со стен раскаленную смолу, но она не причиняла осаждающим вреда, так как они сразу отбегали, как только появлялись ассирийцы с ведрами.

Не выдержав натиска, стена в одном месте рухнула, и воины тотчас же ринулись в проем. Из города доносился звон мечей, крики и стоны. Все новые и новые отряды входили в Ниневию.

Наконец удалось открыть ворота, и колесницы, стоявшие в лошине, с грохотом помчались к Ниневии. Видя, как вращаются огромные колеса с насаженными на ось серпами, я вспоминал песню старого Саула: «И поднимется на тебя сокрушающий молот. По улицам несутся колесницы, гремят на площадях. Блеск от них, как от огня. Сверкают, как молнии».

Когда мы с младшим Эгиби вошли в город, всюду валялись тела убитых в позах, в каких настиг их Нергал. Какой-то торговец ташил двух полуголых женщин с распущенными волосами. Они упирались и кричали, что в доме напротив остались их дети.

Колесницы стояли на главной площади, набитые кожаными мешками с выпиравшими из них предметами — как я понял, золотой и серебряной утварью и посудой. Возничие и стрелки несли из массивных ворот, украшенных огромными каменными фигурами полулюдей-полубыков, все новую и новую добычу. Двое с трудом ташили большой ковер. Кто-то укрепил у себя на голове сверкающий золотом и драгоценными камнями светильник. На него натолкнулся другой, с мешком. Мешок упал, и землю усеяли жемчуг и золотые кольца. К ним бросилось несколько пеших воинов. Колесничий упал на свои трофеи всем телом, но пехотинцы, оттянув его за руки и за ноги, стали набирать жемчуг пригоршнями, наполняя им колчаны для стрел. На вопль колесничего сбе-

жались его товарищи. Завязалась драка, в которую вступали все новые и новые бойцы, кажется не догадывавшиеся, что было причиной ссоры.

— Это надолго! — заключил Эгиби.— Мы можем спокойно осмотреть дворец, не опасаясь, что кто-нибудь примет нас за неприятеля и попытается обратить в рабство.

Пока мы шли по площади, Эгиби объяснил мне, что вражда между колесничими и пехотинцами столь же стара, как использование коней в военном деле. Колесничим больше платят, да и набирают их только из богатых семей. Им достается и большая добыча. После захвата города боевые колесницы превращаются в повозки с трофеями. Иногда за ними на веревках или на цепях тащат пленных, которым приходится бежать, когда погоняют коней. Пеший воин тащится за колесницами, глотая пыль. Отсюда и вражда!

Хотя дворец был уже разграблен, там было что посмотреть. Вдоль стен стояли каменные плиты с вырезанными на них изображениями. Они рассказывали о жизни ассирийцев лучше, чем это мог бы сделать самый красноречивый человек. Одни рельефы изображали строительство дворца: сотни фигур — одни копают землю и несут кирпичи, другие с помощью рычагов и канатов передвигают статую огромного крылатого быка с бородатым человеческим лицом. Рядом сцены битв — в камышовых зарослях, в лесу, на фоне гор. Царские лучники угоняют скот. Видно, что они спускаются с гор. Один из рельефов изображает штурм крепости. Воины поднимаются по штурмовым лестницам. Тараны на колесах приближаются к башне и вгрызаются в ее стены. Необыкновенно точно изображены детали вооружения — остроконечные медные племени лучников, металлическое покрытие тарана, круглые щиты и короткие копья в руках штурмующих.

— А что они делают с этим человеком? — показал я на изображение лежащего голого мужчины, окруженного несколькими курчавобородыми людьми.

— Уйдем отсюда, Даян,— сказал младший Эгиби.— Каким надо быть зверем, чтобы сдирать с пленников кожу.

— И так же они поступили с дядюшкой Мукаром и другими погонщиками? — вскрикнул я.

— О нет! — успокоил меня Эгиби.— Ассирийцы сдирают кожу только с царей. Дядюшка Мукар и главный царский возничий Летан не мучались. Им просто отрубили голову.

Слезы хлынули из моих глаз.

— Наш справедливый царь Набуналасар,— утешил меня Эгиби,— приказал отдать этим людям воинские почести и обеспечить их семьи, чтобы они ни в чем не нуждались. Ты же, по его распоряжению, как только достигнешь положенного возраста, будешь поставлен во главе царской конюшни. А пока поживешь у меня в доме.

Пройдя зал, который, судя по высокой кровати в его центре, служил спальней, мы увидели темный ход. Что-то треснуло под моими ногами.

— Наверное, это ход в царскую сокровищницу,— предположил я.

— Что ж, проверим! — бросил Эгиби и шагнул в темноту.

Вскоре мы оказались в продолговатом зале, все стены которого также были покрыты каменными плитами-картинами. Царская охота. Царь на колеснице, запряженной четверкой коней. Он натянул огромный лук. Стрела вот-вот сорвется с тетивы. Стоящий за царем возница едва сдерживает вожжами богатого украшенных коней. Куда же направлена стрела? В льва, уже пораженного тремя стрелами? Одна пронзила верхнюю часть передней ноги. Две другие торчат в шее. У раненого животного иссякают силы. Кровь по-

током льется из его полуоткрытой пасти. Но другой лев еще полон сил. Он в прыжке бросается на коня. Вовремя подоспевший охотник направляет копьё в его пасть.

Потом мы прошли в помещение, доверху уставленное полками.

— А вот и сокровищница! — радостно закричал я.

Эгиби наклонился к перевернутому ящику, валявшемуся на полу, и достал из него глиняную табличку. Несколько мгновений он вчитывался в нее и потом, обратив ко мне лицо, скорее пропел, чем проговорил:

— Ты не ошибся, Даян! Это сокровищница! Но не та, о которой ты думал. В этих полках тысячи книг, мудрость многих народов.

— Книги? — удивился я. — Зачем царям, сдирающим кожу с пленников, книги?

— Это библиотека другого царя. Мы в его дворце, соединенном переходом с другим, где мы были раньше. У этого царя, имя его Ашшурбанипал, были, кроме войны, еще две страсти — чтение и охота. Изображения на стенах того зала дают представление о первой из них. Этот зал воплощает его вторую и, как мне хочется думать, главную его страсть.

— Как же ты это узнал? — удивился я.

— В конце таблички библиотечный штамп: «Дворец Ашшурбанипала, царя четырех стран света, царя Ассирии».

— А о чем написано в этих книгах? — спросил я.

— Для этого надо их прочитать! — отозвался Эгиби. — У нас в Вавилоне найдутся для этого ученые люди.

Из темного прохода потянуло дымом. Туда, откуда мы пришли, пути нет. Кто-то поджег дворец царя-живодера. Но дворец Ашшурбанипала должен иметь свой парадный вход, свои ворота! Не теряя времени, мы кинулись бежать. Страх — плохой помощник!

Несколько раз, не замечая выхода, мы пробегали по одному и тому же залу. А дым все усиливался. Уже трудно было дышать. Наконец, мы попали на царскую кухню, увешанную тушами баранов и дичью. Видимо, царь не верил, что город так быстро падет и заказал поварам обед. Я открыл какую-то дверцу — это оказалась кладовка. Оттуда высочил какой-то мальчишка, наверное поваренок, едва не сбив меня с ног. Мы бросились бежать за ним, сообразив, что служащему дворца выход извещен.

И вот мы снаружи. Поваренок улепетывал от нас, как заяц. Но мы и не думали за ним гнаться. Мы смотрели на пылающий дворец. Быки парадных ворот были объаты пламенем, и казалось, что они шевелятся. Огонь успел переброситься на дворец, откуда мы только что выбрались.

— Да! — протянул я. — Тех книг уже никто не прочтет.

— Ты ошибаешься, Даян! проговорил Эгиби после некоторого молчания. — Книгам из глины не страшен огонь. Он, наоборот, их укрепит, и они, затвердев, как камень, станут доступны людям, которые будут жить и через тысячу лет.

Это все, что я хотел вам рассказать. Да, вот еще. Когда я прибыл в Вавилон, то не застал там Саула. Они с внуком вернулись в Иудею, так и не узнав от меня подробностей падения Ниневии.

¹ Экбатаны — главный город Мидии, государства, образовавшегося в середине VII в. до н. э. при объединении полукочевых мидийских племен.

² Более тысячелетия после правления Хаммурапи в Вавилоне сменялось как население, так и характер жизни. Невывалого расцвета достигла торговля. Возникли всеильные объединения торговцев, «торговые дома». Наиболее знаменитыми из них были «дом Эгиби» и «дом Мурашу».

³ Вавилон считался частью Ассирии, но находился на особом положении. Там правил вавилонский наместник, подчиненный ассирийскому царю.

КУРТАШИ

В VI веке до н. э. персы завоевали Двуречье, Малую Азию, Сирию, Египет и создали могущественную державу. Персидские цари взымали с побежденных дань и сгоняли их на работы по строительству дорог и дворцов. Герой рассказа — юноша из греческого города Малой Азии.

Знаете ли вы, что такое дорога на чужбину? Порою она напоминает клинок персидского акинака¹, нацеленного вам в грудь. Иногда же похожа на извивающуюся змею с пестрой шкурой. Она тянет за собой, и ты превращаешься в песчинку, бессильную противостоять этому вечному и враждебному тебе движению.

Возвращаясь к его истоку, я вспоминаю гудящую площадь моего приморского города.

— Где же справедливость? — вопрошал мой отец, обращаясь к окружающим.

Он был в фартуке, сером от каменной пыли: приказ сатрапа² застал его в мастерской.

— Старший сын — в царском флоте. Средний охраняет царскую крепость. А теперь забирают меньшего. Кто же возьмет из моих рук резец? Кто будет ваять статую для нашего храма?

— Надо царю жаловаться, — вставил кто-то. — Царь милостив. А у нашего сатрапа камень вместо сердца.

— Пожалуйтесь! — раздался чей-то голос. — Сам слышал, как седоволосый лидиец, пав на колени, умолял Дария, чтобы тот отпустил из войска старшего из пяти сыновей. «Обещаю тебе это, — ответил Дарий. — Возвращайся домой! Ты его увидишь».

Царь не обманул, ибо персы считают себя самым правдивым народом. Вернувшись в свое селение, лидиец увидел сына повешенным на воротах дома.

Люди ахнули, но сразу же стихли. Послышался цокот копыт. На площадь, тесня толпу, въехали всадники в высо-

ких шапках, с колчанами стрел на боку. За ними уныло брело несколько десятков юношей.

Я присоединился к ним, стараясь сдерживать рыдания. Рядом со мною встали Аристей, сын кузнеца, и Ксанф, сын ткача. Отныне мы были на царской службе и должны были следовать, куда укажут.

Так начался наш путь в Парсу. Название это произнес старший стражник, но он не объяснил, где эта Парса и зачем нас туда ведут.

Дорога не утомляла однообразием. То и дело нас обгоняли царские гонцы на взмыленных конях. Они меняли их на станциях, отстоявших на равных расстояниях друг от друга. Путь от Эфеса³ до Суз⁴ занимал у них семь дней. Так что царь, не выходя из дворца, мог узнать, что делается на краю его необозримой державы.

Несколько раз встречались отряды царских стрелков и пращников. Они возвращались в свои сатрапии после смотра, который устроил Дарий. Я слышал, что такие смотры проводились ежегодно. Начальники, представлявшие большие отряды хорошо вооруженных и крепких воинов, награждались, а те, кто приводил мало воинов или плохо их снаряжал, смещались.

По обе стороны дороги то и дело возникали живописные селения. Там шла своя жизнь, не похожая на ту, которую мы покинули. Судя по диковинным одеждам поселян, это были люди, говорившие на неведомых нам языках. Каждый день кто-нибудь из них молча выносил нам на дорогу пшеничные хлебы или ячменные лепешки, амфоры⁵ с козьим молоком или жидким красным вином, корзины с орехами или фруктами, ибо кормить проходящих по дороге воинов и царских людей тоже было царской службой.

На одном из привалов к нам, сидящим у обочины дороги, подошел молодой бойкий эллин⁶. Он был в дорож-

Акинак. Короткий меч с прямым клинком, распространенный на Востоке у иранских народов — мидийцев, персов, скифов. Ножны, в которых его носили у пояса, украшались изображениями животных и военными сценами. Персы брали с собой акинаки в могилы. Скифы приносили им жертвы как богам войны.

Царь Дарий охотится на львов. Оттиск на глиняном цилиндре. Царь в короне, стоя на колеснице, поражает стрелами царя зверей. В небе орел с человеческим лицом и в короне — герб персидской династии Ахеменидов. Слева надпись на трех государственных языках Персии — персидском, мидийском, вавилонском.

ном хитоне⁷ с рукавами, какие носят в Сирии, на плече у него висела кожаная сумка.

— Куда держите путь, земляки? — спросил он.

— В Парсу, — пробурчал Аристей, — а вот где она, одному Гермесу известно.

— Сейчас посмотрим, — сказал юноша, вытаскивая из своей сумки какой-то предмет.

Это была небольшая медная доска с нанесенными на нее очертаниями материков и островов, рек и морей. Длинная линия, соединяющая края доски, была той самой дорогой, по которой мы шли.

— Такую доску, — пояснил наш собеседник, — впервые вычертил мудрец

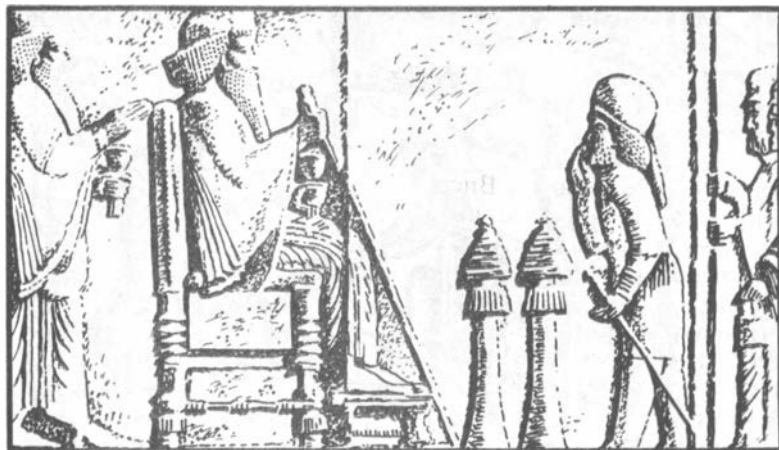

Вход в Персеполь. Ворота с такими же человеко-быками, как у ассирийцев.

Анаксимандр⁸, живший полвека назад. А теперь ею пользуются не только эллины, но и варвары⁹.

— Вы оставили Лидию с ее древними Сардами, — продолжал он, водя по линии пальцем с длинным, ярко окрашенным ногтем.

— Впереди Фригия, которую называют Великой. Здесь вы переправитесь через реку Галис и войдете в Каппадокию. Потом спуститесь в Киликию, рожающую белых коней. Мутный Евфрат

Дарий на троне с жезлом в руках принимает мидийского вельможу. За троном — его наследник Ксеркс, справа — царская стража.

Мидийские вельможи поднимаются по лестнице. Рельеф Персеполя.

Дарик. Золотая монета с изображением Дария в короне с царским жезлом и луком в руках. Впервые в истории на монете появляется изображение правителя, удостоверяющее, что монета заслуживает доверия. Персидские «стрелки» — так называли греки эти монеты — появились в Европе раньше, чем лучники армии Дария, и, бывало, склоняли греков к измене.

отделяет ее от Армении. Будьте осторожны! Здесь нападают разбойники. Миновав Армению, вы окажетесь в суровой Мидии. Затем вы пересечете еще четыре реки и подойдете к Сузам. Здесь кончится царская дорога. А вот где ваша Парса, тут не обозначено. Признаться, впервые слышу город с таким именем.

Новость эта была малоутешительной. Парса — это, наверное, какая-нибудь дыра на границе с Индией, куда даже и дороги нет.

Легко водить пальцем по медной доске. А каково идти, изнемогая от уста-

лости и зноя! Каково спать на голой земле под чужим небом, слышать вой шакалов и зловещий рык львов! У некоторых истерлась обувь, и они брели босиком. Я с благодарностью вспоминал отца, положившего в мешок лишние сандалии. Видимо, он догадывался, что наша дорога далека.

Однажды нам повстречался старик, по виду похожий на торговца орехами или сушеными фруктами. Он ехал верхом на ослике. Ослик помахивал головой, отгоняя мух, длинные уши болтались и били по волосатой морде.

Старик внимательно оглядел нас и кивнул одному из персов. Тот моментально спешился. Я был поблизости и услышал:

— Царю царей посылают свежую рыбу. Ему нужны крепкие курташи, а не гниль.

— Слушаю и повинуюсь, — отвечал воин, целуя подставленную ему руку.

В тот же день нам устроили дневной

привал в камышовых зарослях у реки. Какое наслаждение погрузиться в холодную воду и смыть вместе с пылью усталость!

Выйдя на берег, я вознес молитву богам, пославшим нам доброго старца.

Ксанф, знавший персидские порядки лучше меня, уверял, что этот старичок — высокопоставленный вельможа, наблюдающий за всем, что происходит в царстве, один из тех, кого называли «глаза и уши царя». По его словам, царь понатыкал этих глаз и ушей столько, что каждый должен держать язык за зубами, если не хочет отвратить царских плетей или попасть на острова.

Это был мудрый совет. И ему вы объясняли тем, что можете узнать о моих приключениях. Ибо я никогда не открывничал с малознакомыми людьми, предполагая в каждом царский глаз или ухо.

Перед Сузами мы сошли с царской дороги. Я подозреваю, что наши стражники опасались, что кто-нибудь из нас убежит, воспользовавшись многолюдием города, который остался справа от нас. Мы видели лишь стены из обожженного кирпича, скрепленного асфальтом, да кровли каких-то удивительных храмов или дворцов.

После Суз нам пришлось еще долго идти каменистой равниной. Порой мы обгоняли повозки, груженные стволами кедра, слоновыми бивнями, слитками бронзы. Но никто не обгонял нас. На десятый день пути мы достигли долины, ограниченной с обеих сторон голыми горами. Возделанные поля встречались все реже. На песчаных полосах пламенели редкие кусты терновника. Высоко в небе парил орел с распростертыми крыльями. И внезапно мне пришла мысль, которая вам, наверное, покажется дикой, что это тоже царский глаз, высматривающий, что делается внизу. Ведь недаром персидские цари избрали своим гербом эту хищную, зоркую птицу.

И вдруг на повороте мы увидели что-то сверкающее белизной. Наши стражники спешили и, пав на колени, вознесли молитву сначала огню, а затем другим богам. Из этого я понял, что наш путь завершен.

Впереди высилась Парса, цель нашего пути. В этой местности город казался каким-то сказочным видением.

Он не был похож ни на один из городов. Это был город-храм, созданный скорее для поклонения богам, чем для земной жизни. Лестница из белого камня вела к воротам, охраняемым юношами в златотканых одеждах. Их оружие ослепляло глаза. За воротами открывался дворец с колоннами высотой не менее чем в 40 локтей. Стены дворца были из кедровых досок, окна из слоновой кости.

Зачем же нас ведут сюда? Не затем же, чтобы мы могли полюбоваться этой красотой и рассказать о ней тем, кто ее не видал?!

И словно бы отвечая на этот вопрос, стражники приказали свернуть влево и идти в обход еще не достроенной городской стены. У подножия горной гряды мы увидели другой город, так не похожий на царский.

Сотни, а может быть, тысячи людей заполняли пространство, образованное горой и наполовину пересохшей рекой. Египтян можно было узнать по рукам, белым от глины, ибо в отличие от других они месят глину руками, а тесто ногами. На груди и ногах у фракийцев¹⁰ были диковинные узоры, выколотые иглой и заполненные краской. Согдийцы¹¹ были в кожаных штанах, саки¹² — в остроконечных шапках. Одни с помощью длинных кольев переворачивали каменные глыбы, другие что-то лепили из глины. В нескольких местах поднимались столбики дыма. Из медных котлов тянулся дразнящий запах вареного мяса и бобов.

— Курташи, — сказал стражник, показывая на лагерь.

Так нам стало ясно, что персы называют курташами людей, согнанных на царские работы. И наша служба будет состоять в том же. Мы должны будем сделать новую царскую столицу еще прекраснее, пристроить к старым дворцам новые, вырыть цистерны для воды, укрепить стены башнями. Мало ли найдется работы в городе, который должен превзойти столицы других царей настолько, насколько персидский царь превзошел их своим могуществом.

На следующее утро для меня началась новая жизнь. Совершив молитву Гелиосу¹³, я брался за молот, ибо начальник над курташами определил меня в десятку каменотесов, а моих земляков в десятки златокузнецов и ткачей. Пока я обтесывал мраморный столб, чтобы он блестел, как серебро, Аристей ковал золотые кольца для завес, а Ксанф ткал из шерстяных нитей завесы белого и яхонтового цвета. И хотя то, что выходило из наших рук, было задумано как часть целого, мы, творцы единой красоты, не могли встретиться друг с другом, чтобы обменяться словами утешения и вспомнить о родине, ибо начальник над курташами определил — людям разных десятков жить и работать порознь.

И были в моем десятке, кроме меня, три киликийца, два финикийца, три лидийца и египтянин по имени Небвер. И стоял над нами десятник по имени Багапата, рыжебородый перс с колючими глазами и гибкой палкой. Он бил ею по спине, по бокам, куда попало, если молот медлил в наших руках. В первые дни больше всех доставалось мне, и по ночам я стонал от боли и обиды. Тогда Небвер показал мне, как обращаться с молотом, чтобы меньше тратить сил и создавать вид, что работаешь. Я внял его совету, и палка Багапаты почти не свистала над моей головой.

Каждую неделю на верблюдах и быках подвозили наш «гал», как персы

называли паек. И мы получали полбарана, бар¹⁴ ячменя, ка¹⁵ масла, четыре горсти фиников. Десять женщин с младенцами мужского пола получали вдвое меньше, а женщины с младенцами женского пола в четыре раза меньше, потому что персы дороже ценили мужчин. Одна из женщин — ее звали Ануу — была приставлена к нам, чтобы молоть зерно и печь хлеб. Это была ее работа. Она кормилась вместе с нами, но жила в женском шатре вместе с четверодольницами, так называли женщин, родивших девочек.

Как ни старались разобщить нас Багапата и стоящие над ним, мы вскоре научились понимать друг друга. Ибо, кроме языков, каким нас обучили матери, есть язык товарищества, и кроме богов, каким поклоняются многочисленные народы земли, есть единое для всех угнетенных божество. Имя его — Свобода. Оно звучит по-разному на разных языках, но желанно для всех.

Небвер к тому же знал мой родной язык, поскольку он был родом из города, где жило много эллинов.

Сколько удивительных историй услышал я от Небвера. Более всего мне запомнилась одна. Я передам ее слово в слово, ибо эллины рассказывают ее по-другому.

Однажды царь Камбиз отправился завоевывать Египет и, покорив его, возвращался в Персию. Случилось так, что он упал с коня и накололся на свой же меч. Пока он лечился от раны, на престол сел его брат Бардия. Узнав об этом, Камбиз был охвачен яростью и от нее умер. Бардия был хорошим царем и облегчил тяготы простого люда, уменьшил налоги, перестал сгонять людей на строительство дорог и дворцов. Это не нравилось знатым персам, и они распустили слух, будто бы вместо Бардии правит какой-то самозванец — жрец, похожий на него и принявший его имя. В конце концов семь знатных персов ворвались в его дворец и убили

Бардию, выдав его за самозванца. Потом они стали решать, кому из них быть царем, и постановили отдать престол тому, чей конь в праздник солнца заржет первым.

Был среди этих семерых некий вельможа Дарий. Он поставил в конюшне вместе со своим конем кобылицу, а потом увел ее. В ночь перед праздником он вывел стреноженную кобылицу за городские ворота, и когда семь персов выехали на равнину перед городом, конь Дария почуял подругу и призвал ее к себе радостным ржанием. Тогда шестеро спешили и, пав ниц, провозгласили Дария царем царей.

— Неужели с помощью такой хитрости, достойной какого-нибудь конюха, можно стать во главе огромного государства? — удивился я.

— Можно, — проговорил египтянин, — если соединить хитрость с обманом. — Ведь сначала надо было очистить престол от Бардии. В этом обмане участвовало семь персов. Затем требовалось устранить шестерых.

— Хотел бы я хоть одним глазом взглянуть на этого обманщика и хитреца! — воскликнул я.

— Завтра ты его увидишь, — сказал Небвер.

— Завтра? — удивился я. — Откуда у тебя такая уверенность?

Но египтянин закрыл мне ладонью рот.

— Спи! Мы и так проговорили полночи.

Наутро, когда мы тянулись гуськом на работу, Небвер обратил мое внимание на плиту с рельефным изображением человека в длинной одежде. Он восседал на троне с витыми ножками. У него было лицо мудреца.

— Вот и Дарий! — шепнул мой друг. — Смотри в оба и запоминай!

— Я себе его представлял другим! — протянул я. — К тому же, можно ли верить художникам? Царя надо видеть живым.

— Не могу ничем тебе помочь! — улыбнулся Небвер. — Царь не приглашит курташей на пир. Да и бывает он в Персеполе лишь раз в году.

— Раз в году! — воскликнул я.

Багапата подошел к колоннам, над которыми мы работали вчера, и, не оставиваясь, повел нас дальше.

Через несколько минут мы стояли у разложенных на земле каменных плит. Они были вдвое меньше той плиты, на которой был Дарий. Плиты были гладкими, но на одной из них углем были вычерчены клетки, как на доске для игры в шашки. И в клетках была нарисована фигура воина во весь рост.

— Насколько я понял, это царский гвардеец? — сказал я.

— Бессмертный! — поправил Небвер. — Так их здесь называют. Но бессмертие ему дадим мы. Бери резец и молот. Смотри, Багапата уже схватился за палку.

И застучали наши молотки. Я работал с одной стороны плиты, Небвер — с другой. Кусочки камня отлетали в стороны. Вверх поднималась пыль, и мы отворачивали головы, чтобы защитить глаза. Бессмертный выходил из клеток, приобретая все большее сходство с живым воином.

— Подумай! — сказал Небвер, не оставляя молотка. — И через тысячу лет он будет жить в камне.

— Да! Да! Да! — вторил я в такт его словам. — Вот вырисовывается его кулак, бессмертный кулак.

— Ба-га-па-ты ку-лак! — подхватил Небвер, стуча молотком. — Вот древко, вот наконечник копья.

— А я не хочу бессмертия копья, бессмертия палки. Пусть будет бессмертна красота. Я хочу высекать изваяния богов, бессмертных богов. Я хочу быть свободным как птица.

— Да! Да! Да! — яростно колотил Небвер молотом по резцу. — Я с тобой заодно. Да! Да! Мы отыщем дорогу к свободе.

¹ Акинак — короткий меч, употребляемый персами, а также скифами.

² Сатрап — высокопоставленный персидский чиновник, правитель крупной области Персидского царства.

³ Эфес — один из крупных греческих городов на побережье Эгейского моря. В конце VI и начале V века до н. э. Эфес входит в Персидскую державу.

⁴ Сузы — одна из четырех столиц Персидской державы, зимняя резиденция персидских царей. Другие столицы: Экбатаны, Пасаргады и Парса (Персеполь). Последняя во время действия рассказа еще строилась.

⁵ Амфора — глиняный сосуд емкостью в несколько литров.

⁶ Эллыны — самоназвание народа, известного римлянам под именем греков.

⁷ Хитон — греческая одежда наподобие длинной рубахи.

⁸ Анаксимандр из Милета (610—546 годы до н. э.) — греческий ученый, создавший карту, солнечные часы и астрономические инструменты.

⁹ Греки называли варварами всех не греков, в том числе египтян и вавилонян.

¹⁰ Фракийцы — обитатели Фракии, области на севере Балканского полуострова.

¹¹ Согдийцы — обитатели Согдианы, одной из персидских сатрапий, расположенных на территории современного Туркменистана.

¹² Сакхи — персидское название скифских племен.

¹³ Геллос — у греков бог Солнца.

¹⁴ Бар — 10 л.

¹⁵ Ка — около литра.

ОТДАННЫЙ В ЗАЛОГ

Действие рассказа относится к V веку до н. э. Его герои — вымышленные лица. Но отношения между ними основываются на древнеиндийских законах, приписываемых Ману.

Я мчался изо всех сил, словно бы меня догоняли слоны. Но им не было до меня дела. Слоны пришли ночью, когда наша деревня была погружена в сон, и превратили молодые побеги риса в голую безобразную землю с ямами и рытвинами от огромных ног. Особенно пострадали от набега участки у леса и среди них клин моего отца.

На краю деревни я обогнал Рихаса.

Участок его отца, кшатрия¹ Пентара, также пострадал от набега слонов. Но, кроме риса, семье Рихаса принадлежало небольшое ячменное поле в ложине, куда слоны не зашли. Для нас же рисовое поле было единственной надеждой. Двадцати мер едва хватало от урожая до урожая, а теперь и одной не собрать.

— Куда ты несешься! — прокричал мне вдогонку Рихас. — Все равно беды не обгонишь.

Но я не остановился, хотя пот заливал мне глаза и ноги подкашивались от усталости. Меня гнали вперед волнение и страх. Что скажет отец? Ведь это я вместе с Рихасом караулил рисовое поле. Я должен был бить в медный гонг, чтобы поднять тревогу. А вместо этого уснул и не заметил слонов.

Выслушав мой сбивчивый, прерывавшийся всхлипываниями рассказ, отец побледнел. Но ни слова упрека не вырвалось из его крепко стиснутых зубов.

— Жди меня здесь! — сказал он и решительно двинулся в сторону леса.

Весть о несчастье облетела деревню. На площадь у дома брахмана² высыпали стар и млад. Старцы, поглаживая белые бороды, вспоминали о бедствиях прежних лет — градах, пожарах, наводнениях. Много лет назад в соседнем лесу поселился тигр-людоед, похищавший женщин и детей. Но слоны никогда еще не нападали на нашу деревню. Наверно, кто-нибудь прогневал богов.

Тем временем вернулся отец. За этот час он постарел. Спина его согбилась, плечи стали острыми, глаза потускнели.

— Пойдем! — сказал он строго.

Мне стало страшно. Я поднял голову, стараясь прочесть в глазах отца его решение. Не хочет ли он принести меня в жертву, как это делали древние герои со своими непослушными сыновьями?

Поняв мои страхи, отец опустил ладонь мне на лоб. И я понял, что он не гневается.

— Когда я был в твоем возрасте, — продолжал он мягко, — наше поле

сожгла засуха. Твой дед, да воплотится он в своей следующей жизни в брахмана, отправился со мною в город. Мы достали зерно для урожая. Я хорошо запомнил дом ростовщика.

Так я впервые услышал это слово: «ростовщик». Я решил, что это городской колдун, умеющий выращивать рис даже на раскаленных камнях. Иначе бы откуда он мог иметь рис в городе и раздавать его тем, кто испытывает нужду.

Дом ростовщика стоял за каменным забором. Внутри вела скрипучая железная калитка. Таким же скрипучим был голос лысого человека, не очень любезно пригласившего отца во внутренние покои.

Оставшись во дворе, я разглядывал гладкие каменные плиты с растущими в щелях чахлыми травинками. Затем внимание мое привлек большой железный котел, висевший на палке между двух столбов. Из котла валил пар, и я не сразу заметил стоявшего у стены мальчика. «Наверное, это подручный колдуна», — подумал я. Я слышал, что колдуны собирают травы и вываривают их вместе с жабами и змеями.

— Подойди сюда! — крикнул мне мальчик.

Вблизи я удивился его худобе.

— Нет ли чего поесть? — спросил он.

Я отломил кусок лепешки, которым снабдила меня мать.

Поев, мальчик рассказал, что отдан в залог живоглоту, и выразительно показал на дом.

Слово «живоглот» было мне понятно. В сказках говорилось о демонах, живьем проглатывающих людей.

— А какой он из себя? — спросил я.

— Да ты же его видел! — отозвался мальчик. — У него голова лысая, как колено, а нос крючком.

— Так это и был ростовщик! — воскликнул я.

В это время открылась дверь и на пороге показался отец.

— Вот мы и с зерном для посева, — сказал он, когда мы вышли наружу. — Завтра я приеду за ним в город. Полторы меры за меру.

Я не сразу понял смысл последних слов, и отец пояснил:

— За каждую меру зерна, которую мне ссудит ростовщик, после получения урожая надо будет отдать полторы.

И тогда я догадался, почему мальчик называл ростовщика живоглотом.

На следующее утро я уже играл с Рихасом и, конечно же, рассказал ему о том, что был в городе у ростовщика, о дворе, мощенном каменными плитами, железном котле и мальчике, которого не кормят.

— Мой отец тоже был в городе, — сказал Рихас. — Он взял у ростовщика рис — четыре меры за три.

— Четыре за три? — удивился я. — Мой отец должен отдать полторы за одну.

— А мой — четыре за три, — настаивал Рихас.

— Почему же мой отец должен отдать больше? Он же беднее. У него нет ячменного поля.

— Не знаю. Наверное, надо было найти доброго ростовщика.

В тот же день я рассказал отцу о нашем разговоре.

— Не может быть! — сказал он. — Ты что-то напутал.

— Но Рихас говорит — четыре за три. Зачем ему врать?

Это объяснение не убедило отца, и он вышел, чтобы узнать, как было на самом деле.

Вернулся он мрачнее тучи.

— Ты прав, — сказал он. — Ростовщик тот же. С меня он взял полторы за меру, а с него четыре за три.

Мать набросилась на отца с плачем:

— Вечно тебя обманывают!

— Успокойся! — сказал отец. — Я пойду жаловаться царю. Ведь царь — защитник слабых. Не даром ведь говорится: «Если бы царь не наказывал

сильных, они изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле»³.

Слова эти успокоили мать, и она сказала:

— Попроси царя, чтобы он отогнал слонов, ведь они снова растопчут наш рис. Это же несправедливо, чтобы люди работали, а лесные звери уничтожали их труд.

— Обязательно скажу, — пообещал отец.

Через несколько дней мы отправились в столицу. Это был очень большой город, наверное в десять раз больше того, где жил ростовщик. Дом царя — отец назвал его дворцом — находился за стеной, такой высокой и крепкой, что ее не смогли бы сломать даже слоны. Во дворец можно было войти через огромные ворота, но мы туда не вошли, потому что воины преградили нам путь копьями, а их начальник сказал, что если у отца есть дело к царю, то он может обратиться к царскому судье на базарной площади у трех башен.

Базарная площадь была полна людьми, сновавшими в разных направлениях, что-то продававшими и покупавшими или просто бродившими без дела. От толчеи, обилия невиданных товаров, гомона у меня закружилась голова. Я прижался к отцу, боясь отстать от него и затеряться в толпе.

— Дорогу! Дорогу! — слышались чьи-то голоса.

Мы отступили, чтобы пропустить быков. Они везли большую клетку на колесах. За решеткой из кольев были видны люди в жалких лохмотьях.

— Кто это? — спросил я. — Почему они в клетке, как звери?

— Преступники, — шепнул отец. — Они нарушили закон, и теперь их везут по городу для примера другим.

Я живо представил себе, как в клетку бросят ростовщика. Мне стало его жалко. Лучше уплатить лишнюю меру зерна, чем подвергать человека, пусть даже плохого, таким мукам.

Надо было видеть возмущение отца, когда я поделился с ним мыслями.

— Чего его жалеть! — кипятился он. — Ведь он нас не пожалел. Пусть себе сидит рядом с ворами и убийцами.

Наконец мы подошли к месту, где велся суд. Царский судья сидел на возвышении, так что виден был всем. Его одеяние сверкало золотыми нитями, шапка — драгоценными камнями. По обе стороны от него сидели на корточках писцы и что-то царапали на пальмовых листьях.

Прошло немало времени, пока очередь дошла до моего отца и он предстал перед очами царского судьи. Я был недалеко и слышал все, о чем они говорили.

— Из какой ты касты? — спросил судья.

— Из вайшьев⁴, — ответил отец.

— И что же ты хочешь от закона?

— Справедливости. Ростовщик ссудил мне меру зерна за полторы, а моему соседу три за четыре.

— А кто твой сосед?

— Кшатрий Пентар.

— Тогда ростовщик прав, — отозвался судья. — Процент взят в соответствии с кастой, к которой ты принадлежишь. Но если бы он и не был прав, разве тебе неизвестно, что закон запрещает должнику жаловаться на человека, давшего ссуду. За жалобу ты уплатишь в царскую казну штраф, равный стольким мерам зерна, сколько ты взял в долг.

Отец словно онемел. У него не нашлось слов, чтобы сказать о слонах, растоптавших наш рис.

— Следующий, — произнес судья, и отца оттолкнули.

Так мы ни с чем вернулись в деревню.

В день сбора урожая к нам явился писец с пальмовым листом и, показывая пальцем на нацарапанные значки, потребовал зерно для царя. Отец не стал спорить, потому что боялся попасть в клетку на площади. А после того как

рассчитались еще и со сборщиком налога, зерна осталось едва на посев. И отец сказал мне и матери, чтобы мы держали дом на запоре и никого не пускали.

Прошло время отдачи долга, а ростовщик не появлялся, словно он о нас забыл. Я стал выходить из дому и, как прежде, играл с Рихасом. Однажды, когда я прятался от него за деревом, на дорогу выехала повозка, запряженная парой волов. У возчика был такой вид, словно он кого-то искал. И хотя это был незнакомый человек, я его не испугался. Мне показалось, что он просто заблудился. Когда я подошел к нему, он молча схватил меня и заткнул ладонью рот. Через несколько мгновений я оказался в повозке. Рихас так и не нашел меня и не догадался, что со мною. И только через несколько дней меня отыскал в городе отец. Как вы понимаете, человек, который меня схватил, был послан ростовщиком. Этот живоглот взял меня хитростью вместо долга⁵.

Теперь я живу в доме ростовщика и выполняю тяжелую и однообразную работу. От голода я стал таким же худым, как тот мальчик.

Прошло уже два года, а отец все не может отдать свой долг, и он растет, как тесто в деревянной бадье. Давно уже я забыл о наших деревенских играх и развлечениях. Дни длинные, а хозяин суров, хотя он и не заставляет меня выполнять нечистую работу — для этого есть шудры⁶. Они живут отдельно и едят свою особую пищу. Но я им завидую: их много, а я один, и мне не с кем обменяться словом. Сначала я пробовал подходить к ним, но надсмотрщик каждый раз больно бил меня, напоминая, что я из касты дваждырожденных и не должен осквернять себя общением с шудрами.

Иногда ко мне подходит ростовщик. У него колючие глаза и скрипучий голос.

— Работай, мальчик, работай! Не да-

ром же я кормлю твоего отца и тебя, — твердит он, и глаза суживаются, тонкие губы растягиваются.

И опять я мешаю варево в котле, а когда солнце понуро спускается за каменный забор, я падаю на свою истертую циновку и жду, когда придут слоны. Они явятся ночью, когда все уснет в доме ростовщика. Слоны раздавят каменные стены своими огромными ногами и найдут хозяина. Они гневно протрубят на весь город. И тогда я проснусь, чтобы бить в медный гонг.

¹ Кшатрии — каста воинов в Древней Индии, занимавшая в государстве второе место после брахманов.

² Высшая каста в Древней Индии. Как жрецы, брахманы жили на приношения верующих. Согласно верованиям древних индийцев, каждый после смерти в зависимости от соблюдения установленных жрецами законов мог перевоплотиться в человека более низшей или высшей касты или даже в животное.

³ Это изречение взято из законов Ману, которыми в Индии пользовались вплоть до III века н. э.

⁴ Вайшьи — каста земледельцев, скотоводов и торговцев.

⁵ Законы Ману, определявшие все стороны жизни древних индийцев, разрешали получать долг любыми средствами, в том числе и хитростью.

⁶ Обязанностью касты шудр считалось услужение «дваждырожденным», т. е. людям из первых трех каст. На шудр возлагались работы, которые религия считала нечистыми.

ЛЕГЕНДА О БУДДЕ

Во второй половине VI — начале V века до н. э. в Северной Индии жил Гаутама — Будда, основатель одной из широко распространенных и в наши дни религий — буддизма. В позднейших легендах о жизни Будды немало вымыслов и преувеличений, но они в поэтической форме объясняют сущность учения и причины его успеха.

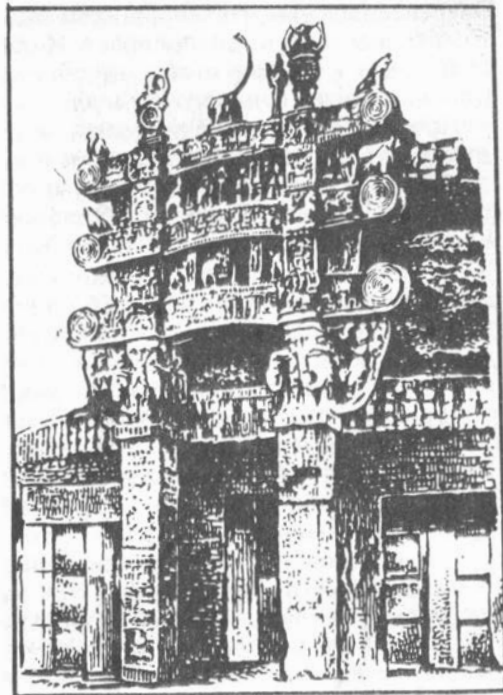
У подножия седых Гималаев раскинулась страна Кошала. Испокон веков ее занимали сакья, считавшие себя внука-

Олень Руру. Каменный рельеф. Миф об олене Руру принадлежит к числу таких же древних мифов, как предание об амрите. Олень Руру подвергся нападению охотника, стрелка из лука, но был спасен божественной

девой Менакой, дочерью Брахмы, которая стала его супругой.

Каменные ворота ступы в Санче, украшенные резьбой, которая изображает деяния Будды.

ми Солнца. У царя этого племени родился первенец, которому дали имя Гаутама. На седьмой день после рождения сына умерла его мать.

Отец решил посвятить свою жизнь сыну. Он приказал огородить дом высокой стеной, чтобы ничто не могло смутить юную душу. В ворота пропускали только красивых и хорошо одетых людей. Прожив двадцать девять лет, став мужем и отцом, Гаутама ни разу не выходил за ворота и наивно полагал, что всюду живут так же беззаботно, как он.

Он бы и дольше пребывал в этом счастливом неведении, если бы от стены не отвалилось несколько камней. Гуляя по саду в сопровождении верного слуги, Гаутама обнаружил отверстие и выглянул в него. Его взору предстала каменистая дорога и бредущий по ней человек. Спина его была согнута, словно он нес какую-то невидимую тяжесть.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — отвечал слуга.

— Почему он согнулся?

— От долгих лет, — ответил слуга.

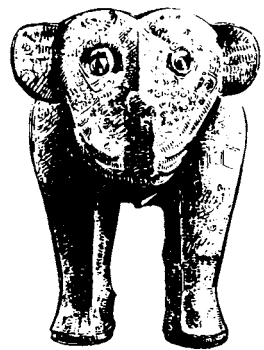
— Значит, и я буду таким, — задумчиво промолвил Гаутама.

Его прекрасный лоб впервые прорезала морщина. Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича. С того дня словно какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый мир.

Как-то он увидел странное зрелище. Четверо несли на плечах носилки, в которых недвижимо лежал бледный человек. Сзади шло несколько десятков мужчин и женщин. Слышался плач.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого, — отвечал слуга.

Настенная живопись VI в. в пещере Аджанты. Фигуры мужчины и женщины дают представление об облике древних индийцев и их украшениях.

Будда. Скульптура I в. до н. э. Под сиденьем Будды изображены его почитатели в виде фигурок на коленях.

Сосуд для жертвоприношений в форме слона (1120 – 770 гг. до н. э.).

— И я умру? — спросил Гаутама.
Слуга молча отступил, вспомнив о приказе царя. Никто не заметил первой горькой складки у рта царевича.

Вечером того же дня, отослав слугу, Гаутама сам подошел к стене. Он увидел, что по дороге идет человек и звенит колокольчиком.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама.

Человек сделал несколько шагов и остановился. И тогда царевич увидел, что лицо незнакомца сморщено, как кожура печеного яблока, а грудь в язвах и струпуях.

— Кто ты? — спросил Гаутама.

— Разве не слышишь, я прокаженный.

— И ты зовешь людей на помощь?

Из уст прокаженного послышался звук, напоминающий бульканье кипящей воды. Это был смех.

Нет! Я звоню, чтобы они разбега-

лись. Много лет я не слышал человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из глаз его хлынули слезы. В них расплылись очертания стены, отделявшей его от людей. Мир, полный горестей, звал к себе. И царевич шел, повинувшись этому зову.

С тех пор во многих городах и селениях Индии видели удивительного странника. Судя по остаткам дорогой одежды, он происходил из богатой семьи. Но его не привлекали дома, откуда доносились музыка и веселый смех. Он появлялся в хижинах бедняков, где слышались плач и стоны. Став добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал раны. Для слепых он был поводырем. Юноша стоял у шалаша чандала¹, питающегося одними отбросами из разбитой посуды, и на его лице не было отвращения.

Однажды Гаутама, прося подаяние, пришел в главный город страны магдхов. Царь увидел его с террасы дворца.

— Взгляните! — воскликнул царь, показывая на юношу приближенным. —

Бронзовый кубок с двумя ручками, украшенный извивающимися змеями и другими затейливыми узорами (IX в. до н. э.).

Он держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода! Эй, слуги! Приведите его ко мне!

Пока слуги выбежали за ворота, незнакомец исчез. Царь обещал вознаградить каждого, кто укажет, где живет юноша царственного вида в нищенских отряпях.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов не удалось удовлетворить любопытство владыки.

Склонясь перед троном, пастух сказал:

— О, великий царь! Юноша, которого ты ищешь,— отшельник. Он живет в горах, в жалкой хижине.

Услышав эти слова, царь приказал запрячь коней и отправился в горы. Когда дорога кончилась, он сошел с колесницы и двинулся к хижине пешком.

Переступив порог хижины, царь приветствовал отшельника и обратился к нему со следующей речью:

— Я увидел тебя, когда ты проходил мимо моего дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Брось эту хижину и переходи в мои покои. Но сначала скажи, откуда ты родом.

— Я из славного племени сакья, рожден в царском доме и покинул его, что-

бы узнать, как живет людям. Нет лучшей доли, чем та, что я выбрал.

И ушел царь, поняв, что отшельник тверд в своем решении. А Гаутама вновь пустился в странствия, чтобы познать людские горести. И когда его душа переполнилась ими через край, он отыскал в горах дерево, защищающее от палящих лучей, и ходил вокруг него. Прохожий мог бы подумать: «Этот человек охраняет зарытый под деревом клад». Но мудрец оберегал свою мысль, как еще не окрепшую молодую веточку на древе жизни.

Семь дней росла мысль, охраняемая неусыпным стражем, пока не стала истиной. Мудрец прошептал ее пересохшими губами: «Человек — это сосуд страданий. Страдание неизбежно. От него надо избавиться. Единственный путь к спасению — в искоренении желаний».

А потом он впал в глубокий сон. И явился к нему во сне враг истины Ма-

ра. Искушая мудреца, он воздвиг благоуханный сад.

— Отрекись! — вешал сладкоречивый волшебник. — Разве эти деревья и цветы не лучше, чем обладает человек?

— Нет, — отвечал мудрец. — Из цветов можно сплести много благоуханных венков, но они высохнут и опадут. Добрые дела — это венки, украшающие нас вечно. Аромат лотоса и жасмина распространяется по ветру. Добродетель проникает во все места, и нет аромата, который был бы ей равен.

И отступил Мара, раненный истиной. Но вскоре он вернулся. С ним были его юные и прекрасные дочери. Глаза у них были подобны чашечкам лотоса.

— Отрекись! — сказал злой волшебник. — И их красота будет твоей. Они отведут тебя во дворец и будут улаживать плясками.

— Нет! — отрезал мудрец. — Во время странствий я видел фокусника с размазанной деревянной куклой. Она танцевала так забавно. Но развяжи ниточки, и она распадется на кусочки. Что в ней пленит сердце? Красота истины не увядает.

И зашипел Мара, как кобра, когда ей наступают на хвост, и скрылся с глаз.

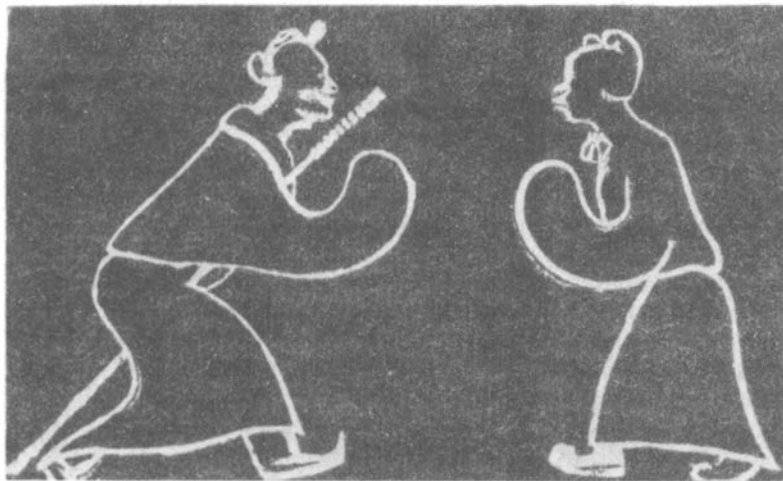
Потом он сводил с неба молнии, гремел громом, обрушивал скалы, но не мог сокрушить мудреца: человек, верный истине, крепче каменной горы.

Мудрец поднялся и твердым шагом спустился в долину. Там были люди, словно бы ожидавшие его прихода. Их было пятеро. Они были первыми, кому Гаутама возвестил истину. С той поры его стали называть Буддой (просветленным). На самом деле Просветленным он стал уже тогда, когда впервые был пронзен жалостью к людям.

Прошло много лет, и Просветленный, уже глубокий старец, пришел со своими учениками к тому самому дереву, близ которого он открыл первую из истин. Один из учеников, самый преданный и любимый, пал на колени, чтобы поклониться месту, где родилась истина. Просветленный поднял его и, взяв с земли горсть листьев, спросил: «Скажи, юноша, есть ли еще листья, кроме тех, что у меня в руке?» — «Осенние листья падают повсюду, —

Рисунок на пластинке из обожженной глины из гробницы II в. до н. э. Старец и божественная дева.

Один из участков Великой китайской стены в современном состоянии.

ответил ученик. — Их не счесть». — «Вот так и я, — сказал Просветленный, — дал вам лишь горсть истин, но, кроме них, есть бесчисленное множество других, которых не счесть».

* * *

Проповедь Будды и его учеников имела в Индии небывалый успех. Она была обращена к народу, к простым людям независимо от того, на каком языке они говорили, к какой касте принадлежали, каково было их имущество. «Не рождение, а лишь поведение делают человека либо членом низшей касты, либо брахманом», — учил Будда. Не нужно было обращаться с молитвами к богам, приносить им жертвы, как это предписывали брахманы. Достаточно, учил Будда, убедиться в том, что причина страданий, составляющих основу жизни, — в желаниях, в стремлении к власти, к богатству, к славе, к счастью. Тогда, поняв ничтожность и невыполнимость человеческих желаний, легко освободиться от привязанности к внешнему миру, от страха жизни и в полном равнодушии к ней достигнуть блаженной успокоенности — нирваны.

Достижение нирваны буддизм связывал с праведным поведением и образом жизни — с отказом от лжи и накопительства, пролития крови живых существ. Последователи Будды ходили зимой и летом босиком, чтобы случайно не убить насекомое. Они пили процеженную воду, ибо в ней также могли оказаться живые существа. Они не взрыхляли землю плугом, опасаясь нанести вред земляным червям. Истинные сторонники Будды — монахи — вообще не занимались производительным трудом. Они жили на подаяния.

На первых порах буддизм был «религией без богов». Будда не отрицал существования богов, от имени которых проповедовали брахманы. Но он считал, что боги не могут облегчить человеку страданий, ибо сами не избавлены от

них. Буддизм отрицал существование «вечной души», из которого исходило большинство существовавших религий. Новое учение выражало пассивный протест против таких порядков, при которых низшие слои были обречены на унижительное служение высшим. Не будучи воинственным отрицанием предшествующей религии, буддизм считал ее недостаточной, не обеспечивающей «спасения». Сторонники Будды думали, что до его появления мир был погружен во мрак и невежество.

Буддизм недолго был «религией без бога». Богом стал сам Будда. Было установлено поклонение его праху. Во многих местах Индии и на острове Шри Ланка (Цейлон) появились курганы, в которых будто бы были захоронены частицы тела Будды (зуб, локон и т. п.). Эти курганы назывались ступами. Возле ступ от отростков смоковницы, близ которой учитель будто бы достиг просветления, выросли священные деревья. В храмах появились изваяния Будды. Сидящий на цветке лотоса с неподвижным каменным лицом и опущенными веками, спокойный и безмятежный, как он не похож на того юношу, который окунулся в бездну страданий для того, чтобы познать истину, и на того старца, который тщетно предостерегал учеников, готовых его обожествить: «Надо искать истину, а не поклоняться тем, кто ее открыл».

¹ Чандалы — группа людей, стоящих вне кастового деления.

УЧЕНИК ВРАЧА

Индийские хирурги умелиправлять кости, лечить переломы, восстанавливать носы, уши, губы, потерявшие или искалеченные в бою или по приговору суда. Широко использовались лекарства растительного и минерального происхождения. Впервые в мире в Индии в III веке до н. э. были созданы больницы.

Мы шли правой стороной улицы, потому что там была тень. Учитель, как всегда, впереди, я — в двух шагах за ним. Ларец с инструментами и лекарствами оттягивал мне руку. Привычная ноша! Ведь я уже третий год живу у Чараки и сопровождаю его по городу, если больные нуждаются в срочной помощи. Городские мальчишки уже не дразнят меня деревенским олухом, а почтительно глядят вслед. Иногда я слышу завистливый шепот:

— Это Свами, ученик Чараки.

Конечно, вам не терпится узнать, как я стал учеником самого знаменитого врача Индии. Тогда слушайте.

Два года назад мы с отцом шли этой же улицей, по ее солнечной стороне. Не спрашивая ни у кого дороги, отец отыскал дом, ставший мне теперь родным. Впрочем, я думаю, его нетрудно было найти по толпе у входа. Мне никогда не приходилось видеть столько людей с повязанными головами или на костылях, охающих и стонущих. Многие рассказывали о своих болезнях. И все сердились, если кто-нибудь пытался пройти раньше своей очереди. Без очереди пропускали лишь укушенных змеями.

Уже вечерело. Зал был просторным, с чисто выбеленными стенами. Шкафы и стулья отбрасывали по полу длинные тени. Старец у окна показался мне тогда высоким и стройным, как юноша. Лицо его было строгим и задумчивым. Бросив на меня взгляд, он спросил:

— Мальчик! На что ты жалуешься?

— Он ни на что не жалуется, мой спаситель! — ответил за меня отец.

Чарака провел ладонью по лбу и грустно улыбнулся.

— Зрение мое ослабело: я тебя не узнал. Но голос твой мне знаком. Ты Ваянатха из деревни Лахаури. А это твой сын. И все-таки что с ним?

— Что может быть с мальчиком, когда ему десять лет? — сказал отец. — Он не нуждается в здоровье, как мы

с тобой. Я привел его затем, чтобы ты указал ему путь к истине. Ведь никто...

— Постой, — перебил Чарака. — Ты ведь знаешь, что у меня не школа, а больница. Я не учу, а лечу, точнее, исправляю изъяны в теле человека. И могу ли я указать путь к истине, если сам с трудом нахожу дорогу к дому своих пациентов. О прежних операциях остается только вспоминать. Мои глаза!

— Свами будет твоими глазами! — подхватил отец. — Он будет твоим посохом. Может быть, и он вернет кому-нибудь отнятое несправедливо.

Разговор этот решил мою судьбу. Со слезами на глазах я простился с отцом. Я не мог понять, что руководило им, когда он отрывал меня от родного дома, и оставлял в чужом городе, у незнакомого человека. Ведь другие родители отдавали сыновей в обучение кузнецам или плотникам в нашей или соседней деревне. Потом уже много раз я спрашивал Чараку, как он познакомился с отцом. Но учитель переводил разговор на другую тему, словно это было тайной.

Итак, с главной улицы мы свернули в проулок, стиснутый невысокими домами. Здесь жила беднота, люди, которые не могли купить лекарства, не говоря уже о том, чтобы заплатить врачу. Но дом Чараки был открыт и для них. На деньги, которые он получал от богатых пациентов, покупались лекарства для бедняков. Некоторых в дни хеманты¹ Чарака снабжал и теплой одеждой.

На углу двухэтажного дома с закрытыми ставнями учитель внезапно остановился и, взглянув на меня, сказал:

— Вот этот дом. Он принадлежит хорошему человеку. Теперь он очень болен. Вряд ли мы сможем ему помочь. Но я должен попытаться. Хозяин этого дома помогал твоему отцу. Здесь он скрывался с повязкой, закрывавшей рот. Здесь же я ему сделал операцию.

— С повязкой! — воскликнул я. — У него болели зубы? Ты ему их вылечил? И почему он скрывался?

Как бы прячься от этого града вопросов, Чарака отступил к тенистому дереву и прислонился спиной к его стволу.

— Это удивительная история, — молвил он. — Может быть, пришло время ее рассказать.

— Пожалуйста! Я очень тебя прошу! — взмолился я.

— Твой отец, — начал учитель, — не был в числе моих постоянных пациентов. Вряд ли он даже слышал обо мне. Но свалилась беда. Ваш дом сгорел от удара молнии.

— Наш дом не сгорал, — вставил я.

— Это было задолго до твоего рождения, — продолжал Чарака. — И жили вы в другой деревне. После пожара мать переселилась в дом своих родителей, а отец отправился в город, чтобы продать один из двух золотых браслетов. Это все, что осталось от имущества.

— У моей матери два браслета, — сказал я. — Значит, он не нашел покупателей?

— Он их не дождался. К месту в ювелирном ряду, где стоял твой отец, подошли стражники. Они схватили отца за локти и отняли браслет. Собралась толпа. Послышались крики: «Украл! Вор!» Масла в огонь подлил какой-то человек, оказавшийся царским ювелиром. Он уверял, что узнал браслет царевны, пропавший два дня назад, и стал кричать, чтобы отец вернул другой браслет. Негодяю поверили. Кому, как не царскому ювелиру, знать, какие у царевны драгоценности! Пошли за судьей. Суд был скорым и несправедливым. Палач приготовил раскаленные щипцы, и преступление совершилось. Твой отец остался без нижней губы.

— У моего отца губы на месте, — сказал я.

— Терпение — первое из достоинств врача, — молвил Чарака. — Учись выслушивать до конца, не перебивая. Итак,

когда к твоему отцу вернулось сознание, он решил больше не возвращаться в деревню. В городе легче скрыться от позора.

Чарака пошатнулся и, теряя равновесие, схватился рукой за нижнюю ветвь дерева.

— Не знаю как, — продолжил он после паузы, — но твоя мать узнала о случившемся и, захватив браслет, отправилась в город. Каждый, кто видел ее, обезумевшую от горя, не мог ее не пожалеть. Вскоре образовалась толпа. Возможно, в ней были и те, кто совсем недавно требовал наказания невинного. Люди сокрушались и укоряли царя, судью и стражников в несправедливости.

Толпа двигалась ко дворцу. Все хотели видеть царя. Но стражники пропустили только твою мать.

Подойдя к трону, она сказала: «Ты царь, называющий себя справедливым. А в твоём государстве творятся незакония. Моему мужу безо всякой вины оторвали губу».

«Нет, женщина, — ответил царь. — С ним поступили по закону. Он украл браслет у моей дочери».

Царь сделал знак, и слуги показали твоей матери браслет, тот самый, что отняли у отца.

«Тебя обманули», — ответила мать, доставая свой браслет.

Взяв оба браслета в руки, царь понял, что женщина права. «Приведите ювелира!» — приказал он.

Через час ювелир был во дворце. Под страхом смерти негодяй признался, что украл браслеты у царевны и, чтобы замести следы, оговорил незнакомца.

«Потерянного не вернешь!» — так обычно говорят люди, склоняющиеся перед злом. Но боги дали нам ум и руки не для того, чтобы мы бездействовали.

Я отыскал твою мать и предложил помощь. Видел бы ты ее глаза! «Это возможно?» — спросила она. «Разуме-

ется, — отвечал я. — Операция несложная». На самом деле такой операции не делал еще ни один из хирургов. Но я держал сомнения при себе. Правило врача — поддерживать дух больного.

Мы, как я уже говорил, нашли твоего отца в этом доме, ибо я знал, что хозяин этого дома помогает людям в беде. Твоя мать чисто вымыла стол. Отец пожевал траву, снимающую боль. И я приступил к операции. Пришлось вырезать часть кожи с бедра.

— Да! Да! — закричал я. — Там у него шрам. Когда я спросил, что это, отец ответил, смеясь: «Укусил добрый тигр». А разве бывают добрые тигры?

— Видимо, бывают, — засмеялся Чарака. — Итак, я пересадил кожицу вместо губы, окурил рану, чтобы не было заражения. Наложил повязку. Через месяц отец твой был здоров. Потом я исправлял носы и уши и даже вскрывал черепную коробку. Но я никогда не забывал твоего отца. Он был первым, кому я вернул несправедливо отнятое.

Я долго не мог ничего сказать. Слезы текли из моих глаз, и я их не утирал.

— Учитель! — пробормотал я, всхлипывая. — Если бы ты знал, как я благодарен тебе. Да что я? Тысячи людей считают тебя спасителем, те, кого ты лечил, те, кто прочел твои книги.

— Приготовься, Свами, — строго молвил Чарака, прерывая мои излияния. — Когдаходишь в дом к больному, ты должен направлять мысли, разум, чувства не к чему иному, как к своему больному и его лечению. Ни о чем, что происходит в доме больного, не следует рассказывать в другом месте, и о состоянии больного не следует говорить, чтобы кто-нибудь, пользуясь полученным знанием, не мог повредить больному. Поэтому я долгое время не хотел говорить тебе об отце. Достаточно того, что он пережил в тот год.

¹ У древних индийцев было шесть времен года, по два месяца каждое. Хеманта охватывала декабрь — январь.

ЦАРЬ-ПРОСО

У древних китайцев имелись легенды о героях — распространителях культуры. Начало земледелия они связывали с именем Хоу-цзы (Царь-Просо)

Давным-давно людей на земле было мало. Жили они в лесах, среди диких зверей, насекомых и гадов, спали прямо на земле, дрожа от холода и страха. Один мудрый человек увидел, как птицы выют гнезда, и соорудил себе жилище на ветвях, а потом научил этому других. Люди возликовали, сделав его государем, и нарекли именем Ючао ши, что значит «хозяин гнезда».

Но людям жилось все еще плохо. Они питались дикими плодами и семенами трав, моллюсками и устрицами. Если им случалось убить какого-нибудь зверя, они съедали его мясо сырым. Люди часто болели и рано умирали. Один мудрый человек заметил, что птица долбит длинным клювом кору сухого дерева и от коры исходит свет. Не зная, что это от живущих в коре светлячков, он тоже захотел, чтобы было светлее. И, взяв деревянную палочку, стал крутить ею в коре. Появился дым, и загорелся сухой мох. Огонь стал отгонять зверей. На нем стали жарить мясо, и оно изменило свой запах. Люди возликовали, сделав того человека государем Поднебесной, и нарекли его именем значащим «добывающий огонь».

Люди стали реже болеть и дольше жить. Но не хватало им на земле пищи. И не нашлось такого мудрого человека, который смог бы им помочь. Тогда праматерь людей, государыня Цзянь Юань отнесла на землю своего сына.

Шли буйволы на водопой и услышали пронзительный крик. Видят они, лежит младенец, и такой прекрасный, какого свет еще не видывал. И подошла одна из буйволиц, и поднесла ему вымя. Когда сосал он, то не плакал, и так кормили они его по очереди все лето.

Осенью стадо должно было покинуть эти места. Младенец остался на берегу. Не могли взять буйволы его с собой — у них не было рук. Оставшись один, младенец стал кричать еще громче, чем прежде, потому что пока еще не мог добывать себе пищу сам. На крик прибежали волки. Беззащитный человеческий детеныш был для них желанной добычей. Волки уже подходили к нему, как вдруг с неба спустились две большие птицы на длинных ногах. Они подхватили младенца и унесли из-под носа разъяренных зверей.

И стал чудесный младенец жить в большом гнезде. Птицы приносили ему с лугов зернышки трав, и вскоре он привык к этой пище.

Однажды птицы полетели за кормом, а когда вернулись, увидели, что гнездо пусто. Кружась над лесом, они увидели малыша то поднимающимся на ноги, то ползущим, и поняли птицы, что человеческий детеныш уже не нуждается в их помощи. И, помахав ему на прощание белыми крыльями, они полетели на юг, где зимовала их стая.

Малыш тем временем приполз на луг, где нашли его буйволицы и выкормили молоком. Был он еще совсем мал, но наделен разумом мудреца, ибо матерью его была богиня. Подобрал себе по силам палку с сучком, он стал царапать ею влажную землю. В образовавшиеся борозды он сыпал зерна, какими кормил его птицы.

Прошло несколько месяцев, и на луг в поисках пищи забрели люди и остановились в изумлении. По краям, словно зеленые стяги, тянутся к небу бобы. Крупные тыквы желтеют поодаль. Ровным строем густеют золотые колосья пшеницы. Зеленеет конопля. Но особенно пышно раскинулось просо. Колосок к колоску. Зерно к зерну. Черное просо — с двойным зерном. Красное просо — с густым колоском. Белое просо радует глаз человека. Знали люди и раньше эти вкусные плоды и злаки.

Но раньше тонули они в травах, от которых не было проку. Не могли понять люди, почему побежденными оказались сорняки, покрывающие землю. Вдруг раздвинулись колосья проса, и перед ними появился чудесный младенец.

— Хоу-цзы! Хоу-цзы! — возликовали люди.

Назвав младенца Царем-Просо, люди стали ему поклоняться и служить, а он научил их пахать, сеять, очищать землю от сорняков.

ГУНЬ И ЮЙ — ПОБЕДИТЕЛИ ПОТОПА

Как-то на землю обрушился потоп. Бушующие потоки разлились по земле, охватывая Пять Гор. Свист ветра и рев волн заглушали вопли людей, которым не удалось спастись в горах. Никто из богов не подумал о несчастных.

Тогда на небо поднялся божественный герой Гунь. Он обратился к Повелителю неба с такими словами:

— Смотри! — он показал ему на людей, настигаемых волнами. — Они гибнут из-за твоих вод, а ты не слышишь их стонов. Разреши мне построить плотину и преградить путь потоку.

— Строй, если хочешь! — ответил Повелитель неба, ухмыляясь.

Он насмехался над героем, так как знал, что мягкая земля, из которой Гунь может соорудить плотину, не выдержит натиска вод. Для этого пригодна лишь небесная земля, которая, соединившись с водой, вздувается и превращается в камень.

Спустился Гунь к людям и стал рыть землю, воздвигая на пути вод плотину. Воды подмывали плотину, а упорный Гунь рыл и рыл, пока не понял, что его труды напрасны.

Тогда Гунь снова поднялся на небо, но не стал больше просить Повелителя неба о помощи. Когда тот спал, он

нарыл мешок небесной земли и унес его на плечах.

Проснувшись, Повелитель неба взглянул свысока на землю и замер. Вода, заливавшая горы, стала отступать, и люди на склонах гор и холмов принялись бросать зерна в грязь, чтобы вырастить хлеб, начали строить хижинки и дома. И понял Повелитель неба, что Гунь обманул его и ради людей похитил небесную землю. Разгневался Повелитель неба и отправил Гуня на Северную гору, где снег сыпется, как перья. Там он наслал на него смерть.

Из тела умершего поднялся Юй, сын Гуня, такой же добрый и смелый, как отец. Неутомимый Юй обошел всю землю, вызволенную от потопа Гунем. По суше он ездил на четырехколесной повозке, запряженной конями, по грязным местам ходил в мокроступах, на неприступные горы взбирался в обуви с шипами. Всюду он рубил лес и кустарники, рыл канавы, отводя воду, сооружал плотины и запруды. Так он трудился много, много лет, пока одичавшая земля не стала пригодна для жизни.

Пришло время людям спуститься с р. Вспахивая поля и засевая их семенами, они не забывали прославлять Гуня и Юя, избавителей от потопа. А много лет спустя, не прибегая к помощи богов, они сами отыскивали землю, которая, соединяясь с водой, превращается в камень.

СТРЕЛОК И

Рассказывают, будто далеко на Востоке из бездны морской поднимается огромное дерево, подпирающее кроной небо. По нему боги сходят с Неба на Землю и поднимаются с Земли на Небо. Нет в этом месте ни тени, ни эха. Ибо это центр Неба и Земли.

И рядом с этим деревом растет другое, на котором ночью отдыхает Солнце.

Было же время, когда на его ветвях помещалось десять Солнц, сыновей матери Ночи. Они сменяли друг друга на колеснице, и так как они были близнецами, люди думали, что им всегда светит одно Солнце.

За многие тысячи и тысячи лет этот строгий порядок братьям-Солнцам изрядно надоел. И как-то все вместе они взлетели на вершину дерева и стали шептаться, чтобы не услышала мать:

— К чему нам эта колесница? Почему мы выходим в небо по одному? Зачем нам эта колея?

Утром братья с шумом поднялись с дерева, которое от этого покачнулось, и земля задрожала, как яблоко, когда трясут ствол.

Резвясь, как малые дети, Солнца разлетелись по небу. Напрасно мать Ночь кричала им вслед:

— Что вы делаете? Вернитесь!

Небо сияло в десять Солнц. В мире наступила засуха. Загорелись леса, и удушливый дым стлался по земле. Звери бежали из лесных дебрей и искали спасения в реках. Но и реки вскипели от солнечного жара. Рыба всплыла брюхом вверх. Птицы, опалив крылья, падали сверху обуглившимися комочками. Толпы почерневших от нестерпимого зноя людей собирались на равнинах. Ударяя в каменные гонги, они кричали что было сил, надеясь испугать небесные светила. Но Солнца, заигравшись, не слышали шума или, может быть, думали, что люди радуются, глядя на их проказы.

Видя страдания людей и земных тварей, Великий Владыка решил послать на землю стрелка с коротким именем И. Он дал ему красный лук и десять белых стрел с твердыми и острыми наконечниками.

Когда И явился на землю, многие люди уже умерли, другие укрылись в глубоких пещерах. Услышав шум шагов, они высунули головы и стали приветствовать стрелка.

Снял стрелок И из-за спины свой лук, наложил на него стрелу и натянул тетиву до отказа. Стрела улетела в небо, и люди увидели, что одно из Солниц лопнуло, как багровый бычий пузырь. Вновь и вновь натягивал И свой лук, и стрелы летели в Солнца, которые, дрожа от страха, хотели скрыться, но стрелы И настигали их, и они лопались, как огненные шары.

Люди радовались и подбадривали стрелка криками. Только мудрый правитель Яо понял, что, если не остановить И, тот перебьет все Солнца, и земля погрузится во тьму. Он тихонько подошел к И и вытащил из колчана одну из стрел.

На небе, обезумев, металось последнее Солнце. От страха у него побелело лицо. Хотел убить и его стрелок И, да не нашел стрелы. Спасаясь от стрелка, бросилось Солнце в объятия своей матери Ночи. И с тех пор больше не смеет сходить с предназначенной ему колен и долго задерживаться на небе.

Много еще совершил подвигов стрелок И. Но боги не дали ему счастья. В конце жизни он был одинок. Его жена, похитив добытый им напиток бессмертия, улетела на небо в поисках счастья для себя одной. Разбежались слуги, ибо И не был богат и у него нечем было поживиться. Остался лишь один слуга Фэнмэн, но не из преданности господину: он рассчитывал, что И обучит его стрельбе из лука.

Но И, всегда веривший людям, считал, что Фэнмэн предан ему и решил поделиться с ним своими навыками и секретами.

— Прежде всего, — наставлял И Фэнмэна, — стрелок из лука должен научиться смотреть, не моргая. Когда ты приучишь к этому свои глаза, приходи!

Отправившись домой, Фэнмэн целыми днями лежал у ткацкого станка жены. Педали крутились, а он смотрел на них, стараясь не моргать. Вскоре

он этому научился и попросил жену неожиданно подносить к лицу острую иглу или шило. Когда глаза его привыкли и к этому, он прибежал к господину и попросил дать ему лук со стрелами.

— Еще рано! — проговорил И, улыбаясь. — Хороший стрелок должен еще уметь видеть совсем маленькую вещь, как большую, а вовсе не различимую глазом, как заметную. Когда будешь это уметь, приходи!

Фэнмэн вырвал из хвоста быка тончайший волос и кое-как привязал к нему пойманную блоху. После этого он прикрепил волос к потолку и, лежа на постели, устремил на него взгляд. Много дней он провел так без питья и еды. Жена, решив, что он рехнулся, пошла за знахарем.

— Первого, кто сюда войдет, я убью! — крикнул Фэнмэн, не поворачивая головы.

Жена, остановившись, залилась слезами.

Еще через день он радостно закричал:

— Смотри, теперь она стала как пуговица!

— И можно тебе принести питье и еду? — спросила жена.

— Еще рано! — ответил Фэнмэн. — Я сам тебе скажу, когда смогу различить глаза и рот.

И вновь заплакала жена. Ибо какие могут быть у пуговицы рот и глаза?

Прошло еще три дня, и Фэнмэн закричал:

— Теперь она как колесо, а рот больше моего. Давай мне мою еду и питье, а то она проглотит.

Напился и наелся Фэнмэн и тотчас же побежал к господину, чтобы сообщить ему о своих успехах.

— Теперь я тебя буду учить стрельбе! — радостно воскликнул И.

Они отправились в поле, где И обучал Фэнмэна до тех пор, пока во всей Поднебесной не стали говорить о господине и слуге как лучших стрелках.

Радоваться бы Фэнмэну и благодарить учителя, но он был завистлив и считал себя уже первым, поскольку И был стар, а он сам молод. И стала зависть разгораться в душе Фэнмэна, как пламя в высохших кустах. Он стал думать, как погубить учителя.

Завел себе Фэнмэн колчан больший, чем у И, и наполнил его стрелами. Возвращаясь домой, вместе с И, Фэнмэн внезапно пустил стрелу в пустое небо. Схватив лук, И послал стрелу вдогонку. Раздался треск. Стрелы столкнулись в воздухе. То же произошло со второй, третьей, четвертой стрелами...

Но вскоре стрелы у И иссякли, а у Фэнмэна их осталось более дюжины. Не успел И пошевелиться, как Фэнмэн отбежал в сторону и натянул лук. Стрела улетела с тетивы и угодила И прямо в рот. Стрелок И пошатнулся и упал.

Полагая, что И мертв, Фэнмэн приблизился к нему, чтобы в этом убедиться. Но как только он оказался рядом, И поднялся как ни в чем не бывало. Пот показался на лбу предателя. Руки его затряслись, и он уронил лук на землю.

— Рано ты решил меня убить! — проговорил И, выплевывая наконечник стрелы. — Ведь я не успел тебя обучить, как ловить ртом и перекусывать стрелы.

Упав на колени, Фэнмэн обхватил ноги господина:

— Простите меня! — лепетал он. — Мною овладел злой дух зависти...

И оттолкнул Фэнмэна, поднял его лук и, переломив на колене, выкрикнул:

— Убирайся прочь! Предатель никогда не будет хорошим стрелком!

ИМПЕРАТОР

Действие рассказа относится ко времени правления Цинь Шихуанди (221—210 годы до н. э.). Вскоре после его смерти созданная насильем и жестокостью держава распалась в пламени восстаний крестьян и рабов.

Где-то в Южной стране жила прекрасная Мэн Цзян. Ей от силы миновало три раза по пять лет. Лицо у нее напоминало персик, голос был прекрасен, как пение иволги.

В те времена правил Ши Хуан. Во всей Поднебесной не было земли, которой бы он не владел, города, который не платил бы ему дань. И даже пастухи, живущие в пустыне, склонились перед его величием и прислали подарки. Из всех правителей, которых называли Сыновьями Неба, Ши Хуан был самым могущественным. На Западе он приказал построить дворец Уфан, на Востоке — осушить бескрайние болота, на Севере — возвести стену длиною в десять тысяч ли и высотой в десять жэней.

Жил тогда же благородный юноша по имени Ци-Лян. Однажды за ним пришли стражники, чтобы увести на постройку стены. Ци-Лян убежал и скрылся в саду, куда еще не входил ни один посторонний человек. Юноша спрятался за горкой из камня и видит, как по дорожке к пруду идет девушка, красивая, словно фея. На цветке у ее ног села пестрая бабочка, девушка хотела ее поймать. Она вытащила шелковый платок и бросила его, но платок упал в пруд, а бабочка улетела. Девушка пошла к пруду.

— Что я вижу! Что я вижу! — закричала она вдруг. Это она заметила отражение юноши в воде.

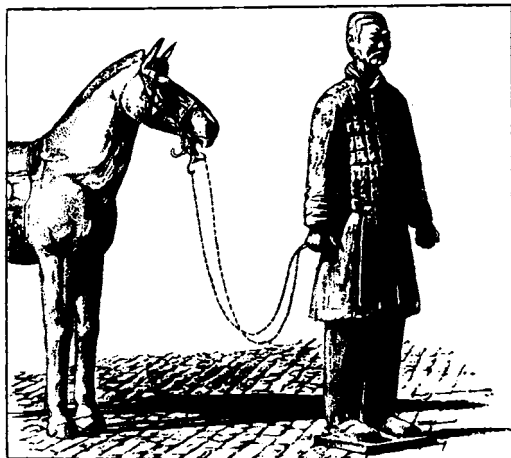
Не знал Ци-Лян, как поступить: бежать — стражники схватят, оставаться с незнакомой девушкой — неловко. Наконец, он решился: вышел вперед и поклонился красавице.

— Спаси меня! Умоляю, спаси!

— Как ты сюда попал? — спросила девушка.

— Меня зовут Ци-Лян. Я прячусь от стражников, — отвечал юноша.

Девушке (ее звали Мэн Цзян) приглянулся незнакомец. Он статен и лицом пригож. В сердце у нее родилась любовь.

Китайский конный воин из обожженной глины, недавно найденный на подступах к гробнице Цинь Ши Хуанди.

Китайский меч с иероглифами. Такими мечами сражались в годы восстания желтых повязок.

— Пойдем к отцу,— сказала она. Отцу тоже понравился юноша. Расспросив его о родных и проверив знания, старый Мэн решил сделать юношу своим зятем и приказал в тот же день сыграть свадьбу.

Но не успел Ци-Лян поблагодарить будущего тестя, как в дом ворвались стражники. Они увели юношу, и печаль охватила всю семью. Мэн Цзян уединилась в спальню и запела грустную песню: «Холодный ветер ворвался в мой дом, в лед превратилась чаша с вином, подушка с циновкой холодны, как снег. И в мире живу я словно во сне».

* * *

Шло время, старя людей и накладывая морщины на их лица. И даже сам могущественный император был бессилен против времени. Кожа на его лице сморщилась, как кожура печеного яблока, а щелки глаз сделались еще более узкими. Он почти не покидал своего главного дворца Уфан и все реже показывался в беседке, где жила У-И, самая юная и прекрасная из его тысячи жен. Но по-прежнему Сын Неба правил, не

советуясь ни с кем. Все склонялись перед ним ниц, обманывали и лгали, чтобы добиться его милости. А он становился все более надменным и жестоким. К прежним девяти казням он прибавил еще три новые, и города Поднебесной наполнялись воплями бросаемых в котлы, раздираемых колесницами, разрубаемых пополам. Казнили не только признанных преступников, но и всех их родственников до четвертого колена трех ветвей рода.

По-прежнему придворными льстецами сочинялись стихи о добродетельнейшем из императоров, о благодетеле и отце подданных, сочинялись по укorenившейся привычке, потому что песни и стихи больше не радовали императора. Он их не требовал и больше не награждал тех, кто их писал.

«Все, что рождается между небом и землей, смертно»,— сказал один древний мудрец. Но Ши Хуан считал себя единственным и неповторимым, надеясь, что для него судьба сделает исключение. Он запретил говорить о смерти. И бесчисленные чиновники следили за выполнением этого указа столь же ревностно, как за уплатой податей. Даже из документов древних царей, написанных на бронзовых досках или бамбуковых табличках, тщательно вы скабливали или замазывали тушью иероглиф «смерть». О человеке, который умер, стали говорить: «он отжил», «он ушел к предкам». Все кладбища было приказано загородить высокой стеной из камня, а если в местности не имелось камня, разрешалось использовать для этой цели стволы деревьев и бамбук не ниже человеческого роста.

Император не удовлетворился тем, что запретил говорить о смерти. Он созвал ученых и магов, приказав им найти

линчжи, дарующий бессмертия, ибо он знал песню: «Я линчжи рву в восточной стране, в краю бессмертных, у границ Пэнлая; ты снадобье прими,— сказали мне,— и будешь вечно жить, не умирая». Ученые обошли все леса, перерыли все горы Поднебесной и даже побывали в сопредельных странах, но лишь одному из них в указанный срок удалось отыскать какой-то необыкновенный гриб — красный, как императорская мантия, но с белыми точками. Как оказалось, гриб не даровал бессмертия. Ученый, которому приказали отвесть гриб бессмертия, умер в страшных муках. Других ученых император на этот раз помиловал: правда, они не выполнили его воли, но они не сделали ничего, что бы могло укоротить его жизнь.

Кто-то рассказал императору о праведниках, живших двести и триста лет. Ши Хуан приказал найти праведников, чтобы узнать у них секрет долголетия. Вновь ученые разошлись по Поднебесной. После долгих поисков они привели во дворец какого-то древнего старца, будто бы не сделавшего ни одного злого дела и поэтому прославившегося праведником. Но когда старец открыл рот, все увидели, что у него нет языка. Язык был отрезан еще тридцать лет назад за то, что он порицал императора.

Ученые давно уже были на подозрении. Они кичились мудростью, должно быть, с тайной целью показать превосходство перед всеведущим монархом. Они восхваляли старину не иначе, как затем, чтобы нанести ущерб новому. Они сеяли кривотолки, осмеливаясь обсуждать императорские указы. Теперь же они привели во дворец человека, который, даже зная секрет долголетия, не мог его передать.

Император призвал к себе сановника Ли Сы и попросил его помощи и совета. Император не был беден мудростью и мог расправиться с учеными сам. Но

он знал, что в случае успеха на долю правителя приходится слава, а за ошибки несут ответственность чиновники.

Ли Сы, угадав волю императора, предложил: 1) Сжечь все книги, кроме тех, которые посвящены медицине, гаданиям и земледелию. 2) Публично казнить на городской площади тех, кто будет рассуждать о содержании крамольных книг. 3) Казнить со всем родом тех, кто, ссылаясь на древние времена, порицает настоящее. 4) Сослать на строительство Великой стены тех, кто в течение тридцати дней с момента опубликования указа не представит своих книг для сожжения.

Указ был одобрен императором и исполнен на тридцать четвертом году его правления. Сановник Ли Сы получил награду и стал Первым Советником.

Мудро рассудив, что уничтожение книг — это только лишь половина дела, завещанного ему Небом, император приказал Ли Сы собрать всех пишущих книги и живьем закопать их, поскольку от тех, кто в земле, нет никакого вреда. Указ был составлен Ли Сы и исполнен на тридцать пятом году правления императора.

В этом же году был разорван колесницами Ли Сы, так как его действия вызвали осуждение. И всех тех, кто его порицал, было так много, что их нельзя было сослать на постройку Великой стены, не нанеся ущерба государству.

Император стал совсем дряхл. Нос его запал, голос сделался хриплым, как у шакала. Уже поговаривали о его скорой смерти и мечтали о захвате его трона. Вот тогда и явился во дворец ученый по имени Лу Шен. Он остался в живых, потому что искал праведника за пределами Поднебесной, и возвратился в столицу, когда уже с другими учеными было покончено.

Допущенный пред царственными очами, почтительно целуя протянутую ему милостиво ногу, Лу Шен сказал:

— О божественный! Я твой верный слуга Лу Шен. Много лет я искал для тебя гриб долголетия и праведников. Я обошел чуть ли не всю землю и возвратился, преисполненный мудростью. На земле нет и не было иного праведника, кроме тебя. И никого нет мудрее тебя. Ведь ты первый открыл великую истину: лишить жизни другого легче, чем продлить себе жизнь. Так как ты оставил меня в живых, я открою тебе секрет бессмертия. Праведник не мокнет в воде, не горит в огне, парит в облаках и тумане. Он невидим и всеведущ, как божество. Пусть ни один чиновник не знает, в каком из дворцов ты живешь, ни один слуга не зайдет в покой, где ты спишь, и никто не видит, как ты ешь,— в этом секрет бессмертия.

Император редко верил людям, но поверил Лу Шену. Он и сам знал: чем меньше подданные видят владыку, тем большим величием он пользуется. Если же они не увидят его совсем, он добьется уважения, доступного лишь богам, и император скрылся с глаз своих подданных, издав указ о казни всякого, кто разгласит его местонахождение. Начались страшные годы правления невидимки. Ужас охватил чиновников. Говорили, что император инкогнито разъезжает по всей стране и никто не знает, когда придет гибель. Никогда еще в Поднебесной не выполнялись так императорские законы и указы. Воины не снимали доспехов и не ослабляли луков. Купцы везли провиант. Никогда еще сопредельные народы так не трепетали перед властью императора Поднебесной, который, даже невидимый, заставлял дрожать весь мир.

Все те годы, пока император пребывал невидимкой, полным ходом шли приготовления к его неизбежному переходу на тот свет. И ранее царей и правителей Поднебесной в их скорбном пути сопровождали бесчисленные жены и слуги. Цинь Ши Хуанди этого показалось мало. Он решил взять с собой це-

лую армию и всех чиновников. Но, чтобы империя не осталась безоружной и неуправляемой, было принято решение изготовить десятки тысяч глиняных фигур пехотинцев, всадников и колесничих с конями и повозками в натуральную величину. Загробная армия, вооруженная мечами, копьями, луками, должна была на поверхности земли охранять вход в грандиозную гробницу, соорудившуюся в толще горы. Гончары старательно лепили и обжигали в печах также и фигуры чиновников всех рангов в их характерных одеждах и с атрибутами их власти.

Этой кипучей деятельности немало способствовало то, что военные и чиновники, заботившиеся о создании своих двойников, знали, что они тем самым сохраняют себе жизнь. Тайной для многих оставалось лишь место загробной резиденции императора, его воинства и чиновников: пленники, участвовавшие в работах, бесследно исчезли.

Однажды во дворце Шацю появился удушливый запах. Он шел из императорской спальни. Когда вонь сделалась невыносимой, некто Цзинь У высказал предположение, что в спальне находится воз соленой рыбы. Болтуна доставили к главному палачу, чтобы выявить источник слухов, позорящих императора,— он никогда не ел соленой рыбы. Но так как во время пыток Цзинь У оговорил половину придворных, утверждая, что и они чувствовали эту вонь, было решено открыть дверь. Там был труп владыки Поднебесной.

* * *

Идет Мэн Цзян по размытой дождем дороге и поет свою песню:

— Без тебя я как лютия без струны, как воздушный змей на оборванной нити, как колесо без спиц, как кувшин без дна.

Идет Мэн Цзян по дороге и поет свою песню:

— Как мне холодно! Как мне тяжело!

Но супруг мой на севере, где ветер свирепей, чем зверь! Без теплой одежды как он теперь?

Ведет любовь Мэн Цзян через леса и горы. Отступают перед нею пропасти. Не трогают ее звери. Птицы указывают ей путь.

Вот и стена. И нет ей конца и края. Под стеною как тени бродят люди с лопатами и кирками. Ветер валит их с ног. Свистит бич стражника.

— Моего мужа зовут Ци-Лян. Я принесла ему теплую одежду,— сказала женщина стражнику.

Расхотелся стражник и показал на белые кости под стеной.

Упала Мэн Цзян на землю и зарыдала. В то же мгновение налетел ветер, черный туман окутал стену, и стена обрушилась от плача и слез. И остались от Великой стены одни жалкие обломки, а Мэн Цзян и ее любовь живут в песне. Поют эту песню уже две тысячи лет.

ЖЕЛТОЕ НЕБО

Герой рассказа — участник восстания Желтых повязок, вспыхнувшего в 184 году н. э. и продолжавшегося почти четверть века. Это было единственное восстание древности, которое началось не стихийно, а готовилось не меньше десяти лет.

В темном углу слышалось движение. Человек поднял голову. В пробиравшемся сквозь зарешеченное оконце слабым свете лицо его было серым. Только на лбу пламенел шрам, делавший узника еще старше, чем он был.

Со вчерашнего дня, когда во время прогулки по тюремному двору дядюшка Су, как все его здесь называли, упал и ударился о камень, сознание к нему вернулось впервые. И поэтому сосед по камере, положив палочки и глиняную миску, поспешил к больному.

— Дядюшка Су, дать тебе напиток-

ся? — спросил он, помогая старцу прислониться к стене.

— Нет,— послышался слабый голос.— Мне уже ничего не надо. Но я не могу уйти к предкам со своей тайной. Она нужна гонимым и преследуемым. И тебе, Вэй!

Названный Вэем был юношей лет двадцати пяти с бледным лицом, широкоскулый. Он недоверчиво помотал головой.

— Ты не веришь, что станешь свободным,— продолжал старец бесстрастно.— Но Синему Небу скоро придет конец. Оно сменится Желтым Небом. Еще пять зарубок на моей палке, и наступит год Цзяцзы¹. В Поднебесной воцарится великое счастье.

— Скажи еще, что бедняки больше не будут гнуть спину на чиновников и богачей. Или, что на тех, кто сорвет с господского поля хотя бы колосок, не будут составлять Красную запись². Лучше выпей воды.

Вэй повернулся, чтобы подать воду. Но старец остановил его голосом, в котором ощущалась властная сила.

— Я тебя не обманываю. Среди пороков обман самый страшный. Когда придет Желтое Небо, ложь будет изгнана вместе с корыстью, насилием, хвастовством и пятью другими пороками. Так учит Чжан Цзяо, сеятель правды.

— Я вижу, твой Чжан Цзяо — добрый человек,— отозвался Вэй.— Но ведь недаром люди говорят: у зла тысячи рук, а у правды две.

— Нет, не две, а миллионы. Я знаю лишь девятерых. И другие знают только людей своей десятки. Один Чжан Цзяо знает всех.

— Пусть так,— сказал Вэй.— Но в стаде отыщется паршивая овца. И царю станет известно, что есть такой Чжан Цзяо, который учит борьбе со злом.

— Нет. Среди нас нет предателей. Видишь шрам. К моим глазам поднесли раскаленный железный прут. Я мог по-

герять зрение, но не совесть. Так и другие. Старец протянул ладонь и нащупал плечо Вэя.

— Я знаю, у тебя честное сердце. То, чем ты занимался раньше, недостойно эры Желтого Неба. Грабить богачей — та же корысть. Ты хотел благоденствия для себя одного, а оно нужно всем. Покаянись, что, выйдя на свободу, ты станешь воином Чжан Цзяо вместо меня.

Вэй повернул голову, прислушиваясь.

— Что там? — спросил дядюшка Су.

— Какие-то голоса.

— А мне казалось, что кровь шумит по моим жилам и приливает к голове.

Шум за стеной усиливался. Вэй, подойдя к двери, разбежался и уцепился обеими руками за железный штырь. Его глазам предстала площадь, заполненная толпой. На головах у людей были яркие желтые повязки.

— Что ты там видишь, Вэй? — слышалось за спиной.

— Желтое Небо!

— Но ведь еще пять зарубок...

Старик уронил голову. Он умер от счастья.

Дядюшка Су не сбился со счета. Восстание было назначено на пятый день третьей луны года Цзяцзы. Но в стаде нашлась паршивая овца. Презренный Тан Чжоу из Цзинани выдал планы восстания императору. Были схвачены многие из тех, кто слушал великого, мудрого и доброго учителя. Им отрубили голову или, привязав к колесницам, разорвали на части. Тогда Чжан Цзяо приблизил день Желтого Неба. Он провозгласил себя царем Неба, а его братья Чжан Бао и Чжан Лян называли себя царями земли и людей.

О! Что это было за время! Желтое пламя полыхало по всей Поднебесной, пожирая все, что в ней было темного и жестокого. Пылали казенные палаты, царские склады и усадьбы богачей. Сгорали бамбуковые таблички с красными записями и долговые расписки бедня-

ков. Превращались в пепел богатства, добытые неправедным путем. От света, отбрасываемого желтыми повязками, слепли алчные чиновники, и многие из них, чтобы избежать расплаты сами бросались в колодцы и реки.

Юноша, после того как он поклялся над телом дядюшки Су, что будет вместо него служить праведному делу, стал телохранителем Чжан Цзяо. Су Вэй, так теперь стали называть юношу, был одним из тех, на кого Чжан Цзяо мог рассчитывать. Видя расторопность Су Вэя, сеятель правды назначил его командиром сотни. Как сотненачальник Су Вэй проявил себя храбрым и деятельным командиром и вскоре получил под свое командование малый фан³. Су Вэя и его людей стали называть летящими ласточками, ибо они были неуловимы и, попадая в засаду, как бы взмывали в небо.

Двадцать лет длилась справедливая война. В осажденной врагами столице Желтого Неба заболел и умер оплакиваемый народом Чжан Цзяо. Вслед за этим пали в боях два его брата. Полководец Синего Неба Цао Цао взял столицу повстанцев, вырыл и разломал гроб Чжан Цзяо и отрезал ему голову. Она легла на вершину пирамиды из ста тысяч отрубленных голов повстанцев. Но в этой чудовищной пирамиде не было головы Су Вэя.

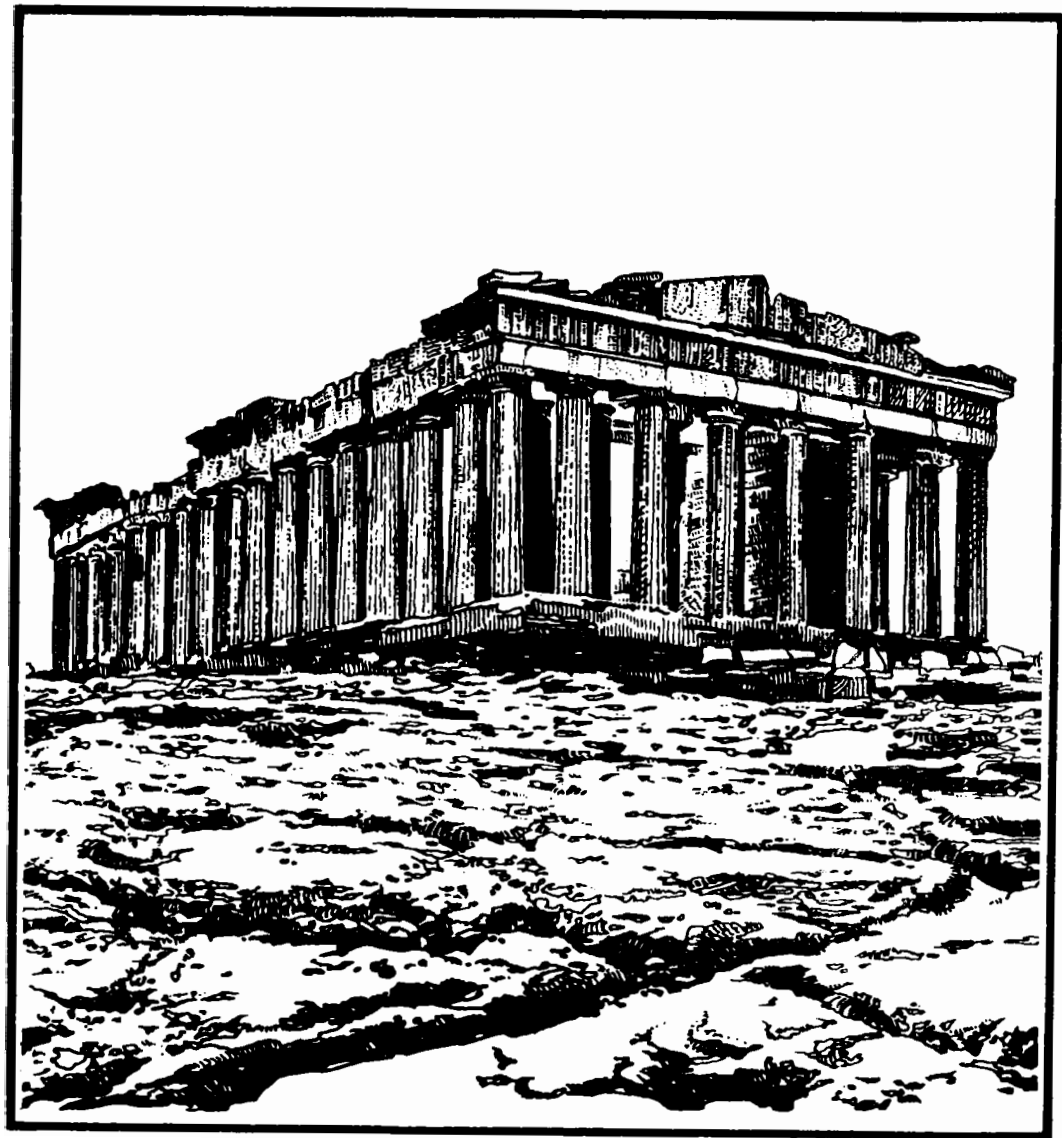
Непобежденным ушел Су Вэй от врагов. Никто в Поднебесной больше его не видел. Но много лет спустя люди, ввергнутые в рабство, с надеждой смотрели на закат. Они знали, что солнце восходит с востока. Но там, на западе, были горы, где, как они верили, скрывается Су Вэй и ждет своего часа.

¹ Цзяцзы — 184 год н. э., на который было назначено восстание Желтых повязок.

² Красная записка — записка о преступлении, за которое человек порабощался. Она заводилась на каждого осужденного на отдельной бамбуковой дощечке.

³ В малом фане (отряде) было от шести до семи тысяч повстанцев.

Древняя ГРЕЦИЯ

ВЛАДЫКА ЗНАКОВ

Действие рассказа относится к XII веку до н. э., времени нападения на Пелопоннес воинственных северных племен, сокрушивших Пилос и другие центры микенской Греции.

Отправляясь в дворцовую школу Пилоса учиться на писца, я не знал, что такое письмо и зачем оно нужно. Но я твердо помнил прощальное напутствие отца: «Получше учись, Регок! Боги обрекли тебя на хромоту, и ты не можешь им служить, как твой брат, и не можешь носить оружие, как я. Но быть владыкой знаков не менее выгодно и почетно».

С тех пор минуло три года. Я окончил школу и приставлен к Дому табличек как писец. Я мну ладонями глину, чтобы она не успела загустеть, леплю таблички, записываю на них все, что поступает от людей, работающих на полях, от пастухов, стригущих овец, от корабельщиков, выставляю таблички сушить, укладываю их в плетеные корзины и крепко затягиваю сверху льняным полотнищем, чтобы нельзя было открыть. Но мой труд не доставляет мне ни выгоды, ни почта. Из опасения, что я передам кому-нибудь тайну письма, мне не разрешается покидать места работы ни днем, ни ночью. К тому же ко мне приставлен соглядатай. Его зовут Тимако. Он ничего не смыслит в письме, но строго за мной следит.

Когда Тимако, приложившись к горлышку винной амфоры, начинает клевать носом, мне удастся переброситься парой слов с корабельщиками, доставляющими слоновую кость, чернокожих рабов и другие заморские товары, и я узнаю о мире, подвластном Посидао¹, о бурях, ломающих мачты, о зеленых островах в ревущем океане, о полудевах-полуптицах — сиренах, завлекающих сладостным пением мореходов.

В один из дней, когда не было работы, я вздумал занести услышанное мною на глину. С левой стороны таблички я нарисовал крутобокий корабль с парусом и на его носу человечка с восторженно вскинутыми руками. Под кораблем я провел несколько волнистых черт и написал два знака: по-то (море).

Тимако вырвал у меня из рук табличку и смял ее в своих широких ладонях.

— Чтобы этого больше не было, бездельник! — закричал он. — Письмо предназначено для исчисления царских богатств, а не для болтовни корабельщиков.

Я хотел было возразить, что рассказы мореходов интересны для всех живущих, что, занесенные на глину, они останутся в веках. Из них узнают об огромном и еще неизведанном мире, а не о сокровищах, принадлежащих одному. Но, взглянув на лицо Тимако с низким

лбом, на налившийся кровью шрам на его правой щеке, я не стал спорить.

А владыкою знаков меня называли только один раз. Улучив момент, когда в кладовой не было Тимако, ко мне бросился юноша с горящими глазами, похожий на безумного.

— Слушай! — зашептал он, оглядываясь по сторонам. — Я полюбил девушку. А она не хочет меня знать. Заворожи ее для меня. Я не пожалую...

— Как же это сделать? — удивленно перебил я.

— Мне ли тебя учить! — выкрикнул юноша. — Ты же владыка знаков! Запечатлей имя Полиена на табличке и отдай мне.

Я расхохотался.

— Ты очень глупый человек! — объяснил я ему. — Я знаю, как написать «мед». Но разве от этого мне становится слаще? Не стоит большого труда нацарапать «сто овец». Но согласись: лучше иметь одну овцу в хлеву, чем сто на глине. Если хочешь знать, я предпочел бы плыть по морю на корабле, а не торчать, не видя белого света, в царской кладовой. Вот смотри! Я пишу на глине: «корабль» и «море». Что от этого изменилось? Также ничего не изменится, если я напишу имя «Полиена».

Он убежал, кажется ничего не поняв.

В то утро месяца Плавания² я сидел, готовясь к записи поступлений. На столе передо мной были разложены еще не обкошенные таблички. Запах сырой глины напомнил мне дом, в котором я вырос. Зимой, когда шли дожди, крыша протекала, и в мегароне³ пахло так, как сейчас. Хорошо бы вернуться домой, увидеть отца и мать и, простившись с ними, отправиться на поиски Островов Блаженных, увидеть своими глазами все, о чем рассказывают корабельщики.

Я уже перенесся в мыслях на Острова Блаженных, когда распахнулась дверь и на пороге показался Тимако. Он был красен, как вареный рак.

— Что случилось, Тимако? — спросил я. — На тебе нет лица.

— Сохранить бы голову! — воскликнул он.

— Ты разгневал владыку Пилоса? — догадался я.

— О чем ты говоришь, дурень! — заорал он. — К стенам города подступили дорийцы!

Я слышал о небольшом племени с этим именем. Купцы, торговавшие с дорийцами, называли их дикарями и посмеивались над их обычаями.

— Но как же наши доблестные воины допустили дорийцев к стенам? — удивился я.

— Вместе с дорийцами пришли другие северные люди в медвежьих и волчьих шкурах, — пояснил Тимако. — Царское войско рассеяно. Вся страна захвачена дикарями. Пилос вот-вот падет. Мы с тобой станем дуэрами⁴.

Слово «дуэро» вызвало у меня ужас. Ведь я много раз заносил его на глину вместе с цифрами, указывающими число несчастных пленников. Я подсчитывал, сколько мер овса идет на прокорм дуэров, и видел самих дуэров, изможденных, с оковами на руках и ногах, нередко со следами от бичей. Я слышал от корабельщиков, что дуэров приковывают к веслам и, когда они выпускают дух, не вынеся побоев и непосильного труда, их выбрасывают на корм рыбам. От людей после смерти остаются могилы, от дуэров не остается ничего, кроме записей на глине, сделанных моею рукой.

— Что же нам делать, Тимако?! — в отчаянии воскликнул я.

— Ты еще спрашиваешь? Бежать. И не медля.

— Но ты сам сказал, что Пилос окружен дорийцами!

— Из дворца за стены ведет подземный ход. Я был надсмотрщиком над дуэрами, которые его рыли. Видишь, шрам? Это от кирки избитого мною дуэра. Потом всех дуэров убили, мне же

Боевая микенская колесница. На сохранившемся рельефе изображен знатный воин с коротким мечом у пояса и сжатым в руке копьем. Он настигает спасающегося бегством врага. Здесь он победитель, но, вероятно, на такой же колеснице бежал владыка Пилоса, когда воинственные северные племена разбили войско, защищавшее город.

сохранили жизнь, взяв клятву о молчании. Но кому теперь нужна эта тайна? Владыка с семьей уже покинул крепость. Мы с тобою последуем за ними. Ты поможешь нести мои вещи. У тебя ведь нет своих.

Тимако был прав. Да! У меня не было ничего своего. Знаки, которым меня обучили, не имели веса. И к тому же они принадлежали владыке Пилоса. И хитон на моих плечах тоже принадлежал ему.

— Конечно, Тимако, я тебе помогу! — быстро ответил я.

И вот мы уже бредем во мраке, то и дело натываясь на стены. Корзина Тимако так тяжела, словно набита обожженными плитками. Но я почему-то уверен, что это не плитки, а серебро или золото. Ведь мы принимали драгоценные слитки от ремесленников, и, когда я заносил их число на глину, вызывали других писцов, чтобы меня проверить. Конечно же, это золото и серебро владыки. Но владыка, спасая жизнь, не взял их с собой, и этим воспользовался Тимако.

Прошло немало времени, пока вдали показалось светлое пятно размером с глиняную табличку. По мере нашего продвижения оно росло и вскоре было уже величиною с амфору. И вот, раздвиг-

Воин II тысячелетия до н. э. Плитка из обожженной глины. Вооруженные бронзой, эти воины не смогли устоять перед натиском сплоченных северных племен, имевших железное вооружение.

Внутренний сводчатый коридор в Тиринфе. В Пилосе не было крепостных стен — его правители надеялись на свое могущество, но подземный ход, по которому бежал из дворца герой рассказа, имел такие же стрельчатые потолки.

нув зеленые ветви, мы вышли наружу. Меня ослепил солнечный свет. Несколько мгновений я ничего не различал. Но, оглянувшись, я увидел огромный столб пламени и дыма. Это был Пилос, подожженный его защитниками. Горел дворец со всеми богатствами владыки. Горела кладовая и Дом табличек. Теперь я свободен и могу распоряжаться своей судьбой.

Я снял корзину с плеч и опустил ее на землю.

— Куда мы идем, Тимако? — спросил я.

— В горы, — отозвался он. — Там дорийцы нас не найдут.

Действие рассказа относится к середине VIII века до н. э.

— Иди один,— проговорил я,— мне нечего делать в горах. Я отправлюсь к морю и отыщу корабельщиков. Они отвезут меня на Острова Блаженных.

Не дожидаясь ответа, я свернул направо, где сверкало и переливалось бликами море. Тимако мог легко меня догнать, но он боялся оставить свои сокровища.

Не успел я пройти и двадцати шагов, как услышал отчаянный вопль:

— Не оставляй меня! Что я буду делать один с этими вещами? Остановись, Реего! Ведь я спас тебе жизнь!

Я шел, не оборачиваясь. Я не верил Тимако. Человек, взявший чужое, мне не товарищ. К тому же он отделается от меня, когда я не буду ему нужен, как поступили с дуэрами, знавшими тайну подземного хода.

— Я тоже хочу в море, Реего! — кричал Тимако. — Пожалуйста, возьми меня с собой.

Я не останавливался. Мореходы рассказывали, что на Островах Блаженных живут люди, не ведающие корысти. Зачем им Тимако со своими золотыми и серебряными слитками? Пусть он останется в этом мире, а я буду жить в другом. Там я научу островитян царским знакам, и мы будем вместе заносить на глину древние предания и песни, которые порождаются красотой мира, а не низменными страстями смертных.

— Реего! — отчаянно вопил Тимако. — Вернись! Получишь половину моих богатств!

Я прибавил шаг. Теперь уже Тимако не смог бы меня догнать.

¹ Посидао — главное божество микенских греков, впоследствии (под именем Посейдон) сохранивший только власть над морями.

² Месяц Плаваний в календаре Пилоса соответствует апрелю.

³ Мегарон — центральное помещение микенского дома или дворца с очагом.

⁴ Дуэро, соответствующее позднему греческому «дулос», — раб.

В прихожую вбежала стайка девушек, и сразу же мегарон¹ наполнился их звонкими голосами.

— У! Непоседы! — проворчала няня. — Носятся, как угорелые. А вышивки кто заканчивать будет?

— На чем мы остановились? — няня обратила свое изрезанное морщинами, как кора дуба, лицо к мальчику лет двенадцати, сидевшему у ее ног на скамеечке.

— На том, как мачеха возненавидела маленького Фрикса².

— Так вот, — проговорила няня нараспев, — задумала злая мачеха погубить Фрикса и, отведя в храм, сказала жрецу...

— Миса! Миса! — перебила одна из девушек. — Видела бы ты, какие вышивки.

— Золотом по голубому фону. Слово солнечными нитями по морю, — вставила другая девушка.

— А ожерелье! — завершала третья. — Крошечные уточки вот с такими клювиками, и все в ряд.

— Болтушки! — заворчала няня. — Вышивки... Уточки... Ничего у вас не поймешь.

Миса была рабыней басилея Телеста. Но она выросла в его доме, и к ней относились как к члену семьи. Мать Эвполиона умерла через несколько дней после его рождения, и Миса заменила ребенку мать. Она была с ним всюду, и даже когда мальчика учили грамоте, сидела рядом, занятая своим делом. Телест больше не женился, потому что не хотел, чтобы в доме была мачеха.

— Приплыл финикийский корабль, и корабельщики вынесли на берег свои товары, — выкрикнула сестра Эвполиона Эвридика. Она была старше брата на три года.

Рисунок на сосуде с изображением мифической сцены сражения Геракла с кентавром Нессом. Этот миф няня наверняка рассказыва-

ла Эвполиону — ведь местом обитания кентавров считалась Фессалия, откуда отправились в Колхиду аргонавты.

— Хочу видеть корабль,— заныл Эвполион.

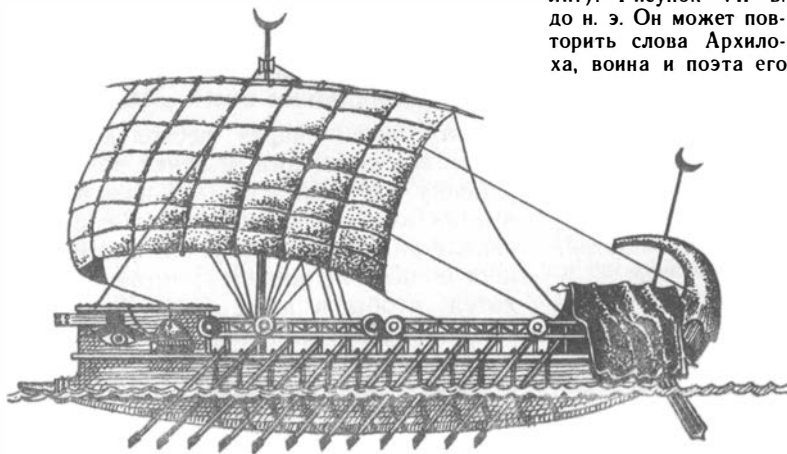
— Глупенький,— проговорила няня, погладив мальчика по вьющимся светлым волосам.— Зачем тебе финикийский корабль? Сейчас ты услышишь о корабле Арго, приплывшем в страну Золотого руна — Колхиду.

— Не хочу слышать, хочу видеть,— почти что стонал мальчик.— Хочу видеть корабль и корабельщиков, как они карабкаются по снастям.

Греческий тяжелооруженный воин (гоплит). Рисунок VII в. до н. э. Он может повторить слова Архилоха, воин и поэт его

поколения: «В остром копье у меня замешан мой хлеб. И в копье же из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье».

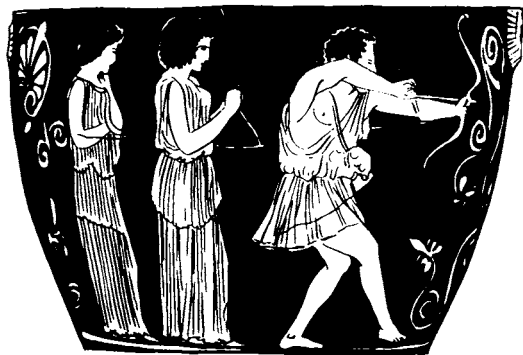

Финикийский торговый корабль (по рисунку на греческом сосуде VIII в. до н. э.). Предприимчивые торговцы и пираты, финикийцы строили торговые корабли так, чтобы они не уступали военным в быстрой скорости и могли успешно защищаться от пиратов, и сами заниматься пиратским промыслом.

Две фаланги гоплитов сходятся друг с другом. Флейтист отбивает ритм марша и, кажется, воины поют: «Славное дело в передних рядах с врагами сражаясь, Храброму мужу в бою смерть за отчизну принять».

Страхивание созревших оливок. Со времени Солона Афины становятся ведущим центром оливководства в Греции, а мелкие земельные собственники, обладавшие небольшими участками в неудобной для хлебопашества гористой местности, — главными производителями оливок.

Одиссей, натягивающий лук. Рисунок на вазе. И об этом подвиге Одиссея тоже пропел затаившим дыхание илотам слепой пе-

вец. Вспомните почем у за спиной Одиссея не могучие воины, а робкие женщины, и в кого полетят стрелы из тугο натянутого лука.

— Так и быть! — уступила Миса. — Мы пойдем на берег. Ну куда же ты побежал без шапочки? Головку напечет.

Она спрятала кудри Эвполиона за края сшитой ею самой белой шапочки и, взяв его за руку, степенно двинулась к выходу.

Девушки, обгоняя их, с визгом выбежали наружу.

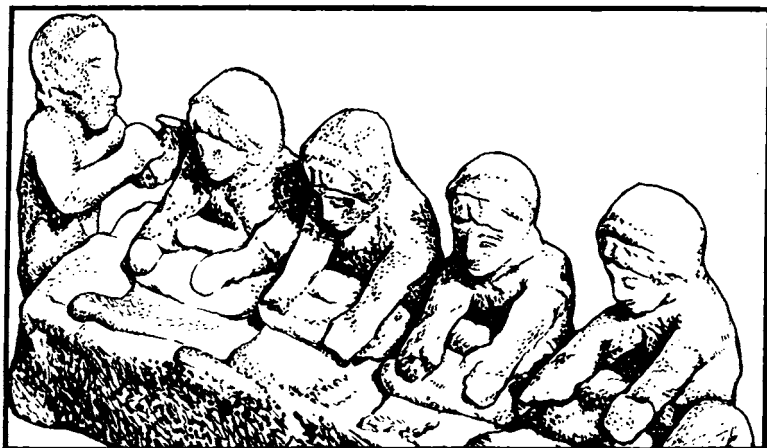
Корабль стоял у самого берега, выбросив на камни сходни, широкий, чернобокий, с двумя мачтами, крутым носом,

над которым гордо высилась позолоченная фигура бога или богини, и кормой с изгибом шеи как у гуся. Таких кораблей Эвполион еще не видел.

— Няня! А няня! — мальчик тербел няню. — Какой это бог на носу?

— Ну откуда мне знать, какие у финикийцев боги, — отмахивалась старуха. — Я и эллинских богов не различаю.

— А где живут финикийцы? — не отставал мальчик.

Хлебопекарня. Рабы под руководством мастера месят тесто. В это время на смену отдельным мастерам приходят мастерские, использующие рабский труд.

— Кто их знает... Ведь они по всему морю шныряют.

— Миса! Миса! А почему палуба пуста? Где кормчий? Где корабельщики? Почему никто не лезет на мачту?

— Наверное, спят,— предположила Миса.— Умаялись и спят. Здесь в бухте тихо. А в открытом море качает.

Корабль уже был в нескольких десятках шагов. Рядом со сходнями стояло трое финикийцев, черноволосых, бородатых, в просторных пестрых одеждах. Один из них на маленьких весах взвешивал серебро, которое принесла ему Эвридика. Она же примеряла ожерелье, а другие девушки с оханьем любовались им у нее на шее.

Няня остановилась от корабля шагах в десяти.

— Дальше не пойдем,— сказала она Эвполиону.— От чужих людей надо подальше держаться.

— Почему дальше? — удивился мальчик.— Смотри, как они улыбаются. А вот на борту показался финикиец. И что у него в руке? Смотри, Миса, крошечный кораблик. Умещается на ладони, с мачтой и алым парусом. И даже божок как настоящий на носу. Няня, купи мне его.

— Не надо купи,— выкрикнул обладатель кораблика на ломаном эл-

линском языке.— Даром бери. У меня такой же мальчик. Я люблю мальчиков.

— Слышишь, няня. Он дарит нам кораблик. Это добрый человек.

Мальчик потянул няню к берегу. Она почти не сопротивлялась, ибо и ей игрушка понравилась.

Человек с корабликом спускался по сходням. Миса и Эвполион шли ему навстречу. Все шире и шире улыбка на лице финикийца. Но вдруг она сменилась злобным оскалом. Финикиец одним прыжком оказался рядом с Эвполионом. За спиной послышался визг разбежавшихся девушек. Финикиец никак не мог справиться с няней, и ему на помощь пришли те трое торговцев. В один миг они втащили старуху с ребенком на палубу. Взлетели вверх сходни. Палуба наполнилась людьми. Поднялись и со свистом опустили весла. Корабль отошел от берега. Еще через несколько мгновений он уже мчался к выходу из бухты.

С берега была видна возня на палубе. Пираты пытались оторвать мальчика от няни. Наконец, им это удалось. Грузное тело Мисы полетело за борт и исчезло в волнах. Корабль продолжал свой путь и вскоре скрылся из виду.

Прошло немало времени, пока Эвполион очнулся после тяжелого обморока. Он лежал на палубе близ витой, уходящей вниз лесенки. Вокруг было море. На связке канатов сидел тот самый финикиец, который заманил его на корабль. На солнце блестела его плешь, обрамленная на затылке курчавившимися волосами. И он улыбался, кажется, радуясь тому, что Эвполион жив.

Подойдя к мальчику и протянув руку, как бы желая его погладить, он двумя пальцами сжал ему две щеки, так что ему стали видны зубы.

Эвполион рванул голову, пытаясь схватить зубами ладонь с толстыми волосатыми пальцами. Но финикиец, предугадав это движение, отнял ладонь.

— Но,— сказал он.— Тот, кто кусается, получает это,— он показал на валявшийся на палубе толстый кожаный хлыст.— Ты знаешь, как наказывают рабов?

Да, Эвполион знал об этом. Несколько лет назад, проходя с няней мимо конышни, он услышал доносящиеся через закрытые ворота дикие вопли. «Няня! Там убивают!» — воскликнул он. «Пойдем отсюда, милый. Там наказывают». — «И меня тоже могут наказывать?» — «Тебя? — удивилась няня. — Ты же не раб».

Внезапно финикиец схватил одной рукою хлыст, а другой — Эвполиона и потащил его по лесенке вниз. Сердце мальчика замерло.

На нижней палубе финикиец отпустил руку мальчика. Тот увидел ряд полуголых людей, поднимающих и опускающих весла. Размахивая хлыстом, финикиец сделал несколько шагов и внезапно опустил его на голую спину одного из гребцов. Показался черный рубец. Несчастный не закричал, а только уронил голову на весло. Финикиец снова поднял хлыст и с силой его опустил. На спине гребца вспух черный крест.

— Вот так наказывают рабов,— выдохнул финикиец, подходя к Эвполиону.— Понял?

— Я не раб,— сказал мальчик.— Я — сын басилея Телеста.

— Сын Телеста? — воскликнул финикиец.— Что же ты молчал, негодный мальчишка!

Бросив хлыст у ног Эвполиона, он взбежал по лесенке вверх. Через несколько мгновений Эвполион услышал голоса. Чужая речь была ему незнакома. Чаше всего повторялось слово «мелек»³. Финикийцы начали спорить. Потом его финикиец (Эвполион догадался, что он главный на корабле) что-то произнес. Все замолчали.

Так закончился его первый день на финикийском корабле, самый страшный день в жизни Эвполиона. Словно какой-то гигантский вихрь вырвал его из родного дома, разлучил с няней, отцом, сестрой. Он оказался в море среди страшных людей, чем-то напоминавших ему людоедов, о которых зимою пел слепой аэд⁴, перебирая струны кифары. Это была песня о приключениях Одиссея, которого отец считал своим предком. «Этот Одиссей попал в пещеру людоеда Циклопа, выколол ему глаз и выбрался из пещеры под животом барана,— думал мальчик.— Конечно, Одиссей был сильный и храбрый. А я маленький и слабый. К тому же Одиссею помогла богиня, вступаясь за него на совете бессмертных богов и приходя ему на помощь каждый раз, когда ему было плохо. А кто же поможет мне?»

Он жарко зашептал слова молитвы, каким его учила няня. Он молился Посейдону, во владениях которого находился, обещая ему в жертву десять белых быков, если тот найдет сильный ветер и пригонит корабль домой.

Эвполион проснулся от храпа. Кто-то храпел со свистом и завыванием. Этот храп наноминал вой бури, о которой он

просил у Посейдона. «Наверное,— подумал он,— Гипнос⁵ насылает мореходам такой храп, потому что они живут среди волн и ветров. Няня спала тихо, мирно дыша. Она была доброй и хорошей. Но как я оказался здесь? Ведь я молился Посейдону на той палубе, где гребцы. Значит, меня перенесли сюда спящим. Подо мною что-то колющее».

Мальчик вытащил упиравший ему в бок тростник и встал. Каморка имела в длину шагов шесть, а в ширину четыре. Дверь была закрыта снаружи.

Увидев широкую щель, он понял, что справа от него помещение, где спит финикийец, наверное, кормчий. Он всунул тростинку в щель и продвинул ее во всю длину. Внезапно храп прекратился и кто-то схватил тростинку так крепко, что ее нельзя было вытянуть.

— Это ты, сын басилея,— послышалось за стеной.— Как твое имя?

— Эвполион,— ответил мальчик.

— Так слушай, Эвполион. Попытаешься бежать, привяжу к веслу, как тех. Спать будешь здесь. Выходить разрешено на верхнюю палубу, где нет гребцов. К борту не подходи, а то смоем волной. Старайся находиться там, где бы я мог тебя видеть. А то неровен час... А со щелью ты хорошо придумал. Держи!

В щель просунулась лепешка. Она была жесткой и пахла горелым маслом. Но Эвполион этого не почувствовал. Со вчерашнего утра он ничего не ел.

Вскоре он был на верхней палубе. Над белыми гребешками волн с резким криком носились серые птицы, едва не задевая крыльями моря. Корабль начало сильнее качать. Вскоре небо затянулось пятнистыми полосами и стало похоже на шкуру зверя, которой покрывали постель отца.

Мальчик уловил брошенный на небо встревоженный взгляд кормчего. По его команде матросы начали спускать паруса. Вскоре стало совершенно темно. Волны высотой в скалу брали корабль

на приступ, и он то взмывал вверх, то падал вниз. Мальчик ощупью спустился в свою каморку. Став на колени, Эвполион молил Посейдона, чтобы тот унял ветер.

Корабль раскачивало все сильнее. Волны ударяли о борт с такой яростью, что, казалось, вот-вот они вышибут доски и ворвутся в трюм.

Внезапно послышался звук льющейся воды. Она лилась откуда-то сверху, возможно через отверстие для лесенки или через дырки для весел. Ступни ощутили прикосновение влаги. Вода прибывала. Спасаясь от нее, Эвполион прыгнул на лежанку и прижался спиной к стене.

Вода бурлила на полу, а когда корабль накренило, мальчик ощущал на лице холодные брызги.

— Посейдон! Спаси меня! — закричал Эвполион, но его голос потонул в треске и грохоте.

Похоже, что на палубе снесло мачту. Сразу после этого удара лесенка затрещала от тяжести шагов. Послышалось падение деревянной крышки и несильные удары. «Наверное, финикийцы заделывают щели», — подумал Эвполион.

Вскоре стало светлее. К Эвполиону приближалось светлое пятно. И вот уже можно различить руку, держащую фонарь, и лысину кормчего. Когда мрак каморки рассеялся, Эвполион увидел рядом с собою на лежанке огромную крысу. Свесив к полу длинный хвост, она отряхивалась от воды.

Эвполион завопил. И все снова погрузилось во мглу.

* * *

Эвполион приподнял голову. Ярко светило солнце, освещая близкий берег с раздвоенной вершиной снежной горы. Он вспомнил все, что с ним было, как страшный сон.

Со стороны носа послышался хохот.

— Ну и сын басилея. Не испугался бури! Крысы испугался!

Кормчий вглядывался в берег. Его усталое, постаревшее лицо дышало властной силой. Казалось, эти слова и смех вырвались не из его уст. Глубоко спрятанные глаза — зоркие, хищные глаза морской птицы — что-то обнаружили среди скал. Выискали ли они там новую добычу? Или открыли опасность, угрожающую беззащитному кораблю?

Медленно поднимались и опускались черные весла. Всего пять весел вместо двадцати с близкого Эвполиону борта. Мальчику вспомнилась обнаженная спина со вспухшим на ней черным крестом.

«Жестокое море! — думал он. — Жестокие люди! Корабельщики, похищающие пленных, бросающие за борт гребцов. Жестокое законы! Будет ли хлыст в твоих руках или он будет гулять по твоей спине. Но кто-то, чтобы корабль не стоял на месте, должен поднимать и опускать весло, а другому дано стоять на палубе, вести корабль по звездам и, предугадывая опасности, бороться с бурей».

«Посейдон! — бормотал мальчик. — Сделай меня кормчим. Пусть эти финикийцы поднимают и опускают весла. Поставь меня над ними. Ведь я сын басылея».

— Сын басылея, в трюм! — раздался голос кормчего.

Эвполион, не раздумывая, бросился к лесенке. И вот он на своей лежанке. По зычным звукам команды на незнакомом языке и по топоту ног над головой Эвполион догадался, что корабль подходил к берегу. Вскоре послышался плеск якоря и звуки эллинской речи. Кормчий переговаривался с кем-то на берегу. Сначала голос того, с кем говорил финикиец, был едва слышен. Но потом он приблизился. Видимо, говоривший подплыл на лодке.

— Ну и попотешилась над вами буря! — произнес эллин.

— Вволю! — подхватил финикиец. — Но посудина цела. У нас говорят: «Было

бы цело брюхо, а руки отрастут». Тебе не известен человек, могущий нам помочь?

— Я сам плотник, и сыновья мне помогут. Но лес теперь в цене.

— За ценою не постою, если упрaviшься дней за пять. А я тем временем масла прикуплю и рабов поищу, чтобы на весла посадить.

— Дашь полталанта, поставлю тебе мачты, натяну реи. Дело мне знакомое. Не один корабль на воду спустил.

— Я вижу, ты шутник. Постройка корабля мне в талант обошлась.

— У вас в Тире лес рядом, а сюда в Сиракузы его надо в обход. Этны тащить. Как хочешь. Но меньше чем за полталанта за работу не возьмусь. И четверть таланта вперед.

Услышав слова «Сиракузы» и «Этна», Эвполион вздрогнул. Он знал, что Сиракузы и Этна в Сицилии. Та снежная гора, которую он видел, и была Этной. О Сиракузах в доме отца часто говорили, потому что этот город основали несколько лет назад коринфяне. Он вспомнил лица сиракузян, встречавшихся с отцом. «Наверное, и они помнят меня?»

— Сегодня и начну! — крикнул эллин с лодки. — А масла можешь не искать. Мой брат Ламис маслом торгует. Лучше его масла во всей Сицилии нет. Прямо в амфорах тебе и доставит.

«Что же делать? — лихорадочно думал Эвполион. — Выбежать на палубу? Крикнуть: «Я Эвполион, сын Телеста». Прежде чем плотник сообразит, кормчий задушит или бросит в трюм. Нет, это не годится. Выждать время и придумать что-нибудь еще. Дождаться, пока плотник и его сыновья будут работать на палубе, и тогда...»

Решение пришло сразу. Написать письмо и подкинуть его на палубу. Но на чем написать? Не даст же кормчий папируса? И чем написать? Откуда взять чернила? В мучительных поисках выхода Эвполион забылся сном.

Когда он проснулся, в каморке было темно, хотя на палубе во всю стучали топоры. Значит, еще день. Мальчик вскочил с лежанки и кинулся к двери: она была на засове. Как только плотник и его сыновья поднялись на корабль, кормчий закрыл дверь. Но ведь ночью, когда работники уйдут, его могут выпустить. И к этому времени все должно быть готово.

Эвполион стал шарить по одной стене, а затем по другой. Затем он ощупал дверь и радостно вскрикнул. Острие вбитого с той стороны гвоздя. Именно то, что ему нужно. Теперь есть чем сделать чернила, если только кровь можно назвать чернилами. Со стилем легче! Стил заменит любая щепка. Он вспомнил о щели, через которую кормчий просунул ему лепешку. Оттуда можно было отколоть щепочку. Вот и она. Небольшой кусочек дерева. Остается заменить папирус.

Мальчик схватился за голову. Вот он папирус. Подарок няни. Шапочка. Он, казалось бы, ощутил прикосновение ее рук и услышал старческий голос: «Головку напечет!» Хорошо, что шапочка белая. На ней можно написать. А вдруг плотник неграмотен? Или шапочку найдет не он, а кормчий? Но ведь другого выхода не остается и нечего размышлять. Он снял хитон и, поднявшись на цыпочки, прижался к острию гвоздя плечом. Гвоздь входил в тело. Мальчик терпеливо ждал, пока не ощутил на плече влажность.

Отодвинувшись, он окунул в мокроту щепку и вывел отчетливо, как его учили: «Я, Эвполион, сын басылея Телеста». Кончик щепки высох. И плечо тоже стало сухим. Он сжал место ранки пальцами и выдавил еще несколько капелек крови. И снова щепка выводит буквы: «захвачен разбойниками, спасите».

Наверху топоры перестали стучать.

Раздался уже знакомый голос плотника:

— Завтра начнем на заре.

— Если так дело пойдет,— сказал кормчий,— и за три дня кончите.

— Возможно, и кончим.— согласился плотник.— Работы сразу не видно. А мачты запасены у меня были.

— Тогда скажи брату, чтобы пифосы с маслом поближе подвез. Как кончите, будем грузиться.

Голоса удалялись. Эвполион надел шапочку на голову и стал ждать.

Время тянулось мучительно долго. Наверное, кормчий спустился на берег и забыл, что сегодня Эвполиона не кормили. Но кто-то же должен о нем вспомнить! Вот и шаги. Нет, это не кормчий. Один из команды с миской в руке. Он дал знак, что можно выйти на палубу.

От свежего воздуха у Эвполиона закружилась голова. Взяв миску, он присел на столб, который станет мачтой. Но перед тем как начать есть, снял шапку и, положив ее на кучу стружек, наклонил голову и стал шептать любые приходящие на ум слова.

На лице наблюдавшего за ним финикийца не отразилось удивления. Молитва — дело привычное!

Делая вид, что молится, Эвполион незаметно определил расстояние корабля от берега. Теперь гора со снежной вершиной не видна. Ее просто не видно из-за прибрежных холмов. Следов поселения или города тоже не видно. Наверное, они в бухте, также закрытой холмами.

Потом он стал есть, стараясь подольше прожевывать пищу. Финикиец не спускал с него глаз, но и не торопил. Поев, Эвполион передал миску стражу и повернулся к лестнице. Финикиец не вспомнил о снятой шапке. «Полдела сделано!» — думал мальчик, входя в свою каморку.

Весь следующий день Эвполион вслушивался в звуки, доносящиеся с палу-

бы. Видимо, там работа шла вовсю. Финикийцы помогали плотникам, и мальчик их не интересовал. «Значит, шапочку подобрал плотник,— думал мальчик.— А может быть, финикийцы просто швырнули ее в воду. Или ее никто не заметил, и она валяется под стружками».

Обед ему принес сам кормчий. Кроме лепешек, на глиняной тарелке было несколько яблок. Эвполион не мог скрыть своего удовольствия. Конечно же, его радовали не яблоки, а в яблоках он видел свидетельство того, что финикийцы не нашли шапочку.

— Веди себя хорошо,— сказал кормчий, оставляя тарелку.— Мы скоро выйдем в море, и ты сможешь выходить на палубу, когда захочешь.

Поздно вечером его вывели на палубу. Шапочки снаружи не было видно. Мальчик, словно бы играя, разгреб стружки. Финикиец, не спускавший с него глаз, не сделал ему замечания, видимо подумав, что после вонючего трюма приятно вдохнуть запахи леса. Под стружками шапочки не оказалось. «Теперь нужно дожидаться завтрашнего дня,— думал мальчик.— Завтрашний день решит все».

По знаку финикийца он покорно спустился в трюм, вошел в каморку. Финикиец захлопнул дверь и задвинул засов.

Всю ночь Эвполион ворочался на своем ложе. За деревянной стенкой счастливым сном спал кормчий, не догадываясь, что ему принесет завтрашний день.

А он начался беготней на палубе и стуками. Видно, прилаживали мачту и потребовалась помощь всей команды. И потом, после небольшого перерыва снова стучали и бегали. Дело дошло до рей.

Еще через некоторое время слышались удары весел о воду. Корабль подгоняли к берегу, видимо, чтобы взять пифосы с маслом, о которых договари-

вались кормчий с плотником, или принять на борт новых гребцов. Только этим моментом могли воспользоваться те, кто нашли шапочку и прочитали написанное на ней.

Стук падающих сходен. Скрипение досок под ногами тех, кто нес тяжесть. Удары о палубу. Конечно, это опускали пифосы и ставили их на палубе в один ряд. Ничто не говорило о том, что кто-нибудь собирается освобождать Эвполиона. Звон серебра! Кормчий рассчитывался с торговцем маслом.

И когда уже у мальчика не оставалось ни тени надежды, слышались громкие крики, звуки падения тяжелых предметов, звон железа. Кто-то за кем-то гонится по палубе и настигает. Кого-то волочат вниз. Мальчик подбежал к двери и начал колотить ее ногами. И вот кто-то услышал и стал спускаться по лесенке. Подойдя к двери, он ищет засов. И вот дверь распахивается, и Эвполион в объятьях бородастого эллина.

Еще несколько мгновений, и он на палубе. Она вся в черепках от пифосов⁶, но никаких следов разлившегося масла. По палубе пробежало несколько эллинов. На корме еще двое перевязывали раненого.

— А где же они? — спросил мальчик.

Его спаситель показал вниз.

— Их уже привязали к веслам.

— Так быстро?

— Наша эллинская хитрость. Финикийцы сами внесли нас на палубу. Мы были в пифосах вместо масла.

Мальчик захлопал в ладоши.

* * *

Корабль, прыгая по волнам, неся вскачь как норовистый конь. Трещали паруса, надуваемые попутным ветром. Эвполион стоял на носу рядом с финикийским божком, имя которому Мелькарт. Он узнал это не от разбойников, а от сицилийцев. Мелькарт не помог финикийцам, потому что они веролом-

ны. И пусть бог останется на своем месте, а они внизу, прикованные к веслам. Теперь ему улыбается солнце. Для него блещет море. Конечно же, без плотника, подобравшего шапочку няни, и без того, кто догадался посадить воинов в пифосы, победа была бы невозможна. Но письмо-то ведь написал он, Эвполион. И он пообещал Посейдону белых быков. Посейдон получит обещанное, как только Эвполион вступит на землю Коринфа, обнимет отца и сестру и расскажет им обо всем пережитом. А пока Эвполион будет ходить по палубе сколько ему угодно, а если захочет, спустится к гребцам и возьмет хлыст. Ибо теперь он господин, а они — рабы.

¹ Мегарон — главное помещение царского дворца, вытянутый зал с очагом и алтарями для жертвоприношений богам.

² Фрикс — герой греческих мифов, судьба которого была связана с мифом об аргонавтах. Спасшись на золотом баране, который доставил его по воздуху в Колхиду, Фрикс посвятил шкуру барана спасшим его богам. За этой шкурой — «золотым руном» — и совершили свой поход аргонавты.

³ Мелек — по-финикийски «царь».

⁴ Аэд — исполнитель эпических произведений, певец.

⁵ Гипнос — в греческой мифологии бог сна.

⁶ Пифос — большой сосуд из обожженной глины.

ЛИСИЦА

На юго-западе Пелопоннеса, южной оконечности Греции, лежала гористая страна Мессения, на востоке граничившая с Лаконикой. Много столетий спартанцы воевали с мессенцами, стремясь превратить их в илотов. Героем второй Мессенской войны (VII век до н. э.) был мессенский вождь Аристомен, которого называли «лучшим из эллинов». Вместе со своими воинами он укрепился на горе Гира, но во время одной из вылазок попал в плен.

Аристомен с усилием приподнял голову. Кровь текла по лбу и заливала глаза. Раны на голове, наверное, не опасны, но правой рукой не пошевелить. Кажется, она сломана выше локтя.

Память вернула Аристомена к тому, что было утром. Он шел узкой тропинкой над нависшими скалами. Чуть ли не наступая ему на пятки, за ним шагали спартиаты. Когда Аристомен приостанавливался, чтобы передохнуть, острие меча упиралось ему в лопатки. Невыносимо хотелось пить. Перед тем как покинуть лагерь, спартанцы позавтракали. Он видел, как они ели, пили вино. Младший из них, подбодрее, протянул Аристомену фиал. Но старший, злобный как цепной пес, вырвал его из рук. «Кур перед смертью не поят!» — произнес он с кривой ухмылкой.

По дороге конвоиры заспорили. Нешадно палило солнце, и младшему надоело идти по жаре: он решил заколоть пленника. Но старший настоял на своем. Аристомен слышал, как он сказал: «Этот не заслужил легкой смерти!»

Аристомен уже тогда понял, что его ведут к Кеаду. Одно это слово могло внушить ужас. Близ этой пропасти не встретишь живой души. Говорят, даже птицы не вьют вокруг Кеада гнезд.

Аристомен остановился на самом краю пропасти. Камешки посыпались из-под ног. Он невольно закрыл глаза. Старший спартанец заметил это и злобно прошипел:

— Ага! Струсил! Зря тебя называют Неустрашимым.

Аристомен хотел было ответить, что обязан своему прозвищу не помощи предателя, не расправе над беззащитными пленниками, но победам в открытом бою. Он не успел и рта открыть. Младший спартиат крикнул: «Кончай!» И Аристомен ощутил толчок в спину. Последнее, что он услышал, падая, было: «Лети в Аид!»¹

...Ладонью левой руки Аристомен стер со лба и щек запекшуюся кровь, потом медленно открыл глаза. Над ним в вышине был голубой клочок неба, круглый, как щит. Кое-где выступали зеленые ветки. Один из этих росших на

краю обрыва кустов спас Аристомену жизнь. Лучше бы разбиться насмерть. «Из Кеада еще никто не возвращался». Так сказал этот пес. Аристомен на дне глубокого, расширявшегося книзу каменного колодца. Даже если бы у него не была повреждена рука, ему бы все равно отсюда не выбраться.

Как хочется пить! Губы распухли. Гортань воспалена. Хотя бы один глоток воды перед смертью! Аристомен перевернулся на грудь и пополз, стараясь не причинять боли сломанной руке. Он искал воду, хотя и понимал, что здесь ее нет: кругом все голо и сухо. Хотя бы одну каплю воды!..

Что-то зашуршало. На камне появилась ящерица. Она взглянула на Аристомена своими маленькими желтыми глазками и молниеносно исчезла в расщелине.

— Куда ты бежишь, ящерица? — прошептал Аристомен. — Я бы тебе не сделал зла...

А что там белеет впереди? Груда человеческих костей... Оскаленный череп... Аристомену стало страшно. Волосы зашевелились у него на голове. «Как тебя звали, соратник? — подумал он. — Умер ли ты сразу или искал воду, как я? Может быть, кричал, звал на помощь. Эхо усиливало твой голос. А пастухи наверху бежали, словно за ними гнались злые духи».

Аристомен отвернулся, чтобы не видеть черепа и пустых глазниц. «Такая участь ждет и меня. Моя душа будет скитаться по свету до тех пор, пока после землетрясения не обрушится скала и не покроет моих костей».

Аристомен закрыл глаза. Ему вспомнился Андрокл. Правильно говорят мудрецы: не называй человека счастливым, пока не узнаешь, какой у него конец. Андрокл испытал неисчислимое множество бед. Спартанцы сожгли его дом, замучили сестру, убили мать. Три года он был в плену и добывал руду под землей. А вот смерть у него была легкой.

Андрокл умер от ран среди друзей. Обнимая Аристомена холодеющей рукой, он сказал: «Воин должен быть не только львом, но и лисицей». Это были его последние слова. «Да, Андрокл прав. Мало одной отваги. Спартанцы перехитрили нас, подослав в отряд этого хромого илота. Во время боя он ударил меня сзади камнем, и я попал в руки врагов».

Аристомен приоткрыл глаза. Что-то огненно-рыжее возникло в нескольких шагах от него. Лисица? Откуда она здесь? Это предсмертное видение: он подумал о лисице, и она пришла. Скоро он увидит воду. Как Тантал, наказанный небожителями, он будет стоять по горло в воде и терзаться жаждой. Вода отступит, когда он захочет сделать глоток. А потом появятся скорбные тени друзей. Что ответит Аристомен на их молчаливый укор?

«Нет, друзья — ты, Андрокл, и ты, Фанас, быстрее из эллинов², — я не боюсь вашего суда. Совесть моя чиста. Я принимал на Гиру всех, кого Спарта сделала рабами. Вы скажете, я был беспечен. Но подозрительность во сто крат хуже беспечности. Она превращает самых близких людей в недругов. Нашелся один презренный предатель. Но ведь остальные илоты сражались как львы. И если бы...»

Аристомен пошевелился, и лисица побежала. Посыпались камушки, и один из них скользнул по спине. У выступа скалы лиса остановилась, повернув к нему острую мордочку.

Аристомен тряхнул головой, чтобы прогнать это видение. Но лисица не исчезла. Он понял, что это живая лиса. «Что тебе здесь надо? Ты голодна? Тебя привлек запах моей крови? Но как ты здесь оказалась? Ты же ведь не могла спуститься по отвесной скале, как ящерица? Или спартанцы поймали тебя в курятнике и сбросили вниз, как меня? А теперь ты ждешь моей смерти...»

Аристомен нащупал камень и поднял его. Взмахнув хвостом, лисица исчезла за выступом скалы. Он пополз за нею. Но лиса словно провалилась под землю. А Аристомену вновь стало казаться, что это было видение.

Скала, под которой лежал Аристомен, испещрена красноватыми пятнами. Такие пятна оставляет вода. Нет, не дождевая. Здесь был источник. Он иссяк или изменил направление. А может быть, вода здесь, в скале?

Аристомен занес руку, чтобы ударить по красным пятнам. Но камень выскользнул из ослабшей руки и упал в кусты. Поглядев туда, куда упал камень, Аристомен заметил за кустами какое-то углубление.

Аристомен подполз к кустам и отодвинул плечом колючие ветки. Нет, это отверстие не похоже на лисью нору. Запахло сыростью. «Где-то здесь должна быть вода... — подумал он и облизал пересохшие губы. — Неужели вода?»

Аристомен просунул голову и плечи в отверстие, но его остановила мучительная боль в руке, и на какое-то мгновение он потерял сознание. Очнувшись, он сделал еще одно движение. Теперь все его тело было в норе. «А что, если это тупик и я не смогу выбраться назад? Не лучше ли, умирая, увидеть клочок неба?» И все же он продолжал лгиваться вперед.

Ход едва заметно расширялся. Вскоре Аристомен смог передвигаться на четвереньках. «Какой здесь мрак! А что, если это спуск в Аид и я живым, как Одиссей, окажусь в царстве мертвых. Но в Аиде текут Ахеронт и Лета³. И я напьюсь, напьюсь, напьюсь!»

Ход стал еще шире и выше. Аристомен смог наконец подняться во весь рост. Шатаясь от усталости, наталкиваясь на стены, он брел и брел, пока его ступни не ощутили ледяной холод.

Вода! Аристомен лег на землю и сделал первый глоток. Вода! Она прекраснее нектара, который, как говорят,

пьют боги на Олимпе. Нет, это не вода Леты, один глоток которой заставляет забыть обо всем, что было с тобою. Аристомен вспомнил о жизни и о долге перед живыми. Напрасно ликуют спартанцы, празднуя свою победу. Напрасно приносят благодарственные жертвы богам, уверенные, что теперь все мессенцы станут илотами. Осажденные на горе Гира уже не ждут Аристомена. Они видели, как спартанцы его уводили. Никому не удавалось вырваться из их рук. А он вернется. И они сочтут его спасение чудом. И он поведет их в бой. Теперь он будет осторожнее и хитрее. Осторожность — это не подозрительность. А хитрость — просто знание жизни, умение отводить удары судьбы.

Аристомен шел по щиколотки в воде. Рано еще думать о мести врагам. Есть ли у этой пещеры выход? Или он будет идти, пока не ослабеет от голода? Но лиса... Не этим ли путем пришла в Кеад? Лиса? Лисонька! Где ты?

«Что-то белеет там впереди. Неужели опять кости? Кто-то до меня искал выход из Кеада и не нашел?..»

Нет, это не кости. Это луч света. Он пробился сквозь отверстие, заросшее зеленью. Протянув вперед здоровую руку, Аристомен шел навстречу свету. Чтобы не задеть головой каменный свод, он пригнулся и, ударяясь плечами о камни, но не ощущая боли, побежал.

Наконец, пальцы нащупали ветви. Он отодвинул их головой.

Первое, что он увидел, был хвост лисы — огненно-рыжий, как солнце, зовущий, как жизнь.

¹ Аид — место, где, по поверьям древних греков, находятся после смерти души мертвых.

² Мессенянин Фанас был на Олимпийских играх победителем в беге на длинные дистанции.

³ Ахеронт и Лета, согласно поверьям древних греков, — реки подземного царства мертвых — Аида. Считалось, что вода Леты приносила умершим забвение земной жизни.

ИЛОТЫ

Действие рассказа относится ко времени, предшествующему великому восстанию илотов против Спарты (464 год до н. э.).

Забившись под рогожи, Прокл видел, как вывели отца. Отец не кричал, не сопротивлялся, он шел, наклонив голову, как бык, которого ведут на убой. Конечно, он мог бы дорого отдать свою жизнь, убить двух или трех юнцов, но тогда остальные подожгли бы хижину.

Прокл затрясся в рыданиях. Он знал, что отец больше никогда не вернется, как не возвращались те, кого уводили спартиаты. Тела уведенных находили в роще за деревней или на берегу реки. Их хоронили, молча, словно это были какие-нибудь преступники. На похоронах не было никого, кроме родных. Вообще люди в деревне, словно по молчаливому уговору, никогда не вспоминали о тех, кого уже нет.

Так уж повелось, что весной спартиаты приходили в деревню и убивали кого им вздумается. Впрочем, они никогда не трогали женщин и стариков. И на детей они не обращали внимания. Они выбирали лишь молодых и сильных мужчин, тех, которые могли дать отпор. Для юных спартиатов это была игра. Целыми сутками они лежали на огородах, в стогах сена. Как волчата, притаившись, они высматривали добычу. Ночью они подкрадывались к хижине жертвы, убивали ее на месте или уводили с собой. Эта игра называлась криптей. Она была началом священной войны, которую Спарта ежегодно объявляла илотам.

Давно уже Прокл задумывался над тем, почему спартиаты нападают на сельчан и убивают их. Но никто не смог или не хотел ответить на мучившие мальчика вопросы. «Так повелось,— говорили старики.— Спартиаты всегда убивали кого им вздумается».

Даже мыслить об иной жизни считалось преступлением. Отец рассказывал, что однажды спартиаты предложили всем, кто желает получить свободу, внести небольшой выкуп — три овцы. Нашлось немало пожелавших освободиться. Спартиаты собрали у них овец, надели выкупившимся в знак освобождения на головы венки и увели с собой. Несколько дней спустя их видели в храмах. Потом их никто не видел и никто не мог объяснить, как они погибли.

В прошлом году Проклу удалось побывать в городе, где жили спартиаты. Он назывался Спартой. Дома, в которых жили спартиаты, были ненамного лучше, чем хижина Прокла. Но Спарта многим отличалась от его родной деревни. В ней не было ни одного фруктового дерева, ни одного возделанного клочка земли. Во всяком случае, Проклу они не встречались. Да и зачем спартиатам возделывать землю, ухаживать за яблонями и грушами, если им принесут все готовое. У большого дуба, в самом центре Спарты, где дома крыты черепицей, а не соломой, стоял длинный деревянный стол. Здесь под открытым небом обедали мужчины и юноши. Коротко подстриженные, в одинаковых высоко подпоясанных плащах они ели свою неизменную черную похлебку и пили разбавленное вино. Здесь они пели воинственные гимны и обсуждали, на кого им напасть или какую дань взять с илотов. Илотами они называли жителей окрестных деревень. Маленький Прокл тоже был илотом. Илотами были его отец и дед. И каждый, кто рожден в селениях на берегу говорливого Эвроты и кто не был спартиатом, назывался илотом.

Более всего Прокла поразило, что в Спарте народу не больше, чем в трех-четырех деревнях. А по пути в Спарту он прошел через семь деревень. Но были и еще деревни, где жили илоты. Илотов было раз в десять больше, чем спар-

тиатов. Наверное, поэтому спартиаты и убивали молодых и сильных илотов.

Со смертью отца Прокл стал старшим в семье, хотя ему не было и четырнадцати лет. Теперь ему приходилось не только выгонять овец на луг, но и пахать землю, молотить зерно и выполнять другие мужские работы. Правда, у отца были братья, которые могли бы помочь, но у них были свои семьи, свои заботы. И самое главное, жители деревни, даже близкие родственники, боялись помогать друг другу.

В тот памятный для Прокла, да и для всей деревни день он косил траву. Было знойно, и мальчик, утомившись, лег отдохнуть. Его внимание привлек ровный стук, напоминающий удары дятла по стволу дерева. Стук доносился со стороны дороги. По дороге шел высокий седой человек с каким-то непонятным предметом на боку. В правой руке странника был посох, и он, выставив его, стучал по земле, словно ошупывая дорогу. Прокл догадался, что это слепец.

В деревне было не принято подходить к чужому человеку. Но Прокл подумал, что незнакомец не знает дороги и, наверное, заблудится, если ему не помочь.

Прокл пошел навстречу слепцу. Теперь, когда тот был почти рядом, Прокл увидел, что это старик с длинной седой бородой чуть ли не до пояса, а предмет, висевший на боку у старца, оказался кифарой.

Старик услышал, что к нему кто-то идет, и отпрянул в сторону. Он чего-то испугался.

— Это я, Прокл,— тихо сказал мальчик.— Хочешь, я доведу тебя до деревни?

— Подойди ко мне ближе,— попросил старик.

Он положил руку на плечо мальчика и быстрым привычным движением провел пальцами по его лицу.

— Я вижу, ты добрый мальчик,—

произнес старик после недолгой паузы.— Ты не похож на тех, кто бросал в меня камни. Ты видишь, как изранены мои ноги?

Прокл взглянул на ноги старца. Они были в ссадинах и крови.

— Ты, наверно, илот? — спросил старик, когда они подошли к самому дому.

— В нашей деревне все илоты,— ответил мальчик.

Посадив гостя на пороге хижины, Прокл сбежал за глиняной миской с водою и поставил ее возле его ног. Старик погрузил ноги в воду, и на его суровом утомленном лице появилось выражение удовлетворенности и спокойствия. Он понял, что здесь его не обидят и в эту ночь у него будет кров над головой.

Введя старика в дом, Прокл предложил ему лепешку с куском овечьего сыра.

— Прости, что мне больше нечем тебя угостить,— сказал мальчик.— С тех пор как спартиаты убили моего отца, жить нам стало трудно.

Старик снял с себя кифару, и, усевшись удобнее, взял из рук мальчика еду.

— Дорог не обед, а привет! — молвил старец и улыбнулся. Насытившись, слепец обратился к мальчику.

— Я беден, у меня нет даже такой хижины, и единственное мое богатство — кифара и песни. Ими я хочу отплатить тебе за доброту.

Старик положил кифару себе на колени и тихо провел по струнам рукой. У певца был красивый сильный голос.

Прокл никогда не слышал песен. Не слышали их и другие жители деревни. Петь могли только спартиаты. Песни, которые они пели на пирах, прославляли силу и жестокость. С воинственными песнями они шли в бой.

Размеренная речь заворожила мальчика. Прокл сидел не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами и ловил каждый звук. Он не заметил даже,

как хижина наполнилась людьми. Те, кому не хватило места в хижине, стояли у дверей. А старик все пел и пел. Люди слушали, и по щекам у многих текли слезы. Они плакали не потому, что была грустна песня — старик пел о схватках, приносящих победу, о веселых пирах, о прекрасных женщинах, перед красотой которых не могли устоять даже боги. Люди плакали потому, что их жизнь была так не похожа на жизнь героев песни. Они вспоминали погибших и впервые подумали, что их можно было бы спасти, если взять в руки мечи.

А старик все пел и пел. Он пел о золотообильных Микенах и об их могущественном царе Агамемноне, осаждавшем крепостенную Трою. Он пел о приключениях властителя Итаки Одиссея, о сыне его Телемахе, посетившем песчаный Пилос. И ни слова в его песне не было про Спарту. Словно во время рождения песни не было ни спартиатов, ни илотов.

Старик кончил. Долго царило молчание. Наконец кто-то спросил старца:

— Где находился город Микены? Где был Пилос и другие города твоей песни? Или это все выдумка?

— Боги лишили меня света, — отвечал старец, — но настоящие слепцы — это вы. Разве вы не видели на полях огромные отесанные камни? Разве вам не приходилось выкапывать из земли раскрашенные черепки?

Илоты кивали головами:

— Да, мы видели огромные камни, отесанные циклопами. Их не поднять и десятерым. Да, мы находили яркие черепки, заржавленные мечи и кинжалы. Мы ломали и бросали их в Эврот. Мы знали, что спартиаты убьют каждого, у кого найдут оружие.

— Слепцы вы, слепцы! — сказал старый певец сокрушенно. — Эти камни — остатки древних городов. Близ Эврота находился город Амиклы, ближе к морю — Микены, Тиринф. Эти камни

обтесывали не циклопы, а ваши предки. И мечами владели ваши предки. И Трою осаждали они. Вы живете в стране своих предков. Ваша земля была матерью героев. Однажды к вам вторглись воинственные дорийцы. Они захватили и разграбили города. Многих они перебили и продали в рабство, а оставшихся в живых поселили на берегу Эврота, заставив платить дань.

— Так ты пел песню о наших предках? — взволнованно спросил Прокл.

— Да, мой мальчик! — ответил старик.

Прокл не спал всю ночь. Он думал об отце, погибшем так же, как погибали другие. Жаль, что отец не слышал песни старца. Он не пошел бы на смерть безропотно, как овца. И другие, если бы они раньше слышали песню, пришли бы отцу на помощь. Они не дали бы его убить.

Было еще темно, когда поднялся старец. Лишенный света, он не знал, длится ли еще ночь или уже наступил день. Мальчик вышел из хижины. Палка его спутника нетерпеливо застучала по земле.

И тут Прокл понял, что он не может больше оставаться в этих стенах. Он не может работать, чтобы другие пользовались его трудом. Он не может ждать, пока он вырастет и спартиаты убьют его, как убили отца. Жаль мать и сестер, но он должен их покинуть. Его зовет песня, пробудившая его к жизни.

Где-то там, за рекой, недалеко от места, где стоял песчаный Пилос, столица мудрого Нестора, есть высокая гора. Ее имя Итома. Старик сказал, что на эту гору бегут все, кто не может вынести издевательств и насилий спартиатов. Прокл отыщет эту гору. У него зоркие глаза и сильные ноги. А потом он приведет на Итому мать и сестер. Он укажет туда дорогу всем илотам.

Долго длилась ночь. Но уже забрезжил свет. Старик и мальчик шли рядом. Песня звала их вперед.

СОЛОН

Действие рассказа относится к 594 году до н. э.

Солнце едва вошло из-за моря, но дорога в Афины была заполнена людьми. Судя по загорелым лицам, грубым рукам, привыкшим к черному труду, по овчинам и заштопанным гиматиям¹, по стоптанным педилам², это были земледельцы, редко покидавшие свои деревни.

Рядом шли двое. Один — человек лет сорока пяти, а может быть и шестидесяти, ибо борода и виски его еще не имели седины, а лоб был в морщинах, и он горбился, как старик; другой — юноша лет двадцати двух, тощий, с вытянутым лицом и глазами навывкате.

— Агрон, — обратился младший к старшему. — Давно хотел тебя спросить. Правда ли, что Солон, ради которого мы идем в Афины, безумец?

— Странно ты говоришь, Фавдий, — отозвался Агрон. — Если бы то, что заставило всех нас покинуть свои хижины в этот пригожий день нужно было самому Солону, разве дорога напоминала бы агору в торговый день! Солон — самый мудрый человек, которого рождала наша каменистая земля. А слух о его безумии распространяют эвпатриды³. Разве такой скряга, как наш Гилипп, может поверить, что знатный и богатый человек в здравом уме станет защищать таких бедняков, как мы с тобой? Если сегодня будет принят закон, предлагаемый Солоном, то долги, за которые нас заставляет работать Гилипп, будут отменены.

— Обрадовался! — воскликнул человек лет тридцати с курчавой бородой, пристроившись к ведущим беседе. — Ну и будешь ты свободен от долгов. А кто освободит тебя от бедности? Кто прокормит твоих детей? Солон? Ты останешься на своем участке, а Гилипп как владел своими полями и лесом, так и будет ими владеть.

— Да! Да! — подхватил юноша. — Если бы землицы побольше, тогда бы мы по-другому зажили. А то ведь снова придется перед Гилиппом спину гнуть. И снова долгов наделаем. Вот моего дядю Таурея за долги Гилипп в рабство продал. И нас продаст!

— Теперь не продаст, — проговорил Агрон. — Законом это будет запрещено. И дядя твой вернется.

— Так тебе я и поверю! — сказал Фавдий. — Кого продали, тому назад дороги нет.

— А теперь будет. Солон к своему закону добавление сделал: выкупить проданных должников за государственные деньги.

— Знаю я Таурея, — вставил курчавобородый. — Работящий был человек. А когда вернется, что делать он будет? Ведь землю ему не возвратят.

— Как что делать! — воскликнул Агрон. — Да мало ли есть дел, к которым можно руки приложить. Захочет, будет горшки лепить или железо ковать. Захочет, на корабль наймется. Свободный человек работу себе отыщет. А рабу дают такую работу, что он, бывает, и года не проживет. Видишь те холмы?

— Как не видеть? — отозвался курчавобородый. — Это Лаврионские рудники. Там серебро добывают.

Добывают... — продолжал Агрон. — Богачи сдают своих рабов за один обол⁴ в день, а надсмотрщики с этих рабов прибыль в драхму⁵ выколачивают. А если раб ослабел, его насмерть забивают, чтобы обол не платить.

Что ты о рабах заботишься, — сказал курчавобородый. — Ведь это варвары.

Но ведь и Таурея на чужбине, пожалуй, тоже варваром считают...

Чернобородый не нашелся, что ответить. Они вышли на возвышенность, откуда стали видны Афины с висящим над ними Акрополем.

— Вот и наш город,— сказал Агрон, останавливаясь.— Давай воздадим хвалу Афине Владычице, хранящей справедливость.

Земледельцы склонили головы, а Агрон прошептал:

— Помоги, Афина, Солону, мудрому своему сыну.

Городские ворота были открыты. Агрон, Фавдий и курчавобородый влились в толпу, которая их понесла по узкой, извилистой улочке к холму, черневшему тысячами голов.

Кроме земледельцев, пришедших со всех концов Аттики, можно было увидеть кучку заносчивых эвпатридов, с удивлением взиравших на собрание.

— Как муравьи напозлзи,— проворчал один из эвпатридов, брезгливо выпятив нижнюю губу.— Вместо того чтобы землю долбить, по городу шляются. Солона пришли слушать! А он, чья родословная к Кодру⁶ восходит, с этими бездельниками связался. Неужели не найдется храбреца, который положит этому конец.

— Ты ошибаешься, Гилипп,— возразил ему сосед.— Если устранить Солона, на его место станет один из тех негодяев, которые добиваются передела земли. Уж лучше Солон...

У самого возвышения для ораторов стояло человек сорок, хорошо одетых, самоуверенных. Это были богатые торговцы, владельцы кораблей и эргастериев⁷. Пока собрание не началось, они обменивались мыслями.

— Давно пора дать гражданам права не по знатности, а по богатству,— проговорил человек лет пятидесяти, обращаясь к своему соседу.— Эвпатриды — пауки на теле Аттики. Они высасывают кровь сограждан и растрачивают достояние государства в попойках. А мы даем металл, ткани, корабли. Мы платим подати и ничего не имеем взамен. Почему бы Солону не внести такой закон, чтобы уравнивать нас правами с эвпатридами...

— Ты прав, Клиний,— согласился сосед, человек лет пятидесяти со шрамом через всю левую щеку.— Но не все сразу. Четыре года назад Солон возвращался из Египта на моем корабле. У нас было достаточно времени, чтобы переговорить обо всем. И конечно же, я ему сказал все, что думаю об эвпатридах. Не забыл напомнить и о том, что волнует нас, деловых людей. Солон со мною согласился, но сказал, что в первую очередь надо освободить земледельцев от долгов, чтобы они были действительно свободными людьми, а не полурабами, как египетские крестьяне. «Тогда,— это его подлинные слова,— Афины станут самым сильным и развитым государством Эллады и египетские жрецы будут приезжать учиться мудрости к нам...»

— Идут! Идут! — послышались крики, и все на холме стихло. Люди, прижавшись к цыпочкам, с нетерпением искали среди тех, кто поднимался на возвышение, Солона.

Вот он с широким лицом, окаймленным благородной сединою, с высоким лбом, изрезанным морщинами, побывавший всюду, где имеет прибежище мудрость, узнавший и увидевший все лучшее в ойкумене, чтобы самое лучшее сделать достоянием родины, Солон, поэт и архонт.

— Афиняне! — начал Солон проникновенно.— Благодарю вас за то, что явились сюда по моему зову и готовы выслушать то, о чем я давно хотел вам сказать. После возвращения из Египта я еще раз прошел пешком всю Аттику и увидел, что мать-земля никогда еще не была так отягощена долговыми камнями, как теперь. За каждым из этих столбов судьбы сограждан, лишившихся вместе с участием и родины, и судьба нашего отечества, лишившегося многих трудолюбивых работников и отважных защитников. Давайте освободим мать-землю от долговых камней и впредь

не будем ее ими обременять. Пусть с того мгновения, как вы скажете «Да», никто никому не будет должен, а если потом задолжает, то его нельзя будет за это продать в рабство, а те, кто из-за долгов стали рабами и находятся на чужбине, да будут они выкуплены за государственный счет. Приступайте к голосованию!

Холм пришел в движение. Афиняне строились по филам⁸, а филы одна за другой подавали голоса. Не прошло и двух часов, как громогласное «Да» потрясло Афины.

Да! В Афинах и во всей Аттике сейчас никто никому не должен. На земле больше не будет долговых камней. Но эвпатриды не стали беднее, а земледельцы богаче. Поэтому, кроме радостных возгласов, можно было услышать и возмущенные голоса.

— Солон — трус! — восклицал курчавобородый. — Он не дал нам земли.

— А что ожидать от эвпатрида? — вторил ему человек в овчине. — Они кого угодно подкупят!

— Он нагел! — кричал Гилипп. — Он нас ограбил!

— Он вор, — поддержал его до того молчавший сосед. — Разве неизвестно, что он и его дружки набрали в долг денег и купили земли. А деньги теперь отдавать не будет!

Только торговцы, владельцы кораблей и эргастериев были единодушны в своем одобрении Солона.

— Мы с тобою, архонт⁹! — кричали они, окружив Солона.

— Не надо делить землю! Это разорит Афины и приведет к кровопролитию!

⁶ Кодр — последний афинский царь, по преданию пожертвовавший жизнью, чтобы спасти город от вражеского нашествия. По своему состоянию Солон принадлежал к средним гражданам, но Кодр был его отдаленным предком.

⁷ Эргастерии — мастерские и каменоломни.

⁸ Фила — первоначально племя, во времена Солона — территориальный округ, по которому проходило голосование.

⁹ Архонт — высшая государственная должность в Афинах.

ГИДНА

В основе рассказа находится действительное событие эпохи греко-персидских войн (490—479 годы до н. э.). Ныряльщик Скиллий и Гидна — исторические лица.

Держась обеими руками за борт лодки, Скиллий отдыхал. Волны принимали тяжесть его тела; гудело в ушах, словно бы над головой вился рой невидимых пчел, а в глазах возникали, переплетаясь друг с другом, разноцветные круги. Как и все люди моря, Скиллий знал приметы и верил им. Опущенные вниз края разноцветной дуги указывают направление, откуда должен подуть ветер. Но та радуга, кажется, его обманула. На прибрежных платанах не шелхнется ни один листочек. В небе ни облачка. Все застыло в угрюмой неподвижности.

— Пора, господин! — Из лодки высунулась взлохмаченная голова с оттопыренными ушами и толстыми, как у всех добродушных людей, губами. — Скоро полдень, а наш мешок еще не полон.

— Ты смеешься. Я уже спускался дважды.

— Если не спустишься еще раз, мы не заработаем и на амфору вина.

Спор, так звали раба Скиллия, конечно, преувеличивал. Если продать губки, которые сегодня добыл Скиллий, можно купить не амфору, а целый пифос вина, но ведь, кроме вина, людям

¹ Гиматий — верхняя одежда, плащ, надевавшийся поверх хитона.

² Педилы — башмаки.

³ Эвпатриды — дословно «имеющие благородных отцов», афинская родовая знать.

⁴ Обол — мелкая монета, меньше грамма серебра.

⁵ Драхма — шесть оболов.

Совет у Дария. Рисунок на греческой вазе. Царь восседает на троне со скипетром в правой и мечом в левой руке. За ним — телохранитель с мечом на плече и копьем в левой руке. Царь выслушивает человека в греко-азиатском одеянии, стоящего перед ним. На переднем плане — царский казначей, принимающий подати.

Сцена сражения. Юный греческий воин устремляется с копьем навстречу противнику, собирающемуся нанести ему удар мечом. У ног его распростерто тело уже поверженного врага. Перс, нападающий сзади (на приводимом фрагменте вазового рисунка видна только его рука), пытается оттащить воина назад.

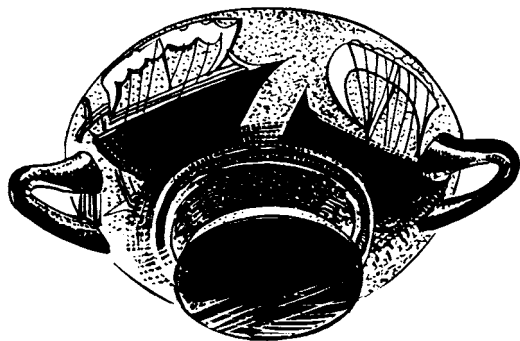
Греческий воин добивает сбитого на землю перса.

Рисунок на вазе.

нужны и хлеб, и соль, и масло, и шерсть, и лен. А тому, кто добывает губки, не обойтись без серы, придающей им белизну. Да мало ли еще что может понадобится человеку, у которого молодая дочь? Раньше Спор тоже опускался под воду, и Скиллию было легче. Но случилось несчастье. Какая-то рыба схватила Спор за пятку. Нога раздулась и посинела. Пришлось отрезать половину ступни, чтобы спасти Спору жизнь. Спор остался жить, но теперь он не пловец и не ныряльщик. Осталось ему только дела, что сидеть в лодке, держать канат и вытаскивать Скиллию из воды.

— Давай,— недовольно проворчал Скиллий.

Спор быстро перекинул за борт ве-

Морской бой двух ко- стенке греческого сосу-
раблей. Рисунок на да V в. до н. э.

ревку с тяжелым плоским камнем на конце и подал ныряльщику кривой нож.

Скиллий зажал нож между большим и указательным пальцами левой руки, остальными по-прежнему держа за край лодки.

— Масла! — приказал он, подтянувшись.

Спор поднес к его губам амфору. Скиллий ощутил хорошо знакомый ему горьковатый привкус оливкового масла. Без масла во рту ни один ныряльщик Скиона не решился бы спуститься на дно. Почему-то считалось, что оно предохраняет не только рот, но и нос и уши от быстрого перехода к глубине.

Теперь Скиллий уже не мог говорить. Он только сделал привычный знак головой, и Спор тотчас же отпустил веревку. Тяжелый груз потянул канат на дно и вместе с ним Скиллия. Перед глазами ныряльщика замелькала зеленоватая масса воды, зарябили светлые стайки рыбок. В этом месте было не глубже двадцати локтей, и через несколько мгновений ноги Скиллия коснулись дна.

Скиллий выплюнул масло и наклонился. Если кто-нибудь мог видеть сквозь толщу воды, он принял бы Скиллия за сборщика цветов. Губки, нежные, светло-желтые, покачивались перед его глазами, как фантастические,

сказочные растения. Скиллий переползал на коленях от одной губки к другой, срезая их быстрыми и точными ударами.

Перед тем как класть губки в кожаный мешочек, привязанный к поясу, Скиллий их слегка стряхивал. В порах губок прячутся маленькие рачки, рыбешки. Если не вытрясти их, они погибнут. «Бегите, малыши!» — думал Скиллий, стряхивая губку.

Но в легких уже кончался воздух. Скиллий дернул веревку, и сразу же она поползла вверх. Ныряльщик схватил обеими руками камень и отвязал его. Потом он дернул два раза за веревку и пропустил ее между ног.

Подъем был труднее, чем спуск. Наверное, потому, что не хватало воздуха. Наконец голова пробил водную толщу и Скиллий быстро, жадно задышал. Спор подхватил Скиллия за плечи и одним рывком втащил в лодку.

Мучительно ныли ноги. Боль сжимала голову, словно на нее давил каменный столб. «Надо было подниматься медленнее, — подумал Скиллий, — но тогда осталось бы меньше времени на работу». Потом мысли его смешались и он задремал.

Когда Скиллий проснулся, лодка покачивалась в маленькой бухточке на привязи. Солнце стояло в зените и жарило, как гончарная печь. Спор, разложив на камнях добычу, считал вслух:

— Сорок пять, сорок шесть, сорок... тыфу... сорок... Ну как тебя?..

— Сорок семь, — подсказал с улыбкой Скиллий.

Он знал, что Спор не тверд в счете, и это его забавляло. Однажды, когда Спор еще не хромал, он отнес на агору¹ в Потидею восемьдесят губок, а принес денег за восемнадцать. Хорошо, попался честный торговец и в следующий торговый день вернул деньги.

— Слушай, Скиллий, — протянул Спор, подсаживаясь ближе. — Сколько за все эти годы ты добыл губок?

— Не знаю... — рассеянно ответил Скиллий.

— А мне кажется, на небе меньше звезд, чем собрали губок ты и другие ныряльщики из Скиона. Куда они делись, все эти губки? Есть у твоей Гидны одна губка. Она сушит ею голову после мытья. Пять или шесть лет она обходится одной губкой. Наверно, дочери богачей один раз высушат и бросят. А ты для них спускайся на дно. Тьфу!

Спор плюнул с досады и сердито швырнул пустой кожаный мешок в лодку.

Скиллий расхохотался. Смех перешел в надрывный, хриплый кашель. Ныряльщик наклонился, положив обе ладони на грудь.

— Ну и чудак ты, Спор! — сказал Скиллий откашлявшись. — Разве губки нужны только для сушки волос? А что подкладывают гоплиты² под шлемы, чтобы они не натирали, а при случае и смягчали силу удара? Чем в богатых домах чистят обувь? Чем моют миски и горшки? Чем вытирают пыль с дорогих сундуков и столов? Все нашими губками.

А если у кого сердце заболит, берут ту же губку, намочат ее в неразведенном вине и прикладывают на грудь.

Спор вытаращил глаза от удивления.

— Скажи-ка... — протянул он. — Да она целебная... А я ее ни во что ставил. Трава травой...

— И не трава это вовсе, а морское животное вроде ежа или звезды, только попроще.

— Отец! Где ты? — слышался звонкий голос.

— Гидна! — сказал Спор. — Что-то она сегодня рано вернулась? А ведь ей надо было еще серы купить.

При виде дочери глаза Скиллия засветились, словно солнечный луч, отразившись в зеленоватой воде, скользнул по его лицу. «Как удивительно Гидна похожа на свою мать! — думал Скиллий. — Тот же поворот головы, и

матовая кожа, и смех, от которого ликует сердце. Девушка кажется угловатой и неловкой. Но как она плавает! Как гребет!»

Голос дочери показался Скиллию взволнованным. Он с тревогой взглянул ей в лицо:

— Что случилось, Гидна? Почему ты так бледна?

Гидна тряхнула головой, и волосы черной волной упали на ее загорелые плечи.

— Я вовсе не бледна, отец. Но в Потидее никто не покупает губки. По дороге, за городскими воротами, движутся толпы варваров. В длинных пестрых одеждах. С луками и копьями. И всадники! И колесницы! И какие-то огромные животные с двумя горбами на спине... Идут. И нет им конца...

— Началось! — сказал Скиллий, закрывая лицо руками. — Бедная Эллада! Что тебя ждет?..

* * *

На следующее утро Скиллий и Гидна проснулись от голоса Споры.

— Ай-ай, ну и беда!

— Что случилось, Спор? — спросил Скиллий встревоженно.

— Беда! Беда! Что делается на море! Ай-ай-ай...

Скиллий вскочил и, накинув хитон, подбежал к Спору:

— Не каркай! Скажи толком, что там, на море?

— Корабли. Столько кораблей! Я начал считать по пальцам. У меня не хватило пальцев на руках и ногах. Тогда я стал откладывать камешки, и выросла целая куча камней...

Не дождавшись конца рассказа, Скиллий выскочил наружу. Весь залив до края моря был занят кораблями, пентерами, триерами и юркими миопаронами. Палубы кишели людьми. Поднимались и опускались весла, вспенивая поверхность моря. Паруса безжизненно повисли. Корабли шли на запад,

к Потидее, огибая полуостров, на котором стояли Скион, Менде и другие города.

— Ай-ай, господин... — причитал убежавший из хижины Спор. — Они порвут сети. Они разгонят рыбу!

Вчера вечером Спор опустил в море сеть близ мыса, который огибали корабли. «Надо снять сеть, — подумал Скиллий, — а то останемся без улова. Теперь война. Хлеб и масло будут дорогими».

— Спор, — приказал Скиллий, — скажи Гидне, чтобы никуда не выходила из дому.

Но в это мгновение откуда-то издалека донеслись звуки рога. Сердце Скиллия тревожно забилося. Нет, теперь он должен забыть о своих сетях. Его зовут на агору.

Это была ровная, окруженная невысокими домами площадка у самого моря. Над агорой всегда стоял густой, неистребимый запах смолы и рыбы. Часто все пространство агоры занимали сети на высоких кольях. Рыбаки ползали по агоре на четвереньках и с той неторопливостью, которой вообще отличались скионцы, снимали сети и вешали их для просушки. А если на агоре происходили собрания, то ораторы чаще всего говорили о наживке, якорях, тунцах, меч-рыбе, морских раках, губках. Скион был городом рыбаков и ловцов губок. Расположенный в скалах каменистого полуострова, он жил своей особой жизнью, не претендуя ни на известность, ни на власть над другими городами.

На возвышении для ораторов стоял незнакомец с жезлом, обвитым зеленью. Его окружало несколько десятков мужчин в поношенных войлочных шляпах. Скиллий сразу понял, что в город прибыл посол, чтобы обратиться к гражданам.

Посол поднял жезл над головой и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Народ Афин просит вас, скионцы,

принять участие в борьбе за свободу эллинов. Мы направили против варваров все свои триеры. Коринфяне послали сорок триер. Мегаряне — двадцать, халкидяне — столько же. Эретреяне послали семь триер. Всего у нас двести семьдесят триер. Готовы ли вы помочь родине в эти грозные дни?

Наступило неловкое молчание. Первым нарушил его Скиллий.

— Скионцы! — сказал он. — Чем мы хуже других? У нашего города есть одна триера. Отправим ее эллинам. И сам я готов быть гребцом или матросом, если не найдется никого моложе и крепче меня.

Рыбаки переминались с ноги на ногу, опустив глаза. Из толпы вышел худой темнлицый человек лет сорока пяти. Он неторопливо поднялся на возвышение, образованное несколькими положенными друг на друга каменными плитами. Это был Креонт — местный богач, сколотивший состояние перепродажей рыбы и губок.

— Все мы знаем и уважаем Скиллия как превосходного пловца и ныряльщика, — сказал Креонт. — Но под водою много не увидишь. Мне же приходится разъезжать, встречаться с разными людьми: и эллинами и варварами. Посол Афин скрыл от вас, скионцы, что города и племена сопредельной Фессалии покорились персам, что фиванцы, аргосцы, ахейцы отказались воевать против Ксеркса. Царь Ксеркс воюет не против всех эллинов, а против Афин и Спарты, убивших послов. А знаете ли вы, что ответил в прошлом году афинянам дельфийский оракул, когда они его спросили о будущем:

Что вы, несчастные, ждете? Бегите до края Вселенной,

Дом и вершины округлого града

покинул навеки.

Не уцелеет ничто: голова сокрушится и тело,

Руки и ноги низвергнуты будут в дыму и пожарах.

Видите, боги стоят, истекая от ужаса
потом,
Черная кровь по вершинам их храмов
струится, вещая
Злую судьбу. Удалитесь, над бедами
дух возвышая.

Недавно афиняне вновь обратились к оракулу. И он им ответил: «Молитесь ветрам». Разве не ясно, что имел в виду оракул? Поднимите паруса и положитесь на ветер. Скиллий предлагает отдать эллинам нашу единственную триеру. Сейчас у эллинов двести семьдесят триер. С нашей будет двести семьдесят одна триера. А у персов тысяча кораблей...

Граждане молча кивали головой. Пророчество дельфийского оракула произвело впечатление. Если у афинян осталась лишь одна надежда на милость ветров, то чем им можно помочь?

И только Скиллий стоял на своем.

— Реки образуются от ручейков, толстые канаты — из волокон, могущественный флот — из кораблей! — кричал Скиллий. — Не лучше ли объединить свои силы, пока мы еще не стали рабами.

Скиллия никто не поддержал. Послу был дан ответ, что Скион не может ничем помочь народу афинян и другим эллинам.

Ушел по дороге к Менде посол. Брошенный им венок лежал у каменных плит жалкий, бесполезный. Скионцы не вняли призыву Скиллия. Слишком велик был страх перед мощью персидского царя.

Скиллий угрюмо смотрел на дома, казавшиеся в заходящих лучах солнца призрачными, нереальными, на висящее над кровлями и колоннами портиков серовато-зеленое небо, и его внезапно охватило ощущение, будто он стоит на дне моря, среди развалин скрытого под водой города. В ногах у него тяжелый груз; стоит его оттолкнуть — и Скиллий взлетит вверх, как птица.

И вдруг его обожгло новое чувство — страх. Гидна! Он приказал, чтобы она никуда не выходила из хижины. Но ведь персы, обошедшие Потидею, придут и в Скион не сегодня, так завтра. Разве их удержат запоры его хижины?

Скиллий бежал тропинкой, протоптанной в желтой траве. Высохшие стебли хлестали его по ногам. Большая грудь тяжело поднималась и опускалась, с хрипом выталкивая воздух. Вот и черепичная крыша одинокого домика. Освещенная косыми лучами солнца, она пламенела, словно облитая кровью.

* * *

Девушка сидела у моря, перебирая гладкие камешки. Волны накатывались на берег с каким-то глухим, угрожающим шумом, повторявшим и усиливавшим скрытое в глубине души чувство смутной тревоги и растерянности. О чем бы ни думала Гидна, память возвращала ее к дороге у Потидеи. Безобразные фигуры в пестрых одеждах выплывали из облака пыли, поднятого тысячами ног и копыт. Топот, скрип колес, блеяние, ржание, крики — все это сливалось в чудовищный гомон, враждебный гармонии природы, ее скромной, ненавязчивой красоте. Как невыносимо сознавать себя беспомощным перед неотвратимо надвигающейся бедой! Варвары придут и сюда. Они раскинут свои шатры на этих скалах, меняющих окраску в лучах солнца. Они пустят на луг, где Гидна собирала цветы, уродливых, горбатых животных, и своими раздвоенными копытами эти чудовища затопчут все, что так дорого Гидне...

Море шумело загадочно и грозно. Кажется, и оно было чем-то взволнованно и оскорблено. Или это только казалось девушке, потерявшей покой?..

Багровый шар солнца наполовину ушел в море, окрасив рваные, искромсанные облака.

— Ты видишь, Спор,— торжествующе сказал Скиллий, показывая рукой на небо,— будет ветер. Радуга меня не обманула.

— Недоброе ты задумал,— проворчал Спор.— Все остаются дома. Ну пусть придут персы. Они тебя не съедят. И взяты у нас нечего. Дырявая лодка да сеть.

— Молчи, Спор!

— Хоть Гидну оставь,— не унимался раб.— Ты сам говоришь, что будет ветер. Нас унесет в море или разобьет о скалы. Да и не девичье это дело.

— Не болтай! — приказал Скиллий.— Лучше принеси еще один нож. Наполни амфору водой, захвати лепешек. А Гидне скажи, чтобы собиралась.

На следующую ночь в маленькую бухточку у подножия горы Пелион вошла лодка. Обитый медью нос звякнул о прибрежные камни. И тотчас же послышался другой, скрипящий звук, издаваемый днищем вытаскиваемой на берег лодки.

— Тише, Спор,— послышался шепот.— Тише! Здесь может быть стража.

Наступила тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Все вокруг было черно — песок, усеянный валунами, небо и вода в заливе. Нет, это не вражеские часовые. Выпрыгнула рыба. Этот плеск еще более углубил тишину.

— Ждите меня здесь! — шепнул Скиллий.

Он скрылся в черных обрывах скал, очертания которых напоминали башни и крепостные стены. Из-под его ног посыпались мелкие камешки. Прошло немало времени, пока на вершине скалы, нависшей над берегом, показался человеческий силуэт.

Отсюда можно было видеть персидский флот, вернее, его ближайшие корабли. Остальные терялись во мраке. Корабли напоминали огромных морских чудовищ, высунувших из воды свои безобразные головы с широким ртом и оскаленными зубами. Крошеч-

ными красными точками светились кормовые фонари. Казалось, это злобные маленькие глазки, следящие за берегом с затаенной ненавистью.

Скиллий повернул голову и прислушался. Словно он слышал то, что не доступно никому другому. У каждого ветра свой, особенный голос. У Зефира — звонкий, как у соловья; у Нота — хриплый и сухой, как у путника, умирающего в пустыне от жажды; у Эвра — полный и глубокий. Когда дует Эвр, горы, сжавшие залив подковой, кажутся выше и яснее.

Суровое лицо Скиллия просияло. Он упал на колени и поднял обе руки вверх. Дельфийский оракул советовал молиться ветрам. И Скиллий молился ветру, называя его по имени — Геллеспонтец³. Он приходит при ясном небе и затишье. Он приносит бурю.

Скионцы в страхе перед врагом отказались послать эллинам свой единственный корабль. Но Скиллий решил вступить в бой с персидским флотом. С ним дочь Гидна, и раб Спор, и Геллеспонтец.

Скиллий спустился со скалы. Он остановился у лодки, вытасненной на берег. Спор дал ему нож, как всегда, когда он спускался на дно моря за губками. Ныряльщик привязал нож к поясу.

— Дай другой! — приказал Скиллий.— Мы подплывем вместе.

Девушка сбросила хитон. Все мышцы на ее худом теле напряглись и подрагивали. Она взяла у Спора нож, поправила волосы, прикрытые белой шапочкой, и подошла к воде.

Тихо плеснули волны. Отец и дочь плыли рядом. Их не пугало черное как деготь море. А Геллеспонтец, набиравший силу, их радовал. До кораблей персов не больше стадия. Фонарь, горевший на ближайшем из них, был для пловцов маяком.

Вот руки Скиллия нетерпеливо нащупали якорный канат ближайшего

корабля. Ныряльщик прошептал хвалу богам.

И почти сразу же ощутил плечо Гидны. Она проплыла почти все расстояние от берега до корабля под водою и вынырнула рядом с отцом.

— Плыви ко второму канату! — крикнул Скиллий.

Он не боялся, что его услышат на варварском корабле.

Море ревели, как стадо разъяренных быков. Если бы теперь Скиллий и Гидна вздумали вернуться на берег, где ждал Спор, их разбило бы о камни.

Сквозь белые гребни волн Скиллий увидел, что голова Гидны показалась у кормы, где спускался другой якорный канат. Как они условились, он дал знак рукой и сразу же принялся за работу. Конечно, якорный канат не губка. С одного удара его не отрубишь. Да и волны швыряют тебя как щепку. Попробуй удержишься!

И в это мгновение Скиллий ощутил нечеловеческую боль. Он скорее понял, чем увидел, что произошло. Гидна раньше обрезала свой канат, и корма корабля, развернувшись, со страшной силой столкнулась с соседним судном. Какой-то обломок упал ныряльщику на голову.

Теряя сознание, Скиллий крикнул дочери:

— Гидна! В моих руках нет больше сил. Смерть пришла за мной. Но ты жди рассвета. Помни, на тебя смотрят боги.

Может быть, Скиллий сказал бы еще что-нибудь, но грохочущий вал снова покрыл его с головою. А когда отхлынул этот вал, Гидна уже не видела отца. Волны бились о камни, и в их реве слышалось: «Помни, на тебя смотрят боги».

Мрак. На небе ни одной звезды. Но девушка не ощущала ни страха, ни усталости, ни холода. Она знала, что сквозь эту мглу на нее смотрят боги. Так сказал отец.

Первый луч пробился сквозь тучи, и во мраке показались две тонкие розовые полосы. В памяти вспыхнули божественные строки Гомера:

Встала из мрака младая, с перстами пурпурными Эос⁴.

Заря. Зорюшка... Гидна словно ощутила материнское прикосновение. Нет, она не одна в этом мире. Она не помнит матери. Она потеряла отца. Но на нее смотрят боги. И Эллада ждет ее подвига.

Под водой было спокойно. В мутно-зеленом сумраке промелькнул косяк рыб. На дне тихо покачивались губки, розовые и желтые. Всю жизнь отец срезал их ножом, как жнец срезает серпом колосья. Скиллий не был воином и никогда не держал в руках меча. Он жил бы и сейчас, если бы не эти корабли. Снизу они напоминали огромных зловещих чудовищ, застывших в грозной неподвижности и готовящихся к прыжку. Якорные канаты натянуты, как струны кифары. Они удерживают корабли. Но несколько взмахов ножа, и корабль швырнет в сторону. Теперь он держится на одном якоре. Еще несколько ударов, и его бросит на камни. Теперь подняться и набрать воздуха. И снова под воду...

Персидские моряки не могли понять, что происходит с их кораблями. Якоря и канаты были надежными, и буря не могла их сорвать. Почему же один корабль за другим срывался с места и становился беспомощной игрушкой волн?

Страх обуял персов. Выбежав из трюмов, они вздевали руки к покрытому тучами небу. Маги⁵ решили, что успокоить разбушевавшееся море могут только кровавые жертвы. Выведя на палубу пленных, они рубили им головы и бросали в воду. Но море не принимало жертв. Все новые и новые корабли срывались с якорей и, подобно свинцовым ядрам, брошенным из пращи, со свистом летели на скалы. Они

раскалывались, как орехи, наталкиваясь друг на друга, запутывались снастями, превращались в груды обломков. А море бушевало в своей ненасытной ярости, словно мстя царю царей за позор, который оно испытало у Геллеспонта. Ксеркс высек море плетью, как непокорного раба. Оно вздулось волнами, оно рвало канаты и якоря, словно желало показать свою силу.

Ксеркс, как улитка, забился в свой пурпурный шатер и проклинал себя за то, что связался с этой неподвластной царям стихией. Все племена и народы Азии подчинились ему. Их цари склонили головы. Даже эти своевольные эллины, кроме спартанцев и афинян, отдали ему воду и землю; его армия движется к Фермопилам. Завтра она будет в Беотии, послезавтра — в Афинах, а еще через два дня должна занять Спарту. Но море стало на сторону мятежников и безумцев. Его лазурный блеск — маска. Оно неверно и полно коварства.

И не только одному Ксерксу было непонятно, что происходит у горы Пелион. Эллинские лазутчики, притаившиеся в кустах, тоже видели странную гибель персидских кораблей. И не верили своим глазам. На вершине вспыхнул смоляной факел. К союзному флоту под Артемисий⁶ полетела огненная весть о буре и об уничтожении двух десятков вражеских кораблей. Навархи⁷ под Артемисием принесли жертву Посейдону, который с тех пор стал называться Спасителем.

* * *

Три дня бушевала буря, сокрушая вражеские корабли. Персидские маги с помощью молитвы и кровавых жертв утихомирили ее лишь на четвертый день, а может быть, как полагает греческий историк Геродот, она утихла сама по себе, исчерпав всю свою ярость.

В тот страшный год персидского на-

шествия разоренная и истерзанная Эллада еще не видела такого ясного утра. Был неподвижен сонный воздух. Отражая синий купол неба, безмятежно дремало море. Слабые волны набегали на усеянный обломками песок и напоминали чуть колеблющийся голубой ковер.

Человек с тяжелой ношей, прихрамывая, поднимался в гору. Нет, это не корзина, не свернутая сеть. На спине у него прекрасное девичье тело. Черные волосы закрыли лицо, и не виден кровавый след схватки с морем и скалами. Человек нес девушку с такой бережностью, будто боялся причинить ей боль. Он всхлипывал, что-то бормотал. В этом бормотании можно было различить лишь цифры: пятнадцать... тринадцать... Он сбивался и начинал сначала: три... пять... семь... двенадцать...

Спор не смог ничем помочь Гидне. Не только он, калека, но даже сам Скиллий, будь он жив, не смог бы спасти дочь. На глазах у Спора швырнуло Гидну на прибрежные камни. Когда Спор вытащил ее, Гидна еще дышала, а рука ее все еще сжимала нож.

Спор не смог спасти Гидну. Но он рассказал о ней эллинам. Молва разнесла весть о подвиге девушки по городам Эллады. Узнали о нем и эллинские навархи под Артемисием. Еще вчера большинство из них считали морскую мощь царя непреодолимой и ждали только благоприятной погоды, чтобы отвести союзный флот к берегам Пелопоннеса. Теперь же на совете навархов победило мнение Фемистокла — создателя морского могущества Афин. Навархи решили сражаться, хотя перевес оставался по-прежнему на стороне варваров.

Палубы гудели от топота. С плеском поднимались из воды якоря. Хлопали надуваемые ветром паруса. Триеры выходили в море.

И пусть сражение с персами у мыса

Артемисий не имело большого влияния на общий ход войны, оно было для них полезным уроком. Эллыны убедились, что множество кораблей, великолепие и блеск их украшений, хвастливые крики и варварские военные песни не заключают в себе ничего страшного для людей, умеющих сходить с неприятелем вплотную, что начало победы — смелость.

Подвиг Гидны вдохновил и прославленного ваятеля, резец которого до того создавал одних богов и богинь. Из холодной глыбы паросского мрамора он высек живое, трепетное девичье тело. Волосы плотно прикрывают плечи. Мокрая одежда плотно облегает бедра и грудь. Девушка кажется немного неуклюжей, угловатой. Она воплощает не богиню любви Афродиту, а юную охотницу Диану. Кончиками пальцев девушка опирается на пьедестал. Все в ней устремлено вперед. Кажется, она под водою и над нею черные днища кораблей и бушующие волны...

Когда разгромленные персы бежали из Эллады, ваятель решил пожертвовать статую Дельфийскому храму, чей оракул мудро посоветовал эллинам молиться ветрам. Статуя Гидны простояла в Дельфах почти пятьсот лет, вызывая восхищение и благоговейный восторг всех, кому была дорога свобода Эллады, а когда эта свобода была потеряна — память о ней.

Один римский император, считавший себя знатоком и покровителем искусства, решил увезти статую в Рим и украсить ею свой дворец. Никто из эллинов не заступился за Гидну: так был велик страх перед Римом. Но море не захотело отдать Гидну. Корабль с ее статуей пошел ко дну.

С тех пор старые рыбаки рассказывают о прекрасной девушке, живущей под водой в хрустальном дворце. В лунные ночи она выходит на прибрежные камни и кружится в хороводе вме-

сте с другими девами-Нереидами⁸ в такт волнам. Морские чудовища ей покорны. Дельфины несут ее на своих спинах, и она посылает их помочь тонущим рыбакам и корабельщикам. Но более всего она благосклонна к ныряльщикам и ловцам губок.

¹ Агора — центральная площадь в греческих городах, служившая местом собраний и рынком. Афинянин проводил на агоре большую часть свободного времени.

² Гоплит — тяжеловооруженный воин, в вооружение которого входили копье, длинный щит, шлем, броня, поножи.

³ Геллеспонтец — название ветра, дующего с Геллеспонта.

⁴ Эос — в греческой мифологии богиня зари (римская Аврора).

⁵ Маг — чародей, прорицатель. Магами в V веке до н. э. называли также касту персидских жрецов, живших по своим особым обычаям.

⁶ Артемисий — северный мыс острова Эвбея, близ которого в 480 году до н. э. произошла морская битва.

⁷ Наварх — командир корабля.

⁸ Нереида — нимфа моря. Согласно греческим легендам Нереиды живут на дне моря во дворце своего отца — морского бога Нерея. Нереиды благожелательны к людям и помогают морякам в опасности.

БЕГЛЕЦ

Великий греческий скульптор Фидий, бежав из тюрьмы, куда он был брошен по клеветническому обвинению, вспоминает о своем друге Перикле и их общем труде, возвеличившем Афины.

Была середина ночи. Город, устав от жары и дневных забот, погрузился в спасительный сон. По дороге в Пирей шли двое. Худой бородатый старик в длинном гиматии еле волочил ноги. Поддерживавшему его стройному юноше можно было дать лет двадцать пять. Стук педил¹, колотивших о камни, сливался со звоном цикад. Из освещенной луною зубчатой стены три раза резко прокричала сова.

Парфенон, храм Афины Парфенос, венчающий афинский акрополь, — главное детище Фидия и Перикла. Это и прославление Афины и ее города, спасшего Элладу от участи персидских рабов, и воплощение в мраморе того идеала гармонии, соразмерности и сознания своей причастности к прекрасному миру богов, стремление к которому отличало мироощущение свободного гражданина Греции от восприятия мира подданным восточных монархий.

Часть фриза Парфенона с изображением процессии, которая раз в четыре года во время всеафинского праздника Великих Панафинеи в честь богини — покровительницы города двигалась в ее храм, чтобы отнести пеплос, вытканый руками девушек. Ритм идущих в торжественном шествии граждан, как бы повторяется в развернувшейся над их головами ленте мраморного фриза, ставшей афинский народ в один ряд с богами и героями.

Старец остановился и, положив ладонь на плечо юноши, сказал:

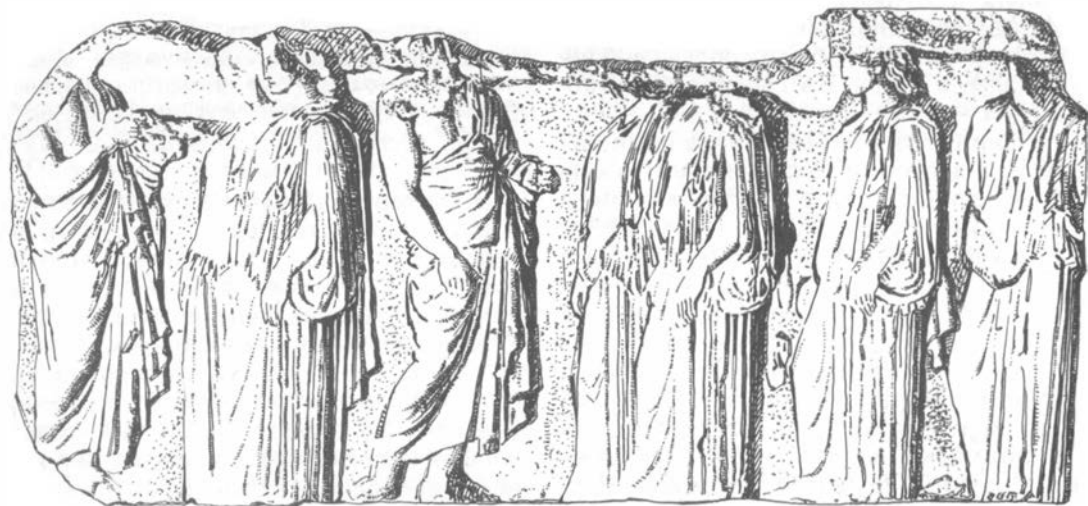
— Давай немного отдышусь, Геродор.

— Хорошо, Фидий, — отозвался юноша. — Отдохни!

Фидий сошел с дороги и устроился на гладком плоском камне. Через несколько мгновений он повернулся, обратив лицо к темной громаде Акрополя. И сразу же память вернула его к тому теперь уже далекому дню, когда он был молод и взбежать на Акрополь не стоило ему труда...

Площадь Акрополя напоминала поле битвы. Кобы и курсы², сбитые со своих мест, лежали как павшие воины с застывшими улыбками на едва окрашенных лицах. Между обломками расколотых колонн торчали пучки желтой травы. Под ногами хрустели черепки драгоценных сосудов, некогда украшавших стены святилища.

«Долго ли еще останутся следы неистовства варваров, разрушивших нашу святыню? — думал он тогда. —

Битва афинян с амазонками. Парфенон. Работа Фидия.

Часть фриза Парфенона с изображением панафинейской процессии. Голова коня — образец умения передать стремительное движение, неведомое греческому искусству до Фидия и Мирона.

Перикл. Описывая внешность Перикла, его биограф писал: «Телесных недостатков у него не было, только голова была продолговатая и несоразмерная. Вот почему он изображается почти на всех статуях с шлемом на голове».

узколицего юношу со странно вытянутой головой. Пройдя какое-то расстояние, незнакомец развернулся и двинулся в обратном направлении, пока не наткнулся на преграждавший ему путь обломок колонны.

Фидий поспешил юноше на помощь, и они вдвоем откатали колонну.

— Я — Перикл, сын Ксантиппа, — представился юноша.

Если бы не удлиненная голова, его можно было назвать красивым. Широко расставленные серые глаза дышали умом, слегка приподнятый подбородок выражал волю.

— Я слышал о твоём отце, — сказал Фидий. — Он прославился в войне с персами. Мой отец Хармид воевал под его началом. Меня зовут Фидием. Неправда ли печальное зрелище? С какой

Кажется, афинянам достаточно того, что нечестивец Ксеркс наказан богами за осквернение храма богини Девы. Никому нет дела до возвращения Акрополя былой красоты».

Чуткий слух Фидия уловил за спиной едва заметный шум. Так он увидел

Вид афинского акрополя. Его контуры мог увидеть по дороге в

Пирей Фидий, навсегда покидая неблагодарный город.

бы радостью я приложил руки к восстановлению Акрополя! А мне придется высекать погребальные плиты...

— Ты скульптор? — радостно воскликнул Перикл. — Сами боги послали тебя. Только что я наметил место для нового храма Афины, который должен прославить наш город...

— Позволь! — перебил Фидий. — По чьему поручению ты действуешь?

Перикл гордо вскинул голову.

— По своему собственному! Но когда меня изберут стратегом³, я уговорю демос, чтобы было начато восстановление Акрополя.

— Ты в этом уверен? Но ведь Кимон⁴ пользуется благоволением демоса. Он богат и щедр. И, насколько мне известно, не собирается на покой.

— Ему придется уйти! — уверенно произнес Перикл. — Демос не нуждается в щедротах частных лиц. Щедрым к своим неимущим согражданам должно быть государство. Я добьюсь, чтобы оплачивалось участие в работе суда. Бесплатным станет посещение театра, и тогда демос поддержит все мои планы.

Сколько лет прошло после первой встречи с Периклом? Фидий не мог этого припомнить. Ведь мерой отсчета в его жизни были не годы, а творения его рук, статуи. Они встретились незадолго до того, как он начал работать над колоссальной бронзовой статуей Афины-Воительницы. Для Перикла же время измерялось постановлениями, предложенными им демосу и ставшими при его поддержке законами. Перикл вырвал суд из рук ареопага, оплота аристократии, и передал демосу. Был изгнан Кимон, безмерно богатый, на-

столько же щедрый и одновременно ограниченный и малообразованный; скорее спартаец, чем афинянин.

Изгнание Кимона совпало с завершением работы Фидия над статуей Афины-Воительницы. Она поднялась над Акрополем, уже очищенным от обломков. Повернув голову, Владычица как бы охватывала взглядом весь город, и в ее неподвижном взгляде можно было уловить призыв. Как бы подчиняясь ему, в Керамике и других городских районах, заселенных ремесленниками, мастера одевали кожаные фартуки, повязывали волосы лентами и шли на Агору. Их ждали там Перикл и Фидий. Разделив мастеров на отряды, они повели их на Акрополь, чтобы начать труд, который прославит величие афинской демократии, ее победу над хаосом, в который были ввергнуты Афины, захваченные врагом, великое единение демоса, освобожденного от внешнего врага — персов и внутреннего — аристократии.

Древний город, воодушевленный планами Фидия и Перикла, перестал походить на самого себя. Он превратился в огромный эргастерий⁵, заполнившись стуком молотов, шумом раздуваемых горнов, визгом пил, скрипом колес. Из Пентеликона, где в недрах горы добывался прекраснейший белый с голубыми прожилками мрамор, в телегах везли заготовки из мрамора в виде барабанов для будущих колонн. Могучие быки, до того как их впрягли в телеги, паслись на склонах Марафона и, как говорят, происходили от того огнедышащего быка, которого убил под Марафоном великий афинский герой Тесей. Под огромной тяжестью колеса входили в каменистую землю, высекая искры. Путь от Пентелекона до Афин обозначала глубокая колея⁶.

Со стороны моря, из Пирея, на повозках, запряженных мулами, везли медные слитки из Кипра, кедровые доски из Ливана. Всем запомнился

день, когда Пирейской дорогой прошли в Афины чернокожие рабы со слоновыми бивнями на плечах. Казалось, сама Ливия⁷ прислала Афине свои дары! Но так мог думать лишь случайно затесавшийся в толпу чужеземец. Каждый афинянин знал, что три года назад из Пирея в Египет была отправлена триера с тридцатью эфебами на борту. Им предстояло пройти по Нилу к его загадочным верховьям, чтобы там поразить целое стадо слонов и отнять у лесных великанов бивни. Где же эти смельчаки? Да вот они идут, обожженные до черноты ливийским солнцем, едва узнаваемые в своих пестрых одеждах, в сандалиях на невероятно толстой подошве из шкуры гиппопотама⁸. Их всего семеро... Остальные раздавлены слонами, утонули в Ниле или просто не вынесли тяжести пути. Кто знает?

Но всем известно, что на ливийскую охоту было затрачено двадцать золотых талантов⁹, и вот разгорелся спор, во сколько раз окажется дороже слоновая кость для лица и обнаженных частей статуи Владычицы, чем золотые пластинки, из которых будет составлена ее одежда.

Все афинские граждане уже знали, как в общих чертах будет выглядеть статуя, которая должна украсить новый храм Афины. Ведь Фидий представил десяти стратегам, а затем Совету пятисот и народному собранию ее модель в человеческий рост. Одобрение было дано. Но ему предстояло не только увеличить модель в семь раз, не только заменить воск, дерево и глину золотом, слоновой костью, мрамором. Он должен был найти вместо условного обозначения женского лица такие его неповторимые черты, такое выражение, которое вообразило бы в себя и образ богини, созданный мифом, и его собственное понимание красоты. Таких статуй еще не создавало греческое искусство. Все олимпийские богини ста-

рых мастеров: Афина, Артемида, Афродита — были похожи друг на друга как сестры-близнецы. Они одинаково улыбались. Улыбка была как бы приклеена к нижней части их лиц. Она должна была придать их лицам движение, а придавала какую-то искусственность, натянутость. Улыбались одни губы, а глаза и щеки оставались серьезными. Неумение художника передать игру человеческих щек и глаз обедняло божественный облик. Все в мире изменяется. Ничто не стоит на своем месте. Почему же должно оставаться неподвижным искусство, созидающее божественную красоту?

Эти мысли одолевали Фидия, когда он работал над мраморной головой Афины, которой предстояло стать моделью для деревянной головы, обтянутой пластинками из слоновой кости. Пол мастерской был завален обработанными кусками мрамора. Фидий никак не мог отыскать подходящий образ.

— Сколько камня ты уничтожил! — воскликнул Перикл, посетив мастерскую.

Он наклонился над мраморной головой с надбитым носом, поднял ее и стал рассматривать, поворачивая из стороны в сторону.

— Чем тебе не понравилась эта голова? — спросил стратег.

— Видишь ли, — протянул Фидий. — В ней чего-то не хватает. Но я могу ошибаться.

— А мне она нравится. В ее лице какое-то благородство. Мне кажется, что она не афинянка. Такой разрез глаз бывает у эллинских женщин, чьи отцы или деды были лидийцами¹⁰. Может быть, это правнучка Креза¹¹.

— Действительно это неплохо! — сказал Фидий, ощупывая пальцами мрамор. — Только придется несколько удлинить лицо и сделать круче нос. Приходи, мой друг, через месяц. Я поработаю над этой головой...

Занятый работой, кроме головы Афи-

ны, ему приходилось разрабатывать эскиз скульптурного украшения фриза¹² будущего храма, Фидий не заметил, как прошло два месяца. И он не ведал о том, что в Афинах, и не только в Афинах, во всей Элладе, имя Перикла уже соединяли не с его именем, с именем Аспасии. Перикл и Аспасия! Аспасия и Перикл!

О, эти женщины! Греки верили, что от них все беды. Ведь ни какой-нибудь бог, а терзаемая любопытством Пандора¹³ открыла ларец, в котором были заключены все людские пороки, несчастья и болезни, и они перешли к людям. Как будто она, Пандора, а не боги виноваты в этом несчастье? А Елена? Ведь ее Гомер сделал виновницей гибели Трои, хотя она была похищена Парисом и прибыла в город Приама не по своей воле. Аспасия явилась в Афины из малоазийского города Милета сама, чтобы полюбоваться статуей Афины-Воительницы. На Акрополе ее увидел Перикл и, пораженный ее красотой, не мог отвести от нее глаз. Первый стратег отослал свою нелюбимую жену и взял в дом Аспасию. Такова история знакомства и любви Перикла и Аспасии, как ее рассказывают умные и независимые современники. Иные же говорят, что милетянка околдовала Перикла и будто бы все несчастья Афин от нее.

Фидий ничего не знал об этих пересудах, так как ушел с головой в работу. Но однажды в мастерскую пришел Перикл, и не один! При виде Аспасии ваятель вздрогнул.

— Это моя госпожа Аспасия, — проговорил Перикл, сдерживая себя. — Она хотела познакомиться с создателем Афины-Воительницы в день своего первого посещения Акрополя. Но мы решили тебе не мешать...

Между тем Фидий бормотал себе под нос, не отводя от Аспасии глаз. Потом он поднял руку и, шевеля пальцами, что-то ощупывал в воздухе.

— Аспасия,— продолжал Перикл с натянутой улыбкой.— Не удивляйся! Мой друг видит тебя впервые и, наверно...

— Не то! — перебил Фидий.

Он отдернул полотно, накрывавшее мраморную голову.

— Не находишь ли ты, Перикл, что моя Афина похожа на твою госпожу? Приглядиись!

— Поразительно! — воскликнул Перикл.— Те же слегка удлинённые глаза. Но что скажут афиняне?! И так меня обвиняют, что я поддерживаю неверие в богов и поощряю безбожных философов. А увидев твою Афины, меня обвинят в кощунстве...

— Но я могу представить свидетелей,— вмешалась в разговор Аспасия,— что меня никто не видел. Если дело дойдет до разбирательства, в твою защиту выступят всеми уважаемые афиняне, Софокл, Гипподам¹⁴, которым я много раз говорила, что хочу познакомиться с Фидием. Мое сходство с моделью Фидия случайно.

— Случайно ли? — усмехнулся Фидий, обратив взгляд на Перикла.— Ты же сам отыскал мраморную голову, ставшую мне моделью. И похоже, что она сделалась моделью и для тебя.

Аспасия обворожительно улыбнулась.

— Значит, Фидий, я обязана своим счастьем никому другому, как тебе.

— Видимо, это так,— проговорил Перикл. Но лицо его было серьезно. На гладком лбу обозначились морщины.

— И все-таки, Фидий,— проговорил он после долгого молчания.— Сделай так, чтобы сходство не бросалось в глаза.

— Это нетрудно,— сказал Фидий.— Смотрите!

Пройдя несколько шагов, он поднял с земли бронзовый шлем и накрыл им голову Афины.

— Восхитительно! — воскликнула Ас-

пасия.— Я всегда знала, что петас¹⁵ изменяет внешность, но шлем делает ее совсем неузнаваемой. Смотрите, как эта женщина с моим лицом превратилась в воинственную амазонку.

— А мне теперь жаль, что наши потомки через многие годы будут только слышать о красоте Аспасии,— сказал Фидий.— И также несправедливо, что, посещая Парфенон, они не увидят тех, кто его создал.

— О чем ты, Фидий? — испуганно спросил Перикл.

Фидий вместо ответа улыбнулся.

Прошло еще три года, и на Акрополе вознесся величественный храм Афины Девы, Парфенон. Его воздвигли архитекторы Калликрат и Иктин, но скульптурное украшение фриза и фронтонов принадлежало Фидию и его ученикам. Рукою мастера он намечал фигуру, указывал ее место среди других, а ученики завершали работу. Иногда в готовую статую ваятель вносил поправки, так что могло показаться, что все скульптурное обрамление Парфенона принадлежало одному Фидию. Фидий был очень требовательным, но справедливым учителем. Он ценил в юношах талант и творческое горение, не навидел лести, не принимал от учеников подарков. Всем запомнилось, как он выгнал богатого кораблевладельца Афенодора, который хотел изменить с помощью даров отношение к его сыну Менону, старательному, но неспособному ученику. Фидий стал поручать Менону такие несложные работы, которые мог выполнить любой ремесленник, а потом и вовсе отказался от его услуг.

Освящение храма произошло во время праздника Великих Панафине¹⁶. В ночь 28 числа месяца Гекатомб¹⁷ в городе проходил бег с факелами. Победителем считался добежавший первым с непогасшим факелом. На заре участники праздничного шествия собирались в Керамике. Из специального

здания у Дипилонских ворот доставались используемые каждый год священные сосуды и иная утварь. Глашатаи по указанию жрецов в белых одеждах, напоминающих одеяния на статуях, указывали порядок, которому должна была следовать каждая группа участников торжества. Впереди шли юноши, несшие модель корабля, на мачте которого, в виде паруса, развевался сверкающий золотом пеплос¹⁸ богини. Девять месяцев его ткали непорочные девы, лучшие мастерицы города. Это одеяние в день Панафиней должно было покрыть плечи богини, которая сама считалась величайшей из мастериц. Юные ткачихи вкладывали в пеплос все свое старание и мастерство, но никому не приходило в голову хвастаться своим умением. Все помнили, как поступила Афина с хвастунией Арахной: она превратила ее в паука.

Затем шли девы в высоко опоясанных хитонах¹⁹, несли на головах священные дары: высокие сосуды, ларцы с драгоценностями, складные сиденья из черного дерева и слоновой кости для богов и богинь — черные предназначались подземным богам, белые — небесным. Молодые служители в белых хитонах, подпоясанных красными платками, вели откормленных белых быков с позолоченными рогами и лентами на могучих шеях, а также белых овец. Все эти животные будут принесены в жертву Афине и их мясом будет угощена вся община. Люди разделят пир вместе со своей покровительницей. Не успела улечься пыль от копыт и копытцев, как показались музыканты с украшенными лентами трубами и флейтами. Они поднесли их к губам, и священная мелодия наполнила сердца афинян молитвенным экстазом, казалось бы приблизив их к великой богине. За музыкантами потянулись седобородые, седоголовые, но еще бодрые и красивые для своего возраста старцы. Это были участники боев с персами, бессильные свидетели

того, как Ксеркс, захватив Акрополь, предал его огню. Старцы приветственно размахивали оливковыми ветвями. И люди в толпе, приветствовавшей процессию, плакали от радости. Довелось все-таки участникам боев при Марафоне, Саламине, Платеях дожидаться восстановления Акрополя, да и какого! Акрополь, разрушенный персами, стал неизмеримо богаче и краше.

Но что это за мерные звуки? Стук копыт. Показались всадники, по четверо в ряд, на белых породистых конях. Толпу охватило ликование! Конница Афин! Ее слава! Афиняне знали каждого из наездников. В первой четверке был Алкивиад, племянник и воспитанник Перикла. У него были лучшие кони, лучшие перепела²⁰, и за что бы он ни брался, одерживал победу.

Через монументальные мраморные ворота — Пропилеи — праздничная процессия вступила на Акрополь. Мимо уходящей в небо статуи Афины-Воительницы она прошла к сверкающему мрамором Парфенону. Огибая его, участники процессии любовались рельефами на фризе. Там были изображены такие же Панафиней. Их участники и участницы были изваяны из мрамора Фидием и его учениками. Им суждено славить Афины не год, не несколько лет и даже не десятилетия, а века или, может быть, даже тысячелетия, пока твердый камень не превратится в пыль.

И вот процессия вступает в храм. Видящие богиню впервые падают ниц, ослепленные твердостью ее взгляда и блеском ее одежды из чистого золота. Богиня стоит, опираясь на щит. Не в силах отвести взгляд от лица богини, они не обращают внимания на изображения, покрывающие щит. Но вот эта кучка людей, прижавшихся к колоннам, кажется, уже побывала в храме не раз. Они перешептываются. «Видишь этого воина в шлеме? Ведь это лицо Перикла. А этот лысый старец с молотом? Конечно же это Фидий». «Кошунство».

Перикл и Фидий, стоящие неподалеку, слышат этот шепот. Пусть шипят недруги! Такого храма не знал мир. И снова по всему городу ликующе звучат имена: «Перикл и Фидий!», «Фидий и Перикл!»

Фундамент демократии заложил Солон. Клизфен его укрепил. Перикл и Фидий воздвигли на этом фундаменте великолепный храм, памятник демократии...

— Фидий, пора! — послышался голос. — Скоро рассвет, и в тюрьме тебя могут хватиться.

— Иду, Геродор, — ответил Фидий.

И вот они вновь шагают рядом, учитель и ученик. Но память, которой Фидий дал волю, не отпускает. И он уже не в Афинах, а в Олимпии. Пустырь за священным участком, искры от костра летят в ночное небо, и кажется, что там становится больше звезд. У него здесь еще нет учеников. Геродор был первым. В ту ночь его привел отец, объяснив, что он кормчий и не может взять мальчика в море, а мать умерла несколько месяцев назад. Утром он сказал Геродору:

— Покажи, что ты умеешь.

Мальчик вылепил из глины бегущую лисицу.

— Неплохо! — похвалил Фидий и добавил: — Я буду тебя учить.

Потом появились другие ученики, но Геродор оставался самым любимым и способным. У них появилась мастерская с огромным котлом посередине²¹. В тот день, когда они завершили модель статуи Зевса из глины и воска, пришла весть о гибели корабля Аполлония, отца Геродора. Мальчик заметил старому ваятелю сына.

О, как странно смешивает завистливая судьба радость с горем! Они только закончили работу над мраморной головой Зевса, как пришло письмо из Афин с сообщением, что его, Фидия, обвиняют в краже государственного золота, предназначенного для одяния

богини. Фидий сразу же понял, что, обвиняя его, хотят нанести удар Периклу, и, бросив все дела, стал собираться в дорогу.

О, как умолял его Геродор остаться!

— Подумай, учитель, говорил он, показывая на уже готовую мраморную модель головы Зевса. — Кто, кроме тебя, сможет воплотить твой замысел в слоновую кость и золото? Твоя статуя должна украсить храм общеэллинской святыни в Олимпии.

— Но я афинянин. Моя родина грозит мне бесчестьем. Если я не явлюсь, меня объявят вором. И сможет ли вор работать над статуей отца богов?!

— Но там на тебя набросятся недруги. Я слышал, что обвинителем стал твой бывший ученик Менон.

— Он хотел быть моим учеником, но им не стал, — отозвался Фидий. — Я отослал его за неспособностью.

— Но такие ничтожества более всего опасны, — проговорил Геродор. — Враги будут тебя терзать, как злобные псы. Вправе ли ты сам подставлять себя этой своре? Ведь ты слава всей Эллады!

— Кончим об этом, — сурово проговорил тогда Фидий. — Я знаю твою преданность. Твои доводы разумны. Но я — заложник Афин. Если я не вернусь, тень падет не только на меня, но и на моего друга Перикла.

Случилось то, что предрек Геродор. Разве можно оправдаться перед людьми, ослепленными ненавистью?

Пятьсот гелиастов²², разбиравших донос ничтожного сикофанта²³, якобы наблюдавшего, как Фидий, садясь в Пирее на корабль, сгибался под тяжестью золота, видели в исполнении своих обязанностей средство удовлетворить страсти и предрассудки. Доказательством вины Фидия было для них уже то, что он отправился в Олимпию, во враждебный Пелопоннес. Им ничего не говорило то, что Фидий был приглашен украсить общеэллинское святилище. Им неважно было, что обвине-

ние сразу же было легко опровергнуто: ведь Перикл, хорошо знавший своих сограждан, посоветовал в свое время другу сделать золотые части статуи съемными, и, когда перед ними было взвешено снятое с тела богини золото, все увидели, что все 40 талантов металла на месте. И все равно процесс длился еще целый месяц. Сначала обвинители принялись говорить о краже слоновой кости, но, когда и это обвинение было отмечено, судьи приговорили его к тюремному заключению за святотатство: «Он оскорбил владычицу,— говорилось в судебном постановлении,— изобразив на ее щите Перикла и себя самого».

Фидий был убежден, что судьи оттягивали время, выдвигая одно обвинение за другим, ибо получали за каждое заседание по два обола. Деньги доставались без труда. Можно было не долбить каменистую землю, не раздувать горн, не бить молотом. Два обола только за то, чтобы сидеть, слушать и голосовать. «Значит, Перикл ошибся, платя за участие в работе совета и заседания в суде? — мучительно думал Фидий.— И лучше было бы, если бы право суда принадлежало знатым? Но ведь и их можно было подкупить: недаром ведь триста лет назад поэт Гесиод назвал судей-аристократов «пожирателями подарков».

В памяти внезапно возник образ Афины, его Афины, украсившей самый прекрасный храм Акрополя. Не будь закона Перикла о двух оболах за участие в суде, не было бы Парфенона... Как странно сцеплены в судьбах смертных факты и события, казалось бы не имеющие между собой ничего общего. Два липких обола, назначенных каждому из этих бедняков, чтобы они могли оторваться от своих дел и заседать в суде, и храм из сверкающего мрамора; статуя богини в золотой одежде и несправедливый приговор, бросивший его в тюрьму... Перикл, отец демократии,

не мог ничем помочь своему другу. Созданная им система обратилась против него самого. Первого стратега обвинили во всех бедах и неудачах, обрушившихся на государство. Сначала осудили его учителя Анаксагора, величайшего из мудрецов, первого, кто выдвинул принципом устройства вселенной не волю богов, не случай, а разум. Анаксагора обвинили в том, что он считал солнце не богом, а огромной раскаленной массой. Философ был приговорен к смерти заочно и погиб бы, если бы ему не удалось бежать. А его, Фидия, приговорить к смерти им не удалось, но они хотели подослать убийцу в тюрьму, и не просто отравить его, но обвинить в отравлении Перикла, будто бы испугавшегося, что ваятель знает что-то позорящее первого стратега. О, подлецы... Если бы не Геродор, узнавший об этих планах...

Фидий остановился и обнял Геродора.

— Спасибо тебе, мальчик. Нет, страшна была не смерть... О боги! Где же справедливость!

— Идем быстрее, учитель. Я уже вижу корабль. Нас ждут.

Корабль быстро бежал по утренней, окрашенной розоперстой Эос волне. На кормовом весле был Геродор, сын Аполлония. Фидий держался за плечо ученика. Борей растрепал его седые космы. Скреплявшая их повязка улетела за борт.

— Ты слышал, учитель,— спросил Геродор, не поворачиваясь.— Демос даровал подлому сикофанту Менону свободу от всех повинностей и приказал стратегу заботиться об его безопасности. Не помогло. Этой ночью кто-то его убил.

Фидий ничего не ответил. Может быть, он не слышал этих слов. Или ему было уже безразлично это новое проявление ненависти демоса к нему, и его не радовало, что доносчик наказан по заслугам. И его не интересовало, каким

образом Геродор узнал об убийстве Менона, если был всю ночь с ним, Фидием! Или он был настолько недогадлив, что не понял, что голосом совы в полночь кричал человек. А может быть, он все это понял, но ему было не до всех этих мелочей. В его глазах вставал величественный облик Зевса Олимпийского, вытеснив из памяти Афины, рожденную из головы Зевса.

¹ Педилы — дорожная обувь, сапоги до колен.

² Коры и курсы — статуи девушек и юношей, украшавшие храм. В ходе раскопок Акрополя в XIX в. эти статуи, принадлежавшие Парфенону (храму Афины Девы), разрушенному персами, были обнаружены археологами.

³ Военачальник, осуществлявший также контроль над финансами, внешней политикой, военным делом. В Афинах на год избиралось 10 стратегов, исполнявших свою должность безвозмездно.

⁴ Кимон, сын Мильтиада (около 507—449 гг. до н. э.), — афинский полководец и глава аристократической группировки, был сторонником спартанских политических порядков.

⁵ Эргастерий — на языке греков «мастерская».

⁶ Эта колея сохранилась до сих пор. Она не совпадает с той дорогой, которая ныне ведет к Пентеликону, где продолжают добывать мрамор.

⁷ Ливия — древнее название Африки. Его до сих пор сохранило арабское государство Ливия.

⁸ Гиппопотам, дословно «речной конь». Так греки называли бегемота.

⁹ Талант — мера веса (около 26 кг). Серебряный талант равнялся 60 минам. Золотой талант стоит 10 серебряных. Впоследствии возникла поговорка «зарыть свой талант в землю», в которой «талант» приобрел значение «дарование», «способности».

¹⁰ Лидийцы, древний народ Малой Азии, занимавший плодородную долину реки Герма.

¹¹ Крез — царь Лидии, богатство которого вошло в поговорку.

¹² Фриз — полоса здания между верхушками колонн и кровлей, обычно занятая живописным или скульптурным украшением. Фриз храма Афины на Акрополе был выполнен по плану Фидия, под его непосредственным руководством.

¹³ Пандора — дословно «всем одаренная», согласно мифу, первая женщина, созданная по воле Зевса Гефестом, чтобы стать орудием наказания людей.

¹⁴ Гипподам — архитектор, друг Перикла, известный перепланировкой Пирея и других городов, в результате которой вместо хаотического нагромождения улиц появились города с ровными, пересекающимися под прямым углом улицами.

¹⁵ Петас — низкая шляпа с прямоугольными полями и ремешком, прикреплявшимся под подбородком.

¹⁶ Праздник Панафиней отмечался каждый год, но Панафиней каждого четвертого года назывались «Великими». Этот год совпадал с третьим годом Олимпиады. По мере усиления могущества и богатства Афин празднование приобретало все более роскошный характер.

¹⁷ В греческих государствах месяцы имели разные названия. Афинский месяц Гекатомбеон падал на июль-август.

¹⁸ Пеплос — парадное греческое одеяние.

¹⁹ Хитон — греческая одежда в виде длинной рубахи, чаще всего без рукавов. Покрой хитона у мужчин был иным, чем женского хитона. Хитон подпоясывался поясом, у женщин Аттики высоко под самой грудью.

²⁰ Бои перепелов были любимым зрелищем афинской молодежи.

²¹ В 1954 г. мастерская Фидия была найдена к западу от храма Зевса. Чаша с надписью «Я принадлежу Фидию» — единственная личная вещь великого человека древности, какую когда-либо удавалось найти археологам.

²² Гелиасты — члены суда присяжных (гелии). Гелия состояла из 5 тысяч человек, разделенных на 10 комиссий.

²³ Сикофант — доносчик.

КАМЕНЬ ПРИСЯГИ

В основе рассказа находятся факты о нападении обитателей степной части Таврики (Крыма) — скифов на греческую колонию Херсонес Таврический, развалины, которого находятся на территории Севастополя.

Степь была такой же ровной, как море, и так же, пока различал глаз, уходила к горизонту. Когда налетал ветер, травы колыхались, как волны. Но в степи не было ни ярких, все время меняющихся красок, ни успокаивающего душу шума.

Гераклион, выросший в городе, с любовью части которого было видно море, не представлял себе, как можно жить вда-

ли от беспредельно плещущей голубизны. А скифы, враги эллинов, не понимали, как необходима человеку близость моря. Их тела, наверное, ни разу не ощущали ласкового прикосновения волн и поэтому пахли чем-то кислым. Это был запах чуждого варварского мира, войлочных кибиток и кожаных бурдюков, перебродившего молока. Все здесь было другим, чем у эллинов: боги, жилища, одежда, оружие. Даже вино скифы пили по-своему. Они не разбавляли его, а тянули так, словно это вода. И сразу же засыпали в обнимку с пустыми амфорами или же орали песни, тягучие, как степь. Гераклион с тоской всматривался в очертания гор, за которыми спряталось море.

К полудню Гераклиона привезли в селение, состоящее из войлочных кибиток. Тут были четырехколесные и шестиколесные повозки, на которые ставили кибитки, когда скифы отправлялись в странствие. Безрогие волы щипали сухую траву.

Всадник, охранявший Гераклиона, развязал ему руки и повел к самой большой кибитке в центре селения. У входа сидел рыжебородый скиф в хитоне из грубой шерсти. Лишь по шапке с золотыми бляшками Гераклион догадался, что перед ним вождь. Скиф разминал руками кусок какой-то белой и блестящей кожи наподобие пергамента.

Заметив удивление эллина, скиф расправил свой утиральник на колене и сказал:

— Это кожа эллинского купца. Видишь, как она истончилась. Я прикажу сделать утиральник из твоей кожи, если ты не покажешь мне дорогу в свой город.

«Дорога в город» — вот что нужно скифам. Раньше они не нуждались в дорогах, выбирая любой путь, который могли пройти их кони. Но теперь, когда почти весь Гераклеийский полуостров застроен усадьбами, пройти

к городу не так просто. «Лабиринт!» Это спасительное слово пришло на ум Гераклиону в тот миг, когда скиф потребовал ответа.

— Я согласен! — отвечал Гераклион. — Иди за мной. Я покажу тебе и твоим воинам дорогу в Херсонес.

«Лабиринт! — повторял Гераклион. — Лабиринт».

* * *

Было еще светло, когда Гераклион и скифы достигли гор, откуда был виден весь полуостров. Он напоминал ладонь с растопыренными пальцами, а город на оконечности мыса, отделенного от других мысов узкими бухтами, был не более ногтя. Но так это казалось только издали. Стоило приблизиться к Херсонесу, и тебя охватывало чувство гордости за то, что ты эллин и твои предки превратили эту голую скалу в неприступную крепость.

Херсонес был родиной Гераклиона, а смертные не выбирают ни родины, ни родителей. И если ты эллин, а не тавр, одетый в козьи шкуры, и не скиф, пьющий молоко кобылиц, ты должен выполнять присягу, данную Зевсу, Земле и Деве, и хранить пуше жизни стены своего города.

Как хотелось бы Гераклиону оказаться в кругу друзей. Эти часы, когда спадает жара, они проводят на стадионе, соревнуясь в быстроте и ловкости. А потом счищают тело скребком, удаляя вместе с усталостью пыль беговых дорожек. А варварам непонятно наслаждение быстрым бегом, когда в ушах свистит ветер и слышится дыхание настигающего тебя атлета. Да и как побегут эти скифы на своих кривых ногах. Но они превосходные всадники и стрелки из лука. Хорошо, что они оставили своих коней в горах. А ночью гражданам не страшны их стрелы. Ночью скифы войдут в лабиринт и потеряют нить. Когда раздастся тревога, они будут метаться и наткнутся на стены усадеб

и башни, пока не упадут в изнеможении.

Скифский вождь подошел к большому камню и, наклонившись, оторвал прицепившуюся улитку. Поднеся её чуть ли не к самому носу Гераклиона, скиф произнес, коверкая эллинскую речь.

— Вот твой город. Он так же мал, как эта улитка по сравнению с камнем.

Скифу нельзя было отказать в сообразительности. И в словах его была доля истины. Да. Херсонес мал, а земля варваров необозрима. Она простирается на север до застывшего моря, на восток до Рипейских гор¹. Никто еще не достиг ее пределов и не может сосчитать племен, ее населяющих. Но если эта страна так обширна, почему ее обитатели негостеприимны. Почему они не могут отдать пришельцам этот каменистый полуостров. Ведь они владеют степями, не тронутыми плугом, лесами, где живут непуганые звери.

Гелиос уже скрылся за горами. Их четкая извилистая линия выделялась на розовом небе. Она напоминала лезвие ножа с выбоинами и зазубринами, какие Гераклион видел у скифов. Они бедны, эти варвары, хотя живут в богатейшей из стран. Они не умеют пользоваться ее благами. Поэтому они недружелюбны к чужеземцам и завистливы к их добру.

Гераклион вел скифов узким проходом, образованным стенами усадеб. Сколько труда стоило собрать с участков эти камни, чтобы очистить место для виноградников и оливковых рощ. А потом надо было перекопать тяжелую глину и подвести воду с гор. Неужели это бесплодный, сизифов труд? Или, может быть, надо жить беззаботно, как скифы, остающиеся на одном месте, пока хватает травы для стад?

Вот уже рядом стены Херсонеса, грозные и молчаливые. Гераклион знал каждую их выемку, каждую неровность. Здесь прошло его детство. Здесь он

принял присягу. Ее слова, высеченные на белом мраморе, казалось, ничем не отличались от тысячи других слов. Но теперь, когда Гераклион побывал в стране варваров, когда он столкнулся лицом к лицу с чуждой жизнью, слова «отечество» и «демократия» становились бесконечно дорогими. Не было в мире ничего дороже их.

* * *

Гераклиона подобрали на рассвете у городской стены. Ко рву тянулся кровавый след. Когда в спину эфеба² вонзилась остроконечная скифская стрела, он еще нашел в себе силы, чтобы добраться до стен. Казалось, он хотел умереть, прикоснувшись к ним как к святыне.

Двое эфэбов положили тело Гераклиона на щит и понесли мимо казармы, театра, монетного двора к агоре, где находился камень присяги.

Навстречу сбегались встревоженные херсонеситы. Это были гончары, валяльщики сукон, мукомолы, ваятели, кожевники, моряки со стоящих в гавани кораблей. Все они бросили свои дела, чтобы почтить юношу, спасшего город.

Эфебы опустили щит. Лицо Гераклиона еще хранило следы той решимости, которую ему дала богиня Дева. Всего лишь семь дней назад Гераклион стоял у этого камня и в тишине звучал его голос: «Клянусь Зевсом, Землей, Солнцем, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, владеющими городом и землею и укреплениями херсонеситов...» А теперь он лежал у камня безмолвный и неподвижный. Его окружала толпа, в скорбном молчании над ним склонилась мать. Агасикл, красноречивейший из смертных, с возвышения для ораторов говорил о его жизни и о его подвиге:

— Посмотрите на камни, из которых сложены стены нашего города. Они вырублены из гор Таврии, а не при-

везены из-за моря, откуда прибыли наши предки. Двести лет эти стены охраняют нашу демократию и наш образ жизни. И мы, живущие за этими стенами, по праву называем Херсонес своей родиной. Наша жизнь и наша смерть принадлежат ей, трижды любимой. Гераклион, сын Аполлодора, предпочел гибель несчастьям своего города. Он завел врагов в ловушку, и они погибли все до одного. Совет решил почтить юношу, отличившегося доблестью, и приказал захоронить его в пределах города³. Пусть искуснейший из живописцев изобразит на погребальной плите Гераклиона таким, каким мы его помним.

Гул одобрения прокатился по агоре. Шум голосов сливался с рокотом волн. Море в то утро было особенно бурным. Слово оно не могло успокоиться после тревожной ночи.

¹ Рипейские горы — легендарные горы у северной оконечности земли.

² Эфебы. — юноши 18—20 лет, давшие присягу в верности полису (государству) и несшие пограничную военную службу.

³ В древности стены повсеместно отделяли город живых от расположенного за ними некрополя («города мертвых»). Захоронение в городе в нарушение этого правила допускалось в исключительных случаях и предоставлялось спасителям города.

СЕМЕРО ПРОТИВ ФИВ

В городе Фивах власть при поддержке Спарты захватили враги демократии и правили там, пока в 379 году до н. э. семеро изгнанников, скрывавшихся в демократических Афинах, не вернулись в свой город и не восстановили демократические порядки.

— Танцовщиц бы сюда!

Впоследствии нельзя было установить, кто из гостей произнес эти роковые слова. Но именно они лишили хозяина дома покоя.

Архин приподнял свои опухшие веки и с досады хлопнул себя по колену.

«Конечно, танцовщиц! Как он об этом не подумал раньше!» «Пир без танцовщиц все равно что яйцо без соли», — так говаривал афинянин Андрокл. У него часто гостил Архин. Когда это было? Лет двадцать пять назад. Тогда Архин не был полемархом¹. Тайком от отца он посещал Афины — город, полный всяческих соблазнов. Он жил у Андрокла. Этого богача давно уже нет в живых. Его приговорила к смерти афинская чернь за то, что он был врагом демократии и другом спартанцев.

Архин до глубины души ненавидел афинскую чернь, и с тех пор как она восстановила свою демократию, хуже которой нет на свете, он не бывал в Афинах. И что находят хорошего в этом городе? Там нельзя прибить на улице дерзкого раба. Вдруг это окажется свободный? Попробуй их отличить, если они в одних и тех же лохмотьях. Знатные люди там не имеют власти, и всем распоряжаются бессовестные демагоги². Но танцовщицы! Нигде нет лучших. Архин послал бы за ними сейчас же, если не непогода. Сейчас перевалы Киферона³ занесены снегом и через них не пройдет ни один проводник, хоть посули ему мешок с золотом.

— У Стрепсиада жена дивно пляшет... — мечтательно сказал один из гостей.

— Она афинянка и прекрасна, как сама Афродита, — подхватил другой.

Архин тупо уставился на говоривших. Он припомнил, что Стрепсиад жил в Афинах и привез оттуда жену. А может быть, она и впрямь была танцовщицей?

— Эй, рабы! — прохрипел Архин. — Привести ее сюда!

Лишь пьяному могла прийти в голову эта дикая мысль. Гостям надо было бы одернуть хозяина дома или подставить ему таз с холодной водой, чтобы он умылся. Вместо этого они заорали:

— Сюда ее! Сюда! Пусть спляшет! Вот уже два года, как Архин с по-

мощью спартанцев одержал победу над демократами и, изгнав многих из них за пределы Беотии, тиранически управлял Фивами. Каждое его слово было законом. Поэтому гости не сомневались, что и это приказание Архина будет выполнено.

И вдруг открылась дверь. В пиршественный зал вошел воин, охранявший вход в дом. Он что-то шепнул на ухо хозяину.

— Раб! Какой раб! — воскликнул Архин, непонимающе тараща глаза.

— Он только что прибыл из Афин и хочет видеть тебя по срочному делу.

Архин всплеснул руками и обратился к гостям, словно ища у них сочувствия.

— Даже ночью не оставляют тебя в покое. И у всех срочные дела! Спишь ли ты или пируешь — им все равно. Вставай! Решай! И за это тебя называют тираном!.. Гони его в шею, этого раба! — закончил полемарх энергично. — Сегодня у меня праздник. Я никого не принимаю, кроме близких друзей. И танцующих. Понял?

— А может быть, пригласить и ее мужа? — нерешительно предложил кто-то из гостей, когда воин удалился.

— Зачем мужа? — сказал Архин, пошатнувшись.

— Чтобы ей не было скучно!

Полемарх помотал головой:

— Не надо мужа. Он не умеет плясать. Пригласим других женщин. У Харона тоже молодая жена, а сам он бежал в Афины, собака.

— И Неокл тоже скрылся, а жена его осталась здесь, — вспомнил один из олигархов⁴.

Снова открылась дверь, и вошел воин.

— Раб из Афин написал тебе тут несколько слов, — сказал он, протягивая обрывок папируса.

— Разве тебе не ясно, что сегодня я делами не занимаюсь? — сказал Архин. — Положи на мой стол. До завтра.

Пожав плечами, воин выполнил приказание полемарха.

— А теперь, — сказал Архин, икая, — приведи сюда жен Стрепсиада, Ференика и Андроклида. И побыстрее!.. Что же ты стоишь, как истукан? Опять не понял? Пусть сюда придут жены! Я хочу, чтобы они сплясали перед этим столом.

— Да! Да! Сплясали! — подхватили гости.

* * *

Их было семеро в высоко подпоясанных плащах с капюшонами, с сетями и дротиками в руках. В полдень они вышли из Афин, на закате прошли через Фрию⁵, направляясь к Киферону. Все принимали их за охотников. На поросших дубняком склонах Киферона водились кабаны. И еще в древних преданиях рассказывалось о киферонских оленях.

Первым шагал мужественный Пелопид. Погруженный в раздумье, он низко склонил свою большую голову с коротко стриженными волосами. За ним шел Мелон, уже немолодой, с крупным носом на загорелом лице. Потом светловолосые и ясноглазые близнецы Мназипп и Десмот. За ними широкоплечий красавец Ференик, юный Дамоклид, тощий как жердь Андроклид. Семеро, и все равно что один. Все они были фиванцами, делившими в Афинах хлеб изгания.

Остались позади последние домики деревушки, проводившей спутников лаем собак. Дорога, повторявшая извивы горной реки, превратилась в узкую тропу. На ней не разойтись и двум мулам. С Киферона свирепо задул борей. Недаром еще с утра небо было затянуто свинцовыми тучами. В такую погоду охотники прячутся в какой-нибудь из пещер. Эти же люди шли и шли. Скрипел песок под подошвами. Ветер надувал плащи и хлопал ими, как парусами. Внезапно Пелопид остановился и сбросил с плеча сеть. Его примеру последовали другие.

— Ну и погодка! — сказал Андроклид, с тревогой взглянув на громаду горы, сливавшуюся с чернотой неба.

— Ее ниспослали сами боги для нашего дела, — молвил Мелон.

— Это первое испытание, — сказал Пелопид. — Если ночь принесет удачу, будут и другие походы. Нам придется идти много дней и ночей без отдыха, пока женщины Спарты не увидят дыма наших костров.

— Ого! Вот о чем ты мечтаешь, — сказал Ференик. — Нам достаточно и того, что мы изгоним спартанцев из Кадмеи⁶.

— Нет, этого мало, — твердо произнес Пелопид. — Пока мы не разрушим змеинного гнезда, Эллада не будет знать мира и счастья.

И они снова двинулись в путь навстречу ледяному ветру и мраку.

Если бы кто мог взглянуть в лицо Пелопида он прочел бы на нем тревогу и озабоченность. Может быть, Пелопид опасается, что он не отыщет во мраке дороги через перевал. Или его пугают будущие схватки со спартанцами, считающимися непобедимыми воинами. Нет! Пелопид вспомнил о восьмом. Восьмым был Клитий, сын Феокла. Клитий, как и эти семеро, был изгнанником и вместе со всеми дал клятву освободить Фивы от олигархов — этих жалких прихвостней спартанцев. Он был посвящен в планы заговорщиков и знал о часе выступления, но не явился в назначенное место. Мелон, которому Пелопид поручил отыскать Клития, не застал его дома. Не оказалось и раба Клития — Сира. Может быть, Клитий стал жертвой наемного убийцы? Но куда исчез раб? А не убил ли он своего господина и скрылся, как это делают афинские рабы? Пелопид терялся в догадках, но он не мог и предположить, что Клитий трусил. Трус не покинул бы Фив и не ушел в изгнание. Он покорился бы олигархам.

Ветер, зажатый в скалах, набрал

силу горной реки. Он мог столкнуться в пропасть и быка. Семеро шли, время от времени припадая к скалам, пережидая, когда стихнет порыв ветра. Тьма, окружавшая их, двигалась и бурлила. Может быть, это вырвались злые духи из киферонских пещер или Артемиды⁷, разгневанная тем, что смертные вошли в ее царство, мечет в них свои свистящие стрелы? Где-то здесь ее увидел Актеон, и богиня превратила охотника в оленя. Несчастного разорвали собственные собаки.

— Друзья! — вдруг послышался голос Дамоклида. — Вы слышите, там кто-то стонет?..

Все остановились и прислушались.

— Идемте, — сказал Мелон. — Это гудит ветер в меловых скалах. Идемте, нам надо прийти до рассвета.

— Нет, я слышу, кто-то стонет! — крикнул Пелопид. — Это человек. Он где-то блико. Здесь, внизу. Дайте мне конец веревки, я спущусь.

— Не делай этого, Пелопид, — молвил Андроклид. — Ты погибнешь. А мы без тебя не найдем дорогу в Фивы.

— Дайте веревку, быстро! Там человек. Он нуждается в помощи, — взволнованно проговорил Пелопид.

И ему дали конец веревки. За другой ее конец взялись Мназипп и Десмот. Край веревки терся об острые камни. Но не прошло и двух мгновений, как она ослабла. Видимо, Пелопид спустился на ровную площадку.

— Я его нашел, — послышалось снизу. — Он упал с тропы.

В это время на мгновение в разрыве туч показалась луна. Пелопид внизу вскрикнул как обожженный.

— Что с тобой, Пелопид? Отвечай! — забеспокоились друзья.

Пелопид молчал.

— Где ты, Пелопид? Отзовись!

— Я привяжу его. Тяните веревку. Только осторожнее, — послышался наконец голос Пелопида... — Хватайте, когда я крикну «раз!»... Раз!

Мназипп, Десмот и пришедший им на помощь Ференик стали вытягивать пострадавшего.

— Поосторожнее! Тут острые камни! — кричал снизу Пелопид.

Видимо, он сам поднимался рядом с человеком, привязанным к веревке, и поддерживал его тело.

— Погодите! — крикнул Пелопид. — Сейчас я поднимусь сам, потом вытащим его.

Пелопид подтянул свое тело и перевалил его на тропу. Он тяжело дышал.

— Тяните! — сказал он, хватаясь за веревку, чтобы помочь друзьям.

Голова человека показалась на краю обрыва. Глаза у него были закрыты. Губы сведены в мучительной гримасе.

— Клитий! — в один голос вскрикнули Мназипп и Десмот.

Да, это был Клитий. Но как он здесь оказался? Почему он не явился в назначенное место? Почему он решил идти в Фивы один, не дожидаясь друзей?

— У меня больна мать, — быстро проговорил Клитий, словно боясь этих вопросов. — Вчера мне снился дурной сон. Я видел ее на коне. А конь — к смерти.

— Почему ты нас не предупредил? — сурово спросил Пелопид. — Из-за тебя мы задержались.

— Как — не предупредил! — воскликнул Клитий, открывая глаза. — Я послал к вам своего раба Сира.

— Ты посвятил раба в наши планы? — с угрозой сказал Мелон.

— Твой раб к нам не приходил, — молвил Пелопид.

— Это был верный раб, — сказал Клитий. — Он вырос в доме моего отца. Правда, в последние месяцы я его плохо кормил. У меня не было денег.

— Ты хочешь сказать, что он сбежал? — недоверчиво произнес Ференик.

— Куда он убежит в это время года! — сказал Мелон.

— Друзья! — решительно произнес Пелопид. — У нас нет времени спорить,

куда делся раб Клития. Нас ждут в Фивах. И мы не можем оставить здесь Клития одного.

— Не можем! — подтвердил Мелон. — Холод усиливается. Клитий замерзнет.

— Да! Да! — слышались голоса. — Мы не бросим его в беде.

— Обхвати мою шею, Клитий! — сказал Пелопид. — Я понесу тебя на спине.

— А когда ты устанешь, Клития понесу я, — подхватил Мелон.

— И мы тоже! — сказали в один голос Мназипп и Десмот.

И они двинулись в путь. Несмотря на холод, струйки пота стекали по лицу, груди и спине Пелопида. Руки Клития сдавливали горло. Трудно было дышать. С каким наслаждением Пелопид сбросил бы со спины этот груз и распрямил бы окаменевшие плечи! Но он знал, что Клитий должен быть спасен. Пусть он нарушил клятву и не явился, но ведь он сделал это из любви к матери. Пелопид готов был его понять. Он потерял свою мать, когда ему не было двенадцати лет. Но и теперь при воспоминании о ней сердце сжимала боль и он едва сдерживал крик, вырывающийся откуда-то изнутри.

Потом Клития понес Мелон. Клитий начал стонать. Может быть, ему было нестерпимо больно, а может быть, он страдал оттого, что являлся для друзей обузой.

— Потерпи, Клитий... — шептал Мелон. — К рассвету мы будем в Фивах, и асклепиад⁸ займется тобою. У тебя, кажется, сломана нога. Это не страшно.

Но Клитий не умолкал. Его вопли сливались с завыванием ветра. Ветер все усиливался. Стал падать мокрый снег. Он бил людям в лицо. Ослеплял их. «Только не остановиться! Только не остановиться! — думал Мелон. — Если остановишься, не хватит сил идти дальше».

На занесенном снегом перевале живой груз принял Мназипп. Начался спуск. И стало еще холоднее. Киферон зимой задерживал теплые южные ветры. Согревала лишь мысль, что они на земле родной Беотии. Еще несколько часов ходьбы, и они будут в городе Кадма. Там их ждут вооруженные друзья. Эта ночь решит судьбу их отчины, а может быть, и всей Эллады.

Мназиппа сменил Десмот. Затем Клития понесли Ференик, Дамоклид и Андроклид. Вновь наступил черед Пелопида.

— Обхвати меня крепче, Клитий,— сказал Пелопид.— Скоро конец твоим мучениям.

— Опusti меня на землю, Пелопид,— глухо молвил Клитий.

— Потерпи, друг. Осталось еще немного.

— Нет, я хочу объясниться. Опusti меня.

Пелопид остановился и бережно опустил Клития на землю. Остановились и другие.

— Я обманул вас,— сказал Клитий.— Мне не снился конь. Мне снилось золото, которое обещал Архин. Два года я провел в нужде. Я больше не мог ждать. Мы вышли с Сиром на рассвете. Но боги были против меня. Я оступился и упал с тропы. Негодный раб мог меня спасти, но он рассудил, что, если явится один, полемарх даст ему свободу. Раб оставил меня и отправился в Фивы. Не идите дальше. Вас ждет там засада. Сир опередил вас. Он был налегке.

Несколько мгновений друзья молчали, потрясенные тем, что они услышали.

Мелон вынул кинжал и занес его над предателем, но Пелопид отстранил его руку.

— Смерть для него слишком легкая кара,— сказал он.— Пусть его судьбу решит народ.

Семеро сели в круг, повернувшись

спиной к ветру. Восьмой лежал рядом и стонал от стыда и боли. Надо было решать, что делать. Возвращаться назад, когда до Фив осталось не более часа пути? Остаться здесь до рассвета? Или идти вперед?

— Друзья! — молвил Пелопид.— Два года мы готовились к схватке с врагами. Два года мы ждали этого дня. Можем ли мы отступить, когда цель так близка?

— Ты прав, Пелопид,— сказал Мелон.— Надо идти. Но перед городом мы отправим двух человек в разведку. Я уже немолод, но пойду первым.

— И я с тобою! — крикнул Ференик. И они снова двинулись в путь, неся по очереди Клития.

* * *

Приоткрылась дверь. Пьяные олигархи захлопали в ладоши.

— Танцовщицы идут! Танцовщицы идут!

— Смотрите,— сказал Архин, икая,— я не бросаю слов на ветер. Сказано — и сделано.

Прикрываясь большой еловой веткой, в пиршественный зал вошел Пелопид. За ним следовали Мелон, Мназипп, Десмот, Ференик, Демоклид и Андроклид. Они закрывали лица веерами, словно стыдливые женщины.

Подойдя к самому столу, Пелопид бросил ветвь и обнажил меч. Архин застыл с разинутым ртом.

— Умри, тиран! — сказал Пелопид, вонзая меч в грудь Архина.

Кровь хлынула на стол, заливая остатки еды и смешавшись с вином. Гости бросились к двери, но она была закрыта. Олигархи заматались по залу, как крысы в поисках щели. Но всюду их настигали удары. Через несколько мгновений все олигархи были связаны. По одному их выводили наружу, где их ждали разъяренные фиванцы, собравшиеся на зов заговорщиков.

Пелопид брезгливо переступил через

труп Архина и подошел к столу, где валялся измятый клочок папируса.

— Раб Клития опередил нас,— сказал он, разворачивая папирус.

— Ведь он был налегке,— добавил Мелон.

— Но Архин пировал и не нашел времени, чтобы принять раба или хотя бы прочесть эту писульку.

— Воин, которого полемарх послал за моей женой, рассказал мне, как это произошло,— молвил Ференик.— Тиран не стал читать записки, а бросил ее на стол, сказав: «До завтра!»

— «До завтра»...— повторил Пелопид.— А завтра для них не наступило. Завтра — наше. Смотрите! Из-за моря встает Гелиос, освещающая поля и горы нашей Беотии. Слышите, как шумит толпа? Она требует смерти для олихархов и предателя. Люди натерпелись за эти годы. Их можно понять. Теперь все позади. Распрямите плечи, друзья! Спартанцы еще в Кадмее, но недалек тот час, когда мы их выкурим и они покинут священную землю наших отцов. А потом и мы двинемся в Пелопоннес.

— И спартанские женщины увидят дым наших костров,— молвил Ференик.

— Клянусь богами, увидят,— закончил Пелопид, поднимая кулак над головою.

¹ Полемарх — высшая военная должность в греческих государствах.

² Демагог — народный вождь. В устах противников демократии это слово приобрело презрительный смысл — болтун, обманщик — и сохранило его до наших дней.

³ Киферон — горный массив, отделяющий Беотию от Аттики.

⁴ Олигархи — богачи, противники демократии в греческих государствах.

⁵ Фриа — город в Аттике.

⁶ Кадмея — акрополь Фив, получивший свое название от легендарного основателя Фив — Кадма, сына финикийского царя Агенора.

⁷ Артемиды — богиня охоты у древних греков.

⁸ Покровителем медицины древние греки считали бога Асклепия. Отсюда название врача — «асклепиад».

ВЕРНОСТЬ

Мечтая стать повелителем мира, в 327 году до н. э. Александр Македонский повел свое войско в Индию.

Стоял между реками Гидаспом и Гангом город Вардахамана, что значит Цветущий. Овал его белокаменных стен со сторожевыми башнями напоминал Гималаи. Медные ворота сверкали, как щит самого Индры¹. Помещения в толще стены были полны боевых слонов, могучих коней и колесниц, арсеналы в башнях изобиловали искусно сработанным оружием, на пересечении людных улиц высились великолепно устроенные храмы, а в самом центре — дворец, равного которому не знала Индия. И жил в том дворце царь Пор. Природа наделила его мудростью и красотой, чтобы он радовал ими людей.

В тот день Пор сидел в зале приемов, окруженный советниками. Узнав, что его хочет видеть странник, царь приказал его впустить.

— О, лучезарный! — молвил странник, склоняясь к трону.— Я шел без отдыха через пустыни и горы. Но как я ни торопился, мне не удалось обогнать беду более чем на десять дней. По истечении этого срока к твоим границам подойдет неисчислимое войско во главе с непобедимым Александром, царем далекого Запада. Он разгромил великого царя Дария и требует, чтобы теперь платили дань ему. Одержимый злыми духами, чужеземец хочет омыть копыта своего скакуна в крайнем море.

— Успокойся,— сказал Пор, положив ладонь на плечо странника.— В мире нет непобедимых царей. Сколько ни побеждай, всегда отыщется тот, кто сильнее. Этот царь со столь мудреным именем...

— Александр,— подсказал странник.

— Александр,— повторил царь,— просто честолюбивый юнец, которому

Ника Самофракийская. III в. до н. э. Ника (*Победа*) стала божеством чистолюбцев эпохи, начатой трагическим и для победителей и для побежденных походом Александра на Восток. Ста-

туей Ники, найденной на о. Самофракия, отметил свою победу один из полководцев, после смерти завоевателя деливших его огромную державу, как хитон, оказавшийся никому не по плечу.

Голова юноши. Начиная с IV в. до н. э. скульпторы научились передавать не только портретное сходство, но и настроение и чувства своих героев. Задумчивое и одухотворенное лицо юноши, погруженного в свои мысли...

Часть саркофага Александра. На рельефе — сцена сражения. Вспоминая о ратных подвигах полководца, художник словно ждал, что завоевания свои он продолжит и в царстве теней.

Александр. Скульптор отразил не только индивидуальные черты сына завоевателя Греции Филиппа, но и облик человека, уверовавшего в свое божественное происхождение. Портрету приданы черты любимого героя Александра — Ахилла, сходство с которым оказалось и сходством судеб: подобно этому мифическому герою, Александр умер, не достигнув зрелости и не завершив своих ратных замыслов.

Менандр. Среди наиболее прославленных писателей, чьи произведения собирали и изучали ученые Александрийской библиотеки, был афинский драматург III в. до н. э. Менандр, воссоздававший в своих комедиях быт и нравы того времени. На фреске из Помпей Менандр изображен со свитком в руках.

Монета с изображением Фаросского маяка в Александрии, находившегося неподалеку от библиотеки. Маяк представлен схематически слева, справа — в гавани стоит корабль, явно непропорциональный почти полторастаметровой громаде знаменитого сооружения, считавшегося одним из семи чудес света.

Галат, убивший жену и кончающий самоубийством, чтобы не попасть в руки победителей. III—II вв. до н. э. Скульптурная группа относится к другому государству того же времени — Пергаму (Малая Азия). Но в ней переданы те же чувства, которые отличают героев расказа.

суждено испытать жестокое разочарование.

Щедро вознаградив и отпустив странника, Пор обратился к своему главному советнику:

— Кукурава! Возьми на себя труд известить моих братьев Абисара и Таксила о том, что нам поведал странник. Объясни им, что если мы не объединимся, враг одолеет нас поодиночке, как стебли соломы огонь. Надо выставить войско на берегу Гидаспа. Тогда врагу не удастся переправиться в нашу страну.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил Кукурава.

Он низко наклонил голову, чтобы никто не увидел зловещего огонька в его глазах.

Первым Кукурава посетил Абисара. Его царство находилось на правом берегу Гидаспа, в верхнем течении реки. Зная, что преобладающей чертой характера этого правителя была трусость,

Кукурава не просто передал все, что ему было известно о приближении вражеского войска, но от себя расписал его могущество. В изображении Кукуравы Александр превратился в злого духа, встреча с которым несет неминуемую гибель. Все это вызвало у Абисара сомнения в реальности угрозы.

— Кто видел этого врага? — рассуждал Абисар вслух. — Какой-то странник? А может быть, от жары у него помутился ум? В ясную погоду в чистом воздухе иногда взорам смертных предстает город с высокими дворцами и башнями, но стоит пройти немного вперед, он тает. Может быть, неисчислимо вражеское войско такой же призрачный город.

— Да! Да! — подхватил Кукурава. — Этот странник показался мне подозрительным. У него блестили глаза, как у безумного.

— Допустим, что вражеское войско десять дней назад двигалось к Гидаспу. Но за это время многое могло измениться. Полководец мог раздумать и вернуться назад. Например, его могли испугать змеи.

— Да! Да! — подхватил Кукурава. — Нигде нет столько змей, как у нас.

— Отсюда следует, закончил Абисар, — что нам нечего торопиться. Посмотрим, что это за враг, узнаем его намерения.

Иные результаты имела встреча Кукуравы с Таксилем, правителем полупустынных областей между Гидаспом и Индом. Это был человек злой и заносчивый, как павлин. Ожесточая своих подданных поборами и казнями, он жил в страхе перед ними. Его страна была полна соглядатаев, доносивших царю, о чем говорят у себя дома и на площадях. Подобно игроку в кости, Таксил ежедневно и ежечасно проигрывал себя, свой трон, свою страну.

— Привет тебе, мудрейший из мудрых! — сказал советник, отдавая поклон. — Меня послал мой повелитель,

чтобы предупредить о страшной опасности.

— Знаю! — отозвался Таксил. — Стражи, что на западной границе, сообщили мне о приближении большого войска. Каковы цели вражеского полководца?

— Говорят, он хочет достигнуть края света.

— Только лишь... А потом?

— А потом он вернется туда, откуда пришел, чтобы похвастаться перед своими подданными.

— Я тоже так думаю, — сказал Таксил. — Но я хочу тебя спросить: «Не лучше ли пропустить его через свои границы? Пусть идет себе, куда хочет».

— Ты прав, — ответил Кукурава. — Пусть себе идет.

— А как же известить его, что путь свободен?

— Очень просто! — отвечал Кукурава. — Ты можешь выступить ему навстречу, чтобы заключить с ним мир.

— Ты мудрый человек! — сказал Таксил. — Если хочешь служить мне, то добьешься большего, чем у Пора.

Кукурава ликовал. Зная характер своего господина, он был уверен, что тот, даже оставшись один, выступит против Александра и, конечно же, будет разбит.

С этими черными мыслями Кукурава отправился в Вардхаману, а Таксил, наскоро собрав войско, двинулся навстречу Александру.

В пустынной местности воинам Таксила повстречался полуголый брахман. Узнав, кто они и куда двигаются, жрец понял замысел царя и решил отговорить его от предательства.

— Скажите своему повелителю, — сказал брахман воинам, — что боги наградили меня вешим знанием и многих я предострег от опасности.

Услышав о брахмане, Таксил пожелал с ним встретиться.

— Правда ли, учитель, что тебе ведомо будущее? — спросил царь.

— Будущее известно одним богам,— отвечал брахман.— Я не принадлежу к числу тех, кто умеет гадать по птицам, по заходу солнца, по звездам, кто предсказывает по бобам и кореньям. Я много лет живу в лесу и знаю, что случалось с его обитателями. Имеющий уши да услышит, разумный да поймет!

— Говори! Я тебя слушаю!

— В одном лесу,— начал жрец,— поселилась семья львов. После смерти льва-отца его сыновья-львята выделили себе уголья и охотились, не заходя на чужой водопой. Но между ними не было дружбы, и каждый думал только о себе. И вот однажды они слышат грозный рык:

— Выходи! Кто здесь живет?

Львята примолкли. Они догадались, что появился тигр, который был сильнее каждого из них.

Старший из львов-братьев — он был самый разумный из них — понял, что для защиты своих владений необходимо объединиться. Поэтому он послал гонца-шакала, чтобы договориться об объединении. Но шакал был коварным зверем и понимал, что если услужит тигру, то будет всю жизнь питаться объедками с его стола.

Отправившись к одному из львов-братьев, шакал уговорил его, что лучше выдать тигру на съедение какого-нибудь оленя и не рисковать собственной жизнью. Другому льву-брату он посоветовал выдать тигру пару коз и этим спасти себя. Кончилось все тем, что старший брат-лев вышел на тигра один и был им убит. А потом тигр прогнал остальных львов-братьев.

— Твоя притча не к делу,— сказал Таксил.— Хищник, угрожающий нам, просто хочет пройти через наши владения.

— Разумный да поймет,— ответил брахман и удалился.

Войско Таксила двинулось навстречу Александру.

Через несколько дней македоняне

с ужасом и удивлением увидели, что на их пути строй из слонов и конницы. Это был враг страшнее тех, с какими им приходилось встречаться ранее.

Александр дал знак к бою. Зазвенели трубы. Но что это? От вражеского войска отделился всадник. Судя по его расшитой золотом и украшенной жемчужом одежде, это был не простой вестник. Поэтому Александр поскакал ему навстречу.

В центре поля, разделяющего два войска, всадники спешили. Индеец первым подошел к македонцу и поклонился. Македонец ответил кивком головы. Индеец что-то проговорил, Александр, не понимая местного языка, подал знак, чтобы прислали толмача.

Вот о чем говорили цари:

— Я привел свое войско не для того, чтобы вступить в борьбу,— сказал Таксил.— На глазах воинов я передаю тебе власть в моем царстве и самого себя.

— Я возвращаю этот дар,— ответил Александр.— Достаточно, что я нашел в тебе друга. В знак дружбы прошу принять от меня тридцать коней с парадной сбруей, а также золотые и серебряные сосуды.

— Самым большим подарком было бы, если бы ты смог убедить других царей не чинить мне препятствий.

— Я думаю, что, узнав о нашей дружбе, они последуют моему примеру. Если же нет, то я помогу тебе оружием.

После этого армия Александра двинулась к Гидаспу и вслед за нею дружественное ему войско Таксила. Из всех побед, одержанных Александром, эта меньше всего ему стоила.

На пути к Гидаспу к Таксилу подскакал всадник. Это был Кукурава.

— Возьми меня на службу, Таксил. Мой господин обезумел. Он стоит со своим войском на левом берегу. Не знаю, на что он надеется.

— Наверное, он думает, что ему поможет Абисар.

— Но я обогнал послов Абисара. Им поручено передать, что царь пропускает пришельцев через свои владения.

Таксил пожал плечами.

* * *

Армия Александра вышла на берег Гидаспа. Разлившись в ширину на четыре стадия, река напоминала море. Но течение ее не было медленным и величавым, как у широких рек, а быстрым и стремительным, как у горных потоков.

Еще страшнее, чем зрелище могучей реки, был вид противоположного берега, заполненного индийским войском. У самой воды стояли слоны. Они поднимали вверх хоботы и оглашали воздух ревом. Восемьдесят пять лесных гигантов выставил Пор. За слонами стояли боевые колесницы. Их было не менее трехсот. За колесницами была пехота, выстроенная по отрядам. Обращали на себя внимание стрелки. Их луки были так велики, что из них можно было стрелять, ставя нижний край на землю, стрелы же были длиною в четыре локтя.

Македонцами овладело уныние. Сколько рек осталось позади! Но еще ни разу не приходилось переходить их на виду такого могущественного неприятеля.

Желая рассеять страх воинов, Александр с деланным воодушевлением воскликнул:

— Наконец я вижу достойную для меня опасность!

Александр выведал, что удобнее всего совершить переправу через Гидасп в ста пятидесяти стадиях выше того места, где войска стояли друг против друга. Там берег был покрыт лесом и кустарником, а река разделялась лесистым островом, уменьшающим ширину водного пространства. Но как скрыть от врагов план? Александр приказал своему другу Птолемею взять несколько сот воинов и в месте, которое хорошо просматривается, рубить деревья, пере-

возить их на повозках и вообще делать вид, что готовится переправа. Небольшую часть войска под командованием Кратера он оставил на месте первоначальной стоянки, против армии Пора. При этом он вынес свой пурпурный шатер на возвышенность и даже одел одного из друзей в свою одежду и приказал оказывать ему царские почести. Сам же с большей частью войска скрытно отправился на берег против лесистого острова и приказал готовить все необходимое для переправы. Кроме плотов и кожаных мешков с сеном, изготавливаемых на месте, сюда были доставлены с Инда суда, которые подарил Таксил.

Время от времени от Кратера являлись гонцы. По их рассказам, Пор не двигался с места. Видимо, он понял, что Птолемей не представляет для него опасности. Поначалу он выдвинул к месту ложной переправы часть конницы и слонов, но затем отвел ее назад. Но известно ли Пору, что переправа готовится здесь?

Как-то среди дня небо заволокло тучами и хлынул ливень. Наверное, лишь во времена Девкалиона² лились такие потоки воды. Ветер сбивал с ног. В его реве тонуло ржанье коней и встревоженные крики людей.

Тогда-то и умер конь Александра Букефал. Его, ослабшего от старости, царь всюду водил за собой. Может быть, потому, что его любил? Или из суеверного страха? В захваченном Вавилоне какой-то халдей нагадал Александру, что он выполнит назначение своей жизни, если будет жить его прославленный конь. И вот теперь Букефала нет. Как же быть с мечтою о крайнем море? Вернуться назад?

Александр упрямо тряхнул головой. Волна светлых волос легла на лоб и глаза, затмив на мгновение свет. Откинув волосы ладонью, полководец взглянул на уже очистившееся от туч небо и сказал:

— На месте гибели Букефала заложите город его имени. Пусть он продолжит жизнь моего коня. Приступить к переправе!

Буйство стихии не смогло разрушить нескольких плотов, связанных до начала бури. Их потащили к реке и спустили на воду. Александр первым прыгнул на бревно. За ним — его друзья и телохранители. На всех плотках было не более сотни человек. Им предстояло переправиться на лесистый остров посреди реки.

Остров оказался пустым, если не считать огромной змеи, которая напала на одного из воинов и оплела его своими чудовищными кольцами. Пока бросились ему на помощь, несчастный уже не сопротивлялся.

Переправа происходила полдня и всю ночь. Ранним утром Пору сообщили, что берег выше по течению занят вооруженными людьми. Это не испугало царя, поскольку он знал, что участок против лесистого острова был предназначен для войска Абисара. «Может быть, осознав гибельность разъединения, Абисар привел свое войско?» — думал Пор.

Солнце высушило эту надежду как ночную росу. В его лучах засверкали медные щиты и шлемы чужеземцев. Пор понял, что предан царями и что ему предстоит одному встречать врага Индии. Глаза его вспыхнули яростным блеском.

— Моего слона! — крикнул он. — Пусть Гидасп будет для чужеземцев Вайгарапи³!

И тотчас же погонщики подвели царю слона. Умное животное встало на колени, чтобы господин мог подняться в башенку, укрепленную на спине. Обычно ее занимали три стрелка, чтобы разить врагов в трех направлениях. Пор занял это место один.

— Повелитель будет сражаться за троих! — воскликнул кто-то рядом.

Эти обошедшие все войско слова име-

ли глубокий смысл. Пор будет сражаться не только за трех стрелков, но и за трех царей, один из которых переметнулся к врагу, а другой трусливо бежал.

— Мы тоже! — подхватили воины. — Каждый за троих!

Это было невиданное проявление воинской чести и верности долгу.

Пор восседал на шее слона, опустив ноги по обе стороны. Слон под ним был как конь, такого роста был этот человек! Но вот он поднимается на башенку и берет в руки лук такой же, каким вооружены стрелки в его войске. Но Пору не нужна подставка. Он кладет стрелу и натягивает тетиву до уха. Стрела вырывается и со свистом летит в сторону врага. Кажется, ни один лучник еще не стрелял так далеко.

Выстрел из лука был сигналом к бою. Стрела указывала направление атаки. Тысячи глаз следили за ее полетом.

Едва она ушла на землю, как начали разворачиваться боевые колесницы. Ветер раздувал укрепленные на них полотнища с изображением слонов, львов, тигров, диких быков, обезьян, змей. Казалось бы, в одном строю с людьми был животный мир Индии.

Но что это? Почему изогнулась линия колесниц? Одни кони выдвинулись вперед, другие топчутся на месте, третьих сносит в сторону. Все это ливень, насланный каким-то враждебным богом! Он размыл поля, сделал скользкой землю.

Воспользовавшись промедлением, Александр со своим войском быстро двигался навстречу противнику. Легковооруженная пехота обходила колесницы слева, тяжелая конница — справа. Полководец решил нанести удар с флангов, где, как ему казалось, легче было подавить неприятеля. Но, сражаясь с индийскими колесницами впервые, Александр не предугадал опасного для себя маневра. Индийские стрелки прыгнули с колесниц и, пользуясь

ими как прикрытием, разили наступающих пехотинцев и всадников. Тяжелее всего пришлось всадникам. Ведь их кони также скользили по земле. Многие были сбиты с коней, так как представляли прекрасную мишень. Между тем подвижная македонская пехота успешно выполнила свою задачу. Левый фланг индийцев был сломен.

Видя это, Пор снова натянул свой лук. Пущенная им стрела попала в гущу вражеской пехоты. Это был сигнал для слонов. Они образовали линию, промежутки которой были заняты стрелками и копейщиками. Издали индийский строй напоминал крепостную стену с гигантскими башнями. И, что страшнее всего, эта стена двигалась, готовая все смять и растоптать на своем пути. Она метала копья и стрелы, ударов которых не мог выдержать ни один щит.

Первый ряд македонской фаланги был сметен, словно ураганом. Мертвые лежали на тех местах, где их застигла смерть. Раненые корчились на земле, пытаясь вытащить вошедшие в их тела стрелы. Непобедимая фаланга дрогнула. Воины второго и третьего ряда озирались по сторонам, ища куда бежать.

Слоны подходили все ближе и ближе. Хорошо обученные борьбе с пехотой, они вырывали хоботами то одного, то другого воина и передавали их погонщикам. С ревом метались слоны, подобные тучам. Кони вставали на дыбы.

Лицо Александра стало мертвенно бледным. Никогда еще полководец не испытывал такого мучительного беспокойства. Дойти почти до цели и видеть, как бессловесные животные обращаются с его воинами, как с напраказавшими детьми.

В это мгновение к толмачу подсказал всадник, судя по одежде — индеец, и стал что-то ему доказывать.

— Что ему надо? — спросил Александр.

— Он говорит, что нужно рубить хоботы у слонов.

— Спроси, как его имя.

— Он назвал себя Кукуравой.

Через несколько минут Александр бросил в бой отряд бактров. Воины были вооружены кривыми мечами. Орудуя ими как серпами, они рубили хоботы у животных, ранили им ноги.

Боль превращала слонов в разъяренных зверей. Они пятились, давя шедших сзади пехотинцев. За ранеными слонами последовали невредимые. Животные, пасшиеся некогда стадами, привыкли действовать сообща.

Только один слон словно бы не замечал всеобщего смятения. Он нес на себе Пору. Пор стрелял так, словно бы родился с луком в руках. Выпущенные им стрелы летели непрерывной линией и казались в воздухе одной сплошной стрелой. Но и сам он был мишенью для стрел и дротиков. Уже девять раз его ранили в спину и грудь. Потеряв много крови, он лишился чувств.

Многие македонцы пытались подойти к слону, чтобы взобраться на башенку и добыть главный трофей победы, но взбешенное животное не подпускало никого и близко. Его хобот опускался на головы и спины врагов, и они разлетались по сторонам, словно бы от ударов гигантской плети. Погонщик в пылу боя не сразу заметил, что Пор недвигим. И только когда упал царский лук, понял, что произошло. Да и слон, кажется, чувствовал, что главное теперь спасти раненого господина. Повернувшись, животное побежало изо всех сил.

За слоном увязалось несколько всадников. Первым из них был Александр. Рядом скакали его друзья Птолемей и Аттал. За ними Таксил и Кукурава. Они старались держаться ближе к царю, надеясь получить награду из его рук.

Но что это? Александр вдруг пере-

летел через голову своего коня. Птолемей спешил и бросился к повелителю. Но тот, поднявшись на ноги, отстранил его помощь.

— Нового коня! — крикнул он.

Птолемей подвел своего.

Во время этой непредвиденной остановки преследование Пора продолжал один Кукурава. Казалось бы, его мечта о получении царства Пора никогда еще не была так близка к цели, как теперь. Он уже успел спасти армию Александра от разгрома. Теперь он принесет ему голову Пора.

Догнав слона, Кукурава крикнул погонщику:

— Остановись! Куда тебя несет!

При звуке голоса — он теперь не заглушался шумом боя — к Пору вернулось сознание. Он схватил случайно сохранившуюся стрелу и, используя ее как дротик, метнул в Кукураву. Тот был пригвожден к земле, которую предал.

С тех пор поется:

Коль смерть стоит пред тобой,
царство сыну отдай,
Жену обними, врага — срази
последней стрелой.

Пор вложил в удар все силы. Он покачнулся и стал падать. Слон опустил на колени, чтобы повелитель не разбился.

В это время подсказал Александр с несколькими всадниками. Видя рядом со слонем неподвижное тело, он приказал стащить доспехи в драгоценных камнях. Но не успели приблизиться к Пору, как слон подхватил своего повелителя и стал укладывать его у себя на спине.

Со всех сторон в слона полетели дротики. Но и содрогаясь в предсмертных конвульсиях, слон упал так, чтобы не задуть господина своей тушей.

— Вот она верность! — воскликнул Александр, обращаясь к своим спутникам. — Будь у Пора все такие слоны, не ему бы здесь лежать, а мне.

— Слон оправдал свое имя, — вмешался толмач. — Этого слона звали Верность.

В это мгновение Пор открыл глаза.

Александр наклонился над раненым.

— Что тебя побудило испытывать судьбу, злополучный ты человек? — спросил он без ненависти в голосе.

— Ты знаешь это сам: верность. Человек должен быть верен своему долгу, даже если против него весь мир.

— Хорошо сказано, — отозвался Александр. — А чего ты ждешь от меня?

— Верности самому себе. Человек, вздумавший покорить весь мир, не омрачит своей победы несправедливостью.

Слова эти, переведенные толмачом, произвели на Александра впечатление.

— Пришлите моего врача, — распорядился Александр. — Пусть он исцелит раны Пора. А ты, Птолемей, позаботься, чтобы моему новому другу была передана половина земель Абисара и Таксила. Довольно обмана и хитрости. Мы будем теперь опираться на верность.

¹ Индра — бог молнии и грома, непобедимый воин и царь богов.

² Ко времени царя Девкалиона, к середине II тысячелетия до н. э., греки относили потоп, будто бы уничтоживший все живое на земле.

³ Вайтарипи — мифическая река перед загробным миром.

ЧИСТОЕ ПЛАМЯ

Герой рассказа Клеомен III (260—219 годы до н. э.), юный спартанский царь, объявивший всю землю Спарты государственной и разделивший ее на участки между неимущими спартиатами. В проведении этого переворота он продолжал деятельность своего предшественника — царя Агиса.

Мальчик обратил к учителю взволнованное лицо.

— Как ты прекрасно рассказал, Сфер, о законах Ликурга¹, по которым

жили наши предки! Но что мешает нам жить по ним теперь? Почему вместо доблести в Спарте царствует богатство? Где былое спартанское равенство?

Сфер положил на стол свои большие руки и долго молчал, шевеля корявыми в саадине пальцами. Его высокий лоб перерезала мучительная складка.

— Я слышал,— проговорил он,— это же спрашивал у своего учителя Агис, бывший царем до твоего отца Леонида.

— Но отец говорит, что Агис был мятежником и за это его убили.

— Его убили за то, что он хотел возродить законы Ликурга. И это ему не удалось,— глухо сказал учитель.

— Но ты считаешь, что по этим законам можно жить и теперь?

— Я знаю,— сказал Сфер,— что по таким же законам, правда, не называя их ликурговыми, живут скифы. Это дикий, но справедливый народ. У них нет межей между участками. Они презируют золото и серебро. Нет у них стремления овладеть чужим и жажды богатства. Поэтому они непобедимы. Величайшие из завоевателей Кир, Дарий и Александр понесли поражение от скифов. Помнишь, я в прошлый раз тебе рассказывал о своей первой встрече со скифами в степях за Ольвней²...

Клеомен с интересом слушал учителя, не догадываясь, что скифы совсем не такие, какими их обрисовывал Сфер. Как хотелось ему побывать в тех местах, где родился и провел детство учитель, увидеть могучую реку Борисфен, вдохнуть запахи не тронутой плугом степи. Но законы Спарты запрещают даже рядовым гражданам надолго покидать родину. А он к тому же сын царя и в будущем царь.

— В Скифии горек мед,— продолжал Сфер,— но сладка и упоительна свобода. А в Спарте даже цари в рабстве у эфоров³. Я слышал, что они наложили штраф на царя за то, что он женился на спартанке маленького роста.

— Это произошло с моим прадедом,— вставил Клеомен.— Эфоры сказали, что его дети должны быть царями, а не царьками.

— Не ростом и не красотой славилась в старину спартанские жены, а величием духа,— сказал Сфер.— У себя на родине я слышал о спартанках, провожавших на войну своих близких напутствием: «Со щитом или на щите!»⁴ Где эти женщины? Теперешние спартанки хвастаются друг перед другом не подвигами своих мужей, а золотыми побрякушками и обилием прислуживающих им рабов. Конечно, и среди них есть достойные тех древних доблестных жен. Ты ведь знаешь, что мать и бабушку Агиса приказали задушить эфоры за то, что они воспитали его в духе законов Ликурга. Юная жена Агиса такая же, как они...

— На днях я должен с ней обручиться,— сказал Клеомен.— Так приказали эфоры. Но Агиатида не хочет и слышать обо мне, потому что я сын Леонида, моего отца, которого она считает убийцей Агиса.

— Еще не было случая, чтобы мужчина, не только женщина, ослушался распоряжения эфоров. Обручение состоится. Но ты не добивайся любви Агиатиды. Дождись, пока она сама подойдет к тебе. Вот тебе мой совет.

Клеомен с благодарностью взглянул на учителя. В беседах с ним он черпал мужество. Сфер не был похож на тех странствующих мудрецов, которые сбывали свою мудрость тем, кто больше за нее платил. Учение Сфера не расходилось с его образом жизни. Единственного раба он отпустил на волю, и сам заботился о себе. И двери его домика были всегда открыты для всех, кто нуждается в помощи и совете.

— Хайре⁵, учитель,— сказал Клеомен, вставая.— Я последую твоему совету.

— Хайре, Клеомен. Да хранит тебя божество.

Проводив мальчика, Сфер подошел к стене, где стояла переносная бронзовая жаровня. Она заменяла в зимние месяцы очаг. В слое пепла мерцал крохотный синеватый огонек. «Законы Ликурга, воинская слава — все это в прошлом,— думал Сфер.— Спарта во мраке. Но где-то еще теплятся огоньки. Это души юных, не зараженных корыстью. Доброе слово как ветер. Оно раздувает пламя сердец.»

* * *

Сколько произошло перемен за эти пять лет. Умер царь Леонид, и его сын Клеомен стал спартанским царем Клеоменом III.

Давно уже Спарта не знала такого энергичного воителя. Каждой весной выводил Клеомен войско в земли соседей, а осенью возвращался с добычей и славой. Македонский царь Антигон с тревогой следил за успехами Клеомена, возрождавшего древнюю доблесть Спарты.

Клеомен восстановил старинный обычай общественных обедов. Длинные столы стояли под открытым небом. Из грубых глиняных мисок шел пар. В мисках была черная похлебка из бобов, вызывавшая еще в древности удивление чужеземцев. Как и в былые времена, участники обедов вспоминали о бранных подвигах и пели военные песни.

Вместе с молодежью Клеомен участвовал в гимнастических и военных упражнениях. Он отказался от богатой одежды, которую обычно носили спартанские цари. На нем был неизменный плащ из грубой шерсти.

Клеомен еще более сблизился со Сфером. Часто они проводили время в прогулках по окрестностям Спарты. Однажды они вышли из города еще на рассвете. Из утреннего тумана вынырнули Тайгетские горы. Их пологие склоны покрыты виноградниками, а вершины — снегом. В заросших

камышом берегах бежал Эврот. Теперь, как и в старину, юные спартанцы рвали камыш голыми руками и плели из него циновки. Этот обычай возродил Клеомен.

— Воспитание молодежи — это начало начал,— сказал Сфер.— Надо изгнать из Спарты сребролюбие. Возьмись за ростовщиков. Освободи илотов и разреши им вступить в войско...

Внезапно Сфер остановился и указал на могильную плиту.

— Вот она могила Агиса. Эфоры запретили похоронить его на кладбище как преступника. Эту плиту тайком поставила Агиатида.

— Я прикажу поставить здесь статую из вечного камня,— сказал Клеомен, склоняя голову.— Пусть все знают, что это могила величайшего из царей Спарты.

— Вечны не камни, а добрые дела,— сказал Сфер.— Агис объявил войну несправедливости. Но он был одинок. Народ сочувствовал царю, но не защитил его от эфоров. Зло можно победить только оружием. Свобода рождается в звоне мечей. Ее колыбель всегда забрызгана кровью. Ты — царь. Воины тебе преданы и готовы выполнить любой твой приказ. Чего же ты медлишь?

* * *

Спартанское войско стояло лагерем под Мантинеей⁶. Уже была совершена утренняя молитва богам, дарующим победу. Раздался призывный напев флейт, наполняющий сердца воинов бодростью. Войско двинулось не к стенам Мантинеи, а к синеватым на горизонте Тайгетским горам. Войско шло в Спарту.

На агоре Клеомен остановил воинов. Речь его была составлена в тех энергичных выражениях, которые предписывались обычаями:

— Город заражен скверной,— произнес Клеомен.— Спарта страдает от

неги, роскоши и долгов. С этими болезнями можно было бы бороться, если бы не эфоры. Своими врагами эфоры считают всех, кто служит добродетели и стремится восстановить законы Ликурга. Смерть эфорам!

И тотчас же воины ринулись к дому, где заседали эфоры. Вломаны двери. В ужасе эфоры забились под столы. Их вытаскивали за ноги и убивали. Только одному из эфоров удалось бежать.

— От одного эфора немного зла! — сказал Клеомен, узнав, что его приказ выполнен не полностью. — А если нет эфоров, зачем им столы и кресла?

Под хохот воинов из дома эфоров летели сундуки, скамейки. А вот и знаменитые кресла, сидя в которых эфоры вершили суд. Все свалили в кучу. Кто-то поднес к ней факел. Вспыхнул костер.

Со всех сторон на агору стекалась толпа. Старики, женщины и дети смешались с воинами. Пламя выхватывало из мрака седые бороды, пухлые детские щеки, женские косы, блестящие шлемы.

Покончив с домом эфоров, воины по знаку Клеомена бросились к жилищам ростовщиков. В костер полетели ящики с долговыми расписками. Нельзя было узнать сдержанных в проявлении чувств спартанцев. Люди обнимались, поздравляя друг друга.

— Теперь мне не надо отдавать повиную урожай! — кричал земледелец, не веря своему счастью.

— Моя мастерская свободна от долгов! — радовался ремесленник.

А пламя поднималось все выше и выше. Трещало сухое дерево. Летели искры. Люди, взявшись за руки, плясали вокруг костра.

И вдруг все смолкло. Толпа расступилась, пропуская женщину в белом пеллосе. Ее прекрасные волосы распущены, как во время молитвы.

— Агиатида, — зашептали в толпе. — Вдова Агиса и жена Клеомена. Ведь

с тех пор, как эфоры выдали ее насильно замуж, она не выходила из дому.

Эта женщина пришла, чтобы поздравить Клеомена с победой. Так думали все. И только один Сфер, стоявший рядом с Клеоменом, услышал, что сказала Агиатида царю:

— Я пришла к тебе, чтобы сказать: Агис — это твое детство. Он был мальчиком. А ты муж. Ты мой первый и единственный. Смотри, как яростно горит этот костер. В нем сгорает все, что нас разделяло. Я никогда не видела более чистого пламени.

¹ Л и к у р г — полулегендарный спартанский законодатель IX—VIII веков до н. э. В VI—III веках до н. э. Ликургу приписывали все законы и учреждения спартанского общества, которые на самом деле были результатом длительного исторического развития.

² О л ь в и я — древняя греческая колония на Днепровско-Бугском лимане. Ее также называли Борисфеном по протекающей рядом реке Борисфен (Днепр).

³ Э ф о р ы — ежегодно избиравшиеся должностные лица в Спарте, обладавшие высшей властью. Они могли даже казнить царей.

⁴ Эти слова надо понимать в смысле: «Вернись живым со щитом, или пусть тебя принесут мертвым на твоём щите, который не достанется врагу».

⁵ Х а й р е — дословно «радуйся» — греческое приветствие.

⁶ М а н т и н е я — город Ахейского союза городов, который был осажден и взят Клеоменом.

ГОСПОЖА БИБЛИОТЕКА

Столица птолемеевского Египта Александрия славилась многими замечательными сооружениями, в том числе знаменитым Фаросским маяком, причисленным к семи чудесам света. Фаросский маяк освещал путь кораблям. Светочем культуры была Александрийская библиотека.

Грузный бородатый эллин и худенький смуглый мальчик шли по улицам Ракотиса, предместья Александрии, называемого также Старым городом.

Оно представляло собою нагромождение запутанных улочек, стиснутых покосившимися неопрятными домами. В одном из них Ликин — так звали мальчика — служил владельцу оружейной мастерской бритоголовому египтянину Петосиру, пока тот не решил его продать, чтобы купить сильного эфиопа.

— Господин! — обратился мальчик к своему новому хозяину.

Эллин шагал, не обращая внимания на ребенка. Кажется, он вообще ничего не видел и не слышал, ибо был всецело занят своими мыслями. Иногда он останавливался и чертил пальцем в воздухе какую-то фигуру, потом снова продолжал путь, чудом не натываясь на встречаемых. Это был самый странный человек, которого когда-либо видел Ликин на своем коротком веку.

— Господин! — повторил мальчик и при этом дернул эллина за край плаща.

Эллин остановился и взглянул на мальчика так внимательно, словно видел его впервые.

— Никогда не называй меня господином! — произнес он после паузы. — Я не люблю этого слова.

— А как тебя зовут твои рабы? — спросил мальчик.

— У меня нет рабов, — ответил эллин и с хитрой усмешкой добавил: — Я сам раб. Да, раб Библиотеки.

Он произнес это незнакомое Ликину слово с такой гордостью, что мальчик решил: «Эта Библиотека, наверное, очень знатная госпожа и, может быть, даже супруга царя Птолемея. Правда, он слышал, что жену Птолемея звали Береникой. Но у египтянина, которому он служил, было две жены, старшая и младшая. А у царя может быть и сто жен. И Библиотека, наверное, самая молодая и любимая».

— И что же ты хотел меня спросить?

— Я хотел спросить, далеко ли твой дом. Но если ты сам раб, скажи, где живет твоя госпожа?

— Она живет во дворце, — коротко

ответил эллин и, словно бы забыв о существовании мальчика, что-то забубнил себе под нос.

«Значит, я был прав, — думал Ликин, радуясь своей догадливости. — Она — царица. А ведь царским рабам живется лучше, чем другим. Их не обременяют работой, не бьют чем попало. Вот ведь этот эллин — раб, а держится как свободный. И плащ на нем крепкий, сандалии не сношены».

Тем временем они вступили в Новый город, как называли обитатели Ракотиса район Александрии, примыкающий к морю и заселенный эллинами. Улица была такой широкой, что на ней могли разехаться две пароконные повозки и еще оставалось место для пешеходов, которые шествовали по обе стороны улицы. Слышалась разноязыкая речь — греческая, еврейская, египетская. А какое разнообразие лиц и одежд! Не выезжая из Александрии, можно было увидеть все народы земли.

Площадь перед дворцом была вымощена гладко отесанными камнями. По ней можно было бегать босиком, не опасаясь поранить ступни. Но босым был один Ликин. Остальные люди были в сандалиях с красивыми застежками или в сапогах из тонкой кожи. Они не бежали, а шли, как казалось мальчику, медленно и почтительно, словно опасались нарушить покой тех, кто живет в этом огромном и прекрасном доме. Его можно было бы назвать не дворцом, а храмом, ибо люди, которые в нем жили, считали себя не просто властителями Египта, но и богами, подобными тем, которые когда-то правили этой страной.

Стражник, охранявший дворцовые ворота, был в золоченых доспехах. Но эллин вошел в ворота так, словно они не охранялись, а стражник кивнул ему дружелюбно.

И вот они за стеной, огибавшей со всех сторон Царский мыс, так называлось это место. Справа было большое

здание, слева — поменьше. К нему-то и направил свои стопы эллин. Он толкнул дверь, и они оказались в огромном, обрамленном колоннами зале.

Ликин насчитал девять высоких колонн из блестящего белого камня, который, как он слышал, называют мрамором. Перед каждой колонной находилась металлическая статуя. Мальчик почему-то решил, что это изображение госпожи, и поклонился ему в пояс. Между колоннами были высокие двери, всего восемь дверей, кроме той, в которую они вошли.

Посреди зала стоял круглый стол, окруженный стульями. Их спинки были так высоки, что сидевшие на них люди были почти не видны. Однако можно было разглядеть длинные листы наподобие тех, какие старый господин Ликина использовал для расчетов.

Один из сидевших высунул голову из-за спинки стула и спросил:

— Кого ты нам привел, Эратосфен?

Ликин понял, что его спутника зовут Эратосфеном.

— Тебе все надо знать, Зоил! — ответил эллин незнакомцу. — Мальчика зовут Ликином. Он будет бороться с пылью.

— Пойдем, Ликин, — сказал Эратосфен, положив руку на плечо мальчика. — Я объясню тебе твою службу.

Они прошли к двери между двумя колоннами и, пройдя через нее, оказались в вытянутом помещении, одна из стен которого была сплошь заставлена шкафами. У старого господина тоже был шкаф, всегда закрытый. Ликину не разрешалось даже близко к нему подходить, и за три года службы он так и не узнал, что в нем хранится. А эти шкафы были без дверок и напоминали огромные соты. Из каждой ячейки высовывался какой-то предмет наподобие колчана для стрел.

— Тебе не приходилось лазить по деревьям? — неожиданно спросил эллин.

Мальчик застыл в недоумении. Он никогда не видел деревьев, по которым можно было бы лазить.

— Ах, да, — проговорил Эратосфен сконфуженно. — Я все забываю, что живу в Египте. Откуда бы здесь взяться большим деревьям. В общем не трудно ли было бы тебе залезть на этот шкаф?

Ликин окинул шкаф взглядом. Отверстия для колчанов располагались подобно ступеням лестницы.

— Не трудно, — ответил мальчик.

— Вот и прекрасно, — отозвался Эратосфен. — Твоя задача в том, чтобы протирать шкаф и футляры влажной тряпкой. Начнешь снизу со шкафа Альфы. Потом перейдешь к шкафу Беты. Затем к третьему шкафу. Его зовут Гаммой. Потом примешься за Дельту и Эпсилон, Дзету и Эту.

— И помни, — добавил он после паузы, — футляры надо держать закрытыми и ставить их на место. Библиотека требует аккуратности!

Он снова произнес имя госпожи с таким почтением, что Ликин решил делать все так, как говорит эллин. Наверное, Библиотека — строгая женщина и очень дорожит этими колчанами, или футлярами, как их называет эллин.

— Вот тебе вода и тряпка. Принимайся за дело, — сказал Эратосфен. — А у меня другие дела.

И он выбежал из помещения с проворностью, удивительной для столь грузного тела.

Оставшись один, мальчик бросил взгляд на доверенные ему шкафы и вслух повторил их странные имена — Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Эпсилон, Дзета, Эта. Впрочем, слово Дельта было ему знакомо. Оно означало треугольник и применялось также для обозначения низовьев Нила, имевших форму треугольника. Но почему Дельтой назывался квадратный шкаф? Этого мальчик понять не мог.

Намочив тряпку в воде, Ликин тща-

тельно выжал ее и принялся за уборку, или за борьбу с пылью, как выразился Эратосфен. Пыли было действительно много. В некоторых местах она лежала сплошным слоем, в других на ней были отпечатки пальцев и ладоней.

Время от времени за спиной мальчика появлялись рабы Библиотеки. Это были сплошь бородатые эллины. Обходя Ликина, они подходили к тому или иному шкафу, брали колчан и молча удалялись. Пришел и тот, кого Эратосфен назвал Зоилом.

— Расселся на дороге! — сказал он Ликину и больно его ущипнул.

Мальчик поспешно уступил дорогу злему рабу и, когда тот прошел, увидел, что у него на спине горб. Горбун подошел к шкафу Омикрон и вытащил из него колчан. В течение дня он приходил еще много раз, и все к этому шкафу.

Да, это был странный дом, населенный странными людьми. Они занимались непонятным Ликину делом. Поэтому мальчик решил, что и госпожа тоже необычная женщина. «Наверное, она очень богата, если ей принадлежит весь этот дом с множеством рабов», — думал Ликин, засыпая.

* * *

Прошло несколько дней, и Ликин сам смеялся над своей наивностью. Он понял, что Библиотека не госпожа, а помещение для хранения книг, ибо в «колчанах» заключены свитки с произведениями авторов. Он узнал, что статуи перед мраморными колоннами изображают покровительниц наук и искусств, которых эллины называют музами. Отсюда и название этого дворца — Музейон¹. Кроме зала для занятий и библиотеки, в нем были помещения для отдыха и столовая. Люди, которых Ликин сначала считал рабами Библиотеки, оказались учеными мужами, приглашенными в Александрию из разных частей эллинского мира. Все

они находились на содержании у царя Птолемея, считавшего себя покровителем наук. Одним словом, Эратосфен тогда пошутил. Ведь серьезные люди тоже понимают толк в шутке! А может быть, это была вовсе и не шутка, потому что эллин отдавал Библиотеке всю свою жизнь и работал на нее не покладая рук, как самый прилежный из рабов. А слово «господин» он и вправду не любил и сам рабов не имел.

Что касается имен шкафов, то они оказались греческими буквами. В шкафу Альфа были сочинения тех писателей и ученых, имена которых начинались на первую букву алфавита, да и само слово «алфавит» произошло от соединения двух первых букв — альфы и беты.

В отдельном доме была мастерская для изготовления папирусов и помещение для переписки книг. Ликин в свободное время посещал этот дом, наблюдая, как одни подготавливают уже переписанные книги для хранения, подклеивая к обоим краям свитка обструганные палочки, подбирая футляр по толщине свитка, а другие линуют строчки свинцовым колесиком и пишут имя автора и заглавие сочинения на футляре.

В помещении для переписки был слышен скрип тростниковых перьев и шелест папирусов. И если кто-нибудь из писцов совершал ошибку, он тотчас смывал написанное губкой или слизывал языком, не выражая при этом никаких чувств.

Мальчик вскоре научился различать буквы алфавита, а с помощью Эратосфена и читать. В свободное от работы время Ликин доставал свитки тех писателей, которых Эратосфен называл наилучшими. Его собеседниками стали Эзоп, Геродот, Эсхил и десятки других насмешливых и серьезных эллинов. Удивительно, что все они обладали своими голосами. Эти голоса звучали в нем, и их нельзя было спутать.

Ликин просмотрел книги самого Эратосфена. Оказалось, что господин не выезжая из Александрии, измерил размеры Земли и составил доску с чертежом всех материков, островов, морей и рек, что он занимался астрономией, геометрией, историей и многими другими науками.

Как-то мальчик услышал, что ученые-эллины за глаза называют господина «Бетой». Это его удивило, ибо сочинения Эратосфена находились в шкафу Эпсилон. Поэтому, уловив момент, он спросил господина, откуда у него прозвище «Бета».

Эратосфен рассмеялся.

— Мои друзья посмеиваются надо мной, полагая, что ни в одной из наук я не достиг первенства. Но, поверь мне, Ликин, быть вторым в науке — это не то же самое, что оказаться вторым на беговой дорожке.

Однажды мальчик отправился в Ракотис, чтобы повидать старых друзей. Они засыпали его вопросами, как ему живется, не обижают ли его эллины.

Он коротко рассказал им о своей жизни. Но, кажется, они не поняли его, и он добавил:

— Меня не бьют. Только один раз на меня подняли руку.

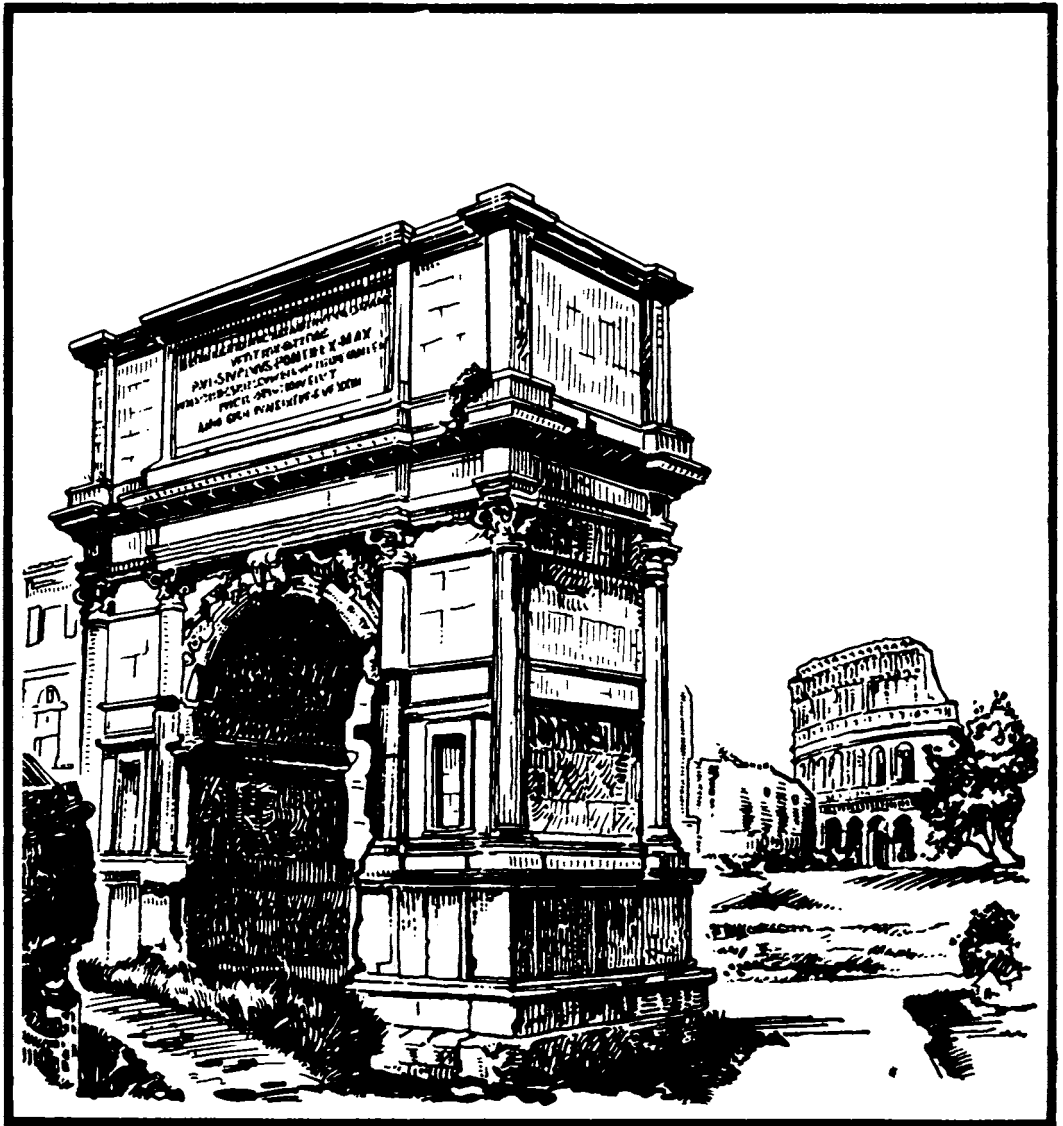
— Вот видишь,— сказал старый египтянин,— эллины остаются эллинами! Давно пора поджечь их дворец и выкурить их всех огнем.

Мальчик отступил на шаг. Глаза его загорелись гневом, и он сказал, выделяя каждое слово:

— Не смей так говорить! Там Библиотека.

¹ От этого названия произошло и наше слово «музей».

Древний РИМ

ТАРКВИНИИ В РИМЕ

Римом на протяжении полутора столетий один за другим правило семь царей. Три последних римских царя были не римлянами, а этрусками, выходцами из Малой Азии. Они правили с 620 по 509 год до н. э. За это время Рим стал самым крупным и сильным городом Италии. Каменная стена, цирк, служивший местом состязаний всадников и колесничих, capitoлийский храм, Форум — все это сооружения времени Тарквиниев, так называли этрусских правителей в Риме, потому что первый из них был родом из города Тарквинии.

Ранним утром страж, охранявший Римские ворота¹ Тарквиний, услышал дребезжание колес. Высунувшись из своего укрытия, он увидел съезжавшую по узкой улочке крытую повозку, а за ней еще четыре возка с вещами и серебром. У ворот возница остановил мулов. Раздвинулся полог повозки, и оттуда высунулась женская голова в дорожном уборе.

Страж, почтительно поклонившись, сказал:

— Ты все-таки, Танаквиль, решила отправиться на чужбину?

Та, которую называли Танаквиль, ответила не сразу, видимо, решая, стоит ли объяснять стражу, что ее заставляет покидать родной город.

Наконец, она сказала:

— И родина станет чужбиной, если мужу нет почета.

Страж понимающе кивнул головой и дернул веревку, открывающую ворота.

Повозка въехала в темный коридор, образованный двумя стенами, и оттуда раздался усиливаемый местом глухой голос Танаквиль:

— Прощай, родина!

— Доброго тебе пути, Танаквиль! — крикнул страж.

К полудню в повозке стало душно, и Танаквиль приказала вознице опустить полог.

Лукумон провел по лицу ладонью, как бы стирая остатки сна, и, открыв глаза, воскликнул:

— Смотри! Уже Тибр!

— А за Тибром — Рим, — сказала Танаквиль.

— Рим? — удивился Лукумон. — Ты называешь эту деревню Римом? Но я не вижу ни одной черепичной крыши. А где храмы, где, наконец, цирк? Я думаю, прежде чем менять Тарквинии на Рим, надо было сначала его увидеть.

— И тогда бы ты навсегда остался в Тарквиниях, — проговорила Танаквиль с негодованием в голосе. — Тебя бы всегда презирали как чужеземца.

— О чем ты говоришь! — раздраженно проговорил Лукумон. — Да, мой отец — коринфянин Демарат, но мать моя из знатного этрусского рода. И я родился в Тарквиниях. В Риме я буду вовсе чужаком!

— Рим состоит из чужаков, — возра-

зила Танаквиль. — И ты не будешь там белой вороной. Этот город основал Ромул, человек без рода и племени, и первыми его обитателями были пастухи и рабы, бежавшие из Тарквиний и других городов Этрурии. Потом все они напали на сабинских девушек и обзавелись семьями. Полулатиняне и полусабиняне — вот кто такие римляне и ты...

— Погоди! — перебил Лукумон. — Там стадо. Без пастуха и сторожевой собаки.

— Я не вижу никакого стада, — раздраженно проговорила Танаквиль.

— Смотри. Вон там высокий холм с двумя вершинами, а правее другой холм, застроенный хижинами, а между ними пустое пространство. И там пасут овец. В самом центре города. Ну и город!

В это мгновение огромный орел камнем упал с неба и, схватив дорожную шляпу Лукумона, снова взмыл в воздух.

Люди, скопившиеся в то время у узкого свайного моста через Тибр, долго не могли прийти в себя от удивления. Первой опомнилась Танаквиль.

Заключив супруга в объятия, она воскликнула:

— Этот орел — посланник Тина². Тин дал знать, что тебя ожидает корона и царская власть.

Танаквиль, как вскоре все убедились, оказалась права. Лукумон, или Луций Тарквиний, как его на свой манер стали называть римляне, был избран римским царем, сменив умершего Анка Марция.

Надев корону, он первым делом занялся преобразованием Рима.

Через низину, ту самую, которую увидел Лукумон, подъезжая к Риму, протекали ручьи, уносившие вместе с водой и нечистоты. В дни весенних разливов эти ручьи превращались в гнилые болота, рассадник малярии и других болезней. Лукумон первым

делом распорядился прорыть каналы и, пропустив в них ручьи, прикрыть сверху каменными сводами, как это он видел делалось в Тарквиниях. Эти сооружения римляне называли клоаками. На образовавшемся пустом месте он запретил пасти скот, а поскольку римляне не могли отделаться от дурной привычки наблюдать из своих домов за тем, как пасутся животные, приказал замостить бывший луг и превратил его в базарную площадь и место сбора граждан — Форум. Впоследствии он соорудил на Форуме свой дворец. Тут же торговцы стали строить свои лавки и склады.

На возвышавшемся над Форумом холме Капитолии после успешной войны по приказу Тарквиния был заложен величественный храм Тину — Юпитеру и двум его богиням-спутницам — Уни и Менрве. Римляне стали их называть Юноной и Минервой.

Конечно же, Тарквиний успел бы построить храм на Капитолии, если бы он не направил большую часть своих средств и сил своих подданных на другое сооружение. Была осушена еще одна низина между холмами и превращена в цирк, великолепнее которого не было ни в одном из городов Италии. Это был первый из римских цирков, а когда появились другие, его стали называть «Величайшим», ибо он мог вместить сто пятьдесят тысяч человек. Не было месяца, когда бы здесь не происходили кулачные бои и бега колесниц. И на каждом из представлений присутствовал царь.

В постройках, развлечениях и войнах прошла жизнь Тарквиния. Когда же он умер, его сменил зять Сервий Туллий.

О происхождении Сервия Туллия рассказывали по-разному. Римляне считали, что он родился в царском дворце от служанки Окризии, и царица Танаквиль, умевшая истолковывать приметы, предсказала младенцу великое будущее, а когда он вырос, отдала ему

в жены свою дочь. Этруски же уверяли, что настоящее имя преемника Тарквиния не Сервий Туллий, а Мастарна и что этот Мастарна вместе с дружиной искателей приключений захватил в Риме власть силой, устранив наследника Тарквиния.

Как бы то ни было, Сервий Туллий-Мастарна считался выдающимся человеком, подлинным создателем римского государства. В то время римская армия состояла из патрициев, которые выставляли вооруженные отряды по родственному признаку. Плебеи, не входившие в патрицианские роды, пользовались в случае необходимости лишь как слуги патрициев. Не заинтересованные в победах Рима, плебеи сражались плохо или вообще отказывали государству в поддержке.

Подобно Солону, о преобразованиях которого Сервий Туллий знал, он разделил римлян независимо от того, были ли они патрициями или плебеями, на разряды (или, как их называли римляне, классы) по имуществу. Таких классов было пять. Каждый класс выставлял определенное количество воинских подразделений — центурий (сотен) пехотинцев. Первый класс имел восемьдесят центурий пехотинцев, второй, третий, четвертый классы — по двадцать центурий пехотинцев с более легким и дешевым вооружением, пятый класс — тридцать центурий. Совершенно неимущие граждане (их называли пролетариями) выставляли всего одну центурию ремесленников и обозных служителей.

Таким образом новые классы сменили прежнее родовое деление. Эти классы составлялись по богатству, а не по происхождению. Бедный патриций мог попасть в пятый класс, а богатый плебей — в первый. Патрициям оставалось лишь право составлять конницу из восемнадцати центурий.

В новом народном собрании, созданном Сервием Туллеем, каждый из

классов обладал стольким количеством голосов, сколько он выставлял центурий. Так что один первый класс, к которому приписывались и конники, имел девяносто восемь голосов, больше, чем все остальные классы, вместе взятые. Новая государственная организация, введенная Сервием Туллеем, сохранялась много столетий после свержения царей. На центуриатных собраниях впоследствии стали избирать консулов и других должностных лиц.

Сервия Туллия сменил другой этрусский правитель — Тарквиний. Он был самодержцем и не считался с сенатом и народом. Поэтому за ним закрепилось прозвище Гордый, первого же Тарквиния стали называть Древним. Тарквиний Гордый расширил владения Рима, поработив племена в горах Лация. Он пригласил опытных этрусских мастеров и, поставив их над римлянами, завершил строительство построек, начатых Тарквинием Древним. И хотя Рим при Тарквинии сильно вырос и украсился, плебеи ненавидели царя и сохраняли в своих песнях добрую память о царе-благодетеле Сервии Туллии.

Однажды в царском дворце произошло событие, заставившее Тарквиния Гордого ужаснуться. Из алтаря выползла большая змея и стала пожирать жертвенные дары, оставляемые, по древнему обычаю, для богов — покровителей дома. Танаквиль давно уже умерла, и никто не смог объяснить, что хотят сказать этим знамением боги. Тогда царь решил отправить посольство к эллинам (их этруски, а вслед за ними и римляне называли греками), имевшим много мест для предсказаний — оракулов. Самым знаменитым считался оракул в Дельфах. К нему-то и отправили трех послов — Тита и Арунса, царских сыновей, и Юния Брута, человека знатного происхождения, но, как считалось, не великого ума (имя Брут в переводе означает «тупица»).

Послов впустили в темное помещение, и дельфийская жрица, выслушав рассказ о происшествии в царском доме, наклонилась над расселиной, откуда выходили ядовитые газы, и что-то бесвязно пробормотала.

— Она говорит, — перевел находившийся тут же жрец, — что царем станет тот, кто первым поцелует мать.

Послы Тарквиния, поблагодарив жрицу и жреца, удалились. Они знали, что не принято спрашивать разъяснений слов жрицы-гадательницы: понимай как хочешь! Ясно было одно, что отцу осталось недолго царствовать и у него появится преемник. Тит и Арунс полагали, что слова жрицы относятся к ним и их брату Сексту, оставшемуся в Риме. Но его можно было не брать в расчет, поскольку он не знал об оракуле, а мать-царица не любила беспутного Секста и не позволила бы ему себя поцеловать.

— Один из нас двоих станет царем, — сказал Тит Бруту. — Войдя в ворота Рима, мы с Арунсом побегим, и кто прибежит первым, тот и получит корону.

— А ты можешь не торопиться, — добавил Арунс. — Ведь твоя мать давно умерла.

Они сели на корабль. Царские сыновья торопили кормчего, обещая ему большую награду, если он их за нундины³ доставит в римский порт Остию, оттуда до Рима можно добраться за несколько часов. Жадный до денег кормчий привел корабль в Остию за пять дней. И вот послы входят в ворота и двое из них становятся у черты, как бегуны. Брут как судья дал знак рукой, и сыновья Тарквиния побежали. Сам же Брут, сделав вид, что от сильного взмаха потерял равновесие и свалился на землю, незаметно коснулся губами земли.

Он, которого считали тупицей, понял изречение оракула по-своему: царем станет тот, кто первым поцелует родную землю Рима.

Вскоре после этого Тарквиний Гордый начал войну с рутулами, племенем, враждебным еще Энею. Тарквиний решил захватить их богатый город Ардею, чтобы передать свою державу наследникам еще более сильной, чем он сам принял ее от Сервия Туллия. Но Ардея находилась на холме с крутыми склонами и к тому же была окружена крепкими стенами. Пришлось разбить под холмом лагерь и ожидать, пока ардейцы, не выдержав мук голода, сами сложат оружие.

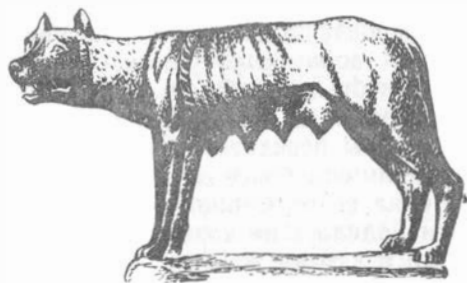
В осаждающем римском войске находились и царские сыновья Тит, Арунс и Секст. Они убивали время за кубком вина и столь любимой этрусками игрою в кости, которую, по преданию, изобрели их предки еще в Малой Азии. Однажды к ним присоединился их дальний родственник Луций Коллатин. Разгорячившись вином, они повели речь о женах. И каждый хвалил свою жену, уверяя, что она самая красивая и работающая. Спор становился все более жарким и окончился бы дракой, если бы Коллатину не пришла в голову мысль:

— Что мы спорим? — сказал он, вставая. — Недаром ведь говорят: не верь слову, а верь глазу. Давайте возвратимся домой. И вы убедитесь, что моя Лукреция — лучшая из жен.

Молча переглянулись царские сыновья. И так же молча они вышли из шатра и направились к столбу, где были привязаны их кони. Через пару часов они уже были в Риме. Даже не входя в пристройку к дворцу, которую Тарквиний выделил женатым сыновьям, глядя на ярко освещенные окна, слыша звон чаш, можно было понять, что жены царевичей, оставшись одни, проводили время в свое удовольствие.

— Наши жены веселятся, — сказал Секст Коллатину. — Но ведь и твоя супруга не теряет времени даром.

Закипела кровь в жилах Коллатина. Он с трудом удержался, чтобы не вытащить меч.

Римская волчица. Бронзовая статуя, созданная этрусскими мастерами VI в. до н. э. на сюжет римской легенды о волчице, вскормившей двух близнецов Ромула и Рема,

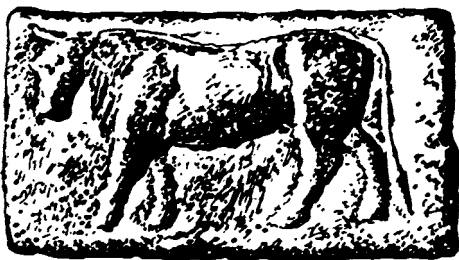
основателей Рима, не только символ воинственного Рима, но и отражение древнейшего этруско-римского периода, с влиянием этрусков на римскую религию и государственность.

Этруская надпись на глиняном сосуде. Этруски писали справа налево буквами, заимствованными из древнейшего греческого алфавита. Этруски оказали влияние на возникновение письменности у многих народов Италии, в том числе римлян.

Марс в полном вооружении. Памятник этрусского искусства середины V в. до н. э. Марс, считавшийся отцом Ромула и Рема, изображен в полном вооружении, с шлемом на голове, панцирем на груди, в поножах, закрывающих колени, с круглым щитом в левой руке. Конь в правой руке, занесенное для броска, не сохранилось.

Древнейшая латинская надпись в Риме. Надпись, найденная на Форуме, содержала постановление об охране священного места, обнесенного черным камнем.

Первая римская мощеная дорога, построенная в 312 г. до н. э., соединяла Рим с Кампанией. Впоследствии она была продолжена до Адриатического моря. Мощеные дороги имели не столько торговое, сколько военное значение. Они были щупальцами города-спрута, охватывавшими всю Италию.

Металлический слиток с изображением быка. До того, как у римлян появилась чеканная монета, вместо нее использовали куски бронзы с изображением быка или без него. Слово «деньги» на языке римлян происходило от слова «скот».

— Едемте ко мне в Коллацию! — проговорил он глухо.

Еще через час они были в маленьком городке, находящемся в десяти милях

от Рима. Все жители уже спали. Но в доме Коллатина горел свет. Путники сошли с коней и переступили порог дома. Они увидели Лукрецию в кругу рабынь. Тихо шелестели прялки.

Услышав скрип двери, Лукреция обернулась. Краска покрыла ее щеки. Еще мгновение, и она в объятьях у Коллатина.

С завистью и изумлением наблюдал за этой сценой Секст. Он уже забыл о проигранном споре и о своем позоре, свидетелем которого стал Коллатин. Секста поразила красота молодой женщины, ее необыкновенная чистота и скромность. В голове этого юноши, испорченного властью и привыкшего удовлетворять любые свои желания, возник преступный замысел.

На следующую ночь он покинул лагерь, сославшись на неотложные дела в Риме. Вот и дом Коллатина. Услышав стук копыт, Лукреция бросилась к двери. Она думала, что вновь приехал муж. Но это был Секст Тарквиний. Скрыв разочарование, Лукреция радушно встретила гостя. Рабыни принесли еду и отвели Сексту комнату для отдыха. Но сон не приходил к нему. С обнаженным мечом он ждал, пока в доме все стихнет. Тогда он ворвался в покои Лукреции.

Едва только негодяй покинул дом Коллатина, Лукреция послала за отцом и мужем слуг. «Пусть они явятся немедленно!» — приказала она.

Коллатин, к которому прибыл слуга, очень взволновался. Зная характер Лукреции, он понял, что произошло нечто ужасное, иначе она бы за ним не послала. Поэтому Коллатин попросил своего товарища Брута, чтобы тот сопровождал его.

Они застали Лукрецию в траурном одеянии. Слезы текли по ее белым как мел щекам.

— Что случилось? — спросил Коллатин.

И тогда Лукреция поведала о неслы-

ханном оскорблении, которое ей нанес царский сын.

— Поклянитесь мне,— закончила она,— наказать подлого преступника.

— Клянемся! — произнесли мужчины, выставив вперед мечи.

— Теперь я могу спокойно умереть! — сказала Лукреция.

С этими словами она сорвала со стены кинжал и вонзила его себе в грудь.

Все оцепенели от ужаса. Первым опомнился Брут. Он вынул кинжал из раны и поднял его над головой.

— Клянусь кровью благородной Лукреции, лучшей из римлян, отомстить роду Тарквиниев. Преступление Секста сделало царскую семью нашими врагами. Рим должен освободиться из-под власти чужеземных царей.

После того Брут приказал поднять ложе с телом Лукреции и отнести его на форум Коллации. Здесь Брут призвал граждан к оружию. Вскоре огромная толпа вооруженных мужчин двинулась на Рим.

Римляне сначала были напуганы появлением возбужденных, что-то выкрикивавших людей и разбежались по домам. Но Брут разослал вестников во все концы города, чтобы собрать граждан на Форуме. Так римляне узнали о преступлении в Коллации и решили навсегда изгнать из Рима Тарквиния Гордого с его семьей.

Весть о событиях в Риме достигла и Ардеи, где стоял лагерь Тарквиний Гордый. Рассчитывая, что ему удастся склонить римлян на уступки, Тарквиний двинулся к Риму. Римляне заперли перед ним ворота и с городских стен объявили ему свое решение. Тарквинию пришлось отправиться в изгнание. Вместе со своей семьей он отправился в город Цэре.

Рим отныне стал управляться народными собраниями, сенатом и ежегодно избираемыми должностными лицами. Высшие из них — консулы — обладали

почти царской властью, но в течение одного года. Такой строй римляне называли республикой. Первыми консулами были избраны Брут, понявший изречение оракула, и муж Лукреции Коллатин.

¹ В древней Италии ворота получали названия по городам, в направлении которых шли дороги из этих ворот.

² Т и н — имя главного этрусского бога, соответствующего римскому Юпитеру.

³ Н у н д и н ы — этрусская и римская неделя из девяти дней.

ОГНЕМ И ЖЕЛЕЗОМ

На протяжении нескольких столетий римляне вели войны с другими народами Италии. Взятые в плен обращались в рабов. Часть рабов попадала в город Популонию на северном побережье Тирренского моря, где выплавлялась руда, привозимая на кораблях с острова Ильвы (ныне Эльба).

Что знал Авкн о железе? Он видел топоры у дровосеков и удивлялся силе металла, крушившего могучие дубы. Ножницы, которыми раз в году стригли его овец, были тоже из железа. И ему однажды дали их поддержать. Они оказались холодными, неприятными на ощупь.

Как-то старший пастух сказал Авкну, что железо добывают из земли. Мальчик представил себе огромную пещеру, наподобие той, куда загоняют овец во время зимних холодов. В глубине этой пещеры великаны день и ночь долбят твердые железные стены. И, наверное, оттого порой трясется земля.

Когда Авкну исполнилось шестнадцать лет, он знал о железе не более, чем дикари на берегах далекого северного моря, где волны выбрасывают куски желтой смолы. Авкн вырос в Циминских лесах, считавшихся в ту пору непроходимыми. Редкий путник отваживался углубляться в их чащи, опа-

саясь зверей и разбойников. Но римляне, ненасытные в жажде богатства и власти, презрели опасности и проникли в Циминские леса.

Нападение было столь неожиданным, что воины, стоявшие в городе, не успели подойти. Старейшины умбских деревень приказали собраться всем молодым пастухам и дровосекам.

С этих пор железо связывалось в сознании Авкна с блеском римских панцирей и шлемов, со змеиным свистом дротиков и копий. Пастухи бежали, бросая дубины и пращи. Железо пахло кровью. Авкн хорошо запомнил этот запах, потому что уносил на плечах раненого пастуха. Острые римского дротика застряло под лопаткой так глубоко, что его едва удалось вытащить. После этого пастух испустил дух. Авкн с ненавистью и отвращением взглянул на окровавленный кусок металла.

Римляне схватили Авкна в шалаше, когда он считал себя в безопасности. Они наложили на его ноги цепи, чтобы он не смог убежать. Подгоняя палками, они повели его через всю страну к морю. Авкн ничего не замечал вокруг. Все было как в тумане. Он ощущал только тяжесть железа и боль растертых в кровь ног.

Избавился он от цепи на корабле. Цепь сняли перед тем, как его втолкнули в трюм, где уже было много таких, как он, пленников. Авкн не мог видеть их лица, но слышал стоны, задыхался от запаха их тел. По их речи он понял, что это были земляки, такие же умбры, как он.

— Помяни мое слово,— проговорил кто-то вполголоса.— Нас везут в Популонию.

— О! — с ужасом отвечал другой.— Лишь бы не туда.

Невидимые волны терлись и скреблись о борт, как овцы. Растирая опухшие лодыжки, Авкн вспоминал сосны, подпиравшие верхушками небо, запахи гниющих листьев, трав, очага.

После часов, проведенных в духоте, морской воздух показался Авкну удивительно свежим и благоуханным. Он вдыхал его всей грудью и не понимал, почему так расстроены другие пленники. Их пугали столбы дыма, поднимающиеся из-за прибрежных холмов.

— Популония! — простонали сзади.

Авкн обернулся. Он хотел спросить, чем Популония страшнее других мест. Не все ли равно, где быть рабом? Но матрос ударил его и подтолкнул к сходням.

По песчаному берегу от стоящих рядом кораблей тяжело шагали люди с мешками на плечах. Они ссыпали содержимое своих мешков в повозки и снова молча и уныло шагали к причалу.

«Зачем везут на кораблях землю?» — удивился Авкн, но спрашивать не стал.

Человек, подошедший к нему, мог бы вполне сойти за демона подземного царства, какими пугают поселян жрецы. Остроносый, с лицом и руками, словно закопченными в пламени Аида.

— Эй, новичок,— обратился «демон». — Ты случайно не из Козы?

Авкн отрицательно помотал головой.

— Я из Циминских лесов.

— Земляка ищу,— объяснил черномазый.— Как там мои?

И вот уже Авкн бредет по пыльной дороге рядом с теми, кого привезли вместе с ним на корабле. Кустарник по обе ее стороны не зеленый, как в его лесах, а серый и черный. Такого же цвета были расположенные за кустами остроугольные холмы, похожие по виду на погребальные курганы.

Это не пугало Авкна. Он понимал, что на лицах, и на деревьях, и на земле сажа и гарь от гигантских костров, какие он видел с корабля.

За поворотом дороги открылся холм с багровым пламенем, вырывавшимся из вершины. Вокруг холма сновали полуголые люди. Можно было подумать, что они совершают священную пляску в честь бога огня. Но, присмотревшись,

Авкн понял, что это не пляска. В руках у одних были лопаты, и они рыли ими канавы. Другие таскали какие-то ящики и подставляли их под огненный ручей, вытекавший из холма. Ручей был таким нестерпимо ярким, что Авкн невольно зажмурился.

И кто бы мог подумать, что это и есть расплавленное железо, из которого делают топоры, мечи и цепи, а земля, которую набивают в мешки и носят с кораблей,— это руда! Ее привозят с лежащего против Популонии островка Ильвы и выплавляют в печах. Обо всем этом узнал Авкн в первый же день.

Надсмотрщик дал новичку лопату и заставил разбрасывать выгоревшую руду, которую называют шлаком. Остроугольные холмы, какие он видел на пути из гавани, были из того же шлака.

Работая, Авкн присматривался ко всему, что делалось вокруг. Он увидел горы угля и догадался, что в печи вместе с рудой горит уголь. Его, наверное, выжидают где-нибудь в горах.

Он не ошибся. Уголь был с видневшихся вдалеке лесов. Он узнал, что там работали свободные люди, а у пылающих печей — рабы. Их тела и лица в рубцах и ожогах. Больше года здесь никто не выдерживал. Тот, кто оставался жив, делался слаб как ребенок.

Железо! Теперь Авкн знал о нем все. Он проник к истокам этого зловещего металла. Прежде чем стать топором, мечом или цепями, железо было рудой и углем, усталостью, разламывающей все тело, огненным потоком, слепящим глаза, свистом бичей, ямами, куда бросали умерших.

«Бежать! Бежать!» — эта мысль не выходила из головы Авкна. Она была выжжена огненными письменами в его мозгу и в сновидениях, которые его порой посещали, Авкн видел себя бегущим или прячущимся.

В поисках пути к бегству он стал искать знакомства с другими рабами же-

леза. Это были разговорчивые галлы и угрюмые лигуры, быстрые греки и неповоротливые сарды. Опасаясь сговора, владельцы печей предпочитали держать людей разных племен. Авкн успел заметить, что рабами верховодил рыжеволосый галл по кличке Циклоп: раскаленная капля железа выжгла ему левый глаз. Не раз Авкн старался обратиться на себя внимание Циклопа, но тот делал вид, что его не замечает.

Находясь все время среди галлов, Авкн постепенно научился понимать их речь. Однажды среди ночи он услышал шепот: «Наше спасение не в ногах, а в железе». Слова эти показались Авкну непонятны, и он поначалу объяснил это недостаточным знанием чужого языка. Но, поразмыслив, он догадался, что говоривший имел в виду не железо, какое они плавят, а оружие из железа.

Утром Авкн подошел к Циклопу и обратился к нему на его языке:

— Я умбр, а ты галл. Оба мы рабы. Не обходи меня. Я могу быть вам полезен.

И на этот раз Циклоп оттолкнул Авкна, видимо опасаясь, что он — соглядатай надсмотрщиков.

Но в тот же вечер он сам подошел к нему и, глядя ему в глаза, спросил:

— Ты готов выдержать испытание огнем?

— Да! — ответил Авкн, не раздумывая.

— Тогда идем!

Они остановились у печи. В руках у галла была палка с железным накопником. Он опустил ее конец в огненный ручей и тотчас же приложил острие к плечу Авкна.

Умбр стиснул зубы, чтобы не закричать.

— Теперь повторяй за мной: «Пусть я сгорю в пламени, если выдам друзей».

Циклоп отнял железо не раньше, чем Авкн произнес эти слова.

— Теперь ты — наш побратим,—

сказал он, обнимая Авкна. — Наши тайны — твои тайны.

Циклоп шагал по гудам шлака, перепрыгивая через канавы. Авкн едва поспевал за ним. Впереди маячило что-то черное. Это была старая заброшенная печь. Из ее стен то там, то здесь высовывались клочки травы и стебельки с еще не раскрывшимися бутонками. Жизнь торжествовала над мертвым чудовищем.

Ползком, царапая руки и лицо, побратимы вползли в отверстие, когда-то выводившее расплавленный металл. Циклоп дотянулся до чего-то. Послышался металлический звон.

— Держи! — крикнул он Авкну, передавая какой-то предмет.

Это был громоздкий самодельный меч, но Авкн не ощутил его тяжести. Он сжал железную рукоять, зная, что не выпустит ее, пока не добудет свободы.

ШЛЕМ КОНСУЛА

Битва при Тразименском озере, в ходе которой Ганнибал уничтожил римское войско во главе с консулом Фламинием, произошла в 217 году до н. э.

Утро было пасмурным. Огромная чаша озера дымилась, словно ее поставили на огонь. Густой серый туман медленно полз вверх, обволакивая холмы, заполняя долины и впадины, рассеиваясь на вершинах гор, едва освещенных солнцем. Ничто не нарушало тишины. Лишь изредка с низких, покрытых редким тростником берегов слышались пронзительные и тоскливые выкрики птиц.

Но вот раздались еще какие-то звуки. Это был звон оружия, фыркание мучлов, ржанье лошадей, скрип колес и грубые возгласы центурионов. Римское войско втягивалось на дорогу, огибающую Тразименское озеро.

Консул Фламиний скакал впереди на белом коне, охваченный мыслью о предстоящем сражении. Подобно всем недалеким людям, Фламиний считал, что противник должен действовать так, как это предписывается законами стратегии и здравым смыслом. «Если Ганнибал, перейдя болота, не вступил со мною в сражение и двинулся на юг, значит, он испугался, узнав, кто возглавляет римское войско, и уходит, чтобы на ровной местности дать сражение консулу Сервилию».

Эта мысль наполнила сердце Фламиния гордостью, он выпрямился и поправил на голове позолоченный шлем. «Мне, чьи родители были плебеями, Рим в дни смертельной опасности вручил свою судьбу. Ни один из патрициев, гордящихся восковыми изображениями своих предков, недостойн командовать даже манипулом моей армии. Эти Сципионы, Фабии, Метеллы надулись от тщеславия и вот-вот лопнут, как лягушка из греческой басни».

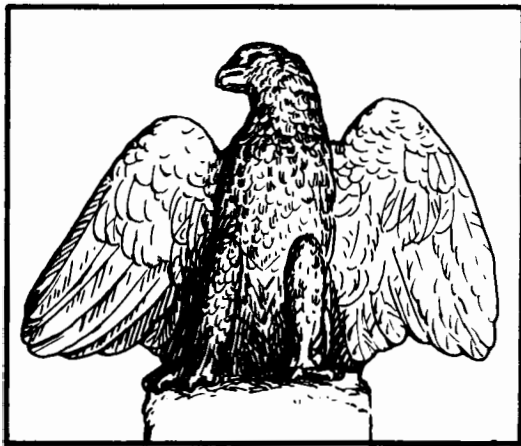
Фламиний оглянулся. Обоза, двигавшегося в центре походной колонны, не было видно. Туман, ползший со стороны Тразименского озера, густел, и скоро ничего нельзя было различить, кроме расплывчатых фигур воинов передового отряда. И вдруг местность огласилась нестройным гулом, шедшим откуда-то сверху. Град камней, туча копий посыпались на римлян.

«Засада!» — мелькнуло в мозгу у Фламиния, и в это же время что-то тяжелое ударило его в голову.

Покачнувшись, он схватился за гриву коня, но конь, видимо раненый, захрипел и осел под ним.

Соскользнув с коня, чтобы не быть придавленным, Фламиний ощупал голову. Шлема не было. Слева под ухом волосы слиплись, но кость, видимо, не задета.

— Где ты, Фламиний? — слышался знакомый голос Теренция, самого преданного из его ликторов¹.

Римский орел. Серебряное изображение орла с распростертыми крыльями, прикреплявшееся к верхушке шеста над табличкой с номером легиона, было не только знаком римского легиона, но и его святыней. Орлу приносили жертвы, как божеству.

Римлянин III в. до н. э. Так мог выглядеть римский консул Фламиний. В III в. до н. э. римляне еще носили бороды. Впоследствии консулов III в. до н. э. и более раннего времени называли «бородатыми».

Монета Карфагена. На кусочке серебра изображена богиня плодородия с венком из колосьев на голове.

Карфагенская маска из терракоты (обожженной глины), изображающая демона, который должен обратиться в бегство злых духов.

И вот уже Фламиния ведут к озеру. Холодная вода течет по щекам, затылку, щекочет спину и грудь.

Фламиний встает.

— Где мой шлем? — спрашивает он.

Но разве его найдешь в тумане?

Враги напирали. Туман мешал разглядеть, сколько их. Теснота и паника не позволяли развернуться в боевой строй. Застигнутые врасплох, римляне кинулись вправо и влево, но навстречу бежали воины других манипулов, которых гнала карфагенская конница.

Но вот завязался бой. Несколько десятков легионеров окружило Фламиния. Черные влажные волосы оттеняли измученное, бледное лицо.

— В круг! В круг! — кричал консул, размахивая мечом.

Легионеры, образовав полукруг, яростно отбивались от наседавших галлов. Их Ганнибал поставил в холмах над дорогой, поручив им напасть на врагов сверху. Римские щиты гудели от ударов. Слышалось прерывистое дыхание уже утомившихся галлов. К ним присоединился какой-то всадник.

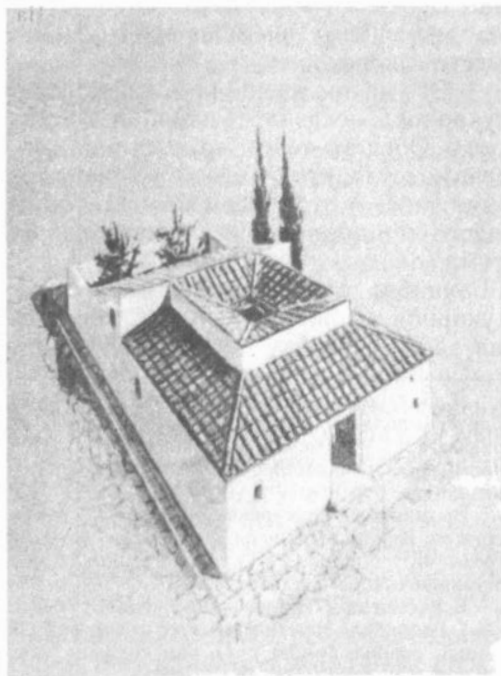
Увидев Фламиния, он соскочил с коня и направился в гущу боя.

...Солнце нагрело воздух. Туман рассеивался. Стало отчетливо видно озеро и небольшие островки в его центре.

Римский дом III в. до н. э. Вид снаружи. Окна отсутствуют. Свет проникал через квадратное отверстие в кровле. Через него же стекала дождевая вода, собиравшаяся для хозяйственных нужд. Дом Сципиона отличался от этого дома лишь тем, что имел больший сад и в нем небольшую баньку. Через два столетия римляне, посещавшие дом Сципиона, с трудом могли поверить, что великий полководец жил так скромно.

Триумфальная процессия. Рельефное изображение на сосуде. Триумфатор стоит на колеснице. За ним — раб, поправляющий золотую корону. Спереди и сзади колесницы — участники триумфального шествия.

Сцена пахоты. Волы были основной тягловой силой в земледелии Италии. Катон старательно разрабатывал нормы корма животных и способы их лечения.

Туда римляне пытались добраться вплавь. Поверх воды виднелись головы, плечи, руки с бесполезным оружием. Балеарские прашники² устроили настоящую охоту на беззащитных людей. Свинцовые пули догоняли римлян и в воде.

Другие искали спасения на неприступных кручах, скользили и падали. Крики наполнили местность. Воины молили о пощаде и погибали под ударами.

С высоты холма Ганнибалу была видна вся дорога до закруглившихся холмов, огибавших озеро с севера. По облаку пыли можно было догадаться, что возвращается конница Махарбала, посланная за вырвавшимися из окружения римлянами. Вот уже видны всадники по обеим сторонам длинной колонны пленных.

Ганнибал поправил черную повязку, закрывавшую глаз. Он его потерял пять дней назад во время перехода через болота. Одним глазом смотреть было непривычно. Он вспомнил поверье о том, что одноглазый полководец непобедим. «Ведь я побеждал римлян и до

Скульптурный портрет Сципиона Африканского (235—183 гг. до н. э.). Это единственное изображение римлянина, участника Второй Пунической войны. Сципион — первый из известных нам римлян, начавших бриться.

Антиох III. Царь Сирии, осколка державы Александра Македонского. О нем вспомнил Ганнибал в последние мгновения жизни. Антиох оказался слабым полководцем, но не предателем. Он не выдал союзника римлянам.

того! — думал Ганнибал. — Разве Тицин и Требия³ не были победами? Но консулам там удалось спастись. Здесь же погибло войско вместе с консулом».

Ганнибал повернул голову в сторону озера. «Что же не несут Фламиния? Каков он, кумир римских плебеев, три года назад покоривший галлов Северной Италии, человек, чье имя носит дорога, соединяющая Рим с Альпами? Там, в низине, у самой дороги, воины уже роют могилу, в которую будет опущено тело консула. Пусть знает вся Италия, что он, Ганнибал, уважает храбрых и мужественных воинов, даже если они его враги».

Послышался конский топот. К Ганнибалу подскочил его телохранитель Дукарион. По растерянному лицу галла нетрудно было догадаться, что приказ не выполнен.

— Обыскали все поле боя и... — сказал Дукарион.

— Может быть, ты убил кого-нибудь другого, — проговорил Ганнибал, сверля галла взглядом.

— Мне ли его не знать. Ведь он взял меня в плен, а когда я попытался достать его плевком, приказал своим ликторам сечь розгами.

Галл повернулся, снял с конского крупы мешок. Вывернув его, он подал полководцу шлем.

Ганнибал вертел в руках шлем.

«Да, это был шлем консула, — думал Ганнибал. — Серебро. Тонкая этрусская работа. На спускающемся козырьке изображение чудовища с открытой пастью. Оно должно было отпугивать духов смерти. Камень ударил немного ниже гребня и оставил длинную царапину».

Ганнибал взглянул внутрь шлема.

«Еле заметный след крови. Удар должен был оглушить Фламиния. Консул снял шлем, чтобы остановить кровь, и выронил его. Потом он уже сражался без шлема. И тогда Дукарион поразил его мечом, а ликторы консула унесли

тело. Бросили в воду. Зарыли. Имеет ли это значение? Римское войско пало вместе с консулом».

— Это не последний римский консул, Дукарион, — сказал Ганнибал, вставая. — Обещаю тебе, что шлем следующего консула, кто бы его не убил, достанется тебе. А этот шлем мы захороним вместо Фламиния, с воинскими почестями.

Ганнибал стал спускаться с холма. Дукарион, пожав плечами, последовал за ним.

¹ Ликторы — воины, охранявшие консула и других должностных лиц и выполнявшие их приказания. У консула как носителя высшей власти было наибольшее число ликторов — двенадцать.

² Выходцы из Балеарских островов (близ побережья Испании) считались самыми меткими стрелками из пращи. В армии Ганнибала они составили особое подразделение.

³ В битвах при Тицине и Требии (218 год до н. э.) Ганнибал, спустившийся со своей армией с Альп, разбил армию двух римских консулов.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА ГАННИБАЛА

Действие рассказа относится к 183 году до н. э., когда уже не опасный Риму карфагенский полководец Ганнибал был предательски окружен и вынужден был покончить с жизнью.

Было еще темно, когда в дверь постучали. Ганнибал вздрогнул и оторвал голову от стола. В тишине стало слышно потрескивание поленьев. Ганнибал протянул руку и сжал в ладони испанный папирусный свиток.

Внезапно вспомнился рассказ Гасдрубала¹ о последних мгновениях отца. Гамилькар мог передать сыновьям свою последнюю волю, а у него, Ганнибала, нет наследников. Этот свиток с воспоминаниями некому принять. Его место в огне.

Стук повторился.

«Нет, это не римляне, — подумал Ганнибал, прислушиваясь. — Римляне бы вломились без стука. Но это не меняет дела. Все равно за непрошеными гостями стоит Рим».

Ганнибал занес свиток над головой, как когда-то дротик, и метнул его в очаг. Вспыхнувшее пламя выхватило из мрака осунувшееся лицо с седыми космами надо лбом, сбившуюся на сторону черную повязку и зияющую под нею пустую глазницу.

Стук усилился.

Ганнибал наклонил голову и стиснул ее ладонями. Пальцы ощутили биение крови в висках. В эти несколько мгновений, пока пламя пожирало свиток, в памяти, как стрела, пущенная из лука, промелькнули все эти двадцать лет, что прошли после битвы у стен Карфагена. Лишенный армии, Ганнибал продолжал войну с Римом один на один.

Когда ему удалось стать советником сирийского царя Антиоха, в Риме с ужасом ждали, что в Италии появится сирийская армия во главе с Ганнибалом. Напрасная тревога! Антиох благосклонно выслушивал советы Ганнибала, но поступал вопреки им. Ослепленный лестью придворных, не желая делить с Ганнибалом лавры победителя Рима, он сам возглавил свою огромную разношерстную армию. Лысцы уверяли Антиоха, что в марше на Запад его ждут такие же ошеломляющие победы, как великого Македонца в его походе на Восток. В двух сражениях новоявленный Александр был разгромлен и покорно подписал предложенные ему условия мира. Среди требований об уступке территорий, ограничения численности армии, уплаты контрибуции значилось: «Выдать Ганнибала-карфагенянина!»

И вновь Ганнибалу пришлось бежать. Несколько лет никто не знал, где его убежище. И это вызывало у римлян страх и тревогу. Когда в далекой армянской глуши царь Артаксий стал соору-

жать неприступную крепость, в Риме были уверены, что за спиною армянского царя стоит Ганнибал. И когда парфянский царь начал разговаривать с римскими послами дерзко, римляне не сомневались, что к этому причастен Ганнибал. Покинутый всеми старик казался римлянам сторуким Бриареем², и всюду, где противодействовали римлянам, видели его руку.

Но вот убежище Ганнибала раскрыто: домик в небольшом селении Либи-са в землях царя Вифинии. Здесь, у входа в Понт Эвксинский, он жил в уединении, предаваясь воспоминаниям. Молва превратила домик в крепость с семью подземными выходами, а мальчишка-слугу — в сотню дюжих телохранителей. Рим потребовал у вифинского царя выдачи Ганнибала, угрожая, что в царство будет введен легион.

Ганнибал медленно высвободил голову и опустил ладони на колени. За дверью было тихо. «Затишье перед боем?» Затем послышались голоса.

— Обложите дом соломой...

— Приказано доставить живым.

По акценту в греческой речи Ганнибал понял, что последние слова произнесены римлянином, видимо приставленным к вифинскому отряду.

«Наверное, какой-нибудь центурион, — с горечью подумал Ганнибал. — Римляне направляли против меня лучших полководцев. Теперь обошлись центурионом».

Первый мощный удар.

«Нет, это еще не бревно, а калига».

Ганнибал живо представил себе этот римский сапог с торчащими из подошвы медными гвоздями. Поле Канн... Тысячи одинаково обутых ног, которые больше не сделают ни шага. Бешеное стрекотание кузнечиков, сменившее слова команды, звон оружия, стон умирающих. Тогда Ганнибалу казалось, что римская калига никогда больше не перейдет границы Лация... Теперь она топчет полмира.

ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ СЦИПИОНА

Внезапно перед мысленным взором Ганнибала открылись Альпы. Сверкающие снегов слепит глаза и теперь. И хотя тогда с заснеженного перевала ничего не было видно, кроме изломанных скал, бездонных пропастей и ясного неба, теперь с высоты всей его жизни открывается Италия с ее пашнями и виноградниками, с голубыми извивами рек и ручьев, с алой чешуей черепичных кровель и желтизной тростниковых крыш.

В памяти встает еще одна картина. Медленно падает Сур³. Ганнибал успевает соскочить в болотную жижу. «Сур! Что с тобой, Сур?» Зверь протягивает хобот для последнего рукопожатия...

Дверь дрожит. Доски гнутся от ударов. Слышится подбадрывающий голос центуриона:

— Не бойтесь! Он безоружен!

Ганнибал усмехнулся:

«Безоружен?! Но для того чтобы победить, теперь мне не надо оружия».

Дверь сотрясалась от ударов. В них слышалось мерно и неотвратно: «Рим! Рим!»

Ганнибал, поднявшись во весь рост, выпрямился, словно бы он находился не в домике, окруженном врагами, а на поле боя, во главе армии.

— Эй, вы! — крикнул он. — Сколько вас? Сципион, откликнись! Ты не пришел... А никому другому меня не победить.

Ганнибал поднес к губам перстень с ядом.

Когда солдаты ворвались в дом, они увидели труп великого полководца.

Так он одержал свою последнюю победу над Римом.

Великий римский полководец Сципион Африканский, победитель Ганнибала, последние годы жизни безвыездно провел у себя в поместье под Кумами, в добровольном изгнании. Действие рассказа происходит много лет спустя после смерти Сципиона. Дочь его Корнелия (мать будущих народных трибунов Гракхов) рассказывает историю Полибию действительный эпизод из жизни своего отца.

В усадьбу нагрянули гости. Сад и дом заполнились беготней и звонкими голосами девятилетней Семпронии и пятилетнего Тиберия. Дети были здесь впервые. Корнелия водила их по усадьбе, рассказывая о деде, и Полибий, сопровождая дочь Сципиона, узнавал великого римлянина с новой и подчас неожиданной стороны.

Уложив детей, Корнелия встретила с Полибием в комнате своего отца. Полибий смотрел на молодую женщину так, словно видел ее впервые.

Поймав слишком внимательный взгляд, Корнелия густо покраснела, и Полибий, не желая показаться дерзким, сразу же проговорил:

— Прости меня! Готовясь к написанию истории, я хочу представить себе живыми будущих ее героев, иначе мой труд превратится в собрание безжизненных чучел. А ты, говорят, очень похожа на своего отца.

— Ты хочешь увидеть отца! — начала Корнелия глухо. — Мне трудно об этом говорить, как и представить, что его нет. Но тебе я расскажу.

Она встала и, сделав несколько шагов, снова опустилась в кресло.

— Каждое утро, всегда облаченный в тогу, отец обходил виллу с внутренней стороны стены. Его ниспадавшие на затылок длинные волосы лишь слегка были тронуты сединой. И держался он прямо, не горбясь и лишь слегка

¹ Г а с д р у б а л — младший брат Ганнибала, погибший в Италии.

² Б р и а р е й — в греческой мифологии сторукий великан, сражавшийся в битве богов и титанов на стороне богов.

³ С у р (сириец) — сохранившееся в произведении римского историка имя боевого слона, участвовавшего в знаменитом походе Ганнибала в Италию.

опираясь на суковатую палку. И все на вилле привыкли к этому ритуалу. Еще с вечера дорожки были замечены, а осенью листья собраны в кучи. На вилле стояла полная тишина. Ничто не мешало отцу совершать свой неизменный обход владений. Ведь все по эту сторону стен было его Капитолием, его Форумом, его Римом. О том Риме, который он спас от полчищ Ганнибала, в доме не вспоминали. Такова была воля отца, не желавшего слышать о завистливом сенате и неблагодарном народе, оскорбившем его подозрениями¹. Обойдя виллу до завтрака, отец уединялся в таблин и что-то писал. Никто из нас не знал, о чем, ибо таблин, был его преторием², куда нам не было доступа.

Корнелия замолкла и положила ладони на стол. Блеснул золотой перстень. Наклонившись, Полибий увидел гемму³ с бюстом Сципиона.

— Благодарю тебя! — проговорил он взволнованно. — Теперь я могу приниматься за написание истории. Твой рассказ дал мне больше, чем письма твоего отца и даже его дневник. Я увидел Сципиона живым.

— Живым, — повторила Корнелия, пожимая плечами. — А ведь я еще не кончила. Я расскажу тебе один случай. Ты можешь вставить его в свою историю.

— Заранее тебе это обещаю! — воскликнул Полибий.

— Как-то утром, когда отец уже совершил свой обход и занимался в таблине, в тишину ворвался шум голов. Я выглянула в окно и увидела приближающуюся к стенам толпу вооруженных людей. Мне, как и всем на вилле, стало ясно, что это разбойники. Об их нападениях говорили давно, и наши соседи вызвали из Рима претора с отрядом легионеров, который безуспешно пытался напасть на их след. Предпринять меры по защите мы не могли: появление на вилле людей из

того Рима лишило бы отца спокойствия. Я бросилась во двор. Молодые рабы, вооружившись кольями, бежали к воротам, которые уже трещали от ударов, и, кажется, не ног, а бревна.

И тут появился отец. Он шел, слегка прихрамывая. С ним не было его неизменной палки. Мать поспешила за ним, но он отстранил ее решительным жестом.

— Открыть ворота! — распорядился отец.

Рабы застыли, не в силах понять, чего от них хотят. Должна тебе сказать, что отец никогда ни на кого не повышал голоса. Он был со всеми ровен и приветлив. Но тогда он закричал:

— Открывайте же, тусы!

Заскрипели засовы, и обитые медью ворота, блеснув на солнце, распахнулись. Отец вышел навстречу притихшим разбойникам и властно произнес:

— Я — Сципион. Что вам надо?

Молчание длилось несколько мгновений. Но мне оно показалось вечностью. Сначала я увидела, как бревно выпало из рук. И один из тех, кто его держал, наверное, главарь, с криком: «Видеть тебя», бросился в ноги отцу.

Остальные последовали его примеру. Какое это было зрелище! Обросшие волосами, свирепые, вооруженные до зубов головорезы лежали на земле, вытянув головы, чтобы лицезреть Сципиона. Отец стоял неподвижно, величественно, словно от имени Рима принимал капитуляцию захваченного города и оказывал милость побежденным.

Проговорив: «Посмотрели и хватит!», отец резко повернулся и двинулся по дорожке к дому. Никто из нас не видел, как закрылись ворота. Мы только услышали лязг засовов, заглушаемый восторженным ревом из-за стены. Проходя мимо меня, отец грустно произнес: «Вот мой последний триумф, дочка».

¹ От Сципиона потребовали денежного отчета о трате государственных средств во время

войны на Востоке, тогда как Сципион затратил на ее ведение большую сумму своих денег.

² Преторий — палатка полководца в римском лагере.

³ Гемма — резной камень.

ГОРЕЧЬ ТРИУМФА

В рассказе описан триумф римского полководца Эмилия Павла в честь одержанной им победы над Македонией (167 год до н. э.). Сын Эмилия Публий 22 года спустя разрушит Карфаген.

Тот, кто был в Риме вчера, не узнал бы его сегодня. Будничная, чем-то озабоченная толпа превратилась в празднично одетых и восторженных зрителей. Тысячи тог и хитонов словно сплелись в сверкающую белизной ленту, заполнившую все улицы от Марсова поля к Форуму. Приоделись и дома. Наброшенные на стены гирлянды из хвои прикрыли осыпавшуюся штукатурку и подтеки от дождей. Выбоины и рытвины на проезжей части засыпаны желтым тибрским песком. Из открытых настежь окон и дверей храмов синими дымками струились благовония. Благоухание персидского нарда и аравийского кинамона слилось с запахами нарцисса и майорана, лилий и пестумских роз. Чад дешевых харчевен и вонь сточных каналов, казалось бы, навсегда изгнаны заморскими и итальянскими ароматами.

В первый день триумфа с восхода до полудня на лектиках¹ проплывали наскоро слепленные глиняные фигуры в позах пирующих. Ветер трепал на их головах пучки конского волоса или мочала, из которых иногда высовывались бычьи рога. Рогатые были изображениями рек, безрогие — гор Македонии и Эпира. Нет, это не красочная декорация, наподобие той, что украшала задник сцены, не воспроизведение театра военных действий. На лектиках проно-

сили свидетелей римской доблести, которые призваны подтвердить, что реляции полководца об одержанных победах не выдумка.

Стоявшие по обеим сторонам улицы римляне читали вслух надписи на прикрепленных к носилкам табличках:

— Аксий! Граммос! Линкос! Стримон! Перребий! Олимп!

Последнее название вызвало бурю рукоплесканий и выкрики:

— Триумф! Триумф!

Да ведь это Олимп! Высочайшая из гор Греции! Обиталище бессмертных богов! Сами боги с высоты Олимпа наблюдали за сражениями.

После полудня улицы заполнились движущимися деревянными досками, картинами полуразрушенных крепостных стен и высящихся над ними несоответственных по величине значков римских легионов и манипул. Сто двадцать пять досок. Сто двадцать пять городов. Пидна, Пелла, Пеллагония, Фойнике, Амбракия, Додона... В бесконечном перечне чуждых римскому уху названий улавливались имена более древние и знаменитые, чем сам Рим. Один из этих городов был прославлен Гомером, другой был родиной Александра, третий — Пирра. Затем пронесли размазанные доски, снабженные надписями: хаоны, атинтаны, феспроты, насонии, молоссы, парвайи, тимфайи, оресты, афаматы... Это были племена, побежденные римским войском. Шествие досок завершилось огромной доской с цифрой «150 тысяч». Столько было продано в рабство эпиротов — мужчин, женщин и детей.

Следующий день ушел на показ захваченного у врага оружия и драгоценностей. Бесконечной чередой двигались повозки с сариссами. Этими тяжелыми копьями вооружил македонских гоплитов царь Филипп. Сариссы сломили Элладу, бросили к ногам Александра царя царей Дария, обратили в бегство боевых индийских слонов. Ни

один народ, ни одно войско не могли выдержать натиска македонской фаланги, ошетинившейся сариссами. И столь же трудно было понять, как можно нести эту громадину — шестнадцать локтей в длину, весом в четырнадцать фунтов.

Затем везли луки и стрелы, в колчанах и россыпью. Знатки в толпе различали луки пехотинцев и всадников: скифские, родосские, критские и фракийские луки. Завязался спор о дальноточности луков, о лучших наконецниках стрел. Поэтому прошли незамеченными повозки с пращами и ядрами. Но вот уже режет глаза блеск начищенных мелом мечей. Мечи короткие и прямые лакедемонские, изогнутые фракийские, длинные сарматские. Подобранные на поле боя и извлеченные из арсеналов, они будут переплавлены в гладиусы², ибо лучший меч — это меч победителя.

И снова повозка сменяет повозку. Шлемы круглые и с налобниками, с нащечниками и назатыльниками, шлемы-маски с отверстиями для глаз, шлемы, украшенные гребнем и султаном из конского волоса. Как, наверное, гордились ими их обладатели: ведь, говорят, воин красен шлемом и силен копьем! А какое разнообразие щитов! Щиты круглые македонские, с выемкой — фракийские, щиты кожаные с металлическим ободом, щиты деревянные, щиты медные. Лишь одна повозка с панцирями, ибо не каждый воин мог приобрести этот нагрудник из металлических пластинок или тот из костяных чешуек. Панцирей, сплетенных из толстых кожаных ремней, было не больше десятка, их разобрали на бичи: ведь легионер, до похода не имевший и раба, стал обладателем целой дюжины.

Отгромыхали повозки. Показалась колонна носильщиков. Каждая четверка тащила лектику с долием³, наполненным до краев серебряной и золотой монетой. Семьдесят семь доливов с золотом, семьсот доливов с серебром. Триумф

второго дня был завершен показом золотых и серебряных изделий: кувшинов, чаш, браслетов, ожерелий. Вот из чего ели и пили и зри и их приближенные, воины и богатые горожане, вот чем украшали себя их жены и дочери! Пусть теперь пользуются глиной и деревом! Для рабыни достаточно и ожерелья из ракушек или желудей!

Глаза успели утомиться от обилия оружия и драгоценностей врага. Но где же он сам? Где эти глупцы и безумцы, усомнившиеся в могуществе римского народа и осмелившиеся бросить ему вызов?

И вот наступил третий день великолепного праздника. Римляне в то утро были пробуждены не пением петухов, не возгласами глашатаев, а хриплыми, дребезжащими звуками. Трубаچی, собранные со всех легионов, дули что было мочи в свои литые медные рога. Это был страшный голос войны, перед которым в ужасе отступали все иные звуки. Это была не музыка, а сардонический смех, безжалостный рев победителя, пьяного своей победой.

Первыми, кого увидели римляне в то утро, были быки, празднично украшенные, мирно бредущие за поводьями. Широкогрудые, с гладко лоснящейся шкурой, с жирными загривками, не знавшими ярма, они были так величавы, что ни у кого в толпе не оставалось сомнений: если бы Юпитеру вздумалось вновь обратиться в быка, он избрал бы для своего земного облика одного из этих красавцев.

Не успела улечься пыль, поднятая быками, как показалась повозка невиданной формы. Ее крыша напоминала черепаший панцирь. Пластины, наложенные друг на друга, были из слоновой кости, оправленной серебром. Борты повозки были из чеканных серебряных листов с рядами искусно выполненных изображений. Повозку влекла пара великолепных вороных коней с золотыми уздечками и упряжью. Коней вел чело-

век, разодетый как вельможа. Табличка на его шее гласила: «Царский конюх Эвтих».

Что это прикреплено к задней стенке повозки? Судя по сиянию драгоценных камней, это царская диадема. Римляне не раз били чужеземных царей и заставляли их распахиваться за поражения. Но они оставляли им их короны как безвредные игрушки. Это первая из корон, которая будет принадлежать победителю. Больше не будет Македонии, слава которой прогремела по всему миру. Больше не будет македонских царей.

Но это, кажется, не пугает македонских царевичей, мальчиков пяти и десяти лет, идущих за колесницей в окружении нянек и воспитателей. Их не смущает и внезапно затихшая масса людей по обеим сторонам улицы. Филипп и Александр привыкли к торжествам и дворцовым приемам. Правда, люди здесь одеты по-другому, чем в Македонии. Но они не похожи на злых римских воинов, которые тащили их за руки, что-то крича на своем варварском языке. Это молчаливые и добрые римляне, и дети с удовольствием их разглядывают.

Из толпы вырвался какой-то странный звук. Нет, это не хлопок ладошей, не кашель. Это всхлипывание. Кто-то крикнул:

— Жизнь детям Персея! Пощаду несмышленишкам!

Кто-то выбежал на мостовую, пытаясь приблизиться к детям.

Воины, взявшись за руки, оттеснили толпу к стенам домов. Всхлипывание перешло в плач, напоминающий причитание.

Волнение было таким, что появление самого македонского царя прошло почти незамеченным. Никто не бросал заранее запасенных гнилых фруктов и не плевал в сторону побежденного врага. Персей был в темном гиматии и грубых охотничьих сапогах. Он шел как-то

боком, поминутно озираясь. Казалось, что и он не понимает, каким образом он оказался в Риме и что его ожидает впереди.

Сразу за Персеем двигалась открытая колесница в форме половинки яичной скорлупы. Верхний борт приходился сидящему на курульном кресле триумфатору по пояс. Слой сурика, нанесенный на щеки и лоб, неузнаваемо изменили внешность, и Эмилий Павел ничем не отличался от тех, кто отмечал триумф до него. И все они, вознесенные славой, были точной копией глиняной статуи Юпитера в Капитолийском храме. С плеч Юпитера была пурпурная расшитая пальмовыми листьями мантия на плечах Эмилия Павла. Грим на его лице подражал раскраске глиняных щек капитолийского бога.

Но не накажет ли Юпитер того, кто святотатственно принял его облик? Не обрушит ли он на него свои громовые стрелы? Для отвращения беды жрецы посадили на запятки триумфальной колесницы раба с плетью. Может быть, зрители и не слышат, что говорит этот раб, но сам триумфатор явственно различает сквозь приветственные крики успокаивающий шепот: «Ты человек! Ты человек!»

Двое сыновей триумфатора от первого брака — Публий, мальчик лет шестнадцати, и Квинт, юноша лет двадцати, — были верхом на пристяжных конях. Оба они заслужили эту честь, сражаясь под командованием отца в битве при Пидне. Особенно отличился младший. Преследуя врага, он ушел так далеко, что вернулся лишь к утру, когда отец, будучи уверен, что Публий погиб, предавался отчаянию. Возвращение сына было для Павла не меньшей радостью, чем победа над Персеем. Вместо того чтобы сделать выговор за нарушение дисциплины, полководец бросился к сыну, разгоряченному, обрызганному вражеской кровью, и молча прижал его к груди. Те, кто были сви-

детелями этой сцены, видели скупые отцовские слезы и слышали обращенную к Юпитеру молитву благодарности. Но вскоре лицо полководца потускнело. Суеверный Павел, кажется, был напуган невиданным благоволением божества, за которым надо опасаться его гнева и беды.

Сзади вразвалку, манипул за манипулом, шли легионеры. Мостовая гудела от тяжелого топота калиг, воздух наполнился звоном оружия и приветственными выкриками:

— Ио, Триумф!

Узнавая в толпе знакомых, легионеры приветствовали их жестами и восклицаниями.

Но вот центурион первой манипулы подал знак, и сразу все стихло. Сейчас прозвучит песенка, специально сочиненная для этого триумфа. Все это знали и заранее улыбались. Что на этот раз придумают легионные стихоплеты? В позе триумфатора ощущалось напряжение. Зная, чем были недовольны воины, Павел ожидал песню как удара в спину.

Павел, наш консул
С носом в целый локоть,
Тоший, облезлый
Любитель поестъ.
Слопал Персея,
Слопал эфирцев.
Доброго пуза
Не смог отрастить.

— Отец! Как они смеют! — крикнул Публий, не оборачиваясь. — Прикажи им замолчать!

— Молчи! — прошептал триумфатор. — Насмешками над моей внешностью воины напоминают, что я смертный. Они отводят гнев Юпитера, чье одевание я ношу, чье место сейчас занимаю.

Слава богам, что лицо триумфатора покрыто суриком. Иначе все бы увидели, что оно стало пунцовым от бессильной ярости. «Через час я лишусь

консульских полномочий, — думал Эмилий Павел. — Они это знают и пользуются безнаказанностью».

Колесница выкатилась на Священную дорогу и задребезжала по ее камням. Отсюда открылся вид на обращенный к Форуму склон Палатина. Эмилий Павел различил черепичную кровлю своего дома, и сердце его заныло, словно бы от тупого удара. Дурное предчувствие в то утро, когда боги вернули ему Публия, не обмануло. Всего лишь нундины назад от непонятого приступа скончался Тит, старший сын от второго брака. Ему бы стоять здесь, рядом с Гаем, а он лежит в фамильном склепе.

За Регием и храмом Весты начался Форум, черневший тысячами голов. Люди приветственно махали и кричали:

— Ио, Триумф! Ио, Триумф!

Взгляд Эмилия Павла упал на ростры⁴, казавшиеся цветочной клумбой. Но жестокая память отбросила этот праздничный убор, и ростры предстали такими же, как три дня назад в окружении беснующейся черни. Она не давала разрешения на триумф, поддерживая криками ораторов. А кто эти ораторы? Его же солдаты и центурионы, недовольные дележом добычи и суровостью командования! К ним присоединился военный легат Сульпиций Гал, ночами занятый наблюдением за звездами и всегда дремавший на заседаниях сената. Гал обвинял Павла не в скупости и не в суровости, а в том, что в нарушение справедливости он продал в рабство эфирцев.

«У, звездочет! — Павел представил себе вытянутое лицо своего недруга. — Радетель справедливости! Гречишек пожалел! А ведь они только и мечтали, чтобы Персей взял верх!»

Сразу же за храмом Сатурна триумфальная колесница остановилась. Вскинув голову и руки в молитвенном жесте, Павел созерцал проступившие в небесной синеве колонны и кровлю Капитолийского храма.

И в это же время перед Персеем и его детьми распахнулись железные ворота Мамертинской тюрьмы, вырытой в толще того же Капитолийского холма. Четыреста шагов по Капитолийскому въезду отделяют триумфатора от капитолийской святыни, двадцать пять ступеней отделяют Персея от палача и подземных богов.

Медленно и торжественно поднималась триумфальная колесница. Все шире и шире становился кругозор. Форум, Палатин, чаша Великого цирка, извивы Тибра, Марсово поле. Подъем окончился, и теперь лишь небольшое пространство отделяет триумфатора и его свиту от украшенного гиляндами приземистого храма. Кони остановились у его ступеней. Ликторы помогли спуститься триумфатору и отдали Гая на попечение старших братьев. Сыновья останутся здесь, а Эмилий Павел в окружении жрецов и сенаторов пройдет в храм.

Остановившись перед непривычно обнаженной статуей Юпитера, Павел снял с себя тяжелую пурпурную мантию. Двое жрецов подхватили ее и тотчас же накрыли ею глиняного бога. Третий жрец в то время смывал с лица триумфатора священный грим. И вот уже Эмилий Павел похож на самого себя. Нездоровая желтизна лица. Лоб в сети морщин. Дряблая кожа стареющего человека. Триумфатор устал. Он напуган. Дрожат руки. Подергивается левая бровь. Как пройдет жертва богу величайшему и всемогущественному?

Быков привели окольной дорогой. И когда поднялся последний бык, людям пришлось уступить им место. Сто двадцать быков и сто двадцать погонщиков заполнили Капитолийскую площадь. Животные были величавы и спокойны. Они не догадывались, что их ждет.

Появление на ступенях храма Эмилия Павла стало сигналом заключительной церемонии триумфа. Флейтисты вски-

нули двойные флейты, и площадь наполнилась звуками печального фригийского лада. Двое юношей подвели к алтарю первого быка. Младший жрец провозгласил:

— Жертвенное животное готово!

— Действуй! — отозвался старший жрец.

Юноши взяли за рога и подняли голову животного, обнажив шею. Блеснул жертвенный нож.

Бык неожиданно мотнул головой, и юноши отлетели в сторону. Животное пятилось назад. Никто не пытался его задержать.

Лицо Эмилия Павла стало блее мелла. Исполнились дурные предчувствия. Юпитеру мало одной кары. Триумфатор прислонился к колонне и, закрыв глаза, повторял про себя: «Беда! Беда! Кого ты покароешь, Юпитер: меня или государство? Дай знать, чем я вызвал твой гнев?»

Юноши подвели к алтарю второго быка. Павел ничего не видел и не слышал. Оживляя в памяти все свои действия со времени избрания консулом, он пытался понять, в чем его вина перед богами. «Может быть, звездочет прав: Юпитер мстит за эпирцев? Но я ведь исполнял приказ! Исполнял приказ!» Когда Павел открыл глаза, вместо белого быка была окровавленная туша. Жрецы, опустившись на колени, копались во внутренностях.

Сделав знак старшему жрецу, Павел сошел по боковым ступеням. Остановившись, он краем тоги стер со лба пот. На белой материи обозначился кровавый след. Что это! Новое знамение. Растерянный и напуганный, он принял остатки грима за кровавый пот.

— Отец, — слышался детский голосок.

Эмилий Павел резко обернулся. Он забыл о сыновьях. А они ожидали его все это время. Гай, Публий и Квинт. Хорошо, что дети дружны, хотя и живут в разных семьях. «Может быть, богам

не угоден мой второй брак!» — пронеслось в мозгу.

Гай внезапно залился слезами.

— Что ты плачешь? Вы знаете, почему он плачет? — взволновался отец.

— Дети Персея! — всхлипывал ребенок. — Они такие же, как мы. А если бы победил Персей? Что бы тогда было с нами?..

Павел задумался. А может быть, устами Гая говорит сам Юпитер? Юпитеру неужедна казнь Персея и его детей. Пока не окончена жертва, Персей и его дети живы, а он, Эмилий Павел, обладает высшей властью.

— Не плачь! Дети Персея останутся живы. Я сохранию жизнь и их отцу, хотя он этого недостойн.

Лицо мальчика просияло.

— Ты их не казнишь?

— Я сказал: они будут живы. Их переведут в другую тюрьму. А теперь по домам. У меня еще много дел. Сто семнадцать быков.

Проводив сыновей, Павел поднялся на ступени храма. Туши принесенных в жертву быков заняли половину площади.

«Все идет своим чередом, — думал Павел, пытаясь отогнать не покидавшее его чувство страха. — Нептун, встречи с которым я так боялся, не тронул моих кораблей, позволил мне благополучно добраться до Рима вместе с добычей и пленными. Беды ждали меня в Риме. Умер Тит. Враги попытались воспрепятствовать триумфу. Триумф состоялся. Юпитер не принял первого быка в знак того, что ему неужедна казнь Персея. Ну и пусть живет этот трус, не нашедший в себе силы одним ударом избавиться себя от позора. Пусть живет...»

¹ Лектика — носилки.

² Гладий — римский меч.

³ Долий — римское название глиняной бочки, известной грекам как пифос.

⁴ Ростры — возвышение для ораторов на Форуме. Оно получило название по украшавшему его медным таранам (рострам) вражеских кораблей.

НА ВИЛЛЕ КАТОНА

Марк Порций Катон (234—149 годы до н. э.) был известен не только как политический деятель, но и как «образцовый хозяин». О том, как хозяйствовал Катон в своем поместье, дает представление этот рассказ, написанный на основании биографических сведений о Катоне и по его труду «О сельском хозяйстве».

Кучер еще не успел остановить коней, как из ворот выскочил человек, рыжеволосый, коренастый, коротконогий, с головой, выходящей прямо из плеч на том месте, где положено быть шее.

Это был управляющий из рабов, года два назад сменивший умершего виллика¹. Катон приглядел его в мясной лавке и не пожалел отдать за эту образину триста денариев. «Вилику, — подумал он, выкладывая хозяину лавки деньги, — не требуется большого ума. Только послушание и сила». Теперь же Катону стало известно, что Рыжий, так он называл виллика, не чист на руку. И он решил проверить, так ли это.

Рыжий подскочил к коляске и, открыв дверцу, хотел помочь хозяину выйти. Но Катон брезгливо отстранил его руку.

— Боги! — бормотал вилик. — Наконец, я дождался господина. Господин совсем нас забыл.

— Замолчи! — приказал Катон.

Он первым вошел в ворота и по дорожке, мощенной кирпичом, направился напрямик к приземистому зданию. Наверное, это последний деревянный дом во всей округе. Соседи построили себе каменные дома с колоннами, но Катон не любил пустых трат, предпочитая расходовать деньги на улучшение хозяйства. «Дорог не дом, а то, что в нем», — любил он повторять.

Катон наклонил голову, чтобы не задеть притолоку, и через вестибул² вступил в полутемную комнату. Пахло чесноком и перцем, словно бы это было не жилое помещение, а овощной рынок.

В углу громоздилась куча кожаных мешков.

Сидя на катедре³, Катон внимательно слушал отчет Рыжего. Хлеба скошены, и зерно уложено в закрома. Виноград не уродился. Всего двадцать долив молодого вина. Масла же десять долив. Укус для рабов запасен. Сейчас колодники прокапывают канавы, а другие рабы чистят скотный двор. Навоз вывозился прямо на поля.

— А приплод какой?

— Пять бычков, шесть овечек, сорок поросят.

— А двуногие?

— Весной произведено девять девочек, шесть мальчиков, двое мальчиков померли. Всего малюток сорок.

— Болеют ли рабы?

— А что им болеть? — ответил вилик после некоторой паузы. — Работа сильная. Пища добрая.

— Гаруспики⁴ на усадьбу ходят?

— Один приходил, но дорогу забыл и другим заказал.

— Что же ты с ним сделал?

— Я-то ничего, а вот Рекс его малость покусал.

— Разве можно людей собаками травить? — возмутился Катон. — Ты бы ему словом сказал: «Уходи подобру-поздорову».

— Я ему так и сказал, но он не понял. Тогда я Рекса спустил.

— Если тебя слушать, то можно было бы и не приезжать. Не так ли?

Вилик помотал головой.

— Как не приезжать?! Вилла без хозяйского глаза сирота. Старался, а может, что недосмотрел.

— Это верно. Затем и приехал. Давай пройдемся.

— Куда пойдешь? — спросил вилик подобострастно.

Катон задумался. В прошлый свой приезд он начал осмотр со скотного двора, потом проверил винные подвалы и кладовые для зерна. Сегодня надо пойти необычным путем.

— Начнем с двуногого молодняка, — сказал он.

В глазах вилика промелькнула тревога.

У старого дуба ползали малыши, голые и грязные. Старуха рабыня, услышав шаги, проснулась и, низко поклонившись, стала собирать свое расползшееся стадо, кого таща за ручку, кого шлепая.

Справа, на утопанной площадке играли мальчики лет семи-восьми. Одни прыгали друг другу через спины, другие кидали монеты.

Катон поморщился. Это были забавы его детства.

— Прыгают они без дела, — проворчал он сквозь зубы.

— А какая для них сейчас работа? — оправдывался вилик. — Осенью они у меня колоски собирали, весной, как корм для скота кончится, листья будут рвать. А пока растут и силы набирают.

— Теперь в эргастул⁵, — бросил Катон, не дослушав оправданий.

Катон избегал посещений эргастула, ибо не выносил дурных запахов. Но на этот раз он запасся ароматической мазью. Вынув из пришивного карманчика небольшую деревянную коробку, он тщательно втер мазь в верхнюю губу. «Вилики прячут в эргастуле свои грехи», — подумал он.

Издали эргастул был едва виден, ибо стены возвышались над землей всего на два локтя, а крыша его была плоской. Вилик сушил на ней брюкву и капусту, которыми кормил колодников.

— Сюда, господин, — сказал он, догоняя Катона.

Они свернули налево. Катон остановился перед спускающимися вниз ступенями. Несмотря на ароматическую мазь, пахнуло гнилью и мочой.

Катон зажал пальцами ноздри и храбро шагнул вниз.

Свет из зарешеченных окошек у самого потолка еле освещал длинные нары в два этажа. Нижние, как и полагалось,

были пустыми. Колодники находились на копке канав, обвалившихся от дождей. Из угла верхних нар доносился стон. Сколько ни вглядывался Катон, он не мог разглядеть лица несчастного, накрытого каким-то тряпьем.

— Кто это? — строго спросил Катон.

— Ксанф, учительшка, — ответил вилик дрожащим голосом.

— Почему же он здесь, когда его место на мельнице?

— Пришиб я его немного.

— Выйдем! — приказал хозяин.

Он взбежал по ступеням вверх и только там вдохнул воздух всей грудью.

— Пришиб! — повторил он, глядя на волосатые кулаки вилика. — Представляю себе, как это у тебя получилось.

— Виноват! — прохрипел Рыжий, склонив, насколько возможно, голову.

— А что я тебе наказывал: «Кулаки в ход не пускай, если надо — высеки».

— Виноват! Не удержался...

— Что ты все, как попугай, твердишь: «Виноват, виноват». Вот я вычту из твоего жалованья стоимость этого раба, будешь знать.

Вилик упал на колени и захныкал:

— Не разори, господин! У жены моей здоровье слабое, детишки.

— Вставай. Я придумал. Учителишка, вижу, уже не работник. Ты его приставь к малолеткам. Пусть он их греческому учит — языку и грамоте.

Вилик разинул рот от удивления.

— Да зачем им грамота?

— Дурак. Ученый раб ныне в цене. Вдвое больше за него дают, чем за обычного, а если греческий знать будет, так ему и цены нет. Понял?

Вилик обрадованно закивал головой.

— Весной приеду и проверю, как он их выучил. Так ему и скажи.

— Теперь куда? — спросил вилик, успокоившись.

— На скотный двор.

В это время послышалось дребезжанье колес. К воротам усадьбы подъеха-

ла повозка, запряженная парой мулов, и остановилась рядом с коляской Катона, около которой хлопотал кучер.

— А это что за гость?

Вилик молчал. Лицо его стало бледнее мела.

— Отвечай, кто это? Ну!

Вилик задрожал.

— Язык проглотил? Что же, оставайся здесь, я и сам узнаю.

Выйдя за ворота, Катон встретился лицом к лицу с миловидным юношей в фартуке поверх туники.

— Чей ты? — спросил Катон.

— Я от Филемона, он мастерскую сандалий в Кумах держит.

— А здесь ты что потерял?

Вилик мне шкуру быка продал. Я ему уже задаток дал. Он ее рабам скоблить отдал.

— Сколько?

— Денарий.

Катон порылся в кошельке и достал оттуда монету.

— Получи. И больше не имей дело с виликом, а то прогоришь.

Юноша попрощался с Катоном, сел на телегу и залихватски свистнул. Мулы понеслись.

Катон знаком подозвал вилика.

Подойдя неверными шагами, тот плюхнулся на землю и стал покрывать поцелуями сандалии Катона.

— Ты вор, — произнес Катон, пиная вилика.

Обратившись к кучеру, Катон сказал ему:

— Этого отведи на мельницу и привяжи к мельничному колесу. Там одно место пустует.

— Поцади! — истошно вопил поверженный. — У жены здоровье слабое. Что с близнецами будет?

— А что тебя жена беспокоит? — жестко бросил Катон. — Теперь она же на вилика, которого я пришло.

— Я поеду в Рим сам, — сказал он кучеру. — Ты пока за вилика побудешь. После того как привяжешь этого, вы-

пусти из эргастула Ксанфа, учителяш-ку. Пусть мальчиков греческому учит.

Садясь на место кучера, он крикнул:

— Детей его к молодняку отнеси.

¹ В и л и к — управляющий виллы, римского поместья.

² В е с т и б у л — передняя в римском доме, отсюда современное — «вестибюль».

³ К а т е д р а — стул со спинкой в виде полукруга с мягкой подушкой на сиденье.

⁴ Г а р у с п и к — жрец, гадавший по внутренностям животных.

⁵ Э р г а с т у л — подземная тюрьма для рабов.

В КАРФАГЕНЕ

Рассказ посвящен нападению Рима на беззащитный Карфаген, вылившемуся в Третью Пуническую войну (149—146 гг. до н. э.).

Великий город напоминал в эти дни встревоженный муравейник. Никто не занимался обычными делами. Закрылись лавки и мастерские. Прекратилась работа в доках. Чужеземные корабли ушли незарегулированными. Тонимые неизвестностью, люди высыпали на улицы. Собираясь кучками, они делились тревожными новостями. Огромная толпа, заполнив все пространство между полукругом внутренней гавани и зданием городского совета, терпеливо ожидала решения.

Послы привезли из Рима страшную весть. Римляне объявили Карфагену войну, и два войска во главе с консулами вышли из города, чтобы погрузиться на корабли. К войне Карфаген не был готов. Не было флота, который мог бы воспрепятствовать высадке ромеев на берег. Не было и армии, которая могла бы сбросить недругов в море. Войска, которое было собрано для защиты от нападений Масиниссы¹, распущено, а его командир Гасдрубал приговорен к смерти и скрывается неведомо где. Меры эти были приняты, чтобы у ромеев не было повода для объяв-

ления войны. Но они не помогли. Тогда были избраны послы с неограниченными полномочиями, которым было предоставлено право принимать решения на месте, сообразуясь с обстановкой. Допущенные в сенат, они объявили, что Карфаген отдает себя Риму на его усмотрение и готов выполнить любое требование и распоряжение сената и консулов.

Как будто эта капитуляция была принята благосклонно. Послам объявили, что во внимание к их мудрому решению сенат предоставляет карфагенянам свободу и самоуправление, обладание всем государственным и частным имуществом. Карфагеняне восприняли это решение с радостью, решив, что меч, занесенный над головой, отведен. Но тут же претор объявил, что карфагеняне получают указанные милости лишь в том случае, если в течение тридцати дней доставят в сицилийский порт Лилибей² триста заложников, сыновей советников и именитых людей, а также выполнят требования консулов.

Послы поспешили в Карфаген с этой новостью, обогнав по пути суда с двумя консульскими армиями. Карфагенский совет одобрил решение послов, но слова претора вызвали тревогу. Ведь ничего не говорилось о городе Карфагене, а лишь о государственном и частном имуществе. И какие еще требования выставят консулы? И все же по жребью был составлен список заложников. Таково было решение совета, принятое после долгих колебаний и споров. Перед лицом войны победила покорность.

Следующим утром на набережной торговой гавани слышались иступленные вопли. Матери металась по берегу. Они хватали за руки матросов, протягивали кульки со сладостями, упрашивали пустить на корабль. Они раздирали ярко окрашенными ногтями щеки, рвали на себе богатую одежду. Окружив кормчего, которому было поручено

доставить детей в Лилибей, они кричали ему:

— Пожиратель детей! Отдай моего мальчика!

Кормчий закрывал уши ладонями.

— Да замолчите же вы! — старался он перекричать женщин. — Детей отдали ваши мужья! Что вы хотите от меня?!

С помощью матросов ему удалось вырваться из рук обезумевших женщин.

На борту корабля, медленно отчаливающего от берега, кормчий сказал своему помощнику:

— Жаль, что у меня нет черных парусов.

— Черных парусов? — удивился помощник.

— Один эллин рассказывал: когда афиняне посылали своих юношей и девушек на съедение критскому чудовищу Минотавр, они снаряжали корабль с черным парусом.

Внезапно кормчий схватил помощника за плечо и крикнул:

— Смотри!

За кораблем плыла женщина, одна из матерей. Видно было, что у нее иссякали силы. На мгновение она остановилась, протягивая руки, словно хотела схватить корабль, и снова поплыла. Ветер надул паруса. Корабль вышел из гавани. А женщина все плыла, словно надеясь его догнать.

Когда юные заложники были доставлены в Сицилию, консул передал новые требования: сдать оружие и вывести из гавани военные корабли.

Из города потянулись нескончаемые ряды подвод и повозок, нагруженных мечами, дротиками, копьями, щитами, частями катапульт. Из гавани вывели корабли и на рейде их подожгли. Флот горел на глазах карфагенян. Это должно было, по расчету римлян, сломить их дух.

На следующее утро после того, как было увезено оружие и флот превращен

в пепел, консул вызвал к себе в Утику³ десять советников, чтобы передать новые распоряжения.

Возвращения послов из Утики ждал весь Карфаген. Люди высыпали на стены, вышли за городские ворота. И только к вечеру тревожное молчание нарушил громовой возглас:

— Идут!

Но что с послами? Почему в беспорядке их одежды? Почему они то вздымают вверх руки, то бьют ими себя в грудь, выкрикивая что-то бессвязное. Может быть, это переодевшиеся в послов актеры какой-нибудь трагедии Эврипида, изображающие телодвижениями скорбь и отчаяние? Но нет, это не маски. Это лица. Это послы. Они принесли весть, что город должен быть покинут, а жители его поселятся там, где им укажут.

— А-а-а! — раздался вопль.

Мгновенно опустели стены. Ремесленники и матросы заполнили площадь перед зданием Большого Совета. Теперь они не ждали, а требовали, колотя кулаками и ногами в окованные медью двери. Перепуганный суффет⁴ вышел на террасу, чтобы успокоить толпу. Но голос заглушался ревом:

— О-ру-жи-я! О-ру-жи-я!

Суффет показывал знаками, что оружия нет. Силясь перекричать толпу, он объяснял, что оружие сдано римлянам. Толпа ничего не хотела знать.

— О-ру-жи-я! — вопила она, подступая к суффету.

— Там! — прохрипел он. — В арсенале!

Арсенал был в пустотах городской стены, имевшей в толщину 30 локтей. Тут же находились стойла для слонов и коней. Железные ворота арсенала были закрыты. Суффет не дал ключей. Несколько мгновений толпа была в замешательстве. Как быть? Но вот вперед протиснулись люди с ломами и топорами. Выбиты массивные замки. Люди хлынули внутрь. Арсенал был пуст.

— А-а-а!

Это был вопль разъяренного зверя. Люди, которых никогда не допускали к управлению государством, с которыми никогда не советовались, почувствовали себя преданными. Но, может быть, остались слоны?

— К слонам! К слонам!

Слоны были последней надеждой. Но и стойла для слонов были пусты. Обманутые люди ворошили полусгнившее сено, словно бы слон мог в нем спрятаться. Они рвали на себе волосы, разрывали ногтями щеки.

— В Магару! — заревела толпа. — В Магару!

Магара покоилась в зелени своих садов. От каналов, омывающих сады, тянуло свежестью. По блестящей, как бронзовое зеркало, поверхности пруда безмятежно плыли лебеди. Казалось, здесь не было никому дела до страшных бедствий, обрушившихся на город.

Под напором плеч и локтей, под ударами ног затрещали ворота особняков. Толпа ворвалась внутрь, ломая драгоценную мебель и утварь, выволакивая из чуланов, из-под лож перепуганных богатеев: «Это они выдали врагу оружие! Смерть им! Из подземелий выводили рабов: изможденных, с кровоподтеками и шрамами на теле. От яркого света они шурили глаза. Не зная, что случилось, протягивали к своим избавителям руки.

— Теперь вы свободны! — кричали им, показывая на растерзанные тела их господ.

Рабы тысячами вливались в толпу и вместе с нею текли в город.

Никогда еще Карфаген не был так прекрасен, как в эти дни! Спокойствие и уверенность пришли на смену тревоге и отчаянию. На площади Большого совета образовалась очередь из желающих сдать драгоценности. Росла куча золота и серебра. Сюда же вынесены горны, наковальни, меха. Нет угля! Его заменили скамьи, на которых недавно

сидели советники, предавшие Карфаген ромеям, столы, шкатулки из эбенового дерева — все, что может гореть. Нет металла! В горны бросили бронзовые статуи частных лиц, пощадив статуи богов! Вдудились мускулы на полуобнаженных плечах ковалей. Тяжелые удары молотов наполнили площадь.

Нашлась работа и цирюльникам. К ним выстроились очереди из женщин. На землю падали косы и косички. Вырос целый холм из волос. Тут же из них плели канаты для метательных машин. Если бы для этого потребовались нервы и сухожилия, не было бы недостатка в них! Прекрасен был Карфаген в ярости и справедливом гневе.

И когда напряжение достигло предела, кто-то увидел со стены приближающееся войско. Нет, это не ромеи. Это Гасдрубал с тремя тысячами наемников. Это был он, приговоренный к смерти, исчезнувший в пустыне, как призрак, чтобы вернуться сюда спасителем.

Карфагену нужен был герой. И он его обрел.

— Гасдрубал! Спаситель! Суффет! — вопила толпа, бросившись к воротам.

Впервые за семьсот лет истории Карфагена суффет был избран в нарушение всех установленных правил не членами совета тайным голосованием, а открыто, волеизъявлением народа.

Гасдрубала несли к зданию совета на руках. Сияло его красное, словно обожженное солнцем пустыни, лицо. Он что-то кричал. Но его тонкий голос заглушался ревом толпы: «Суффет! Суффет!» Темнокожие наемники с удивлением следили за этим зрелищем, не понимая, что было причиной радости. Вот их забрасывают цветами, обнимают, целуют. Прекрасен был Карфаген в своем ликовании, в своей надежде.

¹ М а с и н и с с а — царь соседней с Карфагеном Нумидии, союзник Рима со времен 2-й Пунической войны.

² Л и л и б е й -- принадлежавший Риму порт на южном побережье Сицилии.

³ У т и к а -- город на побережье Ливии, населенный теми же финикийцами, что и Карфаген. После 1-й Пунической войны она стала независимой от Карфагена, а в описываемое время отдала себя под покровительство Рима и стала резиденцией римских консулов.

⁴ С у ф ф е т -- высшее выборное лицо в Карфагене.

ПОЛИБИЙ В КОРИНФЕ

Историк Полибий, сын стратега Ахейского союза Ликорты, возвращается на родину после семнадцатилетнего пребывания в Риме в качестве заложника и попадает в величайший из городов Греции - Коринф через несколько дней после его разрушения римлянами в 146 году до н. э.

Полибий шел дорогой из гавани в акрополь. Да, это теперь дорога, а не улица: повинувшись приказу консула, легионеры не оставили в городе ни одного дома. Коринф, просуществовавший тысячу лет, был уничтожен за один день.

Впрочем, еще оставалась белокаменная стена Акрокоринфа¹, ибо стену в семьдесят стадиев² за несколько дней не разрушишь. Забравшись на стену, легионеры крушили ее ломami. Другие, отдыхая, устроились в нескольких десятках шагов от стены.

Полибий шел медленно, стараясь видеть и слышать все.

Первая пара легионеров сидела на картине, брошенной нарисованной стороной на землю. Один, щуплый, развязывал свой мешок, доставая оттуда кусок сала. Другой, рыжий и большеухий, делал вид, что дремлет, но, уловив момент, схватил сало, и оно мгновенно исчезло у него во рту.

Щуплый не обиделся, а только выпучил от удивления глаза.

— Ну и обжора, -- выдохнул он. — Не успел вынуть, а оно тью-тю.

— А что! У нас говорят: «От зубов до глотки путь короткий».

— Где это у вас?

— В Пицене. Нас большеворотыми кличут.

Другая пара легионеров сидела на картине, лежавшей нарисованной стороной вверх. Они бросали кости, выкрикивая ходы.

Полибий остановился, чтобы рассмотреть картину. «Да, это «Мидасов суд» из коринфского храма Аполлона. В Коринф приезжали специально для того, чтобы увидеть это произведение Эвломпия». Художник изобразил Аполлона в виде эллинского атлета, а фригийского царя Мидаса показал пышноодетым варваром. Это был рассказ восковыми красками о победе эллинского духа и эллинской гармонии над варварским великолепием.

Решив, что прохожий заинтересовался игрою в кости, один из легионеров крикнул:

Присаживайся, папаша.

Консула Полибий застал отдыхающим в своем шатре. Мумий встретил Полибия радостным возгласом:

— Наконец ты со своим Сципионом расстался³. У нас в Коринфе не хуже. Смотри, голов-то сколько!

Взглянув в угол шатра, Полибий увидел бронзовые головы. Одни были повернуты к нему лицами, другие затылком. Так выглядели бы и головы казненных, если бы из них составили кучу. Бюсты тех, кто удостоился высшей почести у ахейцев, стали римскими трофеями.

Но что это? Полибий метнулся в угол и дрожащими руками поднял бронзовую голову. Держа ее перед собой, он вглядывался в дорогие черты. «Отец, — думал он. — Вот когда мы с тобой увиделись! Со времени нашей разлуки прошло снадцать лет. В последний раз ты видел меня заложником среди тысячи других на палубе корабля, увозившего меня в пещеру Циклопа. Я вырвался из нее не так, как Одиссей. Это не была хитрость. Я написал историю и стал другом римлян».

— Хороша? — спросил Муммий, не догадываясь, что привлекло грека к этой голове. — Если нравится, бери. У меня их много.

Полибий отшатнулся. Щеки его вспыхнули, как от пощечины. Все эти годы он старался понять римлян, прощая им их грубость, которую он объяснял необразованностью. В своей «Истории» он всячески старался подчеркивать положительные черты римлян, их прямоту, верность слову. Он надеялся примирить эллинов с победителями. Но теперь он за прямоотой увидел бесчувственность, за верностью слову — неподвижность души и жестокость.

«Конечно, — думал он, — этот римлянин мог и не знать, что мой отец Ликорта был ахейским стратегом. Но ему ведь известно, что я — ахеец. И он даже не догадывается, какие чувства может испытать человек при виде повергнутой славы родины».

Полибий бережно положил бронзовую голову отца в кучу и несколько мгновений стоял недвижно, отдавая честь его памяти.

— А как ты думаешь, — спросил Муммий, — сколько в Риме дадут за голову?

— Коринфская бронза всегда ценилась! — ответил он, оборачиваясь. — Но картины, на которых устроились твои воины, стоят дороже.

— Доски-то! — удивился Муммий. — А что в них ценного? Только что размалеваны.

— Но их расписали великие художники. Мне известно, что за одну из картин храм заплатил художнику пять талантов.

— И ты не шутишь?

— Уверю тебя, что это так. Но теперь цена картины поднялась.

Муммий вскочил и выбежал из претория. Оставаясь в шатре, Полибий слышал его голос.

— И впрямь на досках сидят! Как будто другого места нет! Зады свои хо-

лят! А я сейчас ликторов пошлю с фациями⁴! Они по задам пройдутся! Вот так! Вот так!

Услышав крик Муммий, но не понимая причины его ярости, легионеры вскочили. Они уже не сидели, а стояли на картинах.

— У! Твари безмозглые! — надрылся Муммий.

Заметив трубача, он крикнул ему:

— Труби сбор!

Знакомые за годы службы звуки заставили воинов бросить все и выстроиться перед преторием. Видя, как быстро выполнена команда, консул успокоился. Расхаживая перед строем, он мирно втолковывал подчиненным:

— Что вам было сказано! Все ценное не ломать и не мять, а складывать в кучу. Доски, на которых вы сидели, поценней бронзовых голов будут. Центурионы, пять шагов вперед!

Центурионы вышли из строя и замерли.

— Собрать доски! — приказал Муммий. — Пересчитать и снести к кораблям. О числе доложить. Если в Риме хотя бы одной недосчитаюсь, вас мелевать заставлю! Расходись!

Полибий шел к морю. Раньше оно было видно из любой части огромного города. Теперь города не было. Было два моря. Голубое море Посейдона и пепельно-черное море Марса. Гребешки волн и руины, в которых не отыскать ни величественных храмов, ни общественных зданий, ни эргастериев, ни жилищ. Разве найти в этом море то, что было домом его друга Телекла? Сам Телекл не дожил до страшного дня своей родины. А его сын Критолай, разбитый римлянами где-то у Марафона, говорят, бросился в соляные копи. Может быть, его найдут там через тысячу лет и по выражению лица, сохраненного от гниения солью, поймут, о чем думал в свое последнее мгновение последний стратег Ахайи.

Полибий остановился, пропуская

группу пленных. Видимо, их недавно вытащили из подвалов или других убежищ, где они прятались. Это были старики, женщины и дети. Одежда их была в изветке и в грязи.

«Последние коринфяне! — с горечью подумал Полибий. — Больше не будет коринфян, как не будет и карфагенян⁵. Рим расправился с великими городами, как с непокорными рабами».

Последней плелась высокая худая старуха с всклоченными космами седых волос. Проходя мимо Полибия, она вскинула свои иссохшие руки и иступленно закричала:

— Возмездие! Возмездие! Зерно, брошенное в землю, дает колос, из сливовой косточки рождается слива, а из мести — возмездие...

«Ромеи принимают меня за своего, — с горечью думал Полибий. — Но я тоже раб. Раб Клио⁶. Моя госпожа сурова и требовательна. Она не хочет знать, о чем думает сын, увидев в куче трофеев бронзовую голову отца, и что он чувствует при виде сограждан, которых ведут, как скот, на продажу. Клио говорит мне: «Вытри глаза, Полибий. Они должны быть сухи, как тетива баллисты, иначе ядро твоей мысли, которое ты пустишь через века, улетит в пустоту. Забудь все личное. Ведь далеких потомков будешь интересовать не ты со своими страданиями, а твое время. Они захотят узнать, как это случилось, что пали города великой древней культуры и восторжествовала грубая сила. Они захотят понять, можно ли было этого избежать, а если окажутся в подобных обстоятельствах, попытаются извлечь из твоей истории урок».

¹ Акрокоринф — название внутренней, укрепленной части Коринфа, возвышавшейся над другими частями города на 525 м.

² Стена, окружавшая Акрокоринф, имела протяженность 12 км.

³ До прибытия в Коринф Полибий находился вместе со своим учеником и другом Сципионом в Карфагене и был свидетелем разрушения этого города.

⁴ Фасции — пучки розог с воткнутыми в них топорами. Знаки отличия консула и в то же время орудия наказания и казни.

⁵ Полибий не мог знать, что через несколько десятков лет на месте разрушенных Коринфа и Карфагена появятся новые города со старыми названиями.

⁶ Клио — муза истории.

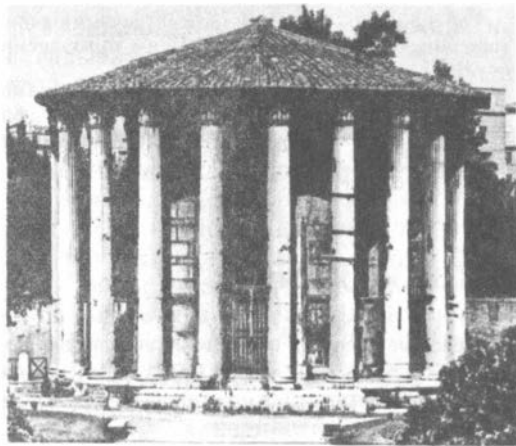
ЭЗОПОВ ЯЗЫК

Действие рассказа относится к середине II века до н. э. Мальчик Тиберий Гракх впоследствии стал знаменитым народным трибуном, давшим плебейм землю.

Зимнее солнце еще не взошло. Но уже хлопали массивные двери особняков. Со скрипом отмыкались ставни портняжных, сапожных и скобяных мастерских. Чтобы привлечь покупателей, их владельцы выставляли свои изделия прямо у дверей. Угрюмые и заспанные рабы сновали туда и сюда с метлами, ведрами и совками, убирая мусор, брошенный обитателями верхних этажей из окон. По плитам мостовой прогромыхла повозка, груженная длинными кирпичами. Дюжий возница, привстав, нахлестывал мулов. Он торопился добраться до строящегося дома затемно: днем ездить на повозках в Риме запрещалось.

В то раннее утро по одной из кривых улочек Палатина¹ спускался мальчик лет двенадцати. Это был Тиберий сын консула Тиберия Гракха, внук победителя Ганнибала Сципиона Африканского. Деда давно не было в живых. Отец умер недавно. Воспитанием детей руководила мать Корнелия. Она выписала из Греции учителей, а пока они не прибыли, решила послать первенца в школу на Форуме.

Педагог² Спендий нес впереди фонарь и освещал дорогу. Тиберий обеими руками прижимал к груди коробку с наوشенными табличками, стилем³ и другими письменными принадлежностями, а

Храм Весты в Риме. Конец II в. до н. э. Древнейшее из сохранившихся полностью храмовых сооружений. Веста была богиней домашнего и государственного очага. Круглый храм более всего отвечал представлению об очаге.

Римская монета с изображением выборов. Выборы совершались по военным подразделениям и округам. Каждый избиратель, проходя по мосткам, бросал табличку со своим решением.

его большие миндалевидные глаза старались не пропустить ничего, что происходило вокруг.

Вот идут, стуча подбитыми гвоздями сандалиями, городские стражи. Они уже закончили ночной обход города и теперь обмениваются впечатлениями. Из доносящихся отдельных слов нетрудно догадаться, что они взволнованы поимкой беглого раба.

На противоположной стороне улицы, прислонясь спиной к стене, дремлет человек лет сорока, судя по одежде, земледelec. На этом же месте он был и вчера. По словам Спендия, это один из тех, у кого богатый сосед отнял за долги участок.

Мальчик не заметил, как оказался на Форуме. Солнце, поднявшись над Капитолием, освещало мраморные колонны храмов, медные носы кораблей, укрепленных на колонне Дуилия⁴, лавки торговцев и менял.

В левом углу Форума, у храма Сатурна, находился длинный портик⁵. Прикрепленный к колоннам льняной занавес образовывал переднюю стену школы, задней же была глухая стена храма.

Приподняв занавес, Тиберий вступил внутрь. Спендий остался снаружи, при-

соединившись к кучке других педагогов, приведших в школу своих питомцев.

Занятия еще не начались, но ученики уже сидели на низких деревянных скамейках. Одни смеялись и громко делились новостями. Другие, не успевшие поесть дома, дожевывали лепешки. Увидев Тиберия, краснощекий мальчик, сидевший на первой скамье, поднялся и подбежал к нему. Это был Марк Октавий, его друг. После занятий они обычно отправлялись на Марсово поле поиграть в мяч или в чехарду, побегать вперегонки, посмотреть парад легиона. В школе они сидели на одной скамье. Они и сейчас сели рядом.

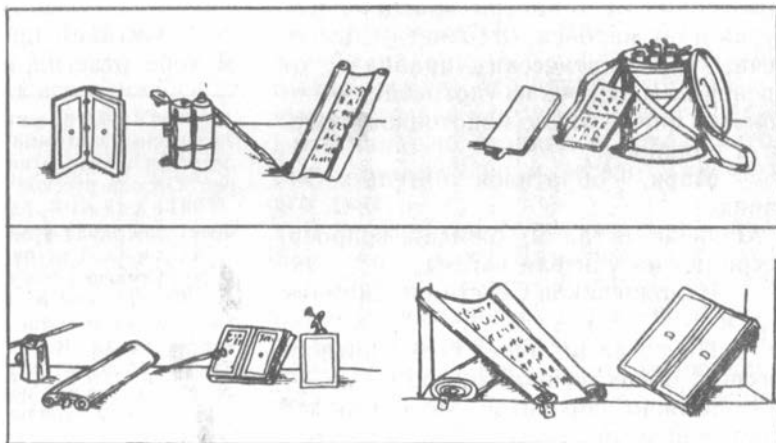
Тиберий едва успел раскрыть наваленные таблички и положить их на колени, как показалась долговязая фигура учителя. Все встали, и портик огласился словами приветствия:

— Здравствуй, магистр⁶!

Ответив на приветствие, учитель уселся на высокий стул с круглой спинкой и положил на колени ферулу⁷.

Дети сели, внимательно изучая лицо учителя. Сегодня оно выглядело необычно приветливым, и, похоже, никому не придется услышать: «Подставь руку под ферулу!» Длинные волосы учителя, всегда взлохмаченные, сегодня

Письменные принадлежности. Выборы осуществлялись или на Марсовом поле, или на Форуме, неподалеку от школы. Возвращаясь домой, юный Тиберий мог стать их свидетелем. Он передает коробку с письменными принадлежностями рабу-педагогу, и тот, пока мальчик наблюдает за голосованием, проверяет, не забыл ли что-нибудь его питомец в школе. Проверьте и вы, все ли захватил Тиберий, и вспомните, как назывались эти предметы, которые раб разложил рядом, на каменной плите Форума.

Рабы на постройке римской дороги. Полуобнаженные, босые, они работают под палящими лучами солнца. Камни и глину подносят на плечах.

Постройка стены. Римский рисунок. Кирпичи были более узкими и длиннее современных. Но техника ручных работ с тех пор не изменилась.

причесаны. Ведь завтра праздник Сатурна и он, наконец, отдохнет от бесконечных грамматических правил и от древних, вышедших из употребления законов, а они — от его монотонного голоса и придиорок.

— Марк,— обратился учитель к Октавию.

Мальчик встал и, ожидая вопроса, устремил на учителя взгляд.

— Изложи закон Секстия и Лициния о земле.

— Никто да не имеет более пятисот югеров⁸ общественной земли!

— Можно спросить? — послышался взволнованный голос Тиберия. Все обернулись в его сторону. Вопросы здесь редко задавались. И в этом случае учитель обычно сердился и говорил: «Разве это не ясно?»

— Спрашивай.

— Если правда, что нельзя занимать более пятисот югеров, то почему в Риме есть люди, имеющие тысячи югеров земли, и никто у них не отнимает излишка, чтобы разделить землей неимущих сограждан?

Учитель, кажется, даже обрадовался этому вопросу, позволяющему обратиться к греческой словесности, которую он так любил.

Бросив на пол ферулу, он схватил свиток и стал его читать.

— У водоема повстречались ягненок с волком. Выше волк, ниже по течению — ягненок. Щелкая зубами и ища повод для ссоры, волк закричал: «Зачем ты, негодный, мутишь воду!» «Но ведь вода течет от тебя ко мне!» — робко возразил кудрошерстый. Бессильный перед истиной, волк заорал: «Но ты меня ругал в прошлом году!» «Тогда меня не было на свете», — жалобно проблеял ягненок. «Так это был твой отец!» — зарычал волк и бросился на ягненка.

Октавий толкнул Тиберия локтем.

— Вот тебе и ответ! Сила сама себе закон!

Учитель улыбнулся:

— Октавий прав. Это басня Эзопа. Я тебе ответил на эзоповом языке.

¹ Палатин — римский холм, в то время заселенный знатными и богатыми людьми. Впоследствии на Палатине был императорский дворец. Отсюда русское слово «палаты».

² Педагог — раб, приставленный к ребенку для ухода и воспитания.

³ Стил — острая палочка для письма по воску. Отсюда наше слово «стиль».

⁴ Гай Дуилий во время 1-й Пунической войны в морской битве впервые нанес поражение карфагенянам. В память об этом воздвигли на Форуме колонну, укрепив к ней носы вражеских кораблей — ростры. Поэтому колонна называлась растральной.

⁵ Портик — крытая галерея с рядом колонн, примыкающая к зданию.

⁶ Магистр — на языке римлян «учитель».

⁷ Ферула — гибкий прут, которым в римской школе били учеников по рукам.

⁸ Югер — 0,25 га.

УГОЛЕК

Действие рассказа относится к начальному периоду великого восстания рабов в Сицилии (138—132 годы до н. э.). Евн был провозглашен восставшими царем, Ахей стал военачальником.

Приходилось ли вам видеть, как горит пастушья хижина в горах? Пламя охватывает закопченные бревна и красными языками пробивается через кровлю. В его реве слышится торжествующая ярость стихии, загнанной в каменные эргастулы гончарных и плавильных печей, за железные решетки очагов, в тесноту и мрак глиняных ламп. В него скупцы подливали масло каплями. Его кормили впроголодь углями и щепками, ему же для насыщения мало Герцинских лесов¹. Да что леса? Оно может поглотить весь мир.

Огонь не только могуч. Он и хитер. Кто его осудит за это? Что остается делать тем, кого хитростью и обманом заставляют работать на других. Выпал из решетки крошечный уголек и притаился под золой. Не заметил его бес-

печный хозяин и ушел. Стали тлеть половицы. Занялись стены. И вот уже весь дом объят огнем!

Вот с такого уголька все началось у нас в Энне². Только пожар охватил не пастушью хижину, не селение, не город, а огромный остров Сицилию. И длился он не час, не день, не год, а целых шесть лет. Искры этого пожара перелетели через море, и можно было видеть его огненные сполохи в Греции, в Испании, в самом Риме.

Тогда я был рабом Антигена и обучал грамоте его детей. Как учителю, мне жилось лучше, чем многим, да и Антиген, право, был не худшим из господ. У меня была своя каморка. Днем я мог выходить за ворота усадьбы. Близость к детям избавляла меня от унижительных наказаний. Впрочем, мой господин прибегал к ним вообще редко, предпочитая отсылать провинившихся с глаз долой, на мельницу.

Желая казаться человеком образованным, Антиген украсил свой дом бюстами поэтов и философов. Но я не видел, чтобы он что-либо читал, кроме счетов и расписок. Прослышав, что в Сиракузах у кого-то есть раб-фокусник, Антиген решил не ударить лицом в грязь и завести фокусника у себя в доме.

Так появился Евн, сириец лет тридцати. У него было длинное вытянутое лицо с узким, как бы надрубленным посередине носом, высокий лоб, густые брови. Более всего поражали его глаза, обладавшие какой-то притягательной силой.

Рабы любят рассказывать о себе. Мысленно возвращаясь к свободе, они черпают силу в воспоминаниях. Достаточно недели, чтобы узнать о новом невольнике все: откуда он родом, кто его родители, как попал в рабство. Евн оставался для нас загадкой. «Наверное, скрытность свойственна его профессии», — думал я.

За день до представления весь дом

был поднят на ноги. Всюду что-то мыли, скребли, чистили. Нам, рабам, приказали надеть чистое платье. Можно было подумать, что Антиген хотел блеснуть не только искусством своего раб-фокусника, но стремился показать гостям, как хорошо и весело жилось в его доме.

Я не ошибусь, если скажу, что делалось это в пику Дамофилу, соседу и давнишнему недругу Антигена. Стоило одному прославиться в чем-нибудь, как в соревнование вступал другой. На ипподроме в Сиракузах их лучшие кони состязались в быстроте бега. Каждый стремился затмить другого роскошным убранством дома и затратами на общественные нужды.

Антиген вел себя более сдержанно. Он не позволял себе разъезжать по улицам Энны на повозке, запряженной рабами. Его пастухи не грабили путников, так как им давали обноски. Дамофил, отказывая и в этом, толкал рабов на грабеж.

Несмотря на вражду, Дамофил и Антиген как добрые соседи ходили друг к другу в гости.

Я не буду утомлять вас рассказом о том, как был накрыт стол, как стали собираться гости, какие произносились речи. Начну прямо с выступления Евна, поразившего нас всех в тот день.

На нем развевался длинный пурпурный хитон, подпоясанный узорным поясом. На ногах были сандалии с серебряными застежками. Сириец низко поклонился гостям. Антиген радостно улыбался. Фокусник следовал его наставлениям и был почиттелен.

Евн подошел к столику. Глиняные тарелки словно прилипали к его рукам. Вино не выливалось из опрокинутых фиалов. В воздухе мелькали платки, ножи, футляры для свитков и другие предметы.

Но что это? По знаку Евна внесли хозяйское кресло. Фокусник расположился на нем с той величественностью,

которая приличествует царю. Вот он устремил свой взгляд на одного из гостей. Тот сначала заерзал, а потом замер, как бы окаменел при виде Горгоны Медузы. Евн сделал какое-то движение рукой: гость вскочил и, взяв со стола яблоко, почтительно протянул фокуснику. Небрежно поблагодарив, Евн обратил свой пронизывающий взгляд на другого гостя. Тот также молча поднес Евну фиал.

Мы, рабы, затихли. Евн шел по острию ножа. Он обращался со знатными гостями, как со своими слугами.

Очередь дошла до Антигена.

— Подойди ко мне, раб мой! — приказал Евн.

Это переходило всякие границы. Поэтому наступила такая тишина, что можно было услышать жужжание мухи.

Антиген побледнел. Яростный окрик готов был уже сорваться с его уст, но Евн не отводил глаз. Выражение лица у Антигена изменилось. Он как-то обмяк, ссутулился и сказал мирно:

— Верю тебе, Евн! Ты станешь царем. Не забудь тогда о тех, кто делал тебе добро.

Так Евн обрел над Антигеном странную и непонятную власть. Сириец не злоупотреблял ею, но и Антиген не вспоминал о публичном оскорблении.

Слух о необыкновенных способностях Евна перешагнул за порог дома, и вскоре во всей Энне и ее округе не было раба, который не слышал бы о сирийце и не мечтал о встрече с ним. В их глазах Евн был не фокусником, а человеком, связанным со сверхъестественными силами и обладавшим властью над ними.

Мне всегда казалось, что в профессии фокусника есть что-то легковесное, шутовское. Но Евн не был обычным фокусником. Он скорее напоминал жреца, восточного мага. Я слышал, что среди них есть люди, обладающие высшей мудростью. Величайшие философы не стыдились называть себя их учениками.

Не удивительно, что меня потянуло к Евну. Да и он сам шел мне навстречу. Я охотно оказывал ему различные мелкие услуги, значение которых мне стало ясно позднее. Я встречался с невольниками Дамофила и передавал им какие-то клочки папируса, исписанные непонятными письмецами. Однажды я спрятал у себя в каморке кожаный мешочек, в котором, судя по металлическому звону, были монеты.

Как-то Евн попросил меня принести горсть орехов. Удовлетворив его просьбу, я спросил:

— Ты любишь орехи, Евн?

— Нет, Ахей! Особенно с тех пор, как обломал о них зубы. Орехи нужны мне для дела.

Евн раньше называл делом свои представления. Но, судя по многозначительному тону этих слов, речь шла о чем-то другом.

Однажды Евн сам забрел в мою каморку. Обняв меня за плечи, он сказал:

— Видишь этот орех? — он разжал кулак. — С виду он похож на те, которыми ты меня снабдил. Но только с виду. Внутри не ядро, а уголек. Старый фокус. Я научился ему у отца. Он был воином и погиб в схватке с римлянами. Маленькая хитрость. Но она послужит доброму делу.

— О чем ты, Евн? Я не понимаю.

— Прости, что говорю сбивчиво. Я долго молчал. Если бы ты знал, чего мне это стоило. Я должен был сжаться в кулак. Но сегодня решится все. Сегодня у Волчьей пещеры. Приходи, Ахей! В полночь.

У входа в Волчью пещеру собралось несколько сот рабов, мужчин и женщин. Тут были и сирийцы, которым я носил записки Евна. Они были вооружены. Я подозреваю, что оружие было куплено на деньги, хранившиеся в моей каморке.

Появление Евна было неожиданным. Сначала из-за выступа пещеры показались руки, потом голова и туловище. Ног не было видно, поэтому могло по-

казаться, что это не человек, а великан. Евн медленно опустился с кодулей, лег на землю. Глядя на его устремленные в одну точку глаза, шевелящиеся губы, можно было поверить, что он улавливает какие-то доступные лишь ему одному звуки. Потом он встал, словно повинувшись чьему-то приказанию.

— Долго ли терпеть, Евн? Когда избавление? — слышались крики.

Евн поднял руку. И в тишине прозвучал глухой голос:

— Мать-земля! Величайшая из богинь! Ты меня слышишь? Откликнись!

Я готов был поклясться, что рот Евна был закрыт. Толпа замерла, ожидая чуда.

Из уст Евна вырвалось пламя и осветило его лицо с безумными глазами.

Люди в едином порыве упали на колени.

«Только мать-земля способна на такое чудо! — думали они. — Ведь ее недра полны огнем. Те места, из которых выходит огонь, священные».

Я один знал, что во рту у Евна орех с угольком: маленькая хитрость, но она служит великому делу.

Вместе со всеми я бежал по склону горы к Энне. В руках у воинов были факелы. Да, воинов! Кто бы назвал их рабами?! Как одухотворены их лица? В каждом частица огня Евна.

Дальше я могу не продолжать. Последующие события известны всем. В очищающем пламени сгорела Энна вместе с Дамофилом и всеми, кто пограл имя Человека. Царем мы избрали Евна, который правил под именем Антиоха. Я стал главнокомандующим войском из освобожденных рабов.

А все началось с уголька. С того уголька, который Евн вложил в выдолбленный орех.

Действие рассказа относится ко времени жестоких преследований, организованных Л. Корнелием Суллой во время его диктатуры (82—79 годы до н. э.) с целью уничтожить противников и вознаградить своих приспешников за счет имущества лиц, объявленных вне закона. Объявление вне закона именовалось проскрипцией. Каждый мог убить человека, внесенного в проскрипционный список, и получить за это вознаграждение или свободу, если доносчик был рабом.

Это было очередное распределение имущества проскрибированных, или «вороний пир», как его едко называли римляне, умевшие шутить и в минуты самых страшных бедствий. После дней, заполненных казнями и убийствами, Сулла приглашал к себе всех, кого он считал нужным вознаградить.

Приглашенные молча сидели за столом, ожидая диктатора. Подвешенные к потолку светильники освещали лбы в испарине, подергивающиеся кончики губ, не находящие себе места руки. Эти люди не боялись встречи с Суллой, взгляд которого пронизывает насквозь. Их пугало его долгое отсутствие. Вдруг появится вольноотпущенник Сулы Хризогон и объявит, что Сулла не может выйти к столу или еще хуже — Сулла умер.

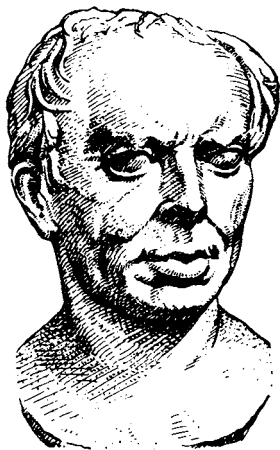
Страхи оказались напрасными. Неловко отдернулся занавес, и из своих покоев вышел Сулла в сопровождении Хризогона. Лицо диктатора покрывали красные бугры, едва оставлявшие место для клочков неестественно белой кожи. Спущенные на лоб светлые волосы слегка курчавились. Видимо, он только что вышел из ванны, приносившей ему облегчение: ведь нарывами было покрыто все его тело и кишевшие в гнояниках червяки вызывали нестерпимый зуд.

Гости встали, обратив к диктатору лица, светящиеся преданностью и сочувствием. Сулла скользнул по ним

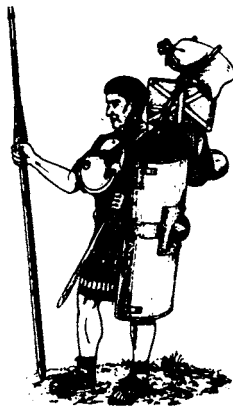
¹ Герцинские леса — леса Германии, считавшиеся непроходимыми.

² Энна — город в центральной части Сицилии, самого крупного острова в Средиземном море.

Гай Марий. Его, выходеца из италийского городка Арпина, в Риме называли выскочкой. Он был обязан возвышением и славой не знатному происхождению, а ясному уму и упорству.

Воин Мария. Проведя военную реформу, заменившую ополчение профессиональным войском из плебеев, Марий заставил самих воинов, а не рабов, как прежде, нести провиант и инструменты для сооружения лагеря. Воинов Мария стали называть «марианскими мулами».

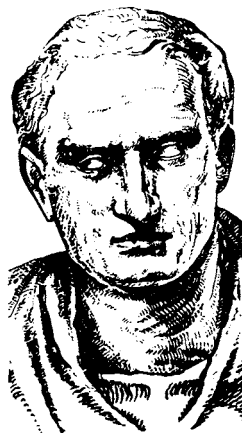
Цезарь, аристократ, племянник Мария (по браку тетки Юлии), он объявляет себя наследником его политики, популяром и, пользуясь поддержкой народа, добивается консульства, но сразу же вступает в союз с сулланцами Крассом и Помпеем.

Бронзовый столик о трех ногах, служивший подставкой для жаровни, которая обогревала комнату в зимнее время (печей не было), нашли на вилле, принадлежавшей тестю Цезаря. Цезарь, продрогший после похода, грел у него руки и любовался прекрасной работой.

Цицерон. Земляк Мария, в отличие от него добившийся высшей славы не оружием на поле боя, а силой слова в народных собраниях и сенате. Уверенный в том, что слово может одолеть и меч, он пал от меча первой жертвой возобновившихся гражданских войн.

Монета Брута. На лицевой стороне монеты портрет Брута в профиль. На оборотной — два кинжала и между ними фригийский колпак, который надевали на рабов, отпускаемых на волю. Латинские слова под кинжалами и колпаком имели значение «Мартовские иды» — день, когда Брут и его друзья закололи Цезаря.

Катон Младший. Стойкий республиканец, он не захотел примириться с тем, что властью обладает не сенат, а те, кто командуют армиями. Не приняв диктатуры Цезаря, он сам убивает себя мечом, избежав судьбы Цицерона.

Корнелий Сулла. Монета воспроизводит конную статую Суллы, воздвигнутую его приспешниками, участниками «вороньего пира». После смерти Суллы были разбиты и переплавлены все его изображения.

Ливия. Вторая супруга Октавиана Августа, которую он увел от мужа вместе с детьми от первого брака. Ливия сопровождала Августа во всех его поездках и давала ему советы. Он опасался своей властной и коварной жены, разговаривая с нею по заготовленному конспекту. После смерти супруга Ливия получила титул «Августа».

Октавиан Август. Победив в гражданских войнах, он публично провозглашает восстановление республики, но правит единолично, впервые в истории показав, что можно быть диктатором, им не называясь. Трусливый, скаредный, двуличный, он искусно играет роль щедрого, великодушного, заботливого «отца отечества». Пролит моря крови в гражданской и внешних войнах, он объявляет о наступлении «мира» и «золотого века».

Фриз «алтаря мира», воздвигнутого Августом на Марсовом поле. На данном участке изображена процессия сенаторов. На другом участке фриза можно увидеть членов семьи Августа, его супругу Ливию и дочь от первого брака Юлию.

взглядом и, успокоенно опустившись в кресло, дал знак, что можно сесть.

— Итак,— начал Сулла после паузы, потребовавшейся, чтобы взять из рук Хризогона свиток папируса.

В это время приоткрылась дверь и чей-то голос произнес:

— Публий Лициний Красс.

— Пусти! — распорядился Сулла.

Гости повернули головы. В зал, вступил человек лет тридцати, среднего роста, плотного телосложения. Лицо Красса можно было бы счесть привлекательным, если бы не тяжелая челюсть, придававшая ему сходство с быком.

На лицах гостей можно было прочитывать неудовольствие: «Чем отличился этот Красс? Что в нем привлекло Суллу? Румянец на щеках? Безукоризненные манеры? Но ведь Красс, захватив несколько городов, присвоил имущество жителей, а их самих сделал своими рабами. Он не поделился с диктатором. Другому бы за это снесли голову, а Красса лишь пожурили. Вот и сейчас, зная о симпатии Суллы, Красс позволил себе опоздать».

Сулла улыбнулся Крассу приветливо и загадочно.

— Ты опаздываешь, мой Публий! Тебе придется устроиться в Регии. — Шутка вызвала хохот. Все поняли, что диктатор назвал Регием противоположный край стола, так как город Регий был на краю Италии, граничившей с Сицилией. Вся Италия казалась Сулле пиршественным столом, за который он усадил своих приспешников, чтобы раздать им лакомые куски.

Красс занял место между тощим как жердь Фуфидием и отравившим брюшко Муреной.

— Итак,— произнес диктатор буднично,— что у нас на сегодняшний день?

В руках Суллы зашелестел свиток:

— Номентанское поместье Лукреция Офеллы.

Сулла отложил свиток и обвел гостей тяжелым и проницательным взглядом.

Фуфидий вытянул длинную шею. Катилина откинулся назад, и на горле его выпятился трепетавший кадык. Номентанское поместье! Десять тысяч югеров земли. Пашни! Виноградники! Усадьба с греческими статуями, мидийскими коврами, столовым серебром, мебелью из черного дерева! А какие рабы!

На губах Красса блуждала улыбка. Самый алчный из всех, он обладал завидным свойством не обнаруживать внешне главной из своих страстей.

— Я думаю,— молвил Сулла, растягивая слова, как это делает стрелок с тетивой лука,— отдать землю и дом Марку Туллию Декуле, выполняющему сейчас мое поручение в Этрурии.

Вывался вздох. В нем звучали боль и разочарование. Лакомый кусок уплыл!

— Что касается рабов Лукреция,— продолжал Сулла,— то я отпускаю их на волю. Они станут Корнелиями.

Это объявление было встречено равнодушно. Не все ли равно, достанутся ли рабы Лукреция Декуле или пополнят свору вольноотпущенников Суллы, из которой и этот красавчик Хризогон,— сейчас он что-то нашептывает патрону на ухо.

— Дом Овиния,— проговорил Сулла, заглядывая в свиток. — Этот негодяй обманул ваши надежды. Узнав, что его имя в списке, он вскрыл себе вены, а дом приказал поджечь. Пустырь, покрытый головешками и золой, вот все, что осталось от дома со всеми его богатствами. Рабы же...

— Позволь,— послышался голос.

Гости возмущенно повернули головы. «Красс смеет прерывать Суллу?»

— Что тебе, мой друг? — спросил Сулла вкрадчиво.

— Отдай пустырь мне! — протянул Красс.

Взрыв хохота потряс таблин. Живот Мурены напоминал кузнечный мех, надуваемый воздухом, Катилина опрокинул фиал на белоснежную тогу Це-

цилия Метелла, но тот, подпрыгивая на сиденьи, этого не заметил.

Сулла резко вскинул руку, и все затихло. Только Мурена продолжал беззвучно трястись.

— Бери его, мой Публий! — воскликнул диктатор. — Запиши, Хризогон, я отдаю Крассу все пустыри, которые останутся от домов моих недругов.

И снова таблин наполнился смехом и шумными возгласами. Гости не только потешались над Крассом, согласившимся взять вместо городского дома или сельского поместья пустырь, но и одобряли Суллу. «Диктатор мудр и справедлив! Поздно приходящему кости!»

* * *

На следующий день рабы Красса, обученные строительному делу, начали осваивать пустырь. Они быстро очистили его от пепла и головешек, разобрали завал кирпичей и начали рыть яму под фундамент. Через полгода новый шестизатяжный дом с его бесчисленными каморками заселили плебеи.

Дома Красса появлялись то здесь, то там. Многие участки доставались ему даром, согласно обещанию Суллы. Иногда Красс скупал участки вместе с лачугами и, снеся их, возводил такие же высокие доходные дома. Вскоре чуть ли не пол-Рима принадлежало Крассу. Задолжавшие ему квартиранты расплачивались на выборах голосами. Тогда как после смерти Суллы многие завсегдатаи «вороньего пира» разорились и готовы были вызвать из преисподней Суллу, чтобы хоть как-то поправить свои дела, Красс богател не по дням, а по часам. Кроме доходных домов, ему принадлежали серебряные рудники, мастерские, поместья, корабли. Ни один из способов обогащения не казался Крассу недостойным, если он давал надежду на барыш.

И когда уже вместо «богат, как

Крез»¹ стали говорить «богат, как Красс», стало известно, что на Рим с непобедимым войском движется Спартак.

¹ Крез — царь Лидии (Малая Азия), богатство которого уже в древности вошло в поговорку.

ЮНЫЙ ЦЕЗАРЬ

Среди тех, кто в годы диктатуры Суллы бежал из Рима, был Гай Юлий Цезарь, выходец из патрицианского рода, находившийся в родстве с противником Суллы Гаем Марием. Действительный эпизод, легший в основу рассказа, рисует характер будущего диктатора.

На все это потребовались считанные мгновения. Крючья подтянули бирему¹, и на палубу посыпались пираты. Кормчий упал с проломленной головой, а его помощника и полусонных пассажиров с бранью провели к переброшенным с миопароны² мосткам.

Вскоре Гелиос осветил кучку пленников, обступивших кормовую мачту. Тут были пожилые греческие купцы с трясущимися от страха руками, молодая женщина с ребенком и безбородый юноша, опиравшийся на плечо раба.

Юноша, казалось, был напуган менее всех. Брезгливо опущенные кончики губ говорили лишь о презрении к тем, кто посмел обращаться с ним как с простым смертным. И это не осталось незамеченным.

Бородач в широких пунцовых шароварах, по всей видимости главарь шайки, подошел к юноше и тронул его за плечо.

— Прочь, собака! — сказал юноша бесстрастно. — Я накажу тебя за твою дерзость.

Раб убежал вперед, пытаясь защитить своего господина, но тот нетерпеливо оттолкнул его.

— Да, я повторяю, — продолжал юноша. — Ты будешь распят на кресте.

Архипират³ вздрогнул и отступил,

видимо обескураженный этой угрозой. Как бы ища защиты, он обернулся к столпившимся пиратам и незаметно для юноши подмигнул.

Этого никто не мог ожидать. Словно кто-то подменил наглых и бессовестных разбойников. У них подкосились ноги. Они упали на палубу, изображая раскаяние. Сам архипират, стоя на коленях, униженно протягивал к юноше руки.

— Прости, патриций, — бессвязно бормотал разбойник. — С кем не случится... Знал бы заранее, что будешь на этом корабле, разве посмел. И ночь без луны. Пойди догадайся, кто патриций, а кто презренный плебей. И одежда у тебя, как у всех...

— Ты посмел забрать мою одежду! — перебил юноша пирата.

Тот вскочил на ноги.

— Ах, негодяи! Ах, воры! Ах, подонки! — вопил он, яростно вращая белками глаз. — Немедленно возратить патрицию его одеяние.

Напуганные до смерти пираты бросились к мешкам с добычей. В воздухе замелькали хитоны, гиматии, войлочные шляпы.

Пленники замерли у мачты. На их растерянных лицах заиграл румянец. Женщина с ребенком не отводила взгляда от смелого юноши, в котором видела едва ли не посланца самих богов.

— Остановись! — закричал архипират, когда в воздухе мелькнула тога. — Разве не видишь, что это вещь нашего патриция. Как ты смеешь марать ее своими грязными лапами?

Он выхватил у одноглазого пирата тогу и бережно поднял ее двумя пальцами.

— Эй, вы! Взгляните на свое равние! — обращался он к пиратам. — Сравните его с этой белизной. Теперь вы понимаете, что вы недостойны подметок его сандалий?!

Внезапно он шлепнул себя ладонью по лбу.

— Сандалии! Патриций стоит босиком на палубе. Он может испачкать и занозить свои божественные ступни.

Кто-то из пиратов, не дожидаясь окончания этой тирады, успел найти в куче вещей изящные сандалии и ползком добрался к Цезарю.

Тот, как ни в чем не бывало, протянул услужливому пирату сначала одну ногу, затем другую.

Архипират со всеми предосторожностями подал юноше тогу, и тот привычным жестом запахнул ее.

— Истинный патриций! — воскликнул архипират. — Потомок Ромула. И такой человек находится среди нас, маленьких, ничемных людишек.

Он сделал повелительный жест.

— Эй вы, спустите сходни.

Через несколько мгновений с правого борта была спущена лестница.

И тут хохот потряс палубу. Дрожали бороды, дергались щеки и лбы, иссеченные шрамами. Закатывались глаза.

— Ай да Минуций! — истошно вопил одноглазый пират. — Ну и потешил! Не надо и в театр ходить!

— А что же? — лихо сказал тот, кого называли Минуцием. — До того, как стать архипиратом, я был архимимом⁴.

— Итак, — обратился он к юноше. — Теперь ты понял? Иди! Нам не нужны патриции. Мы обойдемся без них.

Наступила тишина, прерываемая лишь всхлипываниями раба. Юноша с высоко поднятой головой зашагал к борту. И всем стало ясно, каким должен быть патриций.

Вот он опустил за борт одну ногу, затем другую. Исчезла голова. Сейчас раздастся плеск, и море примет жертву.

Но вместо плеска все услышали предсмертные слова храброго юноши:

— Как бы обрадовался Сулла, узнав о смерти Цезаря!

И почти одновременно раздался вопль архипирата:

— Задержите его! Он должен жить!

Они сидели на палубе и миролюбиво разговаривали. В тоне Минуция уже не было ни тени насмешки.

— Так вот ты какой, Цезарь. Сам Сулла сказал, что в тебе много Мариев⁵. И что же ты делал после того, как бежал из Рима?

— Отправился в Азию. Я слышал, что здесь процветает красноречие. Сегодня я смог в этом убедиться.

— Забудем об этой шутке. Профессия у меня серьезная, надо же когда-нибудь посмеяться. Служил я под орлами Мария, а когда Сулла с войском прибыли в Азию, подался в мимы. Но не дал мне Сулла покоя. Стал он марианцев разыскивать. Пришлось в море спасаться.

— К тому же,— добавил он после паузы,— мне море принесло славу. Ты слышал когда-нибудь о римском солдате Минуции? А о миме с этим именем? Тоже нет! А пирата Минуция знают все. Десять греческих городов мне платят дань, лишь бы я не заходил в их гавани. А сколько знатных людей удостоили меня вниманием. Сам царь Митридат⁶ мне руку пожимал...

Он осекся, видимо, понял, что сказал лишнее.

— Я не услышал главного,— сухо проговорил Цезарь.— Сколько я тебе должен за знакомство?

Лицо у пирата вытянулось.

— С Цезаря ничего не возьму. Ведь ты бежал от Суллы.

Юноша нетерпеливо дернул плечом.

— Я не хочу исключения. Денег со мной нет. Но у меня богатые друзья. Назови сумму.

— Ты, я вижу, упрям,— сказал пират.— Если хочешь как все, то будешь мне должен сто тысяч сестерциев. Отдашь, когда выйдешь в люди.

— Зачем откладывать! — резко бросил Цезарь.— Мой раб доставит тебе через сорок дней сто тысяч, а пока я

останусь на судне как заложник.

— Мы отправляем заложников на остров. Там у нас есть пещера,— мягко возразил Минуций.— Не можем же мы все эти сорок дней ждать выкупа.

— А я хочу быть на корабле,— капризно проговорил Цезарь.— В пещере сырость. А у меня слабое здоровье. И врачи прописали свежий воздух. И, слово патриция, я вам не буду мешать.

— Ну уж, если здоровье, воздух,— невнятно промычал пират.

Он ушел, чтобы отдать распоряжения. Не прошло и часа, как бирема отделилась от миопароны. На ее борту был единственный пассажир — раб Андроник. Он перевесился за перила и смотрел на Цезаря так, словно видел его в последний раз.

...Так начался первый из сорока дней пребывания Цезаря на пиратском корабле. Остальные дни он провел под тентом, на корме. Пираты занимались своим делом, а Цезарь своим.

Они уходили от военных кораблей и гонялись за торговыми, стояли в укромных бухточках, латали паруса, сортировали добычу, играли в кости. Цезарь же сидел под своим тентом и писал на вошечных табличках или стирал написанное, иногда просто любовался морем, спокойным или бурным.

Изредка, будучи в благодушном настроении, он останавливал первого попавшегося на глаза пирата, сажал его рядом и декламировал только что написанные стихи.

Мерная речь чуждого, едва понятного языка убаюкивала разбойника, и тот вскоре начинал клевать носом. Это приводило Цезаря в ярость:

— Неуч! Тупица! — кричал он.— Ты смеешь храпеть, когда я раскрываю тебе красоты латинского языка. Вот увидишь, я прикажу распять тебя первым!

Пираты ухмылялись. Ну и шутник этот патриций!

У Минуция тоже не было оснований жалеть о своем решении. Пребывание патриция на борту приносило выгоду. Увеличилась выкупная плата. Ведь на корабле поселился отпрыск одного из знаменитейших римских родов, потомок Энея. Пират охотно показывал Цезаря за работой или во время отдыха и за это тоже брал деньги.

А дни шли с той неотвратимой быстротой, на какую способно одно лишь время. Гелиос поднимался из-за восточных гор и опускался за горизонт, как бронзовый диск, пущенный рукой дискобола. Приближался день расставания. Патриций не проявлял ни нетерпения, ни радости. Казалось, он мог жить на палубе еще месяц или год.

На сороковой день пребывания патриция на борту, или эры Цезаря, как шутливо выражался сам Цезарь, миопарона скользнула в узкий пролив между двумя скалистыми островами. Сюда должен был подойти корабль с выкупом для Цезаря. Он пришел после полудня в назначенное время.

Раб Андроник спешил к своему господину. Все эти дни он провел в ужасной тревоге. Воображение рисовало самые страшные картины. Пираты пощадили юношу в тот первый день, но станут ли они терпеть его надменное поведение, его капризы сорок дней?

Но Цезарь жив! Жив! Верный раб едва не бросился в объятия к господину. Остановило его то холодное и властное выражение лица, которое всегда появлялось у Цезаря, когда он торжествовал победу.

— Достал деньги? — спросил Цезарь безучастно.

— Да, — ответил раб, протягивая кожаный мешочек. — Ровно сто тысяч сестерциев, как ты просил.

Цезарь опустил руку в мешок, отсчитал какую-то сумму и двинулся к корме, где его ожидал Минуций.

— Мы в расчете, — сказал Цезарь, протягивая кожаный мешок. — Здесь

ровно девяносто пять тысяч сестерциев.

— Пустяки! — отозвался пират, принимая мешок. — Пять тысяч не деньги!

Цезарь вскинул левую бровь и произнес, отчеканивая каждое слово:

— Пять тысяч сестерциев я удержал на необходимые расходы.

Он повернулся и, не простившись, зашагал к трапу.

Вечером того же дня из-за скалистого мыса показались два вытянутых корпуса. Это были длинные римские либурны, предназначенные для охраны торгового флота. Бой был недолгим. На одного пирата приходилось не менее десятка римлян.

Цезарь вел себя так невозмутимо, словно происходящее не имело к нему никакого отношения. И лишь когда все на палубе миопароны стихло и пиратов со скрученными сзади руками повели на римский либурн, Цезарь встал и расправил затекшие плечи. Он оглядел все вокруг, словно он один командовал этими кораблями и руководил боем, словно ему принадлежало и море, и небо, весь этот мир, завоеванный его выдержкой и хитростью.

— Вот обрадуется проконсул, когда я ему доставлю этих молодчиков, — произнес центурион, показывая на пиратов.

— Я думаю, — холодно возразил Цезарь, — ему будет достаточно и той радости, что пиратов уже нет.

Он поднял руку и выразительно очертил в воздухе крест.

— Распять?! — увидился центурион. — Но среди пиратов есть римские граждане! Меня обвинят в самоуправстве!

— Сошлись на меня, — сказал Цезарь. — Я согласен оплатить все расходы. Вот тебе пять тысяч сестерциев.

Проходя мимо Минуция, Цезарь сказал:

— Никто не смеет безнаказанно шутить над Цезарем.

Цезарь мог бы этого и не говорить. Минуций понял все. То, что он принимал за каприз избалованного юнца, было строгим и жестким расчетом.

В этом Цезаре нет ничего от Мария. Он копия самого Суллы.

Цезарь неторопливо спустился в трюм. Он не пожелал видеть, как будут увозить пиратов. Нет, он не испытывал жалости к людям, с которыми провел сорок дней. Он считал, что они достойны своей участи, и прежде всего этот Минуций, променявший тогу римлянина на пиратские шаровары.

Сверху раздался крик. Цезарь узнал голос Минуция. Что еще надо этому болтливому пирату?

Когда Цезарь поднялся на палубу, берег был едва виден. Андроник стоял к нему спиной.

— Этот, как его, Минуций, что-то говорил? — спросил Цезарь и сразу же пожалел об этом.

— Да, он сказал, что далеко пойдешь, — молвил раб, не оборачиваясь.

Никогда еще он не вел себя так дерзко.

Твой взгляд скользнул по моему лицу и застыл на стали кинжала. — И ты, дитя? — это были твои последние слова и твой последний вопрос, обращенный ко мне.

С тех пор прошло два года, и все это время моя душа содрогалась оттого, что мой ответ оказался столь краток. А ведь за ним было две жизни, моя и твоя!

Мне не было и восьми лет, как я лишился отца, казненного Помпеем. Детское воображение рождало планы мести, и они гасли, как уносимые ветром искры. В душе оставалась лишь ненависть к убийце. Не находя выхода, она наложила на меня отпечаток не детской серьезности и угрюмости. Мне были далеки игры моих сверстников. И я их чуждался, так что, еще не имея никакого представления о философии, я заслужил кличку Философ.

В это время я впервые услышал о тебе. У нас дома рассказывали чудеса о твоей храбрости. Забившись в угол, я мысленно разыгрывал сценку на пиратском корабле, ставя себя на твое место.

Позднее, когда началась твоя умопомрачительная карьера, ты стал появляться в нашем доме. Мне было страшно оказаться лицом к лицу с гением. И я убежал из дому. Мое поведение казалось матери странным.

— Почему ты его боишься, Марк? — говорила она мне. — Ведь он такой милый!

О, женщины! С каким простодушием и беспечностью вы приближаетесь к великому человеку и начинаете его мерить своей меркой.

А я рос мужчиной. И воспитанием моим руководил брат матери Катон¹, как я теперь понимаю, самый мужественный из людей, каких знал мир, и к тому же наделенный редкой проницательностью.

Я не смог скрыть своего восхищения тобой, Цезарь, и вызвал резкую отповедь.

¹ Бирема — судно с двумя рядами весел.

² Минопарона — тип легкого и подвижного судна, обычно использовавшегося пиратами.

³ Архипират — предводитель пиратов.

⁴ Архимим — главный актер в сценках, называемых мимами.

⁵ Гай Марий — римский полководец, глава демократической партии, политический противник Суллы.

⁶ Митридат — царь малоазийского государства Понт, непримиримый противник Рима.

ЗАПИСКИ БРУТА

15 марта 44 года до н. э. всемогущий диктатор Гай Юлий Цезарь пал от рук сенаторов-заговорщиков. Душой заговора был Марк Юний Брут, близкий к Цезарю человек. Рассказ написан в форме исповеди и отнесен ко времени, предшествующему самоубийству Брута.

— Брут! Ты не знаешь людей. В том, что ты усматриваешь благородный порыв, это трезвый расчет интригана, расчищающего путь к власти.

В другой раз он мне сказал:

— Смотри, как расточителен твой кумир! — Он старается затмить всех своими тратами. Разве это не подозрительно?

— Щедрый ненавистен скаредным! — дерзко отвечал я. — Смелый кажется безрассудным трусам.

Так начался мой спор с Катонем, длившийся много лет. Чтобы удалиться от соблазнов, Катон отправил меня на выучку к философам. Он рассчитывал, что вдаль от Рима в общении с мудрецами я расстанусь со своими детскими привязанностями и пристрастиями.

Я стал афинским школяром и на время забыл о тебе. Древние философы раскрывали передо мной красоты великих учений, и я как новичок восхищался то одним, то другим.

Особенно меня привлекло великое творение Платона «Государство», где раскрывалась природа справедливости и добродетели. Чтение Платона убедило меня, что нет государства хуже тиранического, а тиран — жестокое животное, согретое в народном чреве, чтобы творить народу неисчислимые беды.

В разгаре моего увлечения Платоном из Рима прибыл мой новый родственник Гай Кассий, ставший мужем моей сестры. Кассий описал мне знаменитое заседание сената, на котором Катон разоблачил тебя как тайного приверженца Катилины, помышлявшего установить в Риме тиранию.

Я бросился с кулаками на Кассия, который посмел бросить на тебя тень. — Как ты смеешь порочить Цезаря! — неистовствовал я. — Цезарь не станет связываться с преступниками. Он просто призывал сенат к милосердию².

— Что с тобой, Брут? — удивился Кассий. — И при чем тут я? Об этом

говорит весь Рим. И, если хочешь знать, толпа римских всадников³ окружила сенат и не давала выйти Цезарю. Она бы разорвала его, если бы не консул Цицерон, взявший Цезаря под свою защиту. И после того как заговорщики были казнены, весь Рим проводил Цицерона к его дому. Это был настоящий триумф.

Но что мне Цицерон, красноречивый ходатай Помпея. Я продолжал грезить тобою, мой Цезарь. Я следил за твоими успехами в Испании, с нетерпением ожидая возвращения в Рим и встречи с тобою.

И встреча эта произошла. Мы молча изучали друг друга.

— Вот ты какой, Брут! — проговорил ты первый. — Брут — философ. Нет, ты не похож на того, что на Капитолии⁴. У тебя другое лицо.

— Да! — согласился я. — Мне уже об этом говорили. Но мой отец был похож на древнего Брута. Словно бы та статуя отлита с погребальной маски моего отца.

Твой высокий лоб перерезала морщина. Взгляд стал отсутствующим.

— Я знал твоего отца, — сказал ты после паузы. — Это был достойный человек и сражался за достойное дело. Но мать твоя не менее древнего рода. Сервилия мне говорила, что происходит от Сервилия Ахаллы, того, кто убил народного трибуна Спурия Мелия якобы за стремление к тирании.

Меня удивило это слово «якобы».

— А разве это не так?

— Видишь ли, Брут, — отозвался ты, — Спурий добивался отмены долгов. Тиберий и Гай Гракхи хотели дать землю народу. Их убили по тому же обвинению. А разве они были тиранами? Разве были тиранами спартанские цари Агис и Клеомен, уничтожившие тиранию спартанской знати?

— А Катилина? — спросил я. — Ведь и он хотел отменить долги? Как ты относишься к Катилине?

Ты не ответил на мой вопрос, переводя разговор на другую тему.

Но через несколько лет этот вопрос снова всплыл, взбудоражив весь Рим. К тому времени ты уже заключил союз с Помпеем и Крассом, этими выкормышами Суллы, и благодаря их поддержке стал консулом. Твой приверженец Клодий стал добиваться изгнания Цицерона как убийцы сторонников Катилины и тем самым показал, что слухи о твоём участии в заговоре не беспочвенны. Тогда-то я понял правоту Катона, как поняли ее все, кому была дорога республика.

Придя к матери, я застал ее примеряющей перед бронзовым зеркалом подвеску с огромной жемчужиной.

— Поздравляю тебя с приобретением, — сказал я ей. — Эта подвеска тебе очень идет.

— Приобретением, — сказала она, обернувшись. — Неужели ты думаешь, что я бы потратила из нашего состояния миллион сестерциев? Это подарок консула...

Она сказала «консула», не желая называть твоего имени. Ты не жалел денег на женщин и политику. Кровь прилила к моему лицу.

— Он тиран. Я его ненавижу! — выкрикнул я и выбежал из таблина.

— А он тебя любит! — крикнула мне мать вслед.

Срашнее всего было то, что мать не ошибалась. Много раз я имел возможность убедиться в твоей любви ко мне.

Я был на Форуме в тот день, когда состоялось голосование о наделах земли ветеранам Помпея. На моих глазах твоему коллеге консулу Бибулу вывернули на голову корзину навоза. В него и других противников закона полетели камни. Ветераны Помпея обнажили кинжалы, которые они прятали под тогами. Закон был принят. И ты еще внес к нему дополнение — раздать неимущим землю Кампании, отняв ее у законных владельцев. Напуганный

сенат утвердил и это предложение. Один Катон осмелился поднять против него голос. Тогда ты приказал своим ликторам прямо с ораторской трибуны повести его в тюрьму. И только, когда до тюрьмы оставалось несколько шагов, народный трибун отнял Катона у стражи.

Остаток дня я провел с Катоном. Выслушав все, что накопилось у меня в душе против тебя, он принял мои извинения и, прощаясь, сказал:

— Ты еще не знаешь, на что способен этот негодяй!

И на этот раз Катон оказался провидцем. При самом богатом воображении нельзя было представить того, на что ты можешь решиться. Через несколько дней после ареста Катона на заседании сената выступил доносчик Веттий. Это он три года назад обвинял тебя в причастности к заговору Катилины. На этот раз Веттий разоблачал заговор на жизнь Помпея, к этому времени уже ставшего твоим зятем. Заговорщиками были объявлены все, кто имел основание ненавидеть Помпея, в том числе я. Впрочем, в заговоре мне была уделена пассивная роль. Главварем его был объявлен Бибул, будто бы вручивший Веттию кинжал.

Никогда еще в древних стенах сената не звучала столь явная ложь. На несколько мгновений она парализовала сидящих на скамьях. Наступила гнетущая тишина, прерываемая еле слышными вздохами и сопением. А потом зал взорвался, наполнившись возмущенными возгласами. Сенаторы вскочили с мест и, потрясая кулаками, кричали:

— Позор! Стащите негодяя!

А ты, председательствуя собранием⁵, искусно изображал неведение. Ты успокаивал кричащих, поскольку крики относились не только к клеветнику, но и к тебе, стоявшему за его спиной.

Когда наконец, воцарилась тишина, из зала посыпались вопросы. Веттий утратил свою бойкость. Он не показал

орудия преступления, уверяя, что из страха бросил его в Тибр. Он не мог привести ни одного свидетеля готовившегося убийства.

Твой замысел как истинного устроителя вымышленного заговора на Помпея становился ясен — ты стремился устранить со своего пути всех соперников, в том числе и меня.

Возмущенные сенаторы потребовали ареста Веттия и тщательной проверки всего дела. Но ты не успокоился. Ты вывел Веттия на Форум, чтобы он повторил свои показания перед народом. На этот раз мое имя исчезло из списка заговорщиков, но вместо меня был назван старец Лукулл, не интересовавшийся уже ничем, кроме изысканных блюд.

Ты оказался плохим драматургом. Задуманный тобою спектакль не удался. Веттия увели в тюрьму, а на следующее утро сообщили о его самоубийстве. В Риме шутили: «У Веттия оказался не только голос, но и руки Цезаря. Ими он себя и убил».

Теперь ненависть к тебе, смешанная со стыдом, душила меня. Страшно было думать, что ты был моим кумиром, что тебя продолжала любить моя мать. Мне казалось, что надо мною смеются. В невинных замечаниях я улавливал грязные намеки⁶.

Мне оставалось бежать, и я это сделал, не раздумывая. Местом своего добровольного изгнания я избрал Памфилию. Я надеялся на досуге заняться философией. Но меня догнало известие, что ты со своими друзьями выслав под благовидным предлогом на Кипр моего дядю Катона. Я поспешил к нему и вместе с ним занялся приемом наследства покончившего с собой кипрского царя.

Разумеется, и на Кипр доходили вести о твоих победах в Галлии и в Британии. Очевидцы уверяли, что в выносливости тебе нет равных. Говорили, что в походе ты идешь всегда впереди воинов, иногда на коне, с непокрытой голо-

вой, несмотря на зной, дождь или холод. Вспоминали, что ты один, восстанавливая в войске порядок, бросаешься на встречу бегущим и ведешь их в бой.

Я вспоминал стихи твоего великого ненавистника Валерия Катулла⁷ «Ненавижу и люблю». Их адресатом была сестра твоего приспешника Клодия, которую он называл «Лесбийей». Но мне казалось, что Катулл этой строкой выразил и мое отношение к тебе. Я тебя ненавидел как лживого политика и демагога. Я любил в тебе великого полководца, сделавшего для возвеличивания Рима больше, чем Марий.

Когда же ты после смерти Красса разошелся с Помпеем, мою ненависть к тебе стала ослабевать и ярче, чем когда бы то ни было, разгорелась любовь.

Возвратившись в Рим, я открыто стал на твою сторону. Тогда-то я написал свое сочинение «Против Помпея» и ты, к тому времени уже не только великий полководец, но и прославленный писатель, похвалил мой стиль.

Тогда-то я вновь разошелся с Катонем (тогда он был уже моим тестем). Катон считал, что ты опаснее галлов, германцев и британцев, вместе взятых. Я объяснял эти слова слепотой. Но слепцом оказался я.

События разворачивались с головокружительной быстротой. Твоя вражда с сенатом разделила государство на два стана. Ты настаивал на том, чтобы тебе заочно дали консульскую власть. Сенат тебе в этом справедливо отказал. Тогда ты не остановился перед тем, чтобы захватить Рим силой. Ты осуществил то, чего не добились Ганнибал и Спартак. Ты объявил себя диктатором. Ты стал тираном.

Я бежал из захваченного тобою Рима в Македонию, где Помпей собирал под своими орлами⁸ всех врагов тирании. Я вступил в стан убийцы отца, подал ему руку. И этому виной твоя ненасытная жажда власти, Цезарь!

Утром со стороны претория послышались трубные звуки. Помпей решил дать сражение. Рабы подвели мне коня, и я занял место в строю. Ты выставил против нас свою отборную пехоту. Нас засыпали стрелами. И мы отступили, потеряв половину всадников. Во время бегства конь мой, будучи ранен, пал, и я вылетел на землю, от удара потеряв сознание.

Очнувшись вечером, я укрылся в каком-то болоте и блуждал всю ночь по щиколотки в жидкой грязи. Камыш хлестал меня по лицу и обнаженным плечам. «Поделом мне! — думал я. — Злой гений привел меня в стан Помпея! Я связался с убийцей своего отца, этим напыщенным ничтожеством. Обладая вдвое большим войском, он не сумел воспользоваться перевесом и погубил республику».

Утром, выйдя в фессалийский городок Ларису, я потребовал восковые таблички и написал тебе: «Цезарь, я жив».

Ты послал за мною и встретил, выйдя мне навстречу из лагеря. Во время объезда я ощутил влажность твоих щек. Уже после твоей смерти я узнал, что перед битвой ты приказал легатам и центурионам во что бы то ни стало сохранить мне жизнь.

Я вернулся в Рим вместе с тобой. Лучше бы я остался на поле боя. Хотя ты провозгласил себя диктатором, на самом деле ты стал царем, хотя и без короны. До этого было недалеко.

Готовясь переправиться в Африку для войны с Катонем, собравшим последних защитников свободы, ты обещал назначить меня правителем Предальпийской Галлии. Это была плата за предательство, и я ее принял. Ты сокрушил мой дух, сломил мою волю. Презирая себя, я принял эту подачку. И снова я перечитывал «Государство» Платона и его рассуждения о человеке тиранического государства, становящемся против своей воли пособником тирана.

Вскоре ты вернулся из Африки, и вместе с тобою пришла весть о героическом конце Катона. Катон не захотел принять милость из твоих рук. Уединившись, он ночью при свете ламп прочитал книгу Платона о бессмертии души и умер как философ, показав пример мне⁹.

В то время, когда ты воевал в Африке с сыновьями Помпея, я сблизился с Кассием. После возвращения из Парфии, где в злосчастной войне он покрыл себя неувядаемой славой¹⁰, он так же, как и я, сражался на стороне Помпея. Ты пощадил его, как и меня. Мы оба были сломлены. И это нас связало.

Ты хочешь знать, кто первый пришел к мысли о необходимости твоего убийства? Мы возвращались после философских чтений у Цицерона, и Кассий положил мне руку на плечо.

— Друг мой,— сказал он, как бы выдвигая из себя слова.— Сегодня, во время удивительных откровений нашего учителя¹¹ об устройстве мироздания, ко мне пришла мысль...

— Ко мне тоже! — воскликнул я.

— О Цезаре... — сказал Кассий.

— О мести Цезарю,— добавил я.

Это было еще до твоего возвращения из Испании и твоих великолепных триумфов, до того, как весь Рим наполнили твои статуи, как твоим именем называли месяц в календаре¹², как тебе дали звание «отец отечества» и даровали пожизненную диктатуру.

Вместе с Кассием мы были на том народном собрании, когда твой приспешник Антоний поднял над твоей головой, будто неожиданно, диадему¹³. Один миг ты изучал толпу, ожидая всплеска восторга. Толпа молчала. Увидев это, ты принял строгий вид и отодвинул рукой диадему. Форум вздрогнул от рукоплесканий. Спектакль, участником которого были Антоний и ты, не удался, как и тот давний с Веттием. Боги дали тебе много талантов: ты великий полководец, великий актер, ве-

ликий игрок, великий сочинитель истории, великий оратор. Но драматургия не твоя стихия, хотя ты и мастер интриги. У тебя нет чувства меры.

Тогда я убежал на Капитолий. Бродя между статуями древних царей и полководцев, я наткнулся на статую моего предка. Бронза сохранила неукротимую силу воли, яростную решимость идти до конца. Мой предок не был философом. Он был воином. По характеру он ближе к Кассию...

Но что это? На бронзовом плече надпись. Нет, не древняя этрусскими буквами. Надпись мелом, может быть, сделанная вчера: «Бедный Брут! Ты казнил своих сыновей и не оставил потомства. Царям некого бояться!»

— Невежда! — закричал я, обращаясь неведомо к кому. — Мало тебя в детстве били ферулой! Брут казнил двух старших сыновей, а мой род происходит от младшего!

Март неудержимо шел к своей середине. Утро ид было светлым и предвещало добрый день. Веттий предугадал мою будущую роль. Я ненавидел Помпея, но не собирался его убивать. Теперь я решил убить тебя. Роли распределены. Назначено место казни: портик, окружающий театр Помпея. Ты оставил его статую, чтобы все знали о твоём благородстве. Поверженным не мстят! Помпей, обратившись в бегство, пал от руки жалкого египетского раба. Ты падешь от рук сенаторов и от моей тоже. Это будет публичная казнь. Позолоченное кресло, на котором ты восседаешь, поставят у статуи Помпея. Ты упадешь к его ногам и залынешь курию своей кровью, как до того залил мир кровью сограждан.

Я вышел в атрий. Там, рядом с восковыми изображениями предков, хранится кинжал в старинной оправе. Это была реликвия матери. Будто бы этим кинжалом Сервий убил Спурия Мелия.

Я протянул руку к кинжалу, и в это

время я услышал шаги. Оглянувшись, я увидел жену.

— Порция! Почему ты не спишь? Ведь еще рано!

— Спать этим утром! — воскликнула она. — Твой сон был тяжел. Я услышала тайну из твоих уст. Почему ты скрывал от меня свою тайну?

— Но это не только моя тайна, — пытался возразить я.

— Но ты забыл, чья я дочь, — произнесла она. — Помпей убил твоего отца. А Цезарь моего... Если бы я была мужчиной, я давно бы сделала то, на что вы решились.

Она открыла шкаф и, достав кинжал, протянула его мне.

¹ Катон Младший — правнук Катона Цензора, героя рассказа «На вилле Катона».

² На заседании сената Цезарь выступил против смертной казни разоблаченных сторонников Катилины. Выступивший после Цезаря Катон ратовал за смертную казнь и своей речью создал впечатление, что мягкость Цезаря объясняется его участием в заговоре.

³ Римские всадники — второе римское сословие. Крупные землевладельцы и ростовщики, стоявшие вне сената.

⁴ На Капитолии находилась статуя Брута, первого римского консула, изгнавшего из Рима этрусских царей. Своих сыновей, причастных к заговору, имевшему целью возвращение этрусков, Брут приказал казнить.

⁵ На заседаниях сената председательствовал один из консулов.

⁶ В Риме распространялись нелепые слухи, будто Брут был сыном Цезаря. В год рождения Брута Цезарю было 15 лет.

⁷ Катулл — великий римский лирический поэт (87—57 годы до н. э.). В своих сатирических стихах заклеил Г. Юлия Цезаря.

⁸ Знаменами римских полководцев и легионов, которыми они командовали, были изображения орлов.

⁹ Философской смертью называли в древности самоубийство. Катон покончил жизнь самоубийством.

¹⁰ Гай Кассий участвовал в походе Красса на Парфию в качестве квестора, а после поражения и гибели Красса в 53 году до н. э. как управитель Сирии отразил нападение парфян на эту провинцию, разбив парфянское войско.

¹¹ «Учителем» Кассий назвал Цицерона. Впоследствии Цицерон был казнен как вдохновитель убийц Цезаря.

¹² Седьмой месяц нашего календаря — июль — продолжает носить имя Юлия Цезаря.

¹³ Д и а д е м а — знак царской власти, которой добивался Цезарь.

МОЕ ИМЯ

Рассказ основан на действительных отношениях между потомком народных трибунов Тиберием Семпронием Гракхом и дочерью Августа Ливией.

На моих коленях шелестит папирус — сын Нила. Он был растением, стал свитком. Он помнит разливы и сушь, плеск весел, хлопанье парусов, кваканье лягушек, боль от врезающегося ножа, всю свою давнюю жизнь. Но ему дано вместить и мою...

Солнце стояло в зените. Тень кленов легла на плиты Форума затейливым узором, напоминающим неразгаданные письмена. Мне казалось, что я вступаю в какой-то забытый мир.

И вдруг прозвучало мое имя. Раб, шедший рядом с закрытыми носилками, кому-то его назвал. Отдернула шелковая занавеска. Пахнуло аравийскими благовониями. На меня пристально смотрела молодая женщина. Дерзкий взгляд и печаль на губах.

— Тиберий Семпроний Гракх! — ты удивленно вскинула брови — Гракх в наши дни?

Мое имя! Оно всегда было моим проклятием. Почему нам не дано самим выбирать имен? Я — Семпроний. Ты — Юлия. Мой прапрадед был прославленным народным трибуном, твой — безвестным всадником. Отец мой умер простым всадником, а твой — пожизненным народным трибуном, принцепсом и был провозглашен богом. Ему поклоняются и приносят жертвы в храмах. Греки называют это превращениями...

Но как часто мы не поспеваем за превращениями и сохраняем за изменившимся старое имя. Так мы именуем

тирании республиками, тиранов — отцами отечества, ростовщиков — всадниками, нищих — квиритами¹. Так и я оказался недостойным своего имени!

Моя мать — Антистия — ушла от отца к богатому вольноотпущеннику. Отец поручил меня дорогостоящим образованным рабам. Мой первый наставник — грек — ничем не напоминал благородного Блосия, друга и воспитателя Гракхов. Его не волновало обнищание свободного гражданства, но зато он обожал мимов² и готов был из-за них претерпеть порку, лишь бы не пропустить их представление. Иногда он брал меня с собою, боясь оставить дома одного. Однажды я его выдал, повторив при отце непристойный жест. Грека, не посчитавшись с его ценой, послали в деревню крутить вместе с колодниками мельничное колесо!

Отец, заботясь о моей нравственности, приобрел сгорбленного сирийца, страстного поклонника стоического учения³. Он набил мою голову изречениями и притчами, как мешок горохом. О, эта мудрость, рожденная в каморках для рабов. О, эти благоразумные зайцы, стоящие на задних лапках перед царем зверей и видящие смысл в своем съедении!

Потом школа ритора⁴. На меня напаяли пеструю тогу, сшитую из раздобытых где-то лоскутов. Слова обветшали и утратили свой смысл. Но это не смущало! Можешь не верить сам, сумею убедить других. Заставь облиться слезами над судьбой плененной ахейцами Андромахи! А сколько таких Андромах на твоей вилле? Ты даже не знаешь их настоящих имен и обходишься кличками. И, отдавая их на ночь какому-нибудь гостю, ты не замечаешь их слез.

Риторика! Меня убеждали, что я должен в ней преуспеть, чтобы возродить блеск своего прославленного рода. Но речь моя оставалась скованной, а слова скользкими и бесцветными, как медуза.

— Ты не Гракх! — глубокомысленно

качали головой наставники.— Где зовущая глубина Тиберии? Где пронзительные глаголы Гая?

Как будто гром порождается пустотой! Я вас спрашиваю, где Форум Гракхов? Где тысячи устремленных на оратора глаз? Где руки, уставшие от меча и истосковавшиеся по земле? Где, наконец, злобное шипение стоящих в той же толпе врагов? Решая судьбы Рима и мира в спальнях и табlinумах, вы хотите иметь Гракхов?!

Но если бы я унаследовал талант Гракхов, о чем бы я вещал квиридам? О возрожденных доблестях предков? О принесенном Августом мире? О наделении плебеев земель? Да меня бы подняли насмех! Ха! Ха! Ха! Земля? Пусть ее возделывают варвары. Ответь лучше, кто победит? Самнит или Галл? Добей его! Добей!

Когда пришло время, я стал помогать должности эдила. Народу не пришлось голосовать за или против. Твой отец, которого называют божественным, утверждая список для голосования, вычеркнул мое имя. Не думаю, чтобы он догадывался о моем существовании или знал, что я замешан в чем-либо предосудительном. Августа — я уверен — испугало мое имя.

Что тебя тогда заставило выйти из лектики? Чем я тебя привлек? Доставшимся от отца наследством? Но ты сама могла вымостить деньгами Аппиеву дорогу до самого Брундизия. Внешностью? Но я никогда не нравился женщинам. Тем, что я прославился в стычке с германцами за Реннусом? Ты была сыта до рвоты победами твоего усыновленного Августом мужа! Моим именем! Помнишь, как позднее тебе нравилось, когда шедший за нами номеклатор, провозглашал: Юлия и Тиберий Семпроний Гракх! В этом сочетании было что-то фантастическое, как в кентавре или химере, или противоестественное, как в любви дочери Божественного и простого смертного.

Да! Нас соединили тени моих мятежных предков. Ты знала о них больше, чем я. Ночью мы ходили по Форуму среди мертвых статуй. Ты вглядывалась в их освещенные луною бронзовые лица, и они оживали в твоих рассказах. Ты не просто читала древние летописи. Мне казалось, что ты жила при старинных царях и бородатых консулах. Ты мне показала место на спуске с Капитолия, где под градом ударов упал Тиберий Гракх. За городом, на месте гибели Гая в роще Фуррины, ты положила мне руки на плечи: «Проснись, Гракх!»

Да, ты пришла из другого мира. Тебе надо было родиться в Сарматии и, пригнувшись к покрытой пеною гриве, мчаться сквозь дикую степь. Или скользить на утлом челноке темной ночью между речными порогами. Ты же была лишена даже той женской свободы, которую воспевал злосчастный Овидий. Угрюмый и подозрительный супруг. Август не нашел во всем Риме никого другого, кому бы передать свою власть и свою дочь. Ты была принесена в жертву самому тираническому из божеств — государственной необходимости, как она понималась твоим отцом. Тебе выбрали мужа, указали друзей, тебя в составе всей божественной семьи воплотили в мраморе на Алтаре Мира. Но тебя это не удержало. Ты родилась мятежницей, Юлия!

Тебе нравилось вопрошать судьбу, словно бы ты надеялась уйти от ее ударов. Помнишь, мы отправились к гадателю-халдею? Он долго всматривался в небо, пока где-то на его краю не отыскал одинокую еле мерцавшую звездочку. «Ты останешься одна, — грустно проговорил халдей. — Тебя покинут друзья. И даже отец откажется от тебя».

Твои губы искривились в жалкой улыбке.

— Вот видишь, мой Семпроний. Звезды предсказывают одиночество, а ты клянешься в вечной любви!

Гадатель по звездам не ошибся. Гнев Августа был страшен. Он любил в тебе самого себя, осторожного, размеренного, но не отыскал этих черт. Тебя принял скалистый остров. Бесконечный шум волн. Ни один корабль не мог пройти мимо. И такой же остров нашли для меня. Четырнадцать лет без любви, без книг, без надежды. Можно стать зверем, разучиться думать.

Но одиночество и эта скала возвысили меня. Море стало Форумом. Я вынес на суд волн и всю нашу жизнь. Кто повинен в том, что наши помыслы не поспевают за бешеными метаморфозами, в том, что помимо нашего лицемерного времени есть еще история. Нет, не та, которую стремился возродить Август, реставрируя обветшалые храмы. История тех бурных лет, когда безразличие, на котором был поднят этот лживый режим, еще не овладело гражданами.

И кто бы теперь сказал, что боги не дали мне таланта?! Периоды боли, обиды, отчаяния сменяли друг друга. Волны то тихо скорбели вместе со мной, то подбадривали меня своим рокотом, то одобрительно рукоплескали. Порой мне удавалось потрясти их до самой глубины. Ярость выворачивала морское нутро. Я призывал бурю. В то утро море было недвижимым. Я увидел трирему издалека. С тех пор, как рыбак, доставлявший раз в месяц провизию, сообщил мне, что Август умер, я ждал убийц со дня на день.

Тревожно метались дельфины. Описывая вокруг судна круги, казалось, они хотели преградить ему путь. Затаил дыхание ветер. Безжизненно обмякли паруса. Но весла, подчиняясь злой воле, опускались мерно и неотвратимо.

Вот и конец папируса. На краю не лгут... Я не жалею ни о чем, Юлия. Ты вернула мне имя Гракха.

¹ К в и р и т — почетное обращение к римскому гражданину.

² М и м ы — актеры, участвующие в уличных сценах, часто имеющих неприличное содержание, а также и сами сцены. Любовь к мимам, как эпидемия, распространилась по всей Италии в I в.

³ Стоическое учение, изложенное впервые философом Зеноном в Афинах IV в. до н. э., начиная со II в. до н. э. распространилось в Италии, как в высших слоях общества, так и в низах.

⁴ Вслед за школой грамматиста, в которой юные римляне получали начальное образование (умение читать и считать), желающие и имеющие средства для продолжения образования переходили в школу учителя красноречия — ритора.

ОВИДИЙ

Император Август сослал великого римского поэта Овидия на северо-западный берег Черного моря, где он и умер, не добившись разрешения вернуться на родину.

Волны еще не смыли очертаний тела на песке, а черная голова пловца едва уже виднелась в открытом море. Издалека ее можно было принять за водяную птицу, плавающую у берега в осенние дни.

Несколько минут назад пловец лежал на животе, бездумно пропуская меж пальцами мокрый песок. Ветер трепал волосы, стянутые на лбу льняной тесьмой. Из камышей, обнявших колючим строем озеро, доносилось ленивое мычание волов и хруст жвачки. Ненавязчивые звуки успокаивали. А прикосновение волн, зализывавших щиколотки, было приятно, как ласка ребенка.

И вдруг человек вскочил на ноги. Чуткий слух уловил чуждые берегу звуки. Римляне шли, оживленно болтая и смеясь.

Пастух стиснул кулак с такой силой, словно бы в ладони была не горсть песка, а горло недруга. Из кулака потекла желтая жижа. Человек бросился в море и поплыл к плоской, вытянутой косе.

Местные жители, геты, за рубцы и шрамы на теле прозвали его Меченым.

Никто не знал его настоящего имени — он был продан в рабство ребенком. Рассказывали, что он провел много лет на римской триреме, поднимая и опуская тяжелое весло, и это его ожесточило. У него не было семьи. Дочери и жены рыбаков избегали его. Он не смотрел людям в глаза, изъяснялся на каком-то странном языке, смешивая греческие и латинские слова с наречием своего народа. Он умел читать не хуже тех, кто приходил из города в рыбацкий поселок собирать подать. Но казалось странным, что он никогда не бывал в Томах¹ и при появлении римлян прятался, хотя ничто ему не угрожало.

Пастух вышел из воды, отряхнулся, с опущенной головой зашагал в глубь косы, туда, где из песчаных, надутых ветром холмов поднимались желтоствольные сосны.

И тут ему бросилась в глаза вытщенная на берег лодка. Как он ее не заметил с моря? «Здесь кто-то должен быть...» Едва успев это подумать, пастух увидел сгорбленную человеческую фигуру. Незнакомец сидел спиной к морю. Ветер раздувал его седые волосы. Внезапно он встал, и пастух разглядел белую римскую тогу. Римлянин! Наверное, один из тех, кто прибыл на корабле в Тома. От них и здесь не скроешься! Решение пришло сразу. Этот должен ответить за все. Только так можно покончить с прошлым, которое давило как камень. Рука сама вытащила из ножен на поясе кривое лезвие. Гениохи² научили им обращаться. С десяти шагов оно поражает без промаха.

И вдруг пастух услышал всхлипывание. Он оглянулся. Трудно поверить, что плачет этот старец в тоге. Но вокруг не было никого. Плачущий римлянин! А ему казалось, что римляне бесчувственны и заставляют плакать других. Кто мог обидеть этого римлянина? Кто причинил ему боль? Пастух прислушался. Удивительный римлянин уже пел.

И песнь его была широка, как Данувий в месяц разлива. Откуда в квакающей римской речи появилось столько величавой мудрости, грустного раздумья и хватающей за сердце тоски? Этот римлянин — певец. А все певцы — любимцы богов. Даже дикие звери не трогают их. Дельфины высовывают головы из кипящих волн и внимают их пению.

Пастух засунул нож за пояс и медленно зашагал к поющему. Дождавшись, пока римлянин закончит свою песню, он спросил:

— О чем ты поешь, чужеземец?

Римлянин повернулся. Его лоб был в морщинах, но глаза сохранили юношеский блеск. И в них не было ни испуга, ни удивления.

— Я пою о родине, с которой меня разлучила судьба,— ответил римлянин.— Вот уже десять лет, как меня изгнали из Рима в этот пустынный и безотрадный край. Десять лет, как я взираю на это море размыто-синего цвета, словно бы Нептун пожалел для него лазури. Песни, которые я пою, никто здесь не понимает, и я, записав их на папирус, отсылаю в Рим.

— У тебя есть о чем вспомнить,— сказал пастух.— Ты был счастлив на своей родине.

— У меня есть одни воспоминания.

— Воспоминания бывают разными,— продолжал пастух.— Одни расширяют твоё бытие. Ты живешь и минувшим и настоящим. Другие — как тяжелая железная цепь. Идешь, а они тянут тебя назад.

Римлянин удивленно вскинул голову. Он не ожидал услышать от варвара столь мудрые слова.

— Ты хорошо сказал о воспоминаниях. Но у человека должно быть будущее. Я же потерял все, кроме жизни, которая каждодневно дает мне чувствовать горечь бедствий. На мне больше нет места для ран. Римские друзья забыли обо мне. Моя Фабия больше не пишет. А как она вралась за мною в

прощальную ночь. Я не взял ее, надеясь, что в Риме она добьется для меня прощения. Шли годы. Прощения не было. Август не изменил своего решения. Мои жалобные песни не смягчили его сурового сердца. Новый правитель хуже прежнего. Я и мои песни ему ненавистны. Скорее Данувий направит свой бег к истокам! Скорее исчезнет созвездье, что в ночном небе стоит колесницей³, чем мне разрешат вернуться в Рим.

Пастух слушал, проникаясь все более и более сочувствием к этому удивительному человеку. Римлянин плакал от бессилия изменить свою судьбу. У него не было будущего.

Помолчав немного, певец приподнял исхудавшее лицо. Огромные горящие глаза смотрели с ожиданием, но в нем ощущалось беспокойство.

— Я не надеялся здесь никого встретить,— произнес он прерывающимся от волнения голосом.— Этот мыс всегда мне казался глухим и пустынным. Я приплыл сюда, чтобы свести счеты с жизнью. Но раз судьба столкнула меня с тобой, я решаюсь просить тебя об услуге. Руки мои не привыкли к мечу. Мне еще не приходилось вонзать мертвую сталь в живое тело. Удар может оказаться неверным, смерть — долгой и мучительной.

Римлянин наклонился и быстро поднял с земли меч. Его широкое лезвие блеснуло на солнце.

— Вот, возьми!

Пастух отпрянул. Во взгляде его сквозил ужас.

— Нет! Нет! Я не могу, я не хочу убивать. Я слишком много видел смерти и страданий. И разве ты виноват в том, что со мной было?

Сейчас пастух уже не помнил о своем намерении лишить римлянина жизни. Что же произошло за эти несколько минут? «Этот римлянин не такой, как другие,— думал пастух.— Он слишком хорош для Рима. Но почему он не может жить без своего города, принесшего

ему горе? Почему ему мало этого простора, этих сосен, этих синеющих на горизонте лесов?»

— Остановись! — кричал римлянин.— Заклинаю тебя богами, остановись!

Пастух бежал по косе, увязая по щиколотки в песке. «У каждого свои счеты с жизнью,— думал он.— А я не могу быть убийцей».

— Уведи мой челн,— донесся голос издали.— Утопи его в море. Я не хочу, чтобы они узнали, как умер Овидий.

Пастух направился к лодке. «Овидий...— думал он.— Римлянина зовут Овидием». Он никогда не слышал этого имени. Да, этот римлянин не такой, как другие.

¹ То мы — греческий город на берегу Понта Эвксинского (Черного моря), неподалеку от устья Дуная. Ныне румынский порт Констанца.

² Гениохи — обитатели восточного побережья Понта Эвксинского (в районе современного города Сочи) — славились как отважные и беспощадные морские разбойники.

³ В древности созвездие Большой Медведицы называли Колесницей.

РЫБАК И ЦЕЗАРЬ

Рассказ основан на действительном событии последних лет правления императора Тиберия (14—37 гг.), носившего, как и другие римские императоры, почетное имя цезарь, когда он, удалившись из Рима, жил на острове Капри (Капри).

Зеленоватые водоросли на прибрежных черных камнях колыхались, как борода владыки морей Посейдона, и волны играли ею в лунном свете. Авл любил море, тихое и бурное, ночное и утреннее. Море наполняло его душу своим светом и дыханием. Оно было для него тем, чем для пахаря пашня и для пастуха луг. Авл был рыбаком. И отец его тоже был рыбаком. И все его предки были рыбаками. Он родился в хижине,

Нерон. Придя к власти после того, как его мать отравила своего супруга, Нерон вскоре убивает и ее и дает волю своей «артистической» натуре — выступает как поэт, музыкант, актер, цирковой возница, поджигает Рим, чтобы построить новый, обращенный к солнцу город. Вызвав недовольство сената, он, оставленный всеми, приказывает заколоть себя и уходит из жизни со словами: «Какой великий артист умирает!»

Римская карикатура. Таким виделся основатель христианства большинству гладиаторов, потешавшихся над странной религией,

Тибериус, сын Ливии, пасынок и преемник Августа, сумевший упрочить новый режим, подавить недовольство армии и сенаторов. После покушения на его жизнь в 30 г. развязывает кровавый террор и, не снимая с себя полномочий принцепса, удаляется на остров Капри (совр. Капри).

бог которой был распят на кресте, как жалкий раб. Это подлинная карикатура на стене казармы в Помпеях.

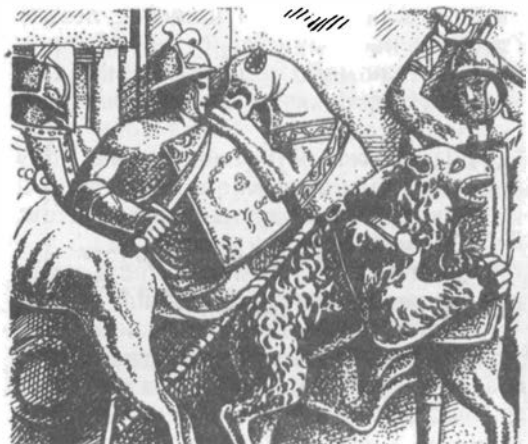

Монета Тибериуса с изображением восстановленного им храма Конкордии, богини согласия. В глубине храма на троне статуя богини, у входа на постаментах — статуи атлетов. Храм, украшенный и многими другими статуями и картинами,

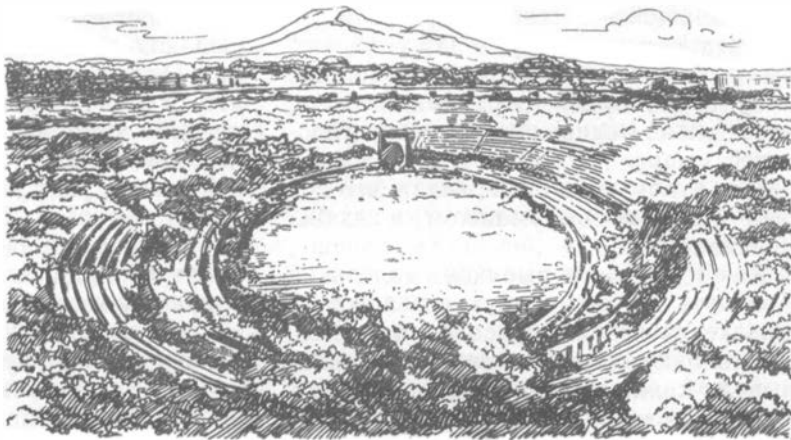
Схватка со зверями. Гладиаторы сражаются с выпущенными на арену амфитеатра львами и медведями.

часто служил местом заседаний сената. Согласие между народом, сенатом, армией и императором было неминуемой мечтой преемников Августа — ни один из правителей основанной им династии не умер своей смертью.

Бег колесниц, наряду с гладиаторскими боями и травлей зверей, — любимое зрелище римской толпы.

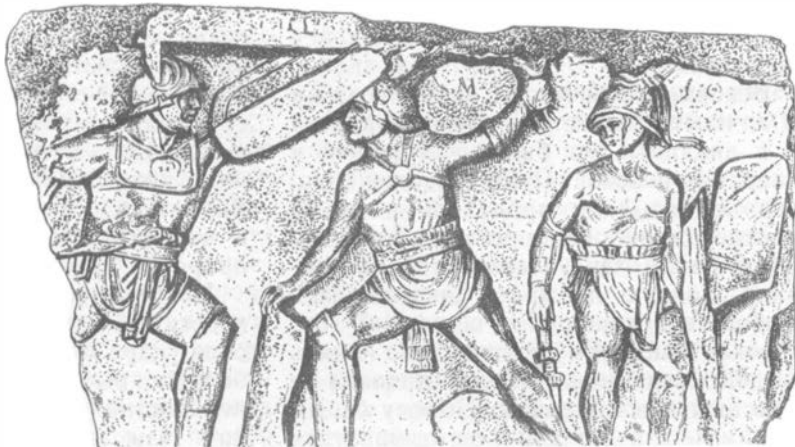

Амфитеатр в Помпеях. Это сооружение, служившее для гладиаторских боев, могло вместить до 20 тысяч человек, т. е. все население небольшого южноиталийского города и окрестных vill и городков. При императоре Нероне между чужаками и хозяевами возникла драка с человеческими жертвами. В наказание римский сенат запретил устраивать в Помпеях игры в течение 10 лет.

Добрый пастырь. Таким представляли основателя христианства Давид и другие христиане гладиаторской казармы. Благочестивый пастух, он кормит сходящихся к нему овец.

Сражение гладиаторов. Рельеф. Двое гладиаторов сражаются короткими мечами (gladii; давшими название «гладиаторы»). Третий, раненый, выронил меч.

прилепившейся к скале у самого моря. Его дед, слишком старый для того, чтобы рыбачить, и поэтому оставшийся нянчить внука, клялся богами, что Авл, едва только родившись, явственно произнес «маре»¹. Рыбаки Капреи сочли бы это чудом, если бы не знали, что дед был большим выдумщиком и любил прихвастнуть.

Как и все дети рыбаков, маленький Авл чуть ли не до двух лет лежал в люльке из старых просоленных сетей. Волны баюкали его, а ветер, врываясь в щели хижины, раскачивал колыбель. Авл протягивал ручонки к свету, и его детский лепет сливался с завыванием ветра и грохотом волн. А когда богиня первого шага научила его ходить, он двинулся к морю. Море не пугало его, как других. Он не кричал, когда его смыла волна. И люди, вытащившие ребенка на камни, уверяли, что Авл упирался, плакал и рвался опять в воду. Море было первым товарищем его детских игр. В дни осенних бурь оно выбрасывало к его ногам то плоскую серебряную рыбку, то морского конька, то обломок весла. Эти случайные дары давали Авлу больше, чем дают маленьким римлянам глиняные повозочки или бронзовые солдатики. Они заставляли задуматься над тайнами природы. Почему приходят бури? Откуда этот обломок весла? От триремы? Или, может быть, от рыбацкой лодки, разбившейся на утесах?

Вскормленный морем, вдали от лжи и алчности, зависти и коварства, Авл и в двадцать лет был простодушен и чист, как ребенок. Пока был жив отец, его не посылали продавать рыбу. А позднее бесчестные торговцы всегда его обманывали. Он уносил в гавань корзину, полную до краев шевелящейся рыбой, а возвращался с жалкой горсточкой монет. Ему трудно было понять людей, скупавших рыбу, но никогда не бросавших в море сети. Почему бы им самим не взять лодку и не отправиться

на ловлю? Вместо этого они в ожидании рыбаков просиживают на жаре целые дни. Он с трудом верил рассказам о тех, кто, скупая за бесценок улов, наживает на рыбе состояние и строит себе виллы, которые, подобно драгоценным белым раковинам, украшают берег Кампаний². Будто бы за шестифунтовую барвену³ на Рыбном рынке Рима дают пять тысяч сестерциев. Таких денег, пожалуй, не сыщешь у всех рыбаков Капреи. На них можно купить и новую лодку с парусом, и добрую сеть. Авлу ни разу не попадалась такая рыба. Обычно он вытаскивал барвену фунта на полтора. Торговцы, вынимая ее из корзины, тут же кидали ее назад. «Мелочь!» — говорили они, презрительно кривя губы. И платили за всю корзину сразу, хотя другим рыбакам за каждую барвену давали особую цену.

Было утро весеннего дня. Море только проснулось. Раскинувшись во всю ширь, оно ласково шурилось и лениво шевелило волнами. Как плавники какой-то сонной рыбы, тихо поднимались и опускались весла. Капли жемчужной влаги стекали с их освещенных солнцем краев. В лад веслам звучала песня Авла, негромкая и ясная, как это утро.

Наклонившись, Авл опустил руку через край лодки. Упругая волна плеснула в его ладонь так, что он ощутил соленые брызги на губах. Счастливая улыбка осветила лицо юного рыбака: море узнало его и ответило рукопожатием. Схватив веревку у поплавок, он начал вытаскивать сеть. Напряглись мускулы на руках. Задвигались желваки скул. Выпяtilась грудь. Он был прекрасен в эти мгновения труда и общения с природой.

Авл подтянул сеть. Над нею что-то хлестнуло, подняв столб брызг. По силе удара он понял, что в сеть попала большая рыба. Но какая? Может быть, ненавистная рыбакам морская колючка? Или змееподобная мурена? Авл

еще раз дернул сеть, и рыба на мгновение выскочила из воды. Авл ахнул от изумления. Барвена! Да еще какая! Фунтов на двенадцать.

Слух о том, что поймана огромная барвена, быстро распространился по острову. Со всех сторон к хижине Авла шли рыбаки, чтобы своими глазами взглянуть на рыбу и на счастливца, которому она досталась. Интересно, сколько за нее дадут перекупщики?

Толпа окружила Авла с его добычей. Авл сидел на пороге хижины, положив на колени тяжелые кулаки. Рыба в обрывке сети билась у его ног. Никому не приходилось видеть такой большой барвены.

— Это рыбий цезарь! — воскликнул кто-то.

Авл вскочил. «Как же я не догадался сам! — подумал он. — Такой рыбины не ловил еще никто на нашем острове, потому что здесь никогда не жил цезарь. Эта рыба принадлежит ему».

— Это его рыба! — сказал Авл, не нашедший слов для оправдания своего решения.

— Тебя не пустят во дворец, — проговорил старый рыбак. — Рыбу заберут воины, и ты за нее ничего не получишь. Отвези ее лучше в Рим. Там тебе дадут большие деньги.

— Послушайся доброго совета, — взмолилась мать. — Твоя лодка скоро развалится. Сеть порвалась об острые камни. У нас в доме ни масла, ни соли!

— Я отдам рыбу цезарю в собственные руки, — сказал Авл.

Больше с ним никто не спорил. Все знали, как он упрям. К тому же это его рыба. Он ее поймал, и может делать с нею, что хочет. «Прав старик, — думал Авл. — Воины отберут рыбу! Император о ней даже не узнает». Авл вспомнил, как дед показывал ему другую дорогу, на крутую скалу, где теперь дворец цезаря, куда вел мост, охраняемый воинами. Собственно, это была не дорога и даже не тропа, а просто

обрыв с уступами, по которым можно взобраться. И он в детстве как-то взбирался на скалу этим путем и едва не сорвался в море. Теперь же у него сильнее руки и зорче глаз. Но мешает рыба...

Авл улыбнулся. Он всегда улыбался, когда ему удавалось найти удачное решение. «Конечно, я привяжу рыбу к спине, — подумал он. — И руки будут свободны».

Так он и сделал. Особенно трудным был последний отрезок пути. Скала поднималась почти отвесно. Авл карабкался, цепляясь руками за острые камни и колючие кусты. Часто приходилось отдыхать. И в эти мгновения становился слышен шум моря. Но он не видел его, так как боялся пошевелиться. Каждое неосторожное движение грозило гибелью. Но Авл несколько не жалел, что избрал эту дорогу. И ему не было страшно. Ведь он был не один. Рыба нетерпеливо хлопала хвостом, словно подбадривала: «Иди, Авл, иди!»

Оставалось несколько футов, но самых опасных. Авл обеими руками уцепился за край скалы и одним усилием вытянул тело, несколько мгновений он лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Открыв глаза, он увидел прямо перед собой в двух или трех шагах старца с пронзительными глазами и резкими чертами лица. Он угрюмо смотрел на Авла, как-то странно наклонив голову. Так смотрят на какое-нибудь насекомое, ползущее по земле, на муравья или жука.

Внезапно старик вскинул голову. И тогда Авл узнал его. Да ведь это цезарь! Таким он изображается на монетах. Но почему у него такой странный взгляд.

— Цезарь! — воскликнул Авл, вставая. — Я принес тебе эту рыбу. Он стал разворачивать обрывок сети. Рыба ударила хвостом. Цезарь попятился, защищая лицо руками.

— Это барвена,— как ни в чем не бывало продолжал Авл.— Я поймал ее для тебя. Видишь, она еще не заснула.

Император коснулся спиной колонны и вдруг, резко повернувшись, дернул за конец какого-то шнура. Через несколько мгновений послышался топот. Стража, звеня оружием, бежала на зов императора. Сбегались и слуги.

Авл стоял со своей рыбой, не понимая, откуда сразу взялось столько людей.

Император начал успокаиваться. К нему возвратился дар речи.

— Что это за человек? — спросил он.

— Это здешний рыбак,— пролепетал кто-то.

Но этот ответ не удовлетворил императора.

— Как он сюда попал? — возвысил Тиберий голос.

— Все взоры обратились на начальника караула. Это в его обязанности входило следить, чтобы никто из посторонних не входил во дворец.

Начальник караула, рослый широкоплечий верзила, выступил вперед. Он был бледен, как полотно. Руки его дрожали. Начальник караула знал, чем ему грозит появление этого безумца. Все помнили, как кончил свою жизнь преторианец, не поднявший на ночь моста. Его казнили, хотя во дворец никто не проник.

— Я его не видел! — выкрикнул начальник караула.— Никто его не пустил! Никто его не знает!

— Но кто-то должен знать, как во дворец проходят посторонние,— произнес цезарь. В его голосе появились металлические нотки.— Может быть, он прилетел по воздуху вместе со своей рыбой?

Авл понял, что пора рассеять сомнения.

— Я пришел оттуда,— показал он на обрыв.— Пришлось, конечно, попотеть и ноги о камни ободрал. Но рыба еще живая. Видишь, как лупит хвостом...

Почему-то никого не удивило, что рыба еще живая, хотя поймана на заре. И никто не похвалил Авла за то, что он, рискуя жизнью, принес цезарю чудесный дар моря. Все со страхом смотрели на императора.

— Если этот человек пробрался сюда по обрыву, его примеру могут последовать другие,— медленно проговорил император.— Они могут принести меч или яд.

Все молчали. И что можно было против этого возразить. Император считал себя в безопасности на этом острове. Ров и пропасть надежно ограждали его от всего мира. А теперь оказалось, что сюда можно пройти.

— Они не пройдут,— добродушно улыбнулся рыбак.— Они не знают тропинки. Ее мне показал дед, да будут к нему милостивы подземные боги!

Начальник стражи облегченно выдохнул воздух. Кажется, он спасен. Если только один человек знает обходную тропинку во дворец, то...

Видимо, та же мысль пришла на ум и императору. Он сделал жест, не оставляющий сомнений. Император указывал рукой на обрыв.

Начальник стражи бросился к рыбаку. Страх за свою жизнь удесятил силы. Одним ударом он сбил Авла. Рыба выскользнула из рук рыбака и упала к ногам императора. Еще один удар — и рыбак, даже не вскрикнув, полетел в пропасть.

Все затаили дыхание. И в тишине стало слышно, как внизу шумит море. Но никто не услышал удара человеческого тела. Этот удар слился с шумом волн. Сын моря ушел туда, откуда пришел.

Все, кто стояли рядом, были приближенными цезаря, и темная сила власти давно убила в них все человеческое. Но то, что они увидели, заставило их содрогнуться.

Огромная рыба в последний раз ударила хвостом. И ее спина вдруг стала

пурпурной, как море в час заката. Или, может быть, чья-то кровь разлилась по ее телу... Свет на чешуе то вспыхивал, то бледнел...

¹ Маре — по-латыни «море».

² Кампания, область Италии, лежащая против острова Капри. Считалась самой плодородной частью Италии.

³ Барвена, или краснобородка, — один из видов морского окуня. Она обладает свойством менять после смерти окраску.

ФОРТУНА

Действие рассказа, основанного на историческом событии, относится ко времени императора Нерона (54—68 годы н. э.).

Юноша вытер ладонью вспотевший лоб. Румянец во всю щеку, растерянный взгляд, старомодная войлочная шляпа, заштопанная тога, неуверенные движения — все выдавало в нем провинциала.

Толпа текла непрерывным потоком. Со всех сторон юношу толкали, теснили. Рим шумел, как всегда в эти послепоуденные часы. Гремело серебро на грязном столе менялы. Неистово вопили жрецы Беллоны¹ и яростно колотили в медные щиты. Нищий с корабельным обломком в руке громко просил милостыню. Продавцы протертого гороха старались перекричать разносчиков дмящихся колбас, пронзительно расхваливавших свой товар. Септимий, так звали юношу, несколько раз останавливал прохожих и показывал им табличку с адресом, но все спешили, а какой-то пожилой и мрачный человек его отчитал:

— Проходу от вас нет! Сидел бы дома, деревенщина!

Септимий и впрямь начал думать, что лучше было бы ему остаться дома. Полдня он бродит по Риму, и никто не может ему сказать, как найти дядю.

А ведь в Аримине², откуда был родом Септимий, все считали дядю важной персоной. Давая адрес брата, отец наставлял сына: «Будь почтителен. Помни, что он служит самому императору. Понравишься дяде — он и тебя устроит».

«Странно, что дядю здесь никто не знает, — думал юноша. — А может быть, и знают, да не хотят сказать. Недобрые здесь люди. Явись к нам в Аримин из Рима или другого города, так проводили бы до самого дома, а по дороге рассказали бы, что за человек, сколько у него детей и есть ли дочь на выданье. А тут бегут как на пожар, и никому до тебя нет дела».

Уже стемнело. Опустевшие улицы и площади Рима стали просторнее, здания величественнее, но Септимий не замечал красоты вечернего Рима. Он был голоден, устал.

Выбрав портик, пристроенный к высоченному дому, Септимий сел спиной к колонне, вытащил из кожаной сумки лепешку и стал жевать. Перед его глазами мелькали тоги, греческие хитоны, прозрачные шелковые одежды, сандалии, солдатские сапоги. Кричали разносчики воды. Из соседнего дома слышалось пение. Несмотря на поздний час, кто-то бил молотком по железу. Это была музыка большого города. И она усыпила Септимия.

Его разбудил чей-то вопль, заглушенный бранью, ударами. Протерев глаза, Септимий увидел, что шайка грабителей напала на рабов, несших крытые носилки и освещавших дорогу факелами и лампадариями³. Рабы разбежались. Факелы, чадя, догорали на земле. Грабителями распоряжался невысокий коренастый человек в войлочной шапке. На его лице с бледно-розовой кожей, какая обычно бывает у рыжеволосых, выделялись живые блестящие глаза.

Недолго думая, Септимий ринулся на грабителей. В Аримине он считался неплохим кулачным бойцом. Он легко

отбросил двух или трех негодяев. Рыжий, оставив носилки, бежал навстречу Септимию. Судя по улыбке на лице главаря, его скорее радовало, чем огорчало появление нового противника. Но грабители, казалось, оберегали рыжего, не давая ему вступить в драку. Кто-то подставил Септимию ногу. Он упал, и на голову ему обрушилось что-то тяжелое.

Септимий очнулся в чужом доме. Рядом с ним был столик с водой и яствами. Он лежал на низкой постели. Над его головой был потолок в лепных украшениях, изображавших фантастических зверей.

— Ну каково, молодой человек? — услышал он и повернул голову.

Справа от него сидел худой старик в белой тоге. В лице старика было что-то величественное и суровое, хотя голос его был тонок, как у ребенка.

— Впервые в Риме? — спросил он после долгой паузы.

— Да, — ответил Септимий, удивленно разглядывая богатое убранство незнакомой комнаты.

— Тебя, верно, интересует, где находишься? — сказал старик, подсаживаясь ближе к Септимию. — В моем доме. Меня зовут Квинт Цецилий. Я сенатор, и отец мой был тоже сенатором. Вот так-то, молодой человек.

Септимий молчал, и старик продолжал:

— Я вижу, ты смелый юноша. Не побоялся шутников, хотя и был один.

— Шутники? — воскликнул Септимий, приподняв голову.

— А ты думал, грабители? — сказал старик. — Просто шалуны. Захотелось им позабавиться, поразмяться после сытного ужина. Если бы не ты, вытащили бы меня из носилок и подбросили раз-другой на растянутом плаще. Проклязники!

— Так это тебя несли в носилках? — догадался Септимий. — И что это им вздумалось с тобой шутить! Ты им ров-

ня, что ли? Этот рыжий, я вижу, у них заводила. Парень не промах! Но если мне еще попадется, получит. Будь уверен!

— Молодой ты еще и многого не понимаешь, — проворчал сенатор. — Отправлю-ка я тебя к дяде, а то достанется ему вместо племянника одна урна с пеплом. Табличку мы твою подобрали на камнях. Узнал я, кто твой дядя. Влиятельнейший человек по нынешним временам, хотя и либертин⁴. Полюбился он Нерону. Теперь ему и сенаторы поклон отдают. Вот что, юноша, повезу-ка я тебя к нему в театр Помпея. Ты ведь там не бывал?

Септимий отрицательно помотал головой.

— Я так и думал, — продолжал сенатор. — Увидишь своего дядю. Заодно и театр посмотришь, недавно его после пожара отстроили, и императора увидишь.

— Император тоже будет в театре? — перебил Септимий. Глаза его загорелись.

— Еще бы! В главной роли! Чтобы посмотреть на это зрелище, стоит приехать не только из Аримина, но и из Пантикапея. Пытался я его отговорить. Но куда! Теперь у него другие советчики — из тех, кто прежде свиней пас.

Если бы Септимий не был ошеломлен всем, что с ним произошло, он, наверно, уловил бы в словах старика иронию. Но сейчас он не замечал ничего. Септимий благословлял богов за то, что они послали ему этого сенатора. «Значит, не врут в Аримине, что дядя — важная птица! — с удовлетворением думал Септимий. — Простые люди его не знают. А вот сенаторам он известен!»

* * *

У входа в театр стояли воины — рослые и сильные, как на подбор. Грозно блестили их шлемы и поножи.

Септимий обратил внимание на широко расставленные ноги в крепких, под-

кованных гвоздями калигах. «Вот бы мне такие сапожки! — с завистью подумал он. — Износу им нет».

— Преторианцы! — шепнул сенатор, выходя из носилок.

В том, как он произнес это слово, Септимий ощутил страх, смешанный с неприязнью.

Еще у себя в Аримине Септимий слышал, как вольготно живет преторианцам. Другие войны годами торчат на границе в лесах и болотах. Кругом варвары, комары, грязь, тоска. А эти живут в самом Риме. И даже сенаторы боятся их.

— А они нас пустят? — сказал Септимий, с испугом глядя на сенатора.

Тот смерил его насмешливым взглядом.

— Ты думаешь, их поставили здесь, чтобы никто не вошел в театр? Как бы не так! Они стоят, чтобы никто не вышел до конца представления.

Септимий захлопал глазами. Он ничего не понял из слов сенатора. «Странные здесь порядки! — подумал он. — В театр, как в мышеловку, легко войти, а обратно так просто не выберешься!»

Сразу от входа начался украшенный гигантскими статуями коридор. Гулко раздавались шаги по каменному полу. Витая деревянная лестница привела на второй этаж. Там был такой же коридор, только со множеством дверей. Сенатор нерешительно остановился у одной, обитой пестрой материей.

— Стой здесь, — шепнул он Септимию. — Твой дядя — театральный цирюльник. Сейчас он причесывает императора. Как император выйдет, ты сразу заходи. А я отправляюсь к себе в оркестру⁵. Увидят, что меня нет, и подумают...

Септимий впился глазами в дверь, на которую указал сенатор. «Шутка ли сказать — там сам император. Из всех цирюльников Рима император выбрал моего дядю! — с гордостью подумал Септимий. — Стоит дяде шепнуть пару

слов, и император прикажет, чтобы нам вернули участок. Что ему стоит? Или распорядится, чтобы нам дали новых волов. А может быть, он возьмет меня на службу? Ведь есть у него кони! Я бы пас их и чистил. Блестели бы как золотые!»

Неизвестно, как далеко ушел бы Септимий в своих мечтах, если бы не открылась заветная дверь, и на пороге ее не показался человек в пурпурном одеянии до пят.

В правой руке его был скипетр, на голове — отливающая драгоценными камнями корона. Лицо его было покрыто маской, но столь искусно сделанной, что Септимий этого даже не заметил.

«Император!» — догадался Септимий.

Таким он и представлял его себе, божественно сияющим и прекрасным. Как счастливы те, кто могут коснуться его одежды, ощутить на себе взгляд этих серых властных глаз.

Император сделал несколько шагов, и к нему, семеня толстыми ножками, подбежал какой-то человечек, и простер вперед руку.

— Зал полон, — сказал он. — Те, кому не хватило мест, стоят и сидят прямо на полу. Мне пришлось поставить у входа преторианцев, чтобы больше никого не пускали. Прикажешь начинать?

Император подошел к занавесу и приложил глаза к отверстию в нем.

— Боюсь! — воскликнул вдруг он, отпрянув от занавеса. — Сколько раз сюда выходил, но от страха избавиться не могу. Представь себе, Тигеллин⁶: на тебя смотрят тысячи глаз! Они знают, что я император. Но они хотят, чтобы я стал богом. У меня подкашиваются ноги! А во рту так противно, словно выпил напитка Локусты⁷. К тому же я видел сегодня дурной сон.

— Римляне давно оценили твой божественный дар, — отозвался тот, кого император назвал Тигеллином. — Успех обеспечен!

— Успех в руках Фортуны⁸,—сказал император, раздвигая занавес.

Каждое слово этого разговора было слышно Септимию. Но он не понял, о чем шла речь. Правда, он не мог не заметить, что император чем-то напуган. Вспоминая слухи, ходившие в Аримине, он подумал, что молодой император боится своих бесчисленных врагов. Клеветники обвиняют его, что он убил свою мать, что он прогнал своего старого наставника Сенеку и связался с какими-то негодяями. Отец предупреждал Септимия, чтобы он не упоминал в разговоре даже имени императора. В Риме есть люди, которые прислушиваются к тому, что говорят на улицах и в домах об императоре, доносят куда надо. За каждый донос они получают столько денег, сколько не заработает честный ремесленник за год работы.

«И все-таки,— думал Септимий,— в молве есть правда. Вот он сказал о Локусте... Боится, что его отравят. И предчувствия его мучают».

Опомнившись, Септимий поспешил к двери. Он уже схватился за ручку, как вдруг откуда-то появился коротконогий, которого император называл Тигеллином.

— А тебе что здесь надо? — спросил он, подозрительно рассматривая Септимия с ног до головы.— Кто тебя сюда пустил?

Септимий от страха словно проглотил язык.

— Дядя,— пробормотал он после долгой паузы.

Это рассмешило коротконогого.

— Племянничек нашелся! Что-то не могу тебя припомнить...

— Дядя там,— проговорил наконец Септимий, показывая на дверь.

— Так бы ты сразу и говорил, голова, что твой дядя — цирюльник. Ему сейчас не до тебя. Скоро сюда император опять придет. Пойдем со мной.

Он повел Септимия в конец коридора и ткнул его куда-то в угол.

— Стой здесь и смотри, а я твоему дяде сам доложу о тебе. Освободится он и за тобой зайдет.

Септимий даже не поблагодарил Тигеллина и не заметил, как тот ушел. То, что он увидел перед собой, захватило его целиком.

На деревянный помост вышли рабы с крытыми носилками на плечах. Сделав несколько кругов, они остановились и поставили носилки на землю. Два чернокожих служителя с босыми ногами распахнули полог носилок и замерли, скрестив руки на груди.

Из носилок вышел император, еще более величественный, чем прежде. Теперь он уже ничего не боялся. Он шел с высоко поднятой головой. Его движения были неторопливы и размеренны. Септимий ощутил благоговейный трепет. Он готов был отдать жизнь, лишь бы стоять у носилок вместо этих чернокожих со скрещенными руками.

Откуда-то выбежали двое: один тощий, в черном хитоне, с длинными волосами, распушенными по плечам; другой толстый, как пифос⁹. Септимию они сразу не понравились. Было что-то в их физиономиях зверское. И потом, стоило императору отвернуться, как они делали друг другу какие-то странные знаки. Но вот они ушли. Удалились рабы-носильщики. Одни чернокожие продолжали стоять как статуи.

Император, кажется, устал с дороги и прилег на бугорке отдохнуть. Заиграла музыка. Септимия это немало удивило, так как нигде не было видно музыкантов. Казалось, это были звуки невидимых флейт и лир, доносившиеся с неба.

И вдруг в нескольких шагах от Септимия приподнялось что-то круглое, словно крышка бочки, и показалась взъерошенная голова.

«Соглядатай!» — подумал Септимий.

И в этот момент снова показались те двое — длинноволосый и толстяк. Они шли на цыпочках, чтобы не разбу-

дить императора. Но что у них в руках? Длинная железная цепь.

«Что же смотрят чернокожие? Может быть, они спят? — лихорадочно думал Септимий. — Да это же настоящие злодеи! Они хотят заковать императора! Они подкрадываются к нему как волки».

Блеснула цепь в руках длинноволосого и упала на ноги спящего императора. И в это мгновение словно какая-то сила бросила Септимия на сцену. Удар был нанесен в челюсть. Злодей не сопротивлялся. Видимо, он не ожидал, что у императора найдутся защитники. Еще один удар в висок — и тощее тело, описав дугу, упало на подмостки. Толстяк несколько мгновений в ужасе смотрел на неизвестно откуда взявшегося безумца и вдруг бросился наутек. Септимий не дремал. Одним прыжком он догнал беглеца и вклепил ему такую затрещину, что тот перелетел сцену и упал в оркестру.

Весь театр встал на ноги. Публике понравился этот неведомый актер, внесший столько жизни в мир театральных условностей. Зрители ревели от восторга. Крики сотрясали огромный зал. Ни одна пьеса не имела в Риме такого шумного успеха.

И только Квинт Цецилий не разделял общего восторга. Он даже не встал со своего сиденья. Руки его дрожали. Лоб покрылся мелкими капельками пота. Один Квинт Цецилий, казалось, понимал, что произошло непоправимое. «А что, если он убьет Нерона? Ведь он обещал с ним расправиться...» — думал с ужасом сенатор.

Воодушевленный криками публики, Септимий метался по сцене, готовый уничтожить каждого, кто посмеет поднять руку на любимого императора. Но сцена опустела. Чернокожие истуканы молниеносно исчезли. Один лишь суфлер с открытым ртом застыл в своем убежище, высунув голову из люка. Септимий ударил ногой по крышке люка и прихлопнул соглядата, как мышь.

Теперь на сцене остался лишь один император. Видимо, он настолько был потрясен своим неожиданным избавлением, что не сразу опомнился. Так, во всяком случае, казалось Септимию. Но к тому времени, когда Септимий расправился с соглядатаем, император встал на ноги, сбросил массивные оковы. Они отлетели на несколько шагов и глухо ударились о подмостки.

— А ну, покажи кулак, — сказал император, подходя к Септимию.

Септимий, глупо тараща глаза, сжал ладонь и поднес кулак чуть ли не к самому носу властелина.

— Чудовище! — с чувством неподдельного восторга произнес император. — Здорово ты их расшвырял!

Покосившись на актера, лежавшего в прежней позе у его ног, добавил с плохо скрываемым злорадством:

— Этот уже отыгрался. А ведь считался первым актером. И сколько ролей сыграл! Всё в руках Фортуны!

Зрители вопили, топтали ногами...

На сцену вышел Тигеллин.

— Уйми народ! — сказал император коротко. — Объяви, что представление окончено. Пусть расходятся по домам.

— Народ радуется, что ты вне опасности. Этот простой человек, — Тигеллин указал на Септимия, — не мог спокойно видеть, как императора заковывают в цепи, даже если это происходит на сцене. Настолько к тебе велика любовь толпы, божественный!

— Да, народ меня любит, — самодовольно сказал император. — И я плачу ему тем же. Стал бы я выступать на подмостках, если бы не хотел доставить удовольствия римлянам. Даже в этом наряде персидского деспота я остаюсь их любимым Нероном. И им нравится, что император — великий артист. А этот старый болтун Квинт Цецилий уверял меня, будто я уроню свое достоинство, если покажусь на подмостках. Ему стала поперек горла моя слава.

— Вот ты и сам понял, божествен-

ный, кто тебе друг,— сказал Тигеллин, угодливо склонившись.— Разве можно верить этим старым болтунам, похваляющимся знатностью рода. Юнец, впервые прибывший в Рим, более достоин твоей божественной милости.

— Ты прав, Тигеллин,— охотно согласился император.— Этот человек заслуживает награды. Объяви народу, что я дарю юноше четыреста тысяч сестерциев, а ты возьми его на службу в преторианскую гвардию. Под охраной таких, как он, мы заживем как боги.

С этими словами император скинул маску.

В глазах Септимия потемнело, словно его опять ударили доской по голове. На сцене стоял тот самый буян, который прошлой ночью напал на сенатора.

¹ Беллона — римская богиня войны, супруга (по другому мифу, сестра) Марса.

² Аримин — город в Северной Италии, на побережье Адриатического моря.

³ Лампадари — столбики, оканчивавшиеся ветвями. На концах ветвей вешали лампы.

⁴ Либертин — вольноотпущенник.

⁵ В греческом театре в оркестре находился хор; в римском театре оркестра служила ложей для сенаторов.

⁶ Софиний Тигеллин — начальник преторианской гвардии при Нероне. По свидетельству древних авторов, отличался жестокостью, лицемерием.

⁷ Локуста — хорошо известная в императорском Риме составительница ядов и отравительница. Имя ее стало нарицательным. Услугами Локусты воспользовалась мать Нерона Агриппина, отравившая своего мужа Клавдия и расчистившая Нерону путь к власти.

⁸ Фортуна — богиня судьбы и удачи у древних римлян. Изображалась с рогом изобилия и рулевым веслом в руках, иногда слепой.

⁹ Пифос — широкий глиняный сосуд.

ГЛАДИАТОРЫ

Во время раскопок в Помпеях археологи обнаружили надпись на стене дома, сделанную незадолго до извержения Везувия: «Содом и Гоморра».

Децебал с усилием открыл глаза. Он лежал на утопанной земле спиной к забору. Рядом сидели или лежали товарищи по несчастью, привезенные в город, раскинувшийся у подножия зеленой горы. Никто им не объяснил, что это за город и как называется гора, возвышающаяся над местностью и далеко видная с моря. На корабле с ними не разговаривали. Только за час до высадки их вывели из трюма и отделили молодых от старых. Высадив на берег, молодых повели задворками к этому забору и открыли железные ворота.

Когда Децебал помешкал, стражник ударил его по лицу, крикнув: «Сервус». Это слово напоминало скрип закрывавшихся ворот. В нем был привкус крови,— капли ее стекали в рот. Так Децебал еще вчера узнал первое слово языка римлян — «раб».

Внезапно он увидел быстро идущего человека с татуировкой на мощной обнаженной груди. «Такие знаки выжигают только дакийцы»,— подумал Децебал и вскочил на ноги.

Дакиец шел прямо на него, но при виде Децебала не остановился, а с силой оттолкнув, крикнул на его языке: — Прочь, деревяшка!

Децебал оторопел, недоумевая, чем он заслужил подобное обращение и почему его обозвали «деревяшкой». Но, опомнившись, решил, что не надо давать спуску, и кинулся за обидчиком. На его тунике сзади была вышита красная буква «П».

— Остановись, добрый человек! — послышался окрик сзади.

Децебал обернулся. Перед ним был курчавоволосый юноша. Незнакомец говорил по-гречески. Этот язык Децебал понимал, хотя и с трудом.

— Не стоит гневаться. В каждом доме свои законы. А здесь — самые жестокие.

— Но он меня толкнул и обозвал деревяшкой,— возмущенно объяснял новичок.— А еще земляк...

— Ты дакиец? — спросил курчавоголовый.

Децебал кивнул головой.

— Римляне напали на наше селение ночью и увезли всех, — пояснил он.

— А мы восстали против них всем народом. Три года длилась страшная война. Оставшиеся в живых стали рабами...

— Ты иудей, — догадался Децебал.

На родине он слышал о восстании иудеев. На подавление его были брошены стоявшие на Данувии¹ войска, и несколько лет можно было жить спокойно. А потом римляне вернулись еще более злыми.

— Иудей, — подтвердил курчавоголовый. — Меня зовут Давидом. Но по эту сторону забора нет иудеев, дакийцев, галлов. Здесь есть гладиаторы и деревяшки. Гладиаторами называют тех, кто прошел обучение и получил право на железное оружие. Новичков, которых учат сражаться деревянными мечами, зовут деревяшками. Гладиаторы — патриции этого Содома, а деревянные — плебеи.

— Этот город называется Содомом? — поинтересовался Децебал.

Давид улыбнулся одними губами.

— Ты попал в Помпеи. Содом и Гоморра — два города Палестины, на которые в далекие времена господь обрушил свой гнев и стер с лица земли. Теперь не найдешь и места, где стояли эти города. Содом и Гоморра теперь в Италии. И их ждет та же судьба.

— Я вижу, ты гладиатор, — сказал Децебал, разглядев на Давиде такую же тунику, что на земляке.

— Да, гладиатор, — ответил юноша со вздохом.

— Но почему ты не стыдишься разговаривать со мною, новичком, а мой земляк толкнул меня?

Давид ответил не сразу.

— Наверное, потому, — проговорил он после раздумья, — что твой земляк — первый меч нашей школы — непобеди-

мый Студиоз. И еще потому, что он — язычник, а я живу по заветам Христа.

— Ты — христианин! — воскликнул Децебал с ужасом.

— Ого! — сказал Давид. — Я вижу, что не только в Риме, но и в Дакии о нас распространяют небывицы.

— Но ведь вы — враги рода человеческого, — проговорил Децебал.

— Да, так называют нас римляне, живущие по волчьим законам.

* * *

Они стояли, двенадцать новичков, коротко остриженных, одинаково одетых, перед человеком в черном гиматии, важно прохаживавшимся перед строем. Он был невысок ростом, но плотно сложен. Устремив взгляд на Децебала, стоявшего первым, человек начал свою речь так, как начинал ее каждый год.

— Эй вы, губошлепы! Я не спрашиваю, как вас зовут, мне все равно, откуда вы родом. Плевать мне на то, чему вас учили. Ибо все это не стоит удара, пронзающего насквозь. Я вас ему научу! Вы узнаете от меня и многое другое, что позволит вам стать гладиатором. Вы станете знамениты, как ни один философ или поэт. Тысячи людей соберутся в амфитеатр, чтобы любоваться вашим искусством, а если, проявив бесстрашие и ловкость, вы сумеете повергнуть противника, наградой будет ликование тысяч. Матроны² будут ловить ваш взгляд и добиваться встречи с вами. Мальчишки будут следовать за вами гурьбой. А вы пройдете небрежной походкой, не замечая их. Ибо вы испытали то, чего им не изведать во веки. Смерть была обращена к вам острием меча. Она искала незащищенного места на теле. Желая обмануть, она ослепляла вас множеством выпадов. Но вы, отражая их один за другим, выбрали момент для нанесения удара, которому обучил вас я, Пап. И в счастливые мгновения победы вы забудете о глужих ударах бича, которых вам

не удалось избежать, о днях, проведенных в карцере. Вы возблагодарите богов за то, что прошли мою школу, которая даст вам славу, а может быть, и свободу. А если вам доверят обучение новичков, вы скажете им: «Слушайте, губошлепы! Все, чему вас учили, не стоит и плевка».

Закончив свою речь смачным плевром, Пап обернулся к куче деревянных мечей. Подняв один из них, он кинул его Децебалу. Дакиец схватил его на лету, еще не догадываясь, чего от него хотят. Но когда наставник взял из кучи другой меч и, выставив его вперед, стал приближаться, Децебал понял, что надо делать.

Бой начался. Децебал не считал себя в воинском деле новичком. Силу его испытало немало врагов, нашедших себе могилу за Данувием или Тирасом³. Но тут его противником был человек с железной рукой. С огромным напряжением сил он отражал его выпады, но каждая попытка нанести удар самою наталкивалась на неудачу. Пап либо уходил от удара, либо отбивал меч с такой силой, что он отскакивал, как мяч.

Уже несколько раз меч Папа, скользя, ударял то по левому, то по правому плечу Децебала. Вспоминая наглухо речь Папа, Децебал испытывал к этому хвастуну жгучее чувство ненависти.

Внезапно он вспомнил прием, который сохранил ему жизнь. Когда длиннорукий сармат⁴ теснил его, едва не загнав в реку, он сделал вид, что поскользнулся, и, падая, нанес удар мечом ниже колен.

Дождавшись, когда меч Папа, который раз, коснулся его плеча, он выкинул тело вперед и со всей силы ударил деревяшкой по правому колену Папа. Послышался дикий вопль. Стоявшие рядом стражники подскочили к Децебалу, и на его голову обрушились удары.

Децебал очнулся несколько часов спустя. Он лежал на каменном полу.

Голову разламывало. Рукой не пошевелить.

Со скрипом открылась дверь. Кто-то поставил на пол глиняный горшок и ломоть хлеба. «Аква» и «панис» — он узнал еще два слова. Вода и хлеб. Панис был грубым и тяжелым, как камень. Его давали два раза в день по куску величиной с кулак. И раз в три дня приносили миску теплой похлебки из бобов.

Когда Децебал смог поднять голову, он увидел, что стены подземелья чуть не до потолка испещрены надписями. Целые жизни вместились в кривые строчки или отдельные слова.

О чем вспоминали узники? Что они хотели доверить стенам? Децебал с трудом разбирал буквы письма, похожего на знакомое ему греческое. Кто здесь только не побывал! Клеон и Дамасий, Сир и Гатта, Монтан и Спартак. Имена эти ничего не говорили Децебалу. Он не знал этих людей, не слышал о них. Люди, томившиеся здесь, ушли, как уходят дни в заключении, и даже не знаешь, сколько их было, этих дней...

Внезапно повернув голову, Децебал увидел надпись и сразу ее прочитал: «Содом и Гоморра», «Давид здесь тоже побывал,— подумал он.— Может быть, здесь впервые ему пришлось на ум сравнение римских городов с городами его родины, уничтоженными гневом божьим. На что остается надеяться узнику, как не на чудо? Но ведь и Христос, в которого верит Давид, не спас себя от распятия!»

* * *

После карцера Децебала поместили в жилую камеру. В каждой из таких камер находилось по два-три гладиатора. Камеры не имели окон, а двери выходили на внутреннюю галерею. Римляне продумали все, чтобы отгородить гладиаторов от внешнего мира. На ночь двери камер закрывались, и вокруг двора, под колоннадой, ходила стража.

В камере, куда поместили Децебала, у стен стояли три деревянные лежанки. Децебалу досталась та, что против двери. Справа от него было место сирийца Кирна, человека лет тридцати с удлиненным лицом и широкой грудью. Слева спал Давид.

Перед сном гладиаторы молились своим богам. Кирн вырезал божка из дерева и на ночь смазывал его салом. Децебала удивило, что Давид молился, уставившись в пустоту, что он не обещал своему богу жертв и даров, как это делал Кирн.

Вера Давида настолько отличалась от других, что вызывала недоумение и насмешку. Однажды, когда Децебал вместе с Кирном вышел из камеры, он увидел, что кто-то нарисовал на стене христианского бога в виде длинноухого осла, пригвожденного к кресту.

Многие потешались над Давидом и его богом. Что касается Кирна, то он просто издевался над ним. Сирийца раздражала каждая мелочь во внешности и поведении иудея. Он всерьез уверял, что иудей натирается чесноком вместо оливкового масла, выдававшегося гладиаторам для умощения. Он не мог спокойно видеть, как Давид кормит голубей, напоминавших ему ту жизнь, к которой он не мог вернуться. Голуби слетались к иудею со всей казармы и настолько к нему привыкли, что садились на голову и на плечи.

К удивлению Децебала, присматривавшегося к соседям по камере, насмешки и издевательства не трогали Давида. Он не отвечал сирийцу, а когда тот выходил из себя, лишь успокаивал его.

— Не гневи господа,— говорил он ему.— Христос терпел больше, чем мы с тобой. Когда его били римские легионеры, он сказал: «Не ведают, что творят».

Даже предстоящие схватки на арене не выводили Давида из состояния спокойствия и доброжелательства к людям.

Перед тем как идти на арену (откуда возвращались немногие), он просил Децебала, чтобы тот не забыл покормить голубей, если он не вернется. И в глазах его было столько доброты, что сдержанный и суровый дакиец обещал ему это сделать.

* * *

На дворе казармы появились первые зеленые былинки. Согреваемые мартовским солнцем, они пробились из-под камней, тонкие и трогательные. Скоро наступит веселый праздник Квинкватр. На улицы города выйдут валяльщики, пекари, горшечники и другие ремесленники. Все они будут в праздничных одеждах. Они понесут стяги своих коллегий⁵, украшенные цветами орудия своего ремесла. Они выйдут на форум, чтобы прославить покровительницу ремесел Минерву. Сколько радостей принесет этот день детям! Их отпустят с занятий. Сопровождаемые родителями, в тщательно выглаженных претекстах, они отправятся к учителям, чтобы вручить им вознаграждение — «дар Минервы».

Но не все ожидали с нетерпением праздника Квинкватр. На следующий день после него в амфитеатре давались гладиаторские игры. Яркая весенняя зелень, птичий гомон, запах просыпающейся земли — все это были предвестники смерти.

В короткие часы отдыха между бесчисленными упражнениями Децебал пытался найти путь к свободе. Но в этой школе, напоминавшей чудовищную, удивительно слаженную машину, все было продумано и проверено, и схваченному ею не оставалось надежды. Забор в три человеческих роста, за которым на длинной цепи бегали свирепые молосские псы. Запирающиеся на ночь каморки. Постоянные обыски. Мучительная казнь за припрятанное оружие и даже кусок железа. Строгий запрет на ремни и веревки. И одуряю-

щая усталость, не оставляющая ни сил, ни желаний.

Децебал подружился с нумидийцем Юбой. Это был смуглый широкоплечий юноша с пышной копной волос на голове. Юба рассказывал Децебалу о просторах степей, не тронутых плугом, о быстрых скакунах, об охоте на слонов. Дакиец рассказывал Юбе о густых лесах своей родины, о могучем Данувии, об охоте на медведей.

В Риме различали гладиаторов по числу выигранных ими боев. Против имени Юбы в списке ланисты⁶ стояла римская цифра VII. Иудей участвовал в пяти боях. Он был под номером V. Но знатоки утверждали, что Давид не уступит Юбе в силе броска и меткости удара.

До сих пор ланиста не выставлял иудея и нумидийца в одной паре. Каждый из них стоит вдвое больше наскоро обученного новичка. Но если хорошо заплатят, ланиста не устоит. Это знали все. Знал это и Децебал, мечтавший бежать вместе с другом в Нумидию. Она ближе, чем Дакия.

Но Юба посмеялся над Децебалом, когда тот предложил план бегства.

— За три года, что я в Помпеях,— сказал он,— из нашей казармы бежало шестеро. И все были пойманы. Они проклинали тот час, когда им пришла мысль о бегстве. Наш ланиста родился под созвездьем Андромеды⁷. Вспомни Кирна!

Случай с Кирном произошел на глазах у Децебала. Сириец не думал бежать, а просто опоздал на перекличку. Ланиста так избил его, что Кирн долгое время не мог пошевелиться. Несколько дней Давид заботливо ухаживал за сирийцем и в конце концов возвратил его к жизни.

И тогда произошло неожиданное. Однажды Децебал увидел, как они оба стоят на коленях и молятся невидимому христианскому богу.

Пришел веселый Квинкватр, а вместе с ним желанный для всех помпейцев день гладиаторских боев. И не только для них. Еще вчера из соседних городков в Помпеи нахлынули любители кровавых зрелищ. Их привлекло известие, что устроитель игр⁸ Помпедий Руф выставляет на арену тридцать гладиаторов, и среди них известных по схваткам прошлых лет Юбу и Давида. Люди шли по узким улицам к городскому амфитеатру на окраине Помпей. То в одном, то в другом месте над головами плыли крытые носилки, скрывавшие от любопытных взоров знатную матрону или богатого старца. Толпа с шумом ломилась в амфитеатр, чтобы занять лучшие места. В ложах видели даже двух римских сенаторов. Они прибыли в Помпеи из своих поместий под Неаполем.

По случаю предстоящего праздника гладиаторов выпустили из камер и освободили от занятий. В казарме остались одни стражники, проклинавшие свою судьбу: им приходилось наблюдать лишь учебные бои тупым оружием.

Разделившись по двое, по трое, гладиаторы отдыхали во дворе казармы. Они подставляли спины и бока веселому солнцу, радуясь ему как дети. Под портиком был накрыт стол с богатством и разнообразием, необычными для казармы. Устроитель игр, которому ланиста передавал гладиаторов, угощал смертников за свой счет.

Децебал, сидевший рядом с Юбой, был более взволнован, чем нумидиец. Время от времени мрачная тень пробегала по лицу Децебала. Нумидиец старался рассеять дурное настроение друга.

— Мне давно хотелось рассказать тебе одну историю,— начал Юба.— Я слышал ее от спартамца Дамасия за день до его последнего выхода на арену. Видишь эту гору? — Юба показал на

видневшийся в проеме ворот Везувий. — Туда из гладиаторской казармы в Капуе бежало восемьдесят гладиаторов. Ты слышал о Спартаке?

— Нет! — хмуро ответил Децебал. — Но я прочел его имя на стене карцера. Что это за человек?

— Спартак был фракийцем, он попал в Капую и прославился там на арене, получил свободу. Но этого ему было мало. Он подговорил гладиаторов бежать. С ним на волю вырвалось восемьдесят бойцов. На вершине Везувия Спартак скрывался несколько месяцев, а когда римляне заняли единственно удобный спуск с горы, он не растерялся. Из ивовых прутьев и виноградных лоз была сплетена длинная, прочная лестница. Беглецы спустились по ней там, где их не ждали. Римский легион был разбит. Узнав о победе, сотни тысяч рабов бежали от господ и присоединились к Спартаку...

— Собираться! — слышалась команда.

Юба встал. Обняв друга, он сказал:

— Если останусь жив, закончу рассказ. А если нет, узнай от других. Это важно...

Он махнул рукой и решительно направился к воротам.

Лишь на следующее утро Децебал и другие оставшиеся в живых гладиаторы узнали о том, что впоследствии долго давало пищу толкам и пересудам в маленьком городе.

Юба и Давид составили пятую пару. Иудей превзошел самого себя. Он сражался как барс и чуть не загнал Юбу в ложу, где сидели отцы города. Но в то мгновение, когда все ожидали гибели нумидийца, Давид пронзил себя мечом и упал к ногам своего противника.

Подобного не выдывал никто в Помпеях. Гладиаторы нередко кончали самоубийством. Говорят, что это были просто трусы. Но Давид показал храбрость и искусство. Он закололся, чтобы бросить вызов толпе, чтобы выразить ей

свое презрение. И толпа ревела, требуя продолжения борьбы.

Чтобы успокоить зрителей, устроитель игр выставил на арену дакийца Студиоза, равного которому не было среди гладиаторов. В схватке погибли оба, Юба и Студиоз. Ланиста рвал на себе волосы. Потерять трех первоклассных бойцов в один день!

* * *

Децебал все чаще смотрел на Везувий. До самой вершины гигантская гора была покрыта деревьями и кустарником, и только раздвоенная вершина была пепельной, в расщелинах — цвета жженого кирпича. Где-то там прятался Спартак. Нет, не прятался, а гордо стоял, бросая вызов Риму.

В июльские календы в казарму прибыла новая партия гладиаторов. Вновь прибывшие были опытными бойцами из школы в Пренесте. И у Децебала появилась надежда: не знает ли кто из них о Спартаке? О великом фракийце слышал Марк Арторий. Это был человек необычной судьбы. С детства Арторий бредил амфитеатром и знал всех знаменитых гладиаторов. Не проходило ни одного представления в Капуе или в Риме, на котором он бы не побывал. После смерти отца Арторий сам явился к ланисте римской школы, предложив свои услуги. Его заставили принести клятву в том, что он позволит сесть себя розгами, жечь огнем и убить мечом. К товарищам по ремеслу Арторий относился с некоторым пренебрежением, так как он не был «варваром» и сражался в римском амфитеатре в присутствии самого императора Тита.

— Спартак! Знаю, знаю... — снисходительно и равнодушно ответил Арторий дрожавшему от нетерпения Децебалу. — Из школы Лентула Батиата в Капуе. Недурно владел мечом. Сражался без забрала. Но в Риме его бы засмеяли. Я видел бойцов капуанской

Р А Н Г И А

Надписи на стенах Помпей. Впервые выпущенный в город из казармы, Децебал увидел, что стены испещрены надписями. Кирн, знавший латинский язык, объяснил их значение:

— хлеб здесь стоит два асса — любящие ведут, как пчелы, медовую жизнь. Третья надпись означала, что помпейцы не могли жить без хлеба, любви и гладиаторских игр.

Λ Μ Μ Ν Τ (Σ · Υ Γ · Α Ρ) Σ Υ Ι Τ Α Μ Ε Ι Σ Ι Τ Α · Χ (Χ Ι Κ Υ Ν)

школы. Шенки. Тройным выпадом не владеют. А еще хвалятся, что из школы, где был рудиарием⁹ Спартак.

— Ну а как он освободил рабов? — тихо спросил Децебал.

— Каких рабов? Разве раб может сражаться, как свободный?

Это все, что удалось Децебалу выжать из Артория. Может быть, римляне забыли о восстании рабов? Или Арторию известна одна лишь история фехтовального искусства?

Очень мало узнал Децебал о Спартаке. Но все же образ великого фракийца стал вырисовываться полнее. Среди учителей фехтования в школе было немало рудиариев, и среди них Пап. Это настоящие ценные псы, признававшие лишь своего господина-ланисту. Чтобы получить полное освобождение, они притесняли новичков, издевались на них. «Спартак был не таким, — думал Децебал. — Ему, получившему рапиру, не угрожала смерть на

арене. А он заботился не о себе. Он хотел завоевать свободу для всех и превратил в арену всю Италию».

* * *

Однажды богатый помпеянец Гай Сильвий Феликс вздумал водрузить в перистиле¹⁰ тяжелую мраморную стацию. По его просьбе ланиста отправил к нему двух гладиаторов и стражника для надзора за ними. Жребий пал на Децебала и Кирна.

Впервые Децебал в городе, за пределами казармы. Сандалии на деревянной подошве колотят по плитам мостовой. На улицах ни дерева, ни куста. Слепые стены как бы повернувшихся спиною к улице домов — им нет дела до тех, кто бредет по мостовой. Они вызывают своими надписями к долгу граждан: «Погонщики мулов, отдайте голоса за Клавдия», они призывают их к покупкам: «Нет ничего лучше льняной туники, затканной золотыми

нитями», они оберегают их кошельки: «Амплиатус Педания — вор».

А вот извещение о бое, в котором погибли Юба и Давид. Краска еще не потускнела: «Будут биться нумидиец и иудей. Да здравствует устроитель игр Помпедий Руф!» И рядом беглое изображение сходящихся гладиаторов.

Вот и дом Сильвия Феликса. Над входом надпись: «Гай Сильвий Феликс приветствует гостей». А у порога на сглаженной человеческим телом известковой плите привратник с взлохмаченной головой. Цепь от его ноги тянется к медному кольцу в стене. Сколько этому несчастному лет? Запомнил ли он свое настоящее имя? Или как сторожевые псы откликается на кличку Молосс?

Миновав полутемный коридор, Децебал и Кирн вступили в высокий просторный зал. Разноцветные кусочки мрамора, искусно подобранные и склеенные художником, сложились на полу в море с бегущими по нему кораблями. Все стены были в красочных изображениях. Децебал скользнул взглядом по фигуре скачущего всадника. Судя по щиту и шлему, это гладиатор, хотя не видно, что художник намеревался показать бой в амфитеатре. Да и о конном бое гладиаторов Децебал не слышал.

И вдруг Децебалу бросилось в глаза крупное, отчетливо написанное слово «Спартак». Не веря себе, он прочел еще раз. Нет сомнений, всадник — вождь восставших, человек, судьба которого (после рассказа Юбы) стала казаться Децебалу частью его собственной жизни и судьбы.

— Скажи,— обратился Децебал к стражнику,— кто здесь хранит память о Спартаке?

Стражник обомлел.

— Ты что, спятил, собачий корм? — заорал он, занося кулак.— Я тебе покажу Спартака...

На шум из соседней комнаты вышел

человек лет сорока. Его голова с оттопыренными ушами, казалось, не имела шеи, а глаза со вспухшими веками были выпучены, как у совы. Он переводил взгляд со стражника на Децебала, видимо, пытаясь понять, кто из них затеял ссору.

— Тут было названо имя Спартака,— произнес он, наконец, неестественно тонким голосом.— Победа над Спартакосом прославила моего прадеда Марка Сильвия Феликса. Когда Спартак со своим сбродом проходил мимо нашего города, мой прадед выступил против разбойников во главе конного отряда. Ему удалось ранить Спартака, после чего гладиаторы отступили и Помпеи избежали грозившей им беды. Я приказал изобразить эту сцену, чтобы каждый переступающий порог знал, что здесь обитает потомок спасителя Помпей.

* * *

Децебал смотрел на Везувий. Эта гора напоминала ему вершины родных Карпат, с которыми он дружил в детстве, по которым, став юношей, он бродил с посохом и пастушеской дудкой. Он вспоминал луга, живые ковры, сотканые из сочных трав и пестрых цветов, гомон птиц, жужжание пчел и стрекотание кузнечиков — звуки и голоса утраченной родины. Они были заглушены топотом ног, отрывистыми выкриками на чужом языке. В горы пришли римляне. Децебал стал пленником, как и Спартак. Фракиец, наверное, был тоже пастухом и пас овец или коней на противоположном склоне тех же гор. И, став гладиатором, Спартак, как и он, Децебал, смотрел на Везувий,— из гладиаторской казармы Капуи эта огромная гора, наверное, тоже видна. И поэтому, добыв свободу, он повел своих воинов сюда. Закрыв глаза, Децебал видел лестницу, раскачивавшуюся над пропастью, и фигурки спускающихся по ней людей.

Когда гладиаторы оставались одни, Децебал рассказывал им о храбре фракийце. Воображение дополняло ему то, о чем не успел поведать Юба. С горящими глазами слушали гладиаторы о схватках Спартака под стенами самого Рима, о победах над прославленными римскими полководцами. Будучи сам гладиатором, Децебал догадался и о том, что происходило на самом деле. Окруженные гладиаторами, надменные римляне сражались друг с другом. Но как только Децебал начинал говорить, что и они должны последовать примеру Спартака, огонь в глазах слушателей угасал.

Многие прислушивались к Кирну.

— Братья мои,— разглагольствовал он.— Не меч принесет нам спасение, а терпение и любовь к ближнему. Христос скоро вернется на землю и воздаст каждому по делам его. Чаша гнева божьего выльется на Содом и Гоморру и испепелит тех, кто заставлял проливать братскую кровь.

О проповедях Кирна узнал ланиста. Он бросил Кирна в карцер как христианина. Обычно должностные лица вызывали человека, подозреваемого в принадлежности к тайному вероучению, и заставляли его поклясться, что он не христианин. Но от Кирна потребовали только, чтобы он в присутствии гладиаторов обругал Христа и принес жертву статуе Юпитера вином и ладаном. Кирн отказался выполнить это требование и, несмотря на пытки, не выдал тех, кто перешел в новую веру. Ланиста решил не выпускать Кирна на арену, а держать его в карцере до прибытия из Африки партии хищников, чтобы скормить его им.

* * *

Как зверь в клетке, неслышными шагами бродил Децебал. Несколько дней назад через рабынь ему удалось раздобыть пару гладиусов и спрятать их. Он пробуровил в двери своей камеры

отверстие и научился открывать через него наружный засов железным крючком. Что готовит ему эта душная августовская ночь? Его первый бой будет с римлянами. Силу его рук узнают не товарищи по неволе, а враги. Если ему суждено пасть в бою с врагами, он погибнет, как Спартак.

Царившая вокруг тишина нарушалась воем сторожевого пса. Его будка была у стены карцера, куда бросили Кирна. Децебал ранее не слышал, чтобы этот огромный молосский пес выл. Животное, страшное на вид, давно уже привыкло к гладиаторам и лаяло, лишь когда кто-либо снаружи приближался к казарме. Этой ночью в его вое было что-то зловещее, пугающее, словно животное предчувствовало неотвратимую беду, чью-то близкую гибель.

Вдруг какая-то сила швырнула Децебала в угол камеры. Задев ногой лежанку, он вскрикнул от боли. Пол под его ногами заходил ходуном. Снаружи раздались крики стражников, отрезвевших от страшного подземного толчка.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул один из них.— Так же задрожала земля, когда я был мальчишкой. На моих глазах вила соседа рассыпалась на куски. Все, кто там жил, погибли под обломками.

— А я был близ Неаполя,— откликнулся другой стражник.— У нас в щель провалилась отара баранов вместе с пастухом.

— Видно, подземным богам захотелось баранины,— пошутил первый стражник.

— Смотри, как бы тебе самому не провалиться в Аид,— испуганно отозвался другой.— И у подземных богов есть уши.

И как бы в ответ на эти слова что-то загрохотало снова. По черепицам крыши застучали камни. Спасаясь от каменного града, стражники скрылись под сводами внутренней галереи. Децебал слышал их прерывистое дыхание.

Рушился план, ставший жизнью Децебала. Скоро утро. Повара начнут разбирать поленницу и обнаружат острое оружие. А если...

И он забарабанил кулаками в дверь изо всей силы.

— Откройте! Откройте! — закричал он.

— Что тебе? — послышался раздраженный голос стражника.

— Помогите! Меңя придавило.

Стражник подошел к двери. Отворять камеру ночью запрещалось. Пока стражник размышлял, что ему делать, дверь камеры открылась сама. К римлянину метнулась тень, и страшный удар кулака обрушился на его голову.

Труднее было справиться с другим стражником, спешившим на помощь товарищу. Но в руках Децебала был меч, взятый у убитого. И схватка была недолгой.

Скорее к камерам друзей! Как жаль, что погасли факелы. Засовы придется открывать наощупь. Скорее, скорее, пока не услышали стражники, охраняющие казарму снаружи.

Руки Децебала, нащупывавшие засов, дрожат. За дверью одобрителный шепот.

— Выходи!

И так семьдесят камер на первом и втором этажах. Семьдесят дверей и засовов...

Когда толпа гладиаторов заполнила внутреннюю галерею и двор казармы, по времени должно было светать. Но солнце не могло совладать с мглой. Серый, как бы дымный свет смазывал очертания предметов. Оттуда, где находился Везувий, слышались звуки, напоминавшие храп великана. Казалось, Везувий уснул и землю покрыл мрак, чтобы не тревожить покой горы. Но нет, это не был сон Везувия, а его пробуждение. Над вершиной взметнулся огненный столб, и снова камни посыпались частым тяжелым дождем.

— Смотрите, друзья! — воскликнул

Децебал. — Спартак зажег на Везувии факел свободы.

И не было в толпе гладиаторов ни одного, кто бы не поверил этим словам. Недаром же столько месяцев дакиец молился духу горы, призывая проклятья на головы римлян. И божество вяло его мольбам. Огонь вырвался из чрева горы и обрушился на город.

Камни летели с такой силой, словно бы кто-то невидимый пускал их из огромной пращи. Земля тряслась в страшных, мучительных судорогах. С грохотом падали статуи со своих пьедесталов. Рассыпались мраморные колонны. Разваливались виллы, созданные трудом невольников. Рушилось все, что казалось вечным и незбылемым. Горели леса. Запах гари соединился с вонью серы. Мгла раскалывалась молниями.

Эта гроза, эта буря, эти перекрещивающиеся в небе как мечи молнии рождали в душах гладиаторов небывалое ощущение свободы и вместе с ним почти забытое в Помпеях чувство радости. Не Везувий извергал лаву, а ярость клокотала в груди обреченных на смерть; не скалы гремели, обрушивая на город камни, а рабы распахнули темницы, разорвали оковы. Они сами были частицей восставшей природы.

С улицы доносились детский плач, женские вопли, лай собак, рев ослов. Дети звали родителей, родители — детей, пытаясь распознать их в темноте по голосам. Напуганные горожане спешили к Стабиевым воротам, чтобы покинуть Помпеи. Многие молили богов о пощаде, но боги не слышали их криков и мольбы. Или больше не стало богов, и для мира наступила последняя ночь, тот первозданный хаос, из которого на заре времен возникло все сущее?

Ворота казармы с вечера на запоре. Убегая, стражники взяли ключи с собою. Сверху каменная стена утыкана гвоздями. В темноте ее не перейти.

— Децебал! Что нам делать? — слышались голоса гладиаторов.

— Друзья! — крикнул дакиец. — Идемте к столбу позора.

На середине двора был вкопан в землю толстый гладкий столб. К нему привязывали тех, кто был недостаточно расторопен во время тренировок или дерзок с рудиариями. Палящее солнце и мухи, облеплявшие тело, были страшнее карцера. И не было дня, чтобы у столба позора не корчился человек.

Раскачать и вытащить столб было делом нескольких мгновений. Ярость и жажда мести удесятарили силы. Столб позора превратился в таран. Створки ворот вылетели из петель и с грохотом отлетели.

Только тот, кто долгие годы жил в ожидании смерти, может понять чувства гладиаторов. Они были свободны. Беглецы взялись за руки, чтобы не потерять друг друга во мгле. Так приказал Децебал. Но не остался ли кто-нибудь в камерах. Как настоящий полководец Децебал чувствовал ответственность за судьбу каждого воина.

— Все здесь? — спросил Децебал в последний раз.

— Все! Все! — ответили вразнобой беглецы.

И тут Децебал вспомнил о Кирне.

— Подождите меня, — крикнул он гладиаторам. — Я скоро вернусь.

И дакиец бросился в карцер. Вот и засов. Он рванул его. Никто не кинулся ему навстречу. Но по тяжелому дыханию Децебал понял, что Кирн в левом углу карцера.

— Вставай, Кирн! — крикнул Децебал. — Спартак зажег факел свободы. Идем!

В ответ послышался вздох и невнятное бормотание.

Децебал бросился к Кирну, схватил его за руку и потянул к двери. Вслед за сирийцем по полу как гремучая змея побежала цепь.

— Содом и Гоморра! — бормотал Кирн. — Вылилась чаша гнева божьего. Беги, Децебал.

— Спартак не оставит друга в беде! — торжественно проговорил Децебал. — А твой Христос забыл о тебе...

— Децебал! — послышалось снаружи. — Децебал, где ты?

Децебал просунул рукоять меча в кольцо, вбитое в стену, и, напрягая все силы, повернул меч на себя. Нет, это не просто железное кольцо в карцере, а звено огромной цепи, опутывающей весь мир. Если удастся его вытянуть, станет свободен привратник у дома потомка убийцы Спартака, обретут свободу тысячи и тысячи рабов.

И в последнее мгновение, когда стена рухнула на Децебала, ему казалось, что он вытянул это проклятое кольцо.

¹ Данувий — древнее название реки Дунай.

² Матрона — почтенная замужняя женщина.

³ Тирас — древнее название реки Днестр.

⁴ Сарматы — обитатели степей Северного Причерноморья, вытеснившие скифов. Сарматы часто нападали на земли дакийцев.

⁵ Коллегии — объединения ремесленников по профессиям. Коллегии Помпей хорошо известны по сохранившимся надписям.

⁶ Ланиста — владелец гладиаторской школы, ведавший подготовкой гладиаторов.

⁷ Согласно поверью, под созвездием Андромеды рождались палачи и жестокие люди.

⁸ Устроителем игр называли должностное лицо или частного человека, бравшего на себя расходы по организации гладиаторских игр.

⁹ Гладиатор, проявивший мужество в бою, мог получить почетную награду — рапиру, с которой связывалось освобождение от боев на арене. Такой гладиатор назывался рударием. Он не получал полной свободы и обычно использовался для обучения новичков.

¹⁰ Перистиль — внутренний двор римского дома с колоннадой.

ТАЦИТ

Имя Тацит (в переводе «Молчаливый») может показаться псевдонимом, настолько точно оно выражает невольное состояние мыслящих людей первого века Римской империи, когда за свободолюбивое или неверно истолкован-

ное слово римлян подвергали казням и гонениям. Но это подлинное имя знаменитого римского историка Публия Корнелия Тацита (около 57—118 гг. н. э.). Его исторические труды, разоблачающие произвол императоров, были обнародованы тогда, когда императоры новой династии сами осуждали произвол своих предшественников.

Калигула¹ вопил, вращая безумными глазами:

— Хватайте его! На арену ко львам и тиграм! Нет ничего вкуснее, чем мясо историка!

Клавдий² осторожно садился на край постели и доверительно шептал, кривя тонкие губы:

— Кто поймет меня лучше, чем ты, Тацит, жрец Клио и ученик Геродота. Я знаю, что ты еще не родился, когда в Риме и Александрии вслух читали мои труды по истории этрусков и Карфагена. Но я уверен, что ты их читал сам³. А известно ли тебе, что до этого я написал еще один исторический труд о времени Гая Юлия Цезаря. Первый, кому я его прочитал, был приемный сын Цезаря Август. Он молча слушал, а когда я кончил читать, сказал, вперив в меня белесые непроницаемые глаза:

— Мой Клавдий! Ты говоришь сумбурно, а пишешь слишком связно.

Я поморгал глазами, не поняв, что он имеет в виду. Но жена моя Антония, к которой я обратился за разъяснением, обозвала меня дурнем и швырнула свиток в огонь. Именно это меня спасло, и я пережил всех своих родичей⁴. Тогда я занялся этрусками и карфагенянами. Меня стали считать безобидным чудачком. И вот тебе мой совет: держись подальше от современности. Напиши историю галлов, которых я облагодетельствовал, дав им римское гражданство и введя в сенат. Как меня за это ненавидели! Как надо мной смеялись, но ты ведь меня поймешь? Ты ведь сам галл!⁵ Понимаю, ты не хочешь, чтобы тебя считали провинциалом! Тогда на-

пиши историю эстов⁶. У них свои истории появятся нескоро.

Нерон потрянул огненно-рыжей шевелюрой.

— Не слушай этого старого идиота. Моя мать Агриппина была его сандалиями и потом отравила, чтобы дать мне власть. Кому нужны его этруски и карфагеняне? Заняв трон, я приказал сжечь эту писанину. Историк должен писать о своем времени. Напиши обо мне. Пусть те, кому не посчастливилось меня слышать, знают, какой у меня божественный голос. Те, кто в этом сомневался, получили по заслугам. Ха-ха! Посмотри на мои волосы. В них ответ пожара. Но Рим подожгли иудеи, называвшие себя христианами. Кто бы это мог сделать другой! Ведь они не приносили жертв перед моей статуей...

Тацит потрянул головой, отгоняя сон. Пылинки плясали в острие луча, пронзавшего мрак. На черной поверхности стола белел развернутый свиток. Казалось, тени былого вышли из него и заговорили голосами тиранов. Это был один из тех кошмаров, после которых просыпаешься в холодном поту. Он все эти дни много писал и уснул прямо за столом. Надо обходиться без секретаря. В наши дни нельзя никому верить. Никто не должен догадываться об этом свитке. Иначе он никогда не увидит света.

Тацит наклонился над свитком и пробежал глазами последние строки: «Пет, это не больно!», — молвила Аррия, вынимая из своей груди окровавленный кинжал и протягивая его потрясенному супругу. Так она вошла в бессмертие вместе с сенатором Петом, погубленным Нероном⁷.

— Не больно! — повторил про себя Тацит. — Больнее жить рядом с убийцами и палачами, ходить с ними по одной земле, дышать одним воздухом и молчать. Кинжал или яд? Мгновенная смерть! Но кто-то ведь должен быть свидетелем преступлений, кто-то дол-

жен передать последние слова Аррии: «Пет, это не больно!»

Стук в наружную дверь заставил Тацита вздрогнуть. Привычным жестом он открыл стол и спрятал свиток в тайник.

— Регул!⁷ — послышался голос привратника.

— Пусть войдет! — крикнул Тацит.

Расправляя тогу, Тацит лихорадочно думал о причинах визита Регула. «Может быть, я выдал себя неосторожным взглядом или намеком в письме? Содержание моих писем Домициан узнает раньше адресата... Регул был частым гостем Тразеи Пета. Несчастный не догадывался, кто он. Но я ведь беседовал с Регулом только о гладиаторских играх и погоде!»

Тацит придал лицу внимательное и любезное выражение. Это была маска, которую он обычно принимал вне дома. Но теперь пришлось ее надеть. У стены атрия виднелась сутулая спина Регула. Он изучал росписи так внимательно, словно их сюжет мог выдать чью-то тщательно скрываемую тайну.

Заслышав шаги, Регул резко обернулся. Его губы сложились в улыбку. Ее так и называли «улыбкой Регула». Скольких она погубила!

— Какая удивительная работа! — воскликнул Регул, показывая на росписи. — Где ты раздобыл такого художника? У меня на стенах невообразимая мазня. Ничего не поймешь. А тут сразу видно, что это Троил, а в засаде притаился быстроногий Ахилл⁸.

Тацит опустил взгляд. «Как понять слова о засаде? Намек? Или я ищу намеки там, где их нет?»

— Я могу прислать тебе художника, — произнес Тацит после долгой паузы. — Это мой раб.

— Что ты! — Регул поднял ладонь, как бы отстраняясь от этой не заслуженной им любезности. А может быть, ему хотелось лишний раз продемонстрировать великолепный перстень, пожа-

лованный Домицианом. Красный рубин. Цвет крови казненных. — В наши дни, — продолжал гость, — не до таких мелочей. Ты слышал о положении на границе?

— Да, — ответил Тацит, — опять даки.

Он выбрал осторожное выражение, чтобы не показать своего истинного отношения к новому позорному провалу Домициана.

— В этой связи у меня к тебе дело, — проговорил Регул, откашлявшись. — Надо написать Цезарю панегирик от имени сената. У тебя хороший слог, и, главное, ты умеешь держать язык за зубами.

— Я ведь Тацит.

— Знаю. И Цезарь тоже знает. Он мне и посоветовал: «Сходи к Тациту». И добавил: «Нет человека, имя которого так отвечало бы его характеру. Правда, был еще Цицерон. Речи из него сыпались, как горох из дырявого мешка»⁹.

— За это ему отрубили голову, — вставил Тацит.

— Этого Цезарь не говорил, — бросил Регул, подозрительно взглянув на собеседника.

«Он это подумал, — едва не вырвалось у Тацита. — Но о моем свитке никто не узнает».

Пересилив себя, он пододвинул гостю кресло. Тацит знал, что свиток, его свиток, должен когда-нибудь увидеть свет. Ради этого стоит вынести улыбку Регула и даже его рукопожатие.

¹ Гай Юлий Цезарь Калигула, преемник императора Тиберия, император в 37—41 гг. до н. э. Он был не только свирепее всех своих предшественников и преемников, но и безумнее их. Именно он назначил своего любимого коня сенатором, но не успел провести его в консулы, поскольку был убит.

² Клавдий римский император (41—54 гг.). Автор не дошедших до нас исторических трудов.

³ Некоторые места исторического труда Тацита «Летописи» говорят, что он был по крайней мере знаком с «Этрусской историей» Клавдия.

⁴ Все оставшиеся в живых члены императорской семьи были уничтожены Калигулой.

⁵ Тацит сам не сообщает о своем происхождении от галльской племенной знати. Но современные историки в этом уверены.

⁶ Эсты — впервые упомянутый Тацитом в труде «Германия» народ, живший восточнее германцев, предки современных эстонцев.

⁷ Марк Регул — главный доносчик времен Домициана.

⁸ Сын троянского царя Приама Трои́л был убит греческим героем Ахиллом во время взятия Трои. Эпизод убийства малолетнего Трои́ла является излюбленным в римской живописи.

⁹ Фраза о мешке, из которого сыпался горох, — игра слов: имя «Цицерон» означает «горох».

КОРАБЛЬ ДОНОСЧИКОВ

Рассказ основан на сообщении древних авторов об указе, ознаменовавшем начало правления Траяна (98—117 гг.), когда были прекращены гонения на политических противников.

Жителей Остии, порта на Тибре, казалось, трудно было чем-нибудь удивить. Каждый день в гавань прибывало до сотни кораблей и отправлялось из нее не менее. И все же никому еще в Остии — и не в одной Остии — не приходилось видеть такого судна. Впрочем, дело не в судне. Такие корабли ходили за зерном в Сиракузы, с вином в Массалию, за лесом в Геную. Обычным был груз.

Еще неделю назад был обнародован высочайший указ:

«Желая положить конец беззакониям, процветавшим при наших предшественниках, и покончить с позорными преследованиями граждан по ложным обвинениям, повелеваю:

1. Собрать всех доносчиков, обозначенных в списках награжденных за преданную службу.

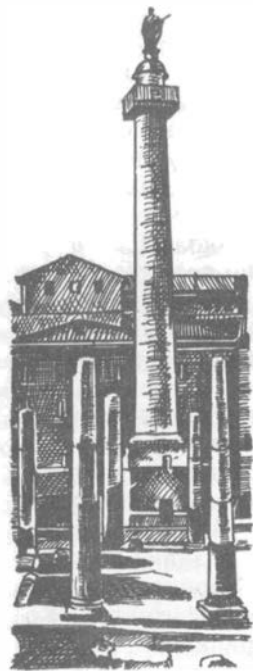
2. Посадить их на корабль и выслать за пределы империи.

3. О выполнении доложить к майским идам восьмьсот шестидесятого года от основания Рима».

Это было одно из многих мероприятий, которым ознаменовал свой приход к власти император Траян. Оно означало, что с террористическим режимом, продолжавшимся с короткими перерывами девяносто лет, было покончено. Начинался «золотой век» династии Антонинов — так впоследствии назвали Траяна и его преемников. Стиль рескрипта был предельно ясен, как и все, что выходило из канцелярии императора. И все же рескрипт вызвал в Риме немало кривотолков. Отзвуки их достигли и Остии.

Ранним утром в гавани было необычнолюдно. Юному римлянину Гаю, прибывшему из отцовской виллы в Байях, давно уже не приходилось видеть такой внушительной толпы. Можно было подумать, что предстоит раздача бесплатного хлеба или из Африки привезли зверей для показа в амфитеатре. Корабль давно уже причалил, матросы сбросили сходни, но доносчиков все еще не было. Люди терпеливо ждали. Воспользовавшись скоплением народа, разносчики жареных колбас и моченого гороха вели бойкую торговлю.

Еще в школе Гай твердо усвоил, что нет ничего хуже доноительства. Лучше быть вором, чем доносчиком. Сзади него на скамейке сидел ученик. Никто с ним не водился. А все оттого, что он как-то выдал товарища, вбившего в сиденье жестокого учителя гвоздь острием вверх. Шалуна высекли. И с тех пор за ябедой закрепилась кличка «Доносчик». Идет он по улице, малыши ему кричат вслед: «Доносчик! Доносчик!» А кто и камнем запустит. Что только не делал бедняга, чтобы загладить свой проступок! Случалось, что кто-нибудь напроказит, он вину на себя берет. Однако кличка была несмываемой, как клеймо. Но ведь тот фискал был мальчишка. Да и выдал он случайно, ненамеренно. Ну, подумаешь — высекли за гвоздь! Кого в школе не секли! А те, кого с минуты на минуту

Колонна Траяна. Памятник римских завоеваний на Дунае. Воздвигнутая на форуме Траяна между зданиями римской и греческой библиотек, она имела форму свернутого свитка. На мрамор-

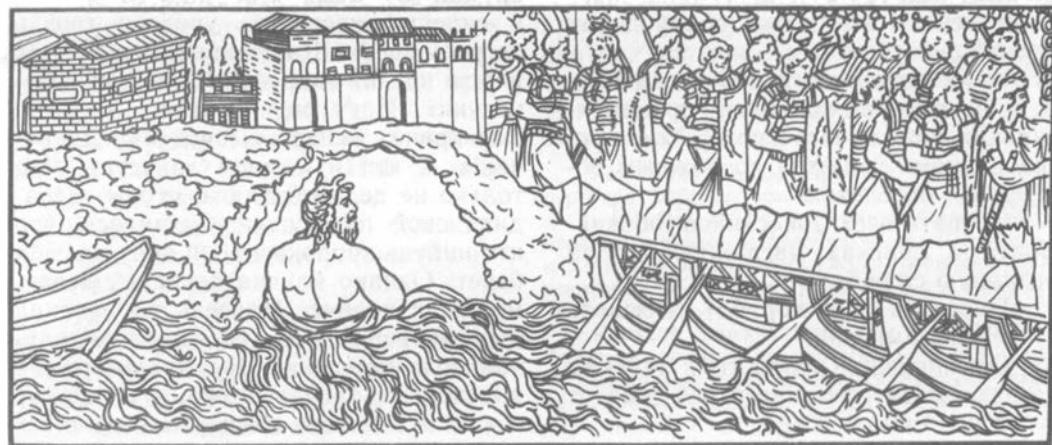

Остия. Рельеф II в. У мола стоит торговый корабль с поднятыми парусами. На них — изображение волчиц, кормящих Ромула и Рема. Капитан приносит жертву богам, видимо, перед отплытием.

Справа высится статуя Нептуна с трезубцем, далее — изображение глаза, предохраняющее от дурного рельефа заполняют остийский маяк, слоны, фигуры богов.

Переход римского войска через Дунай. Деталь колонны Траяна. Римские солдаты переходят Дунай по специально сооруженному мосту, опирающемуся на лодки. Из речных глубин поднимается мощная фигура обузданного мостом речного бога, владыки Дуная. Он бессилен помешать пришельцам и лишь с удивлением взирает на них.

ных плитах развешивалось гигантской спиралью изображение войн Рима с даками, дающее ясное представление о ходе военных операций, вооружении и планах воюющих сторон.

На арене римского цирка. Мозаика с изображением беззащитного раба, отдаваемого на растерзание львам.

Сельскохозяйственные работы. Мозаика. Рабы снимают с деревьев спелые оливки и с помощью пресса выжимают оливковое масло.

Щедрость Траяна. Рельеф на триумфальной арке Траяна, воздвигнутой в 114 г. Император лично раздает гражданам деньги в ознаменование победы над даками. На рельефе много детей, что вызывало в памяти

римлян политику Траяна по отношению к детям-сиротам: только в Риме 5 тысяч их поступило на содержание государства, и римляне называли это словом, вошедшим в наш язык, «алименты».

приведут в гавань, кого ожидает вся эта молчаливая толпа, были добровольными и платными доносчиками. Ябедничество сделалось их профессией. Они добивались милостей и наград ценою крови и слез. Сотни казненных, тысячи изгнанных, позор и несчастье женщин и стариков, юноши без будущего — все это плоды их высокооцененного «труда». А какой урон они нанесли нравственности! Дети доносили на своих отцов, чтобы воспользоваться имуществом. Рабы выдавали своих господ, надеясь получить свободу.

Гай огляделся. Кто эти люди, так терпеливо ожидающие выслаемых?

Римский суд. Монета, изображающая помещение председателя суда претора и его сидение с перекрещивающимися ножками. Слева урна, в которую судьи бросали таблички со своим приговором.

Зеваки? Жертвы террора, пришедшие сюда, чтобы насладиться торжеством запоздавшей справедливости? Или, страшно подумать, родственники доносчиков? Ведь у доносчиков тоже должны быть отцы и матери, сыновья и дочери, братья и сестры. Несчастные! Гаю не хотелось бы оказаться на их месте. Каждый может теперь ткнуть в них пальцем, рассмеяться им в лицо, послать им проклятье!

Вот этот бородач с насупленными бровями, наверное, от доносчиков пострадал. Может быть, в изгнании и бороду отрастил или по погибшим траур носит. А вот тот, толстогубый, не иначе как родственник. Глаза опустил. Ни на кого не смотрит. Наверное, стыд одолел.

Вперед протиснулся добродушный старичок в грубом плаще и войлочной шляпе по самые брови. Наверное, рыбак или поселянин. Забрел с форума. Любопытство одолело.

— Кого ждете-то? — обратился он ко всем. — Опять христиан поймали?

Никто из толпы не хотел вступать в разговор, и Гаю пришлось объяснить старцу, что ожидают доносчиков.

— Доносчиков?.. — с удивлением протянул старичок. — А я думал, опять враги рода человеческого объявились. Мало их при Нероне жгли. Я слышал, будто у христиан рога на лбу, не такие, как у козла или оленя, но все же приметные. И будто они распятому ослу поклоняются...

— Ты больше дураков слушай, — весело проговорил бородач, — у тебя самого уши, как у осла, отрастут.

В толпе рассмеялись. И сразу же исчезла скованность. Смех сближает. — А куда их, доносчиков этих? — не унимался старик.

— На Острова Блаженных! — сказал бородач.

Гай чуть не подавился от хохота. Ну и умница этот борода! Ведь если приказано выслать за пределы империи,

то куда их деть, кроме как на Острова Блаженных! К дакам? Так им не доносчики, а золото наше нужно. К парфянам? У них своих ябед хватает. Конечно, на Острова Блаженных! Народ там безответный. Примут. А потом и забудется, что были когда-то Острова Блаженных. Переименуют их в острова доносчиков, и никому тогда их разыскивать не захочется. Умора!

— Какие это люди! — вставил раздраженно толстогубый, которого Гай принял за родственника доносчика. — Это изверги. Я бы их живыми в землю закапывал, как германцы с преступниками расправляются. Наш император чересчур милостив.

— Это ты правду говоришь, — подхватил бородач, почему-то пристально глядя на старика. — Только уж надо всех доносчиков собрать. И не только их. Тех, кто доносы принимал и на конфискации разбогател, выслать бы заодно.

Наступило неловкое молчание. Разговор явно принимал нежелательное направление. Это была политика. Опытные люди знали, к чему она ведет. Многие отвернулись, делая вид, что не присутствовали при разговоре. Старичок еще глубже надвинул на лоб шляпу и стал пробираться назад. Толстогубый как-то неопределенно промышчал:

— Ну, мне пора. Посмотрел, и хватит.

Бородач рассмеялся:

— Посмотрел! А что посмотрел-то? Смотреть-то еще нечего. — Повернувшись к Гаю, он добавил: — Бояться по привычке!.. Хотя и всех доносчиков собрали... — Хитро подмигнув, он продолжал: — Да всех ли? Смотрю я на этого старичка: лицо знакомое, напрасно шляпу на глаза надвинул. Представился деревенщиной. А я его с братцем не раз встречал. Важная птица. Таких не тронули. А брат мой мелкая сошка. Детей у него трое. А воспитывать кому придется? Мне! А я-то

причем? И дети не виноваты. И всех доносчиков не вышлешь. Такого корабля еще не построили.

Он захохотал, довольный своей шуткой...

— Да ведь и без доносчиков не обойтись,— сказал он с какой-то грустной серьезностью.— Пусть даже у нас золотой век объявят. Там, наверху, надо знать, может, кому золотой блеск не по душе. Или его за обман считают. А может, кто назад, к железному веку стремится... Есть и такие...

В это время раздался топот. Показался всадник на взмыленном коне.

«Императорский глашатай»,— догадался Гай.

Всадник приложил к губам ладони:

— Слушайте! Слушайте! Император отменил свой указ от майских календ и милостиво разрешил высылаемым вернуться к своим семьям. Расходитесь! Расходитесь!

ДЕЛО О ТРЕХ КОЗАХ

Основанный на реальном происшествии рассказ характеризует упадок римского красноречия в эпоху империи.

Вилик вбежал в атрий и с воплем бухнулся в ноги господину:

— Не уберег!

Ветурий с неудовольствием обратил к управляющему одутловатое лицо с низким лбом и подслеповатыми глазами.

— Что там еще стряслось?

— Увели! Вчера их весь день искал. А сегодня поутру вижу — их по дороге гонят. Я сразу же к Давну.

— Постой! Говори толком, какой Давн, кого увели?

— Давн, земляк мой, вилик у Домиция. А козочки-то были — одно заглядение!

— Да как он, негодяй, посмел моих коз взять?

— Не Давн, а господин его, Домиций. Приглянулись ему козы. От Давна я узнал. Шерсть — чистое золото. Послал своих рабов — те и взяли. Будто бы за то, что обглодали черешневое дерево. Так же и в прошлом году он пастуха твоего так отделал, что неделю ходить не мог. Руки у этого Домиция длинные, а глаза завидушие.

Ветурий вскочил и взволнованно забегал по атрию.

— Не потерплю! Сечет моих рабов, угоняет коз. Он так и меня из виллы выгонит, если я на него управы не найду! Вели запрягать!

Через два дня коляска, запряженная мулами, остановилась на Эсквилине¹, у особняка Постума, известного в те годы судебного оратора и знатока римских законов.

Пройти в дом оказалось делом не простым. Чернокожий привратник, наряженный так, что его можно было принять за африканского царька, упрямо твердил: «Пускать не велено!» Так бы и пришлось вернуться, если бы случайный прохожий не посоветовал: «Посеребри ему лапу!» Сестерций оказался ключом, открывшим массивные двери дома.

Засаженная кустарником дорожка привела посетителя в обширный зал, поражающий своими размерами. Здесь мог поместиться целый сельский дом со всеми его обитателями. Но более всего Ветурия удивили лавровые венки, висевшие на стенах. От нечего делать он стал их пересчитывать. На цифре «сорок шесть» он был остановлен молодым человеком со свитком в руках. Широкий жестом юноша приветствовал незнакомца.

— Здравствуй!

— Мне бы Постума,— пробормотал Ветурий, топчась на месте.— Я из Нуцерии. Земли там у меня, от родителя унаследованные. Да будут к нему милостивы Маны!

— Патрон отдыхает,— оборвал его юноша, как потом выяснилось, секре-

тарь.— Всю ночь он готовил речь к завтрашнему выступлению. Сто семьдесят восьмой процесс в его практике. Эти венки, не угодно ли заметить, трофеи его судебных побед. Вряд ли в Риме найдется более красноречивый оратор, чем мой патрон. Взгляни, сколько желающих.

Юноша потряс свитком перед самым носом Ветурия.

— Я из Нуцерии,— повторил Ветурий, доставая кошелек.— У меня срочное дело.

Вход в таблин обошелся Ветурию в пять сестерциев. Это было недорого, если юноша не преувеличивал, что встречи с Постумом домогалось тридцать человек.

Первыми посетителя таблина встретили статуи. Они выстроились вдоль стены — Эсхин, Демосфен, Цицерон и множество других ораторов в характерных для каждого позах. Имен их Ветурий не знал или знал, но забыл. «Мало ли какой ерунды вбивают нам в головы, когда мы молоды,— подумал Ветурий.— Но во сколько обошлась Постуму каждая из тех фигур. Мрамор ныне в цене».

— Ты ко мне? — послышалось за спиной.

Септимий обернулся. Перед ним стоял тощий человек в белоснежной тоге, струящейся ровными складками. Если бы не быстрый взгляд глубоко запавших глаз, его можно было бы принять за одну из статуй, ожившую и отделившуюся от мраморных собратьев: гордый поворот головы, руки, картинно скрещенные на груди.

— Что же ты молчишь? — спросил Постум, не меняя позы.

— Сосед у меня, Домиций,— начал Ветурий издали.— По эту сторону дороги мои уголья, по ту сторону — его. До смерти родителя,— да будут к нему милостивы Маны,— я жил в Амитерне. Там люди спокойные, уважительные. А в Нуцерии — сплошь

разбойники. Схватил Домиций моего вилика и высек...

— Короче! Переходи к делу.

— Да о деле я говорю. В том году пастуха высек, а в этом трех коз увел. Думает, что если его зять сенатором, то ему все позволено. Судиться я с ним хочу. Пусть вернет коз!

— Я готов тебя поддержать,— Постум слегка наклонил голову.— Пройди к секретарю! Будь здоров!

Юноша встретил Ветурия, как старого знакомого.

— Вот видишь, как быстро решилось твое дело.

— Еще не решилось,— возразил было Ветурий.

— Патрон согласился вести твое дело,— объяснил юноша.— В этом гарантия успеха. Сейчас ты внесешь пятьсот денариев...

— Пятьсот! — воскликнул Ветурий.— Да за эти деньги можно стадо коз купить!

— Дело не в козах,— терпеливо пояснил секретарь,— а в нанесенном тебе оскорблении. Я слышал твой разговор с патроном. Ответчик — влиятельное лицо. Потребуется немало усилий, я бы сказал подлинного искусства, чтобы изобличить козни и доказать вину. Кстати, у тебя есть свидетели?

— Коз моих вся округа знает! — торопливо проговорил Ветурий.— Любый раб их покажет. Они у меня приметные. Я их в Апулии покупал.

Секретарь улыбнулся одними губами.

— Что ж! Придется рабов под пыткой допросить. Но нужны и свободнорожденные свидетели. Мой патрон их отыщет. Путем перекрестного допроса будет установлен факт похищения коз. Далее,— ты сам понимаешь,— судьям мало одного красноречия. Они ценят знаки внимания...

— Понимаю,— проговорил Ветурий, с кислым выражением лица, но все же покорно доставая кошель.

Судебный процесс «Ветурий против Домиция» открылся в сентябрьские календы следующего года. И хотя слушалось одно из самых ординарных дел, базилика на Форуме наполнилась зеваками. Можно было думать, что их привлекло желание послушать самого Постума, если бы не преобладание в зале людей в потертых тогах. Это был верный признак, что аплодисменты оратору были заранее оплачены из его гонорара.

По звону колокольчика судьи, переговариваясь друг с другом, заняли свои места на возвышении. Истец и ответчик сидели окруженные друзьями на разных скамьях. Наступила тишина, подчеркиваемая нетерпеливым шепотом и шелестом страниц.

Но где же истинный герой этого процесса? Внезапно головы повернулись в одну сторону. По проходу между скамьями, сгибаясь под тяжестью кодексов и свитков (недаром ведь доказательства называют вескими), спустился сам Постум.

Председатель судейской коллегии выставил перед собою три клепсидры² и, дождавшись, пока прославленный оратор займет свое место, перевернул одну из них.

— О, вершители судеб! — начал Постум, протягивая руку в сторону судей. — О хранители справедливости, наделенные властью римского народа! Дело, о котором пойдет речь, поначалу может показаться недостойным вашего благосклонного внимания. Но маленький камушек на беговой дорожке Олимпии может похитить победу у не знавшего поражений атлета. Из-за мелочей разгорались жесточайшие войны. Наш союзник нумидийский царь Масинисса напал на владения Карфагена и похитил стадо коров. Карфагеняне не стерпели обиды и дали нумидийцу отпор. И вот уже в курии раздается

призыв Катона: «Я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Вот и дымятся развалины Карфагена, и римский плуг прорезает борозду на преданной проклятию земле.

Овации потрясли своды базилики.

Оратор осушил сосуд с водой и продолжил:

— О, быстротечное время! Давно ли Рим в ужасе восклицал: «Ганнибал у ворот!» Но вот уже нет ни Ганнибала, ни Карфагена. С Востока угрожает новый противник — царь царей Митридат Евпатор. Вы спросите, с чего началась его вражда с Римом? С оскорбления, нанесенного царю нашим послом Манием Аквиллием. Обиду смывают кровью, и вот в Синопе снаряжен флот. Расправив паруса, вражеские триеры покидают Понт Эвксинский. Под знаменами Митридата становятся скифы, армяне, греки и сто других народов. Благо бы Рим был един, но наши полководцы Марий и Сулла — непримиримые враги. Вы спросите почему? Сушая мелочь, ничтожная обида!

Председатель пододвинул к себе вторую клепсидру и перевернул ее. Разгоряченный собственным красноречием, оратор еще более разгорался. Его уже нельзя было остановить. Его отработанный голос захватывал не силой, а глубиной. Перенесаясь в Африку, Постум живописал дикую природу этой страны и на ее фоне подвиги неуловимого нумидийского царька Югурты, водившего за нос опытного военачальника Мария. И все это для того, чтобы объяснить, как разгорелась зависть Мария к своему помощнику Сулле, сумевшему взять Югурту в плен.

Поворот третьей клепсидры совпал с переходом к гражданской войне между марианцами и сулланцами.

— Помните, — громыхал Постум, — как Сулла со своим войском стоял в Кампании, под Нолой, готовясь к посадке на корабли и к войне с Митридатом. И в это время в лагерь вры-

ваются посланцы сената, объявляя о передаче командования Марию. Сулла не стерпел этого оскорбления. Его легионы двинулись на Рим. Впервые в римской истории римляне воевали с римлянами...

В это время раздался грохот падающей скамьи. В проход между рядами вырвался Ветурий. Потрясая кулаками, он кричал:

— Мое дело перед судом не о насилии и не об убийстве. У меня увели трех коз. А ты звонишь во все горло о кознях Карфагена, о хитростях Югурты, о Суллах и Мариях! Как хочешь, Постум, но изволь что-нибудь сказать о трех козах! Говори же или верни мне мои пятьсот денариев!

Хохот и аплодисменты потрясли базилику. Это был первый успех Постума, который не стоил ему ни асса³.

¹ Эсквилин — один из семи римских холмов, в эпоху ранней империи, к которой относится действие рассказа, — аристократический район Рима.

² Клепсидра — водяные часы в виде двух сообщающихся сосудов. Промежуток времени отмерялся заполнением сосуда водой после поворота клепсидры.

³ Асс — мелкая римская монета.

В ПЕЩЕРЕ СО ЛЬВОМ

Автор эпохи империи сообщает об удивительном случае, происшедшем в римском амфитеатре: беглый раб, брошенный на потеху жадной до зрелищ толпе в клетку со львом, не был растерзан хищником. Напротив, он, ласкаясь, начал облизывать человека. Потрясенные этим зрители потребовали освобождения и льва, и человека (Андрокла). Бродя по городу вместе с привязавшимся к нему львом, Андрокл охотно объяснял причину своего чудесного спасения. Она-то и положена в основу рассказа.

Во все стороны простиралась песчаная пустыня с поднятыми вверх, как бы

предупреждающими об опасности красноватыми пальцами скал. «Остановись! — как бы говорили эти скалы. — У тебя нет ни пищи, ни воды. Ты безоружен, ослабел от голода. Твои ступни стерлись и оставляют кровавые следы. Остановись, безумец!»

Но Андрокл шел и шел.

Уже несколько дней за ним никто не гнался. Его преследовали одни воспоминания. Лица мучителей чудовищно искажены в воспаленном мозгу. Да и люди ли они? Это фантастические звери со свиными рылами вместо лиц, с извивающимися змеями вместо рук. А может быть, это не змеи, а толстые черные плети, оставившие на боках и спине безжалостные рубцы.

В одно из мгновений, когда сознание Андрокла освободилось от кошмара, он увидел перед собою скалу с большим черным отверстием. Пещера. Она укроет его от дневного зноя, а ночью он двинется дальше. Он будет искать воду. Ведь должна же быть здесь вода!

Андрокл вполз в отверстие. Пахнуло затхлым, застоявшимся воздухом. И, прежде чем глаза привыкли к темноте, Андрокл почувствовал, что он не один. Что-то зашевелилось, раздалось ворчание и рев, еще более усиливаемый пещерой. Андрокл увидел льва. Лев колотил себя по бокам хвостом, готовясь к прыжку. Андрокл был слишком слаб, чтобы бежать и слишком напуган для этого. Он закрыл глаза, ожидая смерти. Но смерть медлила, словно желая prolongировать мучения. Лев зарычал еще раз, но в рычании Андрокл уловил не ярость, а боль. Приподняв веки, Андрокл увидел, что хищник катается по земле, как большая кошка. Поведение льва было странным, непонятным.

Внезапно лев поднес лапу к морде и с ворчанием начал ее грызть. Что-то белое торчало между когтями. Видимо, заноза. И она причиняла хищнику такую боль, что даже присутствие чело-

века не вызвало обычной ярости. Лев был совсем рядом. Андрокл ощущал его жаркое дыхание. Животное пытелo, скрежетало зубами. Заноза зашла глубоко. Зубы зверя не могли ее схватить.

Андрокл протянул руку. Хотел ли он помочь льву? Это было скорее инстинктивное, чем осознанное движение. Но пальцы нащупали острую кость, впившуюся в огромную лапу, и рванули ее.

Больше Андрокл ничего не помнил. Он впал в беспамятство. Сколько оно длилось. Час или день? Этого он тоже не знал. Но он хорошо запомнил момент пробуждения: огромная тень, засливнившая свет, упругие шаги и падение чего-то тяжелого. Зверь принес что-то в зубах и бросил на камни рядом с Андроклом. Скосив глаза, Андрокл увидел тушу, обрызганную свежей кровью. Запах мяса щекотал ноздри. Слюна заполнила иссохшую гортань, и по всему телу прошла судорога от нестерпимого голода. Андрокл наклонился и схватил добычу льва.

Положив морду на скрепленные лапы, лев смотрел, как насыщается человек. Зеленоватые зрачки неподвижны. Кажется, зверь удивлен, что человек ест так торопливо, жадно. Он разрывал зубами жесткое, неподатливое мясо и, давясь, глотал большие куски. Сытость наполняла его тело теплом. Но вместе с насыщением росла тревога. В неподвижном взгляде льва было что-то пугающее. Андрокл вспомнил греческую сказку о похождениях Одиссея. Мореходы попали в пещеру к великану-людоеду, и тот откармливал их, чтобы съесть. Кто знает, что на уме у этого зверя? Андрокл не допускал мысли, что бок антилопы — благодарность за услугу. «Это просто запас пищи. Сейчас зверь сыт, а когда проголодается, примется за меня», — думал Андрокл, прижимаясь спиной к стене пещеры. Теперь у него было достаточно сил, чтобы двигаться. Но ему стало казаться,

что малейшее движение, не говоря уже о бегстве, может вызвать ярость животного. Он слышал рассказы охотников, что звери не трогают людей, если они притворяются спящими. Андрокл старался не дышать и не смотреть на льва, но даже с полузакрытыми глазами ощущал на себе его пристальный, упорный взгляд.

Незаметно Андрокл задремал. Впервые за много дней это было не забытие, а сон. Ему снилось, что он бежит по лугу в родных горах. Его тело обнажено. Высокие травы хлещут по ногам, щекочат спину и живот. Враги гонятся за ним по пятам. Но для него это игра. Он молод, ловок, неутомим. Он у себя дома. Только надо напиться. Ручеек на другом склоне холма. Андрокл приближается к нему и слышит, как звенят стеклянные струи, прыгая с камня на камень. Еще несколько шагов, и он погрузит лицо в холодную, сверкающую на солнце, брызжущую влагу.

Но это был только сон. Жажда мучала и наяву. Оглянувшись, Андрокл облегченно вздохнул. Лев ушел. Как приятно не ощущать на себе настороженного, внимательного взгляда хищника! Теперь можно выйти и искать воду. Андрокл пошел на свет и увидел льва.

Зверь лежал в нескольких шагах от пещеры, обращенный к ней мордой.

Позднее, раздумывая над поведением льва, Андрокл склонялся к мысли, что зверь охранял его сон. Но в то время он иначе расценил присутствие хищника: лев сторожит свою добычу, как кошка у норы сторожит мышь. Он был несправедлив. Привыкший к человеческой жестокости, Андрокл судил людской меркой. Появление человека не вызвало у зверя ни тени раздражения. Лев не колотил себя хвостом по бокам, как в первые мгновения знакомства. Он только повернул голову и громко зевнул, обнажив огромную розовую пасть с двумя рядами острых желтых зубов.

Андрокл опустился на землю. Он решил, что будет наблюдать отсюда, а не из глубины пещеры. Наверное, звери, как и люди, не любят трусов. Лев снова положил голову на лапы, но вдруг встал и медленно побрел к видневшимся вдали красноватым скалам.

И словно какая-то сила толкнула Андрокла. Он поднялся и зашагал за львом. Они шли долго. Лев ни разу не оглянулся на человека, находившегося от него на расстоянии броска. Оно не увеличивалось и не уменьшалось. Казалось, лев считался с тем, что человек ослабел и ему трудно идти.

Слезы радости душили Андрокла. За все эти годы рабства он впервые был благодарен живому существу. И этим существом оказался не человек, а свирепый хищник. Римляне огораживают арены амфитеатров высокими железными решетками, бросают туда тех, кто преступил их волчьи законы, и выпускают львов или пантер. Звери терзают обреченных своими когтями и клыками на радость толпе. Их не кормили несколько дней, их дразнили железными палками, чтобы вызвать ярость. Римляне свирепее и кровожаднее львов. Они злее и подлее, коварнее и хитрее.

За красноватой скалой начался спуск в лошину. Лев и человек шли по высохшему руслу речушки. Видимо, в пору дождей оно наполнялось водой, но теперь от нее остались лишь мелкие продольные углубления, напоминавшие швелюру. Но что это? Деревья? Пальмы? Где деревья, там и вода! Вот он, источник — чудо жизни! Андрокл, наклонившись, пил, и перед глазами у него колебалось отражение львиной морды. Лев смотрел, как человек пьет. А человек не мог напиться, слезы текли у него по щекам, капали и смешивались с водой.

Если бы человек сделал бы для Андрокла подобное, то он, наверное, обнял бы его, прижал к груди, дал бы клятву всегда помнить о нем. Но Андрокл не

решился подойти к своему спасителю и положить ему на гриву ладонь. Это ведь дикий, вольный зверь. Человеческая ласка может его оскорбить. Да и может ли выразить движение руки или звук голоса всю глубину переполнявших Андрокла чувств?!

Внезапно лев встал. В косых лучах заходящего солнца он виделся не песчанно-желтым, как прежде, а огненно-красным. Было что-то грозное в его позе, в широко расставленных лапах, в гордо закинутой голове. Большие ноздри раздувались, грудь поднималась и опускалась, как кузнечные меха. Казалось, зверь учуял запах невидимого противника где-то в песках и скалах и бросил ему молчаливый вызов.

И вдруг тишину расколол какой-то протяжный звук. Он был похож на львиный рык, но было в нем что-то призывное, зовущее. Судороги прошли по телу льва. Он вытянулся, задышал еще более глубоко и часто, а потом, не оглядываясь, на мягких лапах пошел на зов. Андрокл понял, что зверь не вернется.

ГОСТЬ ИЗ РИМА

Классовая борьба бушевала в Риме, несмотря на все меры, принимаемые императорами. В правление Септимия Севера (193—211 гг.) разбойник Булла собрал на севере Италии отряд из 300 беглых рабов, который совершал налеты на богатых людей, императорских чиновников. В рассказе использован действительный эпизод из истории восстания.

Гелиос озирает землю полуденным яростным оком. Воздух густ и неподвижен. От стен и черепичных крыш пылает жаром, как от раскаленной печи. Лавочкиники опустили ставни. Одинокие прохожие стремятся поскорее миновать открытые места и укрыться в спасительной тени портиков. В этот час дня в городе не встретишь и собаки.

И вдруг щегольской экипаж, который здесь называют карпентум. Его тень бежит по мостовой, ломается на углах зданий. Два колеса, обитые железом, гремят по камням. Крытый верх из дорогой плотной материи, великолепная тройка коней той гнедой масти, которую выращивают в Каппадокии, рослый кучер в нарядном хитоне и широкополой шляпе со страусовым пером.

«Такого выезда нет ни у кого в окрестных виллах,— думал дуумвир¹ Теренний, провожая повозку встревоженным взглядом.— Конечно, это гость из Рима. Наверное, какой-нибудь сенатор. Решил захватить врасплох! Даже в курию² не заглянул. Эти римские сенаторы завели моду тащить за собой целую свиту из вольноотпущенников и иных прихлебал. Все они привязчивы, как осенние мухи, и прожорливы, как саранча. Вино им кислит! Масло горчит! В банях грязно! В прошлом году приезжали ревизовать пожарную команду. Кто-то донес, что среди пожарников завелись поджигатели. А этот без свиты пожаловал. Бойтся свидетелей? Или хочет, чтобы все досталось ему одному?»

Повозка повернула от форума к городской тюрьме. Теренний облегченно вздохнул. За тюрьму он спокоен. Эдил³ Сервилий безупречен, как денарий добрых старых времен. Не напивается до бесчувствия. Денег с заключенных не берет. Впрочем, что с них возьмешь! В тюрьме пятеро арестантов. Четверо из них — беглые рабы, пятый — молодчик из шайки Буллы. Удивительные теперь пошли разбойники! Золото и драгоценности в землю не зарывают, нищим отдают! Будто у них другой заботы нет, как одевать и кормить бездельников и лентяев. А раньше припратанным золотом от креста⁴ откупались. Тяжело стало служить. Доходов никаких. Одни волнения.

Теренний заторопился на кухню, чтобы дать распоряжение об обеде для

знатного гостя. Конечно, сенатор на обратном пути посетит дом дуумвира. Хорошо бы узнать, что делается при дворе. Кто теперь в чести, кто в опале? Не готовится ли новый эдикт о налогах? А завтра Теренний поведет сенатора в амфитеатр. Прибыли звери из Африки. Есть что показать.

Пока Теренний готовился к приему знатного гостя, в одной из комнат тюрьмы шла беседа. Приехавший сенатор сидел напротив эдила, положив на стол большие загорелые руки. Сервилий не мог отвести глаз от его перстней. У всех ювелиров города не найти такого камня, что красуется у приезжего на среднем пальце левой руки. Да и каждое из других колец стоит состояния. Эта кроваво-красная яшма, как огонек пламени. А рядом с нею — великолепный изумруд. «Наверное, этот сенатор — близкий друг самого императора», — думал Сервилий, с подобострастием лоя взгляд гостя.

Сенатору на вид было лет сорок. У него волевое лицо с крупным носом и крутым подбородком. На правой щеке выше губы — небольшой шрам. Сразу видно, что не родству, а боевым заслугам обязан этот человек своим положением в государстве. В его взгляде есть что-то говорящее об умении подчинять людей своей воле.

— Так ты говоришь, что у тебя пятеро? — спросил сенатор, играя кольцами. — А куда ты девал остальных?

— Трех беглых отдал господам. Вот расписки.

Сенатор взял свитки и углубился в чтение. На мгновение его квадратный лоб прорезала морщина. Брови сошлись.

— Расписки,— недовольно проворчал он.— А где подписи трех свидетелей? Знаешь, чем это пахнет? Раба согласится взять каждый и расписку выдаст. Ты и разбойника готов продать в эргастул, а там его ищи!

— Разбойник продан устроителю

Септимий Север и его семья. На деревянной доске изображены император Септимий Север и его супруга Юлия Домна. Перед супругами двое их малолетних сыновей. Император и старший сын в коронах с драгоценными камнями.

для них одеждах. Вместе с весталками Юлия Домна. Подчеркнутое внимание к вере предков в период распространения восточных религий имело цель упрочить императорскую власть в государстве, расшатываемом народными движениями.

Восстановление храма Весты. Монета с надписью «Мать Веста» воспроизводит восстановленный храм и его освящение жрицами Весты, пятью весталками, в характерных

Дорожная повозка I—II вв. Так выглядела повозка, которой воспользовался Булла, чтобы спасти одного из своих друзей.

игр, — осторожно возразил Сервий. — Завтра вечером его сожрут львы. А деньги, пять тысяч сестерциев, получила городская казна. Есть расписка и подписи трех свидетелей.

Лицо сенатора побагровело.

— Львы... Пять тысяч сестерциев, — с усилием проговорил он. В его взгляде были ярость и презрение. Сервий съехался, хотя еще не понимал, что могло вывести сенатора из себя.

— Вам лишь забота о своей городской казне. А знаешь ли ты, во что обходятся государству посылы в портах и на дорогах? Сам божественный Сеп-

тимий Север приказал выдать сто тысяч сестерциев на поимку разбойника. Нет ни одного уголка земли, куда не простиралась бы власть нашего императора, а в Италии, чуть ли не у стен вечного Рима, хозяйничает Булла. Он опустошает богатые виллы, нападает на императорскую почту. Мы сбились с ног, чтобы отыскать след, а вы затапываете его своими грубыми калигами ради каких-то пяти тысяч сестерциев! Узнали ли вы хотя бы приметы этого Буллы?

Сервий молча пододвинул сенатору пергаментный свиток.

Сенатор небрежно взял его, и, развернув, пробежал глазами.

— Узнаю руку Теренния! Видно, по ней скучает линейка школьного учителя. Да разве так составляют приметы? Подумаешь, шрам на правой щеке! У меня самого шрам. Оттопыренные уши! Посмотри на себя в зеркало. Это говорится о твоих ушах. Неужели разбойник больше ничего не сказал о своем главаре?

— Приметы нам известны и без него,— проговорил эдил.— Вот узнать бы, где он скрывается. Огонь и железо не помогли. Я свободу предлагал. И знаешь, что он ответил? «Если Булла узнает, что я его выдал, он найдет меня и на дне морского». На всякий случай я приказал усилить охрану тюрьмы. Кто знает этого Буллу. Вдруг он вздумает освободить своего сообщника!

Сенатор захохотал.

— Ты думаешь, Булле жизнь недорого! — сказал он, давась от смеха.— Будет он ею рисковать. А палачи у тебя шутники. Наверное, они умеют только щекотать. У нас в Риме твой разбойник заговорит. Я займусь этим сам! Веди меня к нему,— сказал сенатор после короткой паузы.— Хочу взглянуть на человека, который не боится ни огня, ни железа.

У входа в подземелье сенатор брезгливо поморщился. Видно было, что ему неприятны грязь и смрад тюрьмы и вообще вся эта миссия, возложенная на него императором, и только чувство долга заставляет его заниматься этим дурно пахнущим делом.

Сервилий шел впереди, за ним неторопливо шагал сенатор. Шествие замыкал тюремщик. Ключи звенели у него на поясе. Коридор казался бесконечным. Он освещался лишь оконцами, пробитыми под самым потолком.

Наконец, Сервилий остановился. Тюремщик вынул из связки большой ключ и просунул его в замочную скважину.

Дверь со скрипом открылась. Прошло несколько мгновений, пока глаза привыкли к темноте и можно было различить человеческую фигуру на куче соломы в углу камеры. Разбойник лежал неподвижно, не проявляя интереса к тому, что делалось у него за спиной.

— Почему он лежит? — заинтересовался сенатор.

— Такой уж это народ,— сказал Сервилий, как бы извиняясь.— Нет у него уважения ни к чину, ни к возрасту. Да приди сюда сам император, этот не поднимется! Кроме Буллы, никого не признает.

Сенатор с насмешкой взглянул на Сервилия.

— Говоришь, нет уважения, не признает. Сейчас проверим.

— Встать, собачий корм! — крикнул он.

Словно какая-то сила подняла разбойника на ноги. Он стоял, дрожа всем телом, и, как показалось Сервилию, с ужасом смотрел на сенатора.

— Вот видишь! — сенатор покровительственно похлопал Сервилия по плечу.— Не понадобилось и раскаленное железо. Эти молодцы чувствуют, что со мной шутки плохи.

— Этот заставит заговорить,— думал Сервилий, с уважением глядя на сенатора.— Вот его бы в наш город! Дороги снова бы стали проезжими. Прекратились бы грабежи. Рабы забыли бы о своих дерзостях.

— Собирай разбойника,— сказал сенатор эдилу, когда они остались в табличке.— Он мне понадобится в Риме.

— Нельзя. Он уже продан. И я за него отвечаю головой.

Сенатор усмехнулся.

— Видимо, ты ценишь свою глупую голову дороже, чем оценена голова Буллы. Но я бы не дал за твой черепок ни асса. Ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь и чье распоряжение я выполняю! Если тебе мало моего слова, я оставляю письменное распоряжение.

Сенатор пододвинул к себе свиток с приметами Буллы, развернул его и небрежно нацарапал на обратной стороне несколько слов.

— Передашь это Тереннию. Пять тысяч сестерциев за разбойника пусть вернет из своих денег. А теперь води своего разбойника. И поживей! Я пока напишу Тереннию пару слов.

Когда Теренний подошел к тюрьме, чтобы встретить гостя и проводить его в курию, еще не осела пыль от колес повозки. Из тюрьмы выбежал Сервилий и чуть не сбил Теренния с ног. Никогда еще дуумвир не видел Сервилия таким возбужденным.

— Вот! Прочти! — кричал он, протягивая Тереннию свиток.

Теренний развернул свиток с приметами Буллы.

— Не здесь! На обороте! — кричал Сервилий.

«Булла не оставляет своих в беде», — прочитал Теренний.

А ниже была приписка: «Твой Сервилий — старый осел».

¹ Дуумвир — высшее должностное лицо в городе.

² Курия — здесь: городской совет.

³ Эдил — выборное должностное лицо. В его обязанности входило обеспечение города продовольствием, надзор за полицией и тюрьмами.

⁴ Вид казни — распятие на кресте.

БАГАУДЫ

В рассказе освещено массовое движение колонов, вспыхнувшее в Галлии в 283—285 годах.

Дорога в Августодун¹ — сестра других римских дорог. Каменные плиты и милевые столбы², казалось бы, вросли в землю, став такой же частью ландшафта, как рощи с опавшими листьями, как ручьи, текущие к Родану³, и вежевспаханные пашни. Но здесь не увидишь римских сенаторов и мчащих-

ся быстрее ветра гонцов с донесениями императору. По сторонам от дороги нет гробниц, кричащих мрамором о могуществе полководцев и фантастическом богатстве императорских вольноотпущенников. Погребальные памятники из грубого известняка, как бы они ни зывали своими надписями: «Остановись, прохожий...», не вызывают желания узнать, кто под ними похоронен. Здесь все проще и беднее, потому что Августодун — провинциальный город. Его храмы Аполлона и Януса, самые крупные во всей Галлии, крупнейший во всей Галлии амфитеатр, — не чета римским. Разве лишь выходящие из мастерских Августодуна щиты и панцири не уступят римским: дешенные оружейники хранили секреты старинного кельтского⁴ ремесла.

Проехало несколько повозок с товарами из Лугудуна⁵. Проскользнула стайка школяров, возвращавшихся в город после каникул. И дорога на несколько часов опустела, чем воспользовался заяц. Он высунулся из-за придорожного куста и, насторожив уши, крутил головкой, как бы раздумывая, перебежать или нет. Но, услышав за спиной шум, одним прыжком перемахнул через дорогу и, петляя, помчался к лесу.

С проселочной дороги на римскую, так назывались здесь мощеные дороги, выкатился возок, запряженный парой тощих мулов. За ним другой, третий. И вскоре дорога заполнилась повозками, груженными доверху кулями и мешками.

Рядом с повозками шли люди в овчинах, браках⁶ из козьего меха. Один из них в шапке из оленьей шкуры, которую здесь называли кервезией, в потрепанном плаще, подпоясанном сыромятным ремнем, глядя вслед убегающему зайцу, вздохнул.

— Перебежал! Пути не будет.

— Его и так не будет, Аманд, — отозвался его сосед с огненно-рыжими уса-

ми на бритом лице.— Ты ведь не везешь Арборию вина и оливкового масла, которых он потребовал сверх ячменя, пшеницы и гороха?

— Не везу,— ответил тот, кого называли Амандом.— Но ведь и ты их не везешь, Силекс?

— Откуда мне их взять? — сказал Силекс.— А вот Алфен купил вино и масло, и поэтому ему заяц не помеха.

Не пройдя по дороге и левки⁷, колоны обогнали юношу лет двадцати с котомкой на плече, одетого по-римски. Поравнявшись с ним, Аманд воскликнул:

— Везущий⁸ тебе в помощь, Элиан!

— И тебе того же желаю,— ответил тот, кого называли Элианом.— Но откуда тебе известно мое имя?

— Я был в доме твоего отца, да будут к нему милостивы маны⁹. Очень ты на него похож. И одежда у тебя городская. А отец твой рассказывал, что сын у него в Риме мудрость постигает.

— Да. Меня зовут Элианом. А Рим мне пришлось покинуть, когда отец умер. Дорого там ученье обходится. Да и мать одну оставлять нельзя. Решил продолжить образование в Августодуне. Пойдем! Тебя не Амандом зовут?

— Амандом.

— Отец мне о тебе говорил. Он писал для тебя прошение императору.

— Не для меня,— поправил Аманд.— Для всей нашей деревни. Я из Каселук, в трех левках от твоего дома.

— Ну и как, получили ответ?

Аманд махнул рукой.

— Какое там! У Арбория всюду свои люди. К ним наша жалоба попала.

— Я говорил, писать не надо,— вставил большеголовый поселянин.— Мы люди маленькие. Не нам на господ жаловаться.

— Вот из-за таких, как ты, Алфен,— оборвал Аманд жестко,— мы все страдаем. Тебя хоть бей, а ты будешь бьющую руку лизать.

— Надо жаловаться! — возразил колон с торчащей седой бородашкой.— Только с умом. Надо было прошение самому императору доставить, а не через чужих людей пересылать.

— Какому императору? — поинтересовался школяр.

— Как какому? — удивился седобородый.— Нашему императору — защитнику колон.

— А теперь у нас два враждующих императора — Карин и Диоклетиан. Какому жаловаться пойдешь?

— Тому, кто поближе! — ответил седобородый, потирая ладонью затылок.

— Тогда к Карину иди! До Диоклетиана¹⁰ за год не дотопашь!

Колоны захохотали.

В разговорах время прошло незаметно. И вдали уже показался холм, городские стены и возмущающиеся над ними строения.

— Августодун,— протянул Аманд.

— Это римляне его так называли,— пояснил Элиан.— А его старинное название Бибракте. Был он городом нашего племени эдуев. О нем и Цезарь в своих «Записках»¹¹ пишет.

На бревенчатом мостике через ров колеса задребезжали, и первая из повозок остановилась у белокаменных ворот с высокой железной решеткой. Отворилась калитка, откуда выскочил страж с копьем наперевес, словно встречая врага.

— Стой! Что за люди? — завопил он.

— Мы к Арборию,— ответил Аманд за всех.

Страж пересчитал поселян и их повозки, проверил, не спрятано ли между мешками оружие, и лишь после того отворил ворота. Вместе с колонами прошел в город и Элиан.

По улице, застроенной невысокими домами, повозки покатали к центру города, где находилась городская усадьба Арбория. Она была огорожена забором из красного кирпича и выгля-

Каменная фигурка кельтского божества с озерельем на шее и вырезанным на груди изображением кабана. Согласно кельтским представлениям, кабан был связан с потусторонним миром: преследование кабана приводило охотника в загробный мир. В римское время кабана стали связывать с богом Меркурием, считавшимся проводником душ мертвых.

Римский легионер. Рядом с ним длинноволосый «варвар» с широким длинным мечом галльского типа.

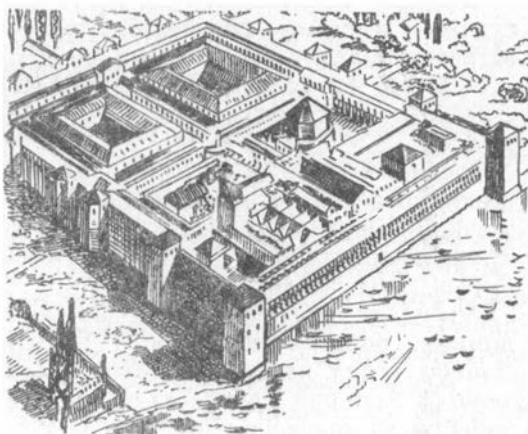
Колоны сдают подати управляющему поместьем. Они принесли рыбу, птицу, зерно, плоды.

Монета императора Диоклетиана (284—305 гг.). К нему обращались: «Ваше величество», «Ваша вечность», а был он сыном раба, простым солдатом, достигшим власти благодаря исключительной энергии.

Дворец Диоклетиана в Спалато (ныне Сплит в Югославии), куда он удалился после отказа от власти. Для того времени, наполненного восстаниями и вторжениями извне, это настоящая крепость.

Памятник христианства времени багаудов. В венке — греческие буквы, обозначающие имя основателя христианства. На перекладинах креста — два петуха с поднятыми крыльями, вестники пробуждения и воскрешения.

дела как настоящая крепость. Однако ворота были открыты, и повозки въехали в просторный, выложенный каменными плитами двор. По трем его сторонам тянулись амбары, закрома, помещения для рабов, а на четвертую выходили зады господского дома.

Сняв шапки, колоны стали у своих повозок, ожидая, когда выйдет управляющий. И хотя появление во дворе стольких повозок не могло остаться незамеченным, Арборий не торопился выйти, желая помучить уставших от дальней дороги людей.

Поселяне терпеливо стояли, переминаясь с ноги на ногу. Сам вид усадьбы с ее бесконечными хозяйственными постройками и трехэтажным господским домом людям, обитавшим в жалких хибарах, внушал уважение. Здесь все было прочным и незыблемым. За стенами дома текла другая жизнь, сытая и веселая. Даже рабам, прислуживавшим Арборию, жилось, должно быть, лучше, чем им, колонам.

Наконец открылась обитая медью дверь господского дома и оттуда вышел Арборий собственной персоной, худой, с глазами навыкате и выпирающим из шеи кадыком. Несколько молодых рабов в коротких туниках стали по обе стороны от господина.

Высшая школа времен римской империи, подобная школе в Августодуне, в которой соби-рался продолжить образование Элиан. Профессор на кресле между двумя учениками. Один из них раз-

вертывает свиток и читает какое-то произведение, чтобы его обсуждать с помощью учителя. Юноша с корзинкой принес плату за обучение в виде продуктов. Деньги тогда потеряли цену.

Колоны поклонились до земли. Многим из них еще не приходилось видеть господина, поскольку третину, так они называли арендную плату натурой, принимали помощники управляющего.

Не ответив на приветствие, Арборий дал знак рабам, и они помчались к воротам одного из амбаров. В мгновение ворота были открыты, и оттуда выкатили платформу весов и вытащили несколько огромных пифосов и кучу пустых мешков.

Засунув за край гиматия пальцы, Арборий важно вытащил папирусный свиток, развернул его и прочитал первое имя:

— Алфен!

Большеголовый подвел повозку к амбару и начал сгружать мешок за мешком прямо на весы. После того как овес и горох были взвешены и вес их записан на свитке против имени Алфена, рабы пододвинули два пифоса и Алфен вылил в них содержимое двух амфор.

После этого он отвел повозку в сторону и стал рядом с нею. Его место занял Аманд, вызванный по списку.

Подведя повозку к весам, Аманд сгрузил мешки на весы. Тогда-то стало видно, что он не привез амфор.

— А где твоё вино и масло? — строго спросил Беникет.

Аманд молчал, уставившись в землю.

— Что же ты молчишь, негодяй? — заорал управляющий.

— Виноград съели черви, а оливковые деревья морозом побило, — ответил, наконец, Аманд.

— Ты еще и дерзить! — крикнул Арборий и дал знак рабам.

Они завели мулов с повозкой в сарай. То же ожидало других колонов, не привезших вина и масла.

— Теперь можете убираться, — сказал Арборий. — Доставите вино и масло — получите мулов.

— Но на чем мы их доставим? — осмелился спросить Силекс.

— Сам впряжешься, скотина! — ответил Арборий с хохотом.

Колоны поплелись к воротам. Здесь их ожидал Элиан, все слышавший и видевший.

— Можно я с вами? — спросил он.

— Дороги у нас разные, — сказал Силекс. — Ты за мудростью пришел, и тебе дорогу заяц не перебежал. А мы с мулами пришли, без мулов уходим.

— Школа потерпит, — отозвался юноша. — Мой покойный отец любил говорить: «Первое дело — справедливость». А за справедливость бороться надо. Так я считаю.

— Что ж, пойдем вместе, — Аманд обнял Элиана. — Ты хоть и грамотный, но из колонов.

— Я обойду все деревни, — сказал Элиан. — Если все откажутся удовлетворять прихоти Арбория, это подействует вернее, чем приказ императора.

— А лучше всем прийти к стенам Августодуна. Со всеми-то Арборию не справиться, — сказал Аманд.

— Это верно! — согласился Силекс. — Ударим в колокол как при пожаре. Соберемся всем миром и решим.

* * *

Никогда еще под стенами Августодуна, имевшими в окружности почти две левки, не было столько людей. Они заняли дороги и лежавшие между ними пустоши и взяли город в осаду. Это были не германцы, не раз вторгавшиеся из-за Рейна, не сарматы, от набегов которых страдали соседние провинции, или какой-либо еще вражеский народ. Это были сыны кельтской земли, тяжелым трудом добывавшие ее плоды, люди мирные и пришедшие с миром. Правда, в руках у некоторых были вилы и косы. Но они ими никому не угрожали. Они ждали, когда на них обратят внимание и вступят с ними в переговоры.

Появление под стенами Августодуна массы колонов не на шутку испугало городские власти. В курию, что на фо-

руме, были приглашены все декурионы¹², и среди них — Арборий. Но он не явился, сказавшись больным.

Первым выступил центурион Орбий, заявивший, что он готов со своими жаворонками¹³ разогнать весь этот сброд. Но отцы города сочли такие действия преждевременными. Не встретил поддержки и предложение вооружить эргастерии. Оружие для мастеровых бы нашлось, только они были ненадежными людьми и могли присоединиться к колонам. Вот тогда-то и взял слово дуумвир Ветилий.

— Мы все знаем, — сказал он, — что привело колонов под стены города. Арборий отнял мулов и задерживает их, пока ему не внесут вино и масло, которого раньше он с них не брал. Мулов надо вернуть, и колоны мирно разойдутся.

— А если Арборий с этим не согласится? — послышался чей-то голос. — Ведь он с норовом!

— Это я возьму на себя! — решительно заявил Ветилий.

Утром следующего дня августодунцы, высыпав на стены, стали свидетелями необыкновенного происшествия. Открылись ворота и, выпустив мулов, тотчас же закрылись. Но мулы не поняли, чего от них хотят, и стали пастись у стен. И только после того, как удалось отогнать животных от стен камнями, они вышли на мостик через окружавший город ров и гуськом потянулись к людям, гревшимся у костров.

— Смотри, Аманд, наши длинноухие! — крикнул кто-то из поселян. — Арборий понял, что с нас лишнего не возьмешь, и отпустил мулов.

— Он думает, что мы глупее мулов, — отозвался Аманд. — Стоит разойтись, и с нами в одиночку расправятся как с бунтарями.

— Ты правильно говоришь, Аманд, — поддержал Элиан. — Пусть он подпишет новые условия аренды и обяжется их не нарушать.

Толпа криками поддержала это предложение.

Откуда-то появились папирус и чернила с каламосом. Принесли и гладкую доску. Положив ее на колени, Элиан стал писать. Поселяне, окружив его, давали советы.

— Ты напиши, что мы не рабы, а свободные люди и римские граждане,— подсказывал один.

— Пусть нас не обременяет незаконными поборами! — выкрикнул другой.

— Если император прикажет, пусть с нас берут виноград и оливы, а не вино и масло,— выкрикнул третий.

— Надо написать устав имения,— подсказал Аманд.

— Выставить этот устав на видном месте! — добавил Силекс.

Через час прошение было написано и еще через полчаса передано на длинной палке стражу в башне над воротами.

Три дня ждали поселяне ответа на свое прошение. Видно было, что Арборий не торопится с ответом. А ночи становились все холоднее, и стояние под городом делалось более неприятным. Некоторые сложили шалаши. Притащили из деревень мешки и набили их соломой.

— Не зимовать же нам здесь? — спрашивал Силекс и многие другие.— Им-то хорошо! Они в тепле.

— Подождем еще пару дней, там и решим,— отвечал Аманд.

— Это верно,— поддержал его Элиан.— Арборий, может быть, и не хочет отвечать. Но городские власти заставят его поторопиться. Ведь в город не войти, а из него не выйти.

Утром следующего дня на стенах началась какая-то возня.

Приглядевшись, колоны поняли, что устанавливают баллисты.

— Вот тебе и ответ Арбория! — воскликнул Аманд.

— Они хотят нас напугать! — сказал Элиан.— Думают, что мы разбежимся.

— Не захотят же они в нас стрелять,— заметил Силекс.

И в это время камень, пущенный со стены, угодил прямо в грудь Силекса.

Он упал как подкошенный. Элиан и Аманд бросились к нему. Аманд приложил ухо к его груди. Силекс был мертв.

— Друзья! — крикнул Аманд, вставая над неподвижным телом Силекса.— Нам объявили войну. Что делать?

— К Илексам! К Илексам! — раздались голоса.

И вот огромная толпа колонов, снявшись с места, двинулась к видневшимся на горизонте лесистым холмам. Труп Силекса несли на наскоро сделанных носилках.

* * *

Все источники, ручьи, реки, озера галлы считали священными. Илексы же, два бьющих из земли фонтанчика в соседних с Августодуном холмах, пользовались особым почитанием. До того как в землях эдучев появились римляне, под елями у Илексов стояла избушка седого, как лунь, друида¹⁴, хранителя знаний и старинной веры кельтов. Сюда шли за советом и помощью со всех сторон кельтской земли. Друид прогонял злых духов, излечивал болезни, разбирал споры. В трудных случаях он обращался к Илексам: записывал старинными письменами вопросы и бросал их «братьям» — так он называл фонтанчики. В зависимости от того, тонула или выплывала табличка и какой из братьев отвечал, принималось решение.

Давно уже нет в живых тех, кто лицезрел благочестивого друида. Развалилась его избушка. Но слава о святости этого места живет. И как древле, к братьям-фонтанчикам тянутся люди из Августодуна в тогах и паллах¹⁵ и сельчане в браках и овчинах. Только горожане называют их уже не братьями

и не Илексами, а нимфами Августа и приносят им жертвы по римским обычаям. Сельчане же обращаются к ним по-кельтски и тайком от городских властей спрашивают их советов, как это делал старый друид.

От Августодуна до Илексов часа три хода. И пока сельчане добрались к холмам, пока приготовили две деревянные дощечки и написали на одной из них «Война», а на другой «Мир», стемнело. Густые ели плохо пропускали свет. Зажгли факелы и огромной толпой окружили братьев. Переливались розовые струи. Блестели глаза. Из толпы вышло двое старцев. Кланяясь и шепча молитвы, они подступили к фонтанчикам и швырнули туда таблички.

Сельчане ожидали, затаив дыхание. Если табличку выкинет левый фонтанчик, они вернутся домой к своим семьям и к мирному труду. Если выкинет табличку из правого фонтана, они издадут военный клич и вооружатся. Если же на землю упадут обе таблички, гадание придется повторить.

Внезапно табличку выкинул правый фонтанчик, и лес огласился возгласами:

— Война! Илексы решили: быть войне! Мы не колонь! Мы багауды¹⁶.

Когда все стихло, слово взял один из старцев.

— По древним законам нам надо избрать рикса¹⁷. Давайте запишем на табличках имена тех, кому вы доверяете и хотите подчиняться в бою, а братья Илексы решат, кому быть риксом.

— Верно! — закричали багауды.

— Пусть решат!

Не менее часа прошло в обсуждении имен тех, кому багауды доверяли более всего. Таких оказалось шестеро. Первыми были названы Аманд и Элиан.

И снова таблички в кипящих фонтанчиках. И снова сотни глаз выражают нетерпение. Кто бросит военный клич по всей Галлии? Кто станет во главе войска! Кто поведет его на римских прихвостней?!

Илексы выкинули две таблички. Старцы подняли их и провозгласили имена:

— Аманд и Элиан.

Придется продолжить гадание...

Но тут слово взял другой старец: — Наши предки избирали одного рикса. Но теперь другое время. Пусть нами будут править два рикса.

Шум одобрения заглушил последние слова старца.

Едва он стих, как вперед выступил Аманд.

— Вы меня выдвинули в риксы, — сказал он, обращаясь к толпе, — а Илексы одобрили ваш выбор. Теперь же надо принести клятву, что мы будем верны нашему решению вести войну до тех пор, пока в наши селения и наши дома не вернется старинная свобода и мы будем владеть землей и плодами своего труда. В старину наши предки скрепляли клятву кровью человеческой жертвы. Первой жертвой нашей борьбы стал Силекс. Принесите сюда его тело.

Толпа расступилась, и двое юношей принесли носилки с телом Силекса и, поставив их рядом с фонтанчиками, удалились.

— Поклянемся же над телом Силекса, что мы будем биться до конца.

— Клянемся! — раздался хор голосов.

— Поклянемся, что во имя нашего дела забудем ссоры и раздоры и будем как братья.

— Клянемся!

— И пусть свидетели нашей клятвы Илексы и другие кельтские боги, которые слышат нашу клятву, покарают нас, если мы ее нарушим.

— Пусть покарают!

* * *

В первый день марта, испокон веков бывшего месяцем войны, по всем дорогам к Августодуну двигались отря-

ды багаудов. Пехотинцы были в своих сельских одеждах, но вооружены одинаково — копьями, мечами и боевыми топориками, излюбленным кельтским оружием. Над отрядами колыхались стяги с изображениями полулюдей-полуживотных с оленьими рогами, встающих над головой, в виде змеи с бычьей головой. Это старинные божества Таранис, Тевтат, Цернуи, Езус. И каждый из них, как верили поселяне, вел свой отряд. Первый из всадников держал стяг с изображением женщины с конской головой. Это была Эпона, богиня коней и пастухов, ставших кавалеристами.

Отцы Августодуна, поверившие, что одним лишь выстрелом баллисты они разогнали «сельской сброд», с ужасом смотрели со стен на подступившее к городу войско колонов, называвших себя багаудами. Конечно, стены городские крепки и взять их будет нелегко, но страшнее, чем приступ, была осада. В городе не было запасов продовольствия — вот уже несколько месяцев сельчане не доставляли на продажу ни мяса, ни молока. Правда, склады Арбория полны зерном, но это было императорское зерно, которое он должен сдать тому из полководцев, который возьмет верх в борьбе за императорский трон.

В кварталах ремесленников потуже стягивали пояса. Вместе с голодом распространялись слухи о багаудах и их угодных богам полководцах Аманде и Элиане. Откуда-то появились христианские проповедники, до этого прятавшиеся из страха перед преследованиями. Они распространяли слухи о близком конце мира и втором явлении Христа. Они видели в поганных¹⁸ багаудах бич божий, направленный против жадных богачей, которым не видеть царства небесного как своих ушей.

Соглядатаи слово в слово передали Ветилию содержание проповедей «врагов рода человеческого», как в Галлии

продолжали называть христиан. И он усмотрел в них призыв к нападению на амбары Арбория и всеобщему бунту. Сообразуясь с римскими законами, а не с обстановкой в городе, дуумвир приказал схватить трех христиан и после пыток распять их на крестах, установленных на форуме.

Распятие христиан, мужественно принявших пытки и смерть, оказало воздействие, обратное желаемому. Не только тайные христиане, которых в городе было немало, но и люди, безразличные к христианству, осуждали Ветилия и говорили, что не мешало бы распять тех, кто восстановил против римских законов сельских жителей и довел город до голода.

Вот в это время отряды багаудов и подошли к Августодуну и стали вокруг него лагерем. Несмотря на предпринятые меры, нескольким ремесленникам удалось перебежать к багаудам, и их вожди узнали об обстановке в городе. Аманд и Элиан поняли, что не следует, рискуя жизнями, взбираться на стены с помощью припасенных лестниц. Город сам упадет к их ногам как перезревшее яблоко.

Развязка наступила быстрее, чем они рассчитывали. Утром девятого дня с начала регулярной осады распахнулись Лугудунские ворота¹⁹ и оттуда выбежали люди с обнаженными мечами, знаками и криками показывая, что путь в город открыт.

— Гладиаторы! — крикнул Элиан.

Да, это были гладиаторы прославленной в Галлии Августодунской школы. Элиан, изучавший историю, как-то рассказал Аманду о событиях почти трехсотлетней давности, о мятеже гладиаторов Капуанской школы во главе со Спартаксом и что из этого вышло, о том, как несколько лет Рим терпел поражение в боях с гладиаторами.

Слушая Элиана, Аманд недоверчиво покачивал головой.

— Я думаю, что это басни,— ска-

зал он, когда Элиан закончил рассказ.— Я видел стены гладиаторской школы Августодуна. Наверное, в Капуе были такие же. Как через них переберешься! А если ему удалось это сделать, кто встанет на сторону гладиаторов? Ведь это ответные люди!

И вот случилось невозможное! Среди гладиаторов Августодуна отыскался свой Спартак, который вывел их на свободу. И ему не пришлось сколачивать армию. Армия стояла у стен, и гладиаторы влились в нее.

Один отряд за другим торжественно вступал в Августодун. Гудели пастушьи рожки. Били по камням конские копыта. Над головами воинов колыхались стяги. Таранис, Тевтат, Цернун, Езус, Эпона возвращались в свою древнюю цитадель Бибракте, и горожане, давно уже поклонявшиеся римским богам, со страхом взирали на изображения старинных покровителей кельтов.

Но страх был напрасен. Аманд и Элиан давно уже решили не мстить горожанам, не повинным в их бедах. Во всем, что случилось, виноват Арборий, он и должен дать ответ. Под ударами бревен вылетели ворота усадьбы, и багауды ворвались во внутренний двор. Вот амбары, куда Арборий приказал завести мулов. Вырваны замки. Вот их зерно, их масло, их вино, которые они выращивали на родной земле.

— Зовите народ! — крикнул Аманд.— Пусть бедные люди разбирают эти богатства.

Тем временем отряд Элиана ворвался в господский дом. Разъяренные багауды ломали и уничтожали все, что встречалось на пути. Безъязыкий раб-эфиоп потащил Элиана в подвал и показал ему отверстие начинающегося там подземного хода. Несколько человек прошли им за городские стены, но следов Арбория отыскать не удалось.

* * *

Арборий вместе с другими просителями стоял в левой части «золотого

зала», так называли зал для приемов во дворце Никомедии. Просители стояли слева, а высшие сановники империи и сиятельные министры — справа. Сосед Арбория нашептывал ему: «Как появится, сразу вались на землю и не вставай, пока не скажет: «Приветствую!»

— Тише вы! — раздраженно произнес человек в плаще, затканном золотом.— Забыли, где находитесь!

Арборий знал этого человека с надменным лицом. Его звали Валерианом, и он имел титул «сиятельный управитель государственных имуществ». Прибыв в Никомедию, он направился сразу к нему. Но увидел только, как Валериан садится в крытые носилки. Попасть к Валериану на прием оказалось невозможным, ибо после возвращения императора в Никомедию все министры находились во дворце.

Бродя вокруг дворца. Арборий познакомился с таким же просителем, как он сам. Тот ему объяснил, что раз в месяц «золотой зал» открывается для избранных просителей. «Избранными» были те, кто мог дать пару золотых начальнику стражи. Поэтому из сотен просителей, осаждавших дворец, на прием попало не более десяти.

Откуда-то появился дворецкий со своими помощниками и, звеня ключами, подошел к дверям. Раздался щелчок открываемого замка. И тотчас же все повалились на землю. Лежа на земле, Арборий одним глазом видел вступающие в дверь сапоги и край пурпурного одеяния. Сапоги проследовали в центр зала, где находился трон, и поднялись на возвышение. Послышался звук придавливаемого сиденья. И сразу после этого послышалось:

— Приветствую!

Арборий неуклюже поднялся, едва не свалив соседа. У него не было привычки кланяться. В Августодуне кланялись ему.

На троне сидел человек лет пятиде-

сяти, с грубыми и резкими чертами лица. Его короткие седые волосы покрывала расшитая жемчугом диадема, казалось бы, снятая с чужой головы и несколько смягчавшая его лицо, которому более подошла бы солдатская каска. Говорили, что Диокл, так его звали до получения высшей власти, родился в воинском лагере, был сыном солдата и лагерной торговли, долгие годы сам тянул солдатскую лямку, благодаря настойчивости и железной воле дослужился до начальника войск провинции Мезии²⁰, затем при императорах Каре и Нумериане стал начальником личной стражи и после смерти Нумериана, здесь в Никомедии, был провозглашен императором и получил имя Диоклетиан.

Не успел Диоклетиан обвести взглядом зал, как перед троном появился человек в белом, судя по одежде, жрец, и, развернув свиток, стал читать:

— Великий и божественный господин наш Диоклетиан, единосущный сын Юпитера — Солнца. Ты сам наше светлое и всеблагое Солнце, обнимающее божественными своими очами всю державу и принесшее на землю золотой век. Скорее высохнет Евфрат и Данауний повернет вспять свои воды, чем ты перестанешь побеждать. Для твоего имени нет пределов. Твоим победам нет счета и числа.

Слушая это славословие, Арборий недоумевал. О каких победах говорит жрец? Ведь Диоклетиан еще никого не победил, а в битве с Карином потерпел поражение и только потому, что Карина убили его солдаты, стал самодержцем. «Наверное, так положено обращаться ко всем императорам, как побеждавшим, так еще не бравшимся за оружие?» — подумал он.

— Слава тебе во веки веков, всемогущий, августейший, всемилостивейший! — закончил жрец.

Император милостиво кивнул жрецу и обратил взгляд к просителям.

В это мгновение Арборий вышел вперед и упал на землю:

— Встань, любезный, — проговорил император. — Скажи, кто твой обидчик. Чего ты хочешь?

— Для себя я ничего не хочу, — ответил Арборий, вставая. — Я прошу помощи, божественный, для подавления бунта, угрожающего твоим верным слугам и тебе самому.

— Бунта! — голос императора прозвучал резко и угрожающе. — Кто же поднял бунт?

— Я из Августодуна, в области которого управляю твоими землями. Колоны, поднятые смутьянами, отказались платить подати и огромной массой окружили Августодун, а затем ворвались в него. Мне удалось скрыться через подземный ход. По пути сюда я видел Галлию, захваченную бродягами, которые называют себя багаудами. По дорогам не пройти и не проехать.

— Максимиан! — крикнул император.

Из группы придворных вышел военный с квадратным лицом и упал в ноги императору.

— Максимиан! — повторил император. — Готовь войско к походу. Перед отправлением зайди ко мне.

* * *

Римские легионы, которые называли «железными» за чешуйчатые кольчуги на воинах, первыми вступили в землю эдуев. За ними двигались несметные отряды диких горцев Северного Кавказа, известных под именем «аланов», и обитателей придунайских лесов — гетов. Максимиан был впереди всего воинства, показывая пример нечеловеческой выносливости.

О причинах особого рвения Максимиана пока еще не знал в римской империи ни один человек, кроме самого императора. Когда Максимиан явился доложить, что войско к походу готово, Диоклетиан совершенно неожиданно

заговорил о трудностях управления огромной империей и о том, что события, происшедшие в Галлии, объясняются тем, что империи мало одной головы и двух твердых рук, и такая же трезвая голова и твердые руки нужны на западе империи, и если Максимиан справится с галльским мятежом, то его ожидает титул Цезаря и императорский дворец в Италии.

Поэтому Максимиан приказал солдатам никого не щадить. И они, повинувшись приказу, убивали стариков, женщин и детей, поджигали дома и сараи. Там, где шли легионы, стоял плач, стон, крики умирающих, рев животных. Воины шли в кровавом мареве, и сквозь него Максимиан все явственнее различал пурпур императорской мантии.

За Августодуном дело дошло до схватки с армией багаудов. Повстанцы сражались как львы, подчас отражая атаки римлян. Но их было меньше легиона против трех легионов Максимиана, и исход битвы был предрешен.

Отряд Аманды, в который вошли две когорты гладиаторов Августодуна, стоял перед натиском железных кольчуг. Шагая по трупам римлян, Аманды и его воины двигались навстречу Максимиану. Но сзади с гиком налетела аланская конница, и храбрецы были смяты.

Элиан и еще несколько человек с боем пробившись в горы. Оглянувшись в ту сторону, где лежала его поверженная родина, юноша прошептал одними губами:

«Мы еще вернемся!»

³ Родан — одна из главных рек Галлии, ныне Рона.

⁴ Кельты — самоназвание народа, называемого римлянами галлами. Кельты жили не только на территории современной Франции, но и занимали Британские острова.

⁵ Лугудун — ныне Лион.

⁶ Браки — одежда галлов, отличающаяся их от римлян, — штаны, брюки. Римляне отличали Галлию, лежащую за Альпами, от Северной Италии, также населенной галлами, словами, которые можно перевести «брактация Галлия», т. е. «Галлия, одетая в штаны».

⁷ Левка — галльская миля, около 2,5 км.

⁸ Везуций — дословно «сведущий». Так в Галлии называли Меркурия, римского бога дорог.

⁹ Галлы, как и римляне, поклонялись душам мертвых — «манам».

¹⁰ Столицей Диоклетиана был город Никомедия в северо-западной части Малой Азии.

¹¹ Г. Юлий Цезарь написал «Записки о галльской войне», которые он вел десять лет. В этом труде также летится описание Галлии и населявших ее народов.

¹² Декурiones — члены городского совета.

¹³ Жаворонки — название римского легиона, сформированного еще Юлием Цезарем из кельтов. Воины этого легиона носили на шлемах султан из перьев, напоминавший хохол жаворонков, отсюда галльское слово «алауда» — в переводе «жаворонок».

¹⁴ Друиды — кельтские жрецы. Ко времени действия рассказа их в Галлии не было.

¹⁵ Палла — римская женская одежда.

¹⁶ Багауды — кельтское слово, означающее «борцы». Так называли восставших коловнов в III веке и позднее.

¹⁷ Рикс — царь, предводитель.

¹⁸ Русское слово «поганый» произошло от латинского «паганус» — сельский, языческий. Сельские жители были наиболее рьяными врагами христиан.

¹⁹ Лугудунские ворота — ворота Августодуна, открывающиеся на дорогу в Лугудун.

²⁰ Мезия — придунайская провинция Рима на территории современной Болгарии.

¹ Августодун — главный город галльского племени эдуев в провинции Лугудунская Галлия, ныне Отен.

² Милевые столбы, врывающиеся вдоль обочины римских мощеных дорог, обозначали каждую милю от центра города. Они обнаружены в ходе раскопок римской дороги близ Отена (Августодуна).

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к путешествию	3	Верность	121
ДРЕВНИЙ ВОСТОК		Чистое пламя	129
Синухет, сын страха	6	Госпожа Библиотека	132
Путешествие в страну Благовоний	10	ДРЕВНИЙ РИМ	
Битва при Кадеше	16	Тарквинии в Риме	138
Гильгамеш и Энкиду	21	Огнем и железом	144
Закон	31	Шлем консула	147
Царская краска	36	Последняя победа Ганнибала	150
Караван	38	Последний триумф Сципиона	152
Курташи	46	Горечь триумфа	154
Отданный в залог	52	На вилле Катона	159
Легенда о Будде	55	В Карфагене	162
Ученик врача	60	Полибий в Коринфе	165
Царь Просо	63	Эзопов язык	167
Гунь и Юй — победители потопа	64	Уголек	170
Стрелок И	65	Вороний пир	173
Император	67	Юный Цезарь	177
Желтое небо	71	Записки Брута	181
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ		Мое имя	187
Владыка знаков	74	Овидий	189
Сын базилика	77	Рыбак и цезарь	191
Лисица	86	Фортуна	197
Илоты	89	Гладиаторы	202
Солон	92	Тацит	212
Гидна	94	Корабль доносчиков	215
Беглец	103	Дело о трех козах	219
Камень присяги	113	В пещере со львом	222
Семеро против Фив	116	Гость из Рима	224
		Багауды	228

Немировский Александр Иосифович

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Зав. редакцией **А. И. Самсонов**

Редакторы **И. И. Кулишова, Е. В. Афонина**

Младший редактор **Н. А. Степанова**

Художник **Ю. В. Мазуров**

Художественный редактор **Ю. В. Булдаков**

Технический редактор **Г. В. Субочева**

Корректор **М. Ю. Сергеева**

ИБ 12787

Сдано в набор 23.02.90. Подписано к печати 05.12.90. Формат 70 × 90¹/₁₆.
Бум. офсетная № 2. Гарнит. литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
17,55 + форз. 0,29. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 20,65 + форз. 0,48.
Тираж 300 000 экз. Заказ 2279. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Печать с диапозитивов Саратовского ордена Трудового Красного Знамени полиграфического комбината Министерства печати и массовой информации РСФСР. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.